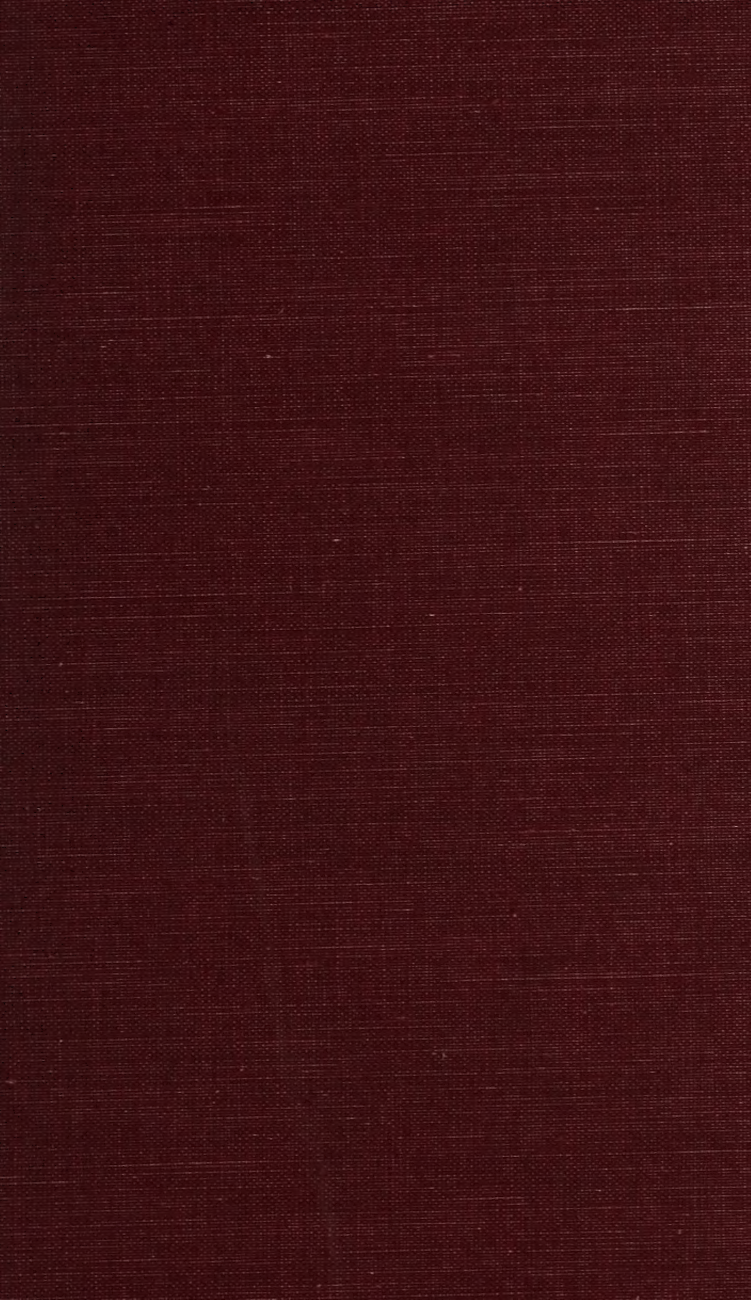

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2022 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/zhartsviet01amfi

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ

ЖАРЪ-ЦВѢТЪ

РУССКОЕ
УНИВЕРСАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
БЕРЛИНЪ

Amfiteatrov

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ

Жаръ-цвѣтъ

ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ
ВЪ 2 ЧАСТЯХЪ

Русское Универсальное Издательство
БЕРЛИНЪ
1922

Часть первая.

КИММЕРІЙСКАЯ БОЛѢЗНЬ.

I.

Несмотря на жаркое утро, на Эспланадѣ островного города Корфу было людно: съ почтовыми пароходами пришли новыя газеты съ обоихъ береговъ — изъ Италіи и изъ Греціи, и корфіоты поспѣшили въ кафе: узнавать на полударовщинку, что случилось за три прошедшіе дня по ту сторону лазурнаго моря, отрѣзавшаго отъ остального міра ихъ красивый островокъ.

Въ Café d'Esplanade, подъ портиками, затѣненными парусиннымъ навѣсомъ, сидѣли за разными столиками, но оба съ газетами въ рукахъ и оба пили пресловутую мѣстную „зензибирру“ (имбирное пиво)— два господина, незнакомые между собою. Оба были иностранцы. Обоихъ проходящіе корфіоты осматривали съ немалымъ любопытствомъ. Въ особенности привлекалъ вниманіе младшій изъ двухъ — огромный, широкоплечій блондинъ, съ пышными волнами волосъ, зачесанныхъ назадъ, безъ пробора, надъ красивымъ открытымъ лицомъ, съ котораго нѣсколько застѣнчиво смотрѣли добрые, изсѣра-голубые глаза. Несмотря на длинную золотистую бороду англійской стрижки, молодца этого даже по первому взгляду нельзя было принять ни за англичанина, ни за нѣмца; сразу бросался въ глаза мягкій и расплывчатый славянскій типъ. И дѣйствительно, гигантъ былъ рус-

скій, изъ Москвы, по имени, отчеству и фамиліи — Алексѣй Леонидовичъ Дебрянскій. Другой иностранецъ, темнорусый, почти брюнетъ, въ однихъ усахъ, безъ бороды, былъ пониже ростомъ и жиже сложеніемъ, зато бралъ верхъ смѣлою свободою и изяществомъ осанки, чего москвичу недоставало. Загорѣлое, значительно помятое жизнью и уже не очень молодое лицо — скорѣе эффектное, чѣмъ красивое — оживлялось быстрыми карими глазами, умными и проницательными на рѣдкость; видно было, что обладатель ихъ — тертый калачъ, бывалый и на возу, и подъ возомъ, и мало чѣмъ на бѣломъ свѣтѣ можно его смутить и удивить, а испугать — лучше и не берись.

Дебрянскій вычитывалъ „Figaro". Другой иностранецъ, изрѣдка вскидывая на него глазами, пробѣгалъ „Le Temps"...

— Простите... кажется, мы соотечественники? — обратился онъ къ Дебрянскому по-русски, когда тотъ оставилъ газету, и самъ тоже отложилъ въ сторону свой журналъ.

— Да, я русскій... — сказалъ Алексѣй Леонидовичъ, застигнутый врасплохъ русскою рѣчью, которой онъ не слыхалъ уже около мѣсяца. — Но почему же вы догадались?

— А вы съ такимъ вниманіемъ вчитывались въ корреспонденцію изъ Россіи...

Дебрянскій прикинулъ на глазомѣръ разстояніе до незнакомца:

— Однако, у васъ замѣчательное зрѣніе.

— Да, недурное... А потомъ вы сняли шляпу, чего европеецъ въ кафе не сдѣлаетъ. А въ шляпѣ я прочелъ: „Лемерсье" — слѣдовательно, вы изъ Москвы. Да и во всей вашей фигурѣ есть что-то

московское, и путешествуете вы, надо полагать, недавно... Вѣроятно, вы здѣсь въ научной командировкѣ?

Дебрянскій засмѣялся:

— Вы очень наблюдательны, однако ошиблись: я не ученый...

— Гмъ, кто же вы въ такомъ случаѣ? На газетнаго корреспондента не похожи, да и зачѣмъ русскому корреспонденту сидѣть къ Корфу... по крайней мѣрѣ, уже недѣли двѣ, судя по фамильярности, съ которой здѣсь въ кафе вамъ служатъ? Больнымъ вы не смотрите. Въ легкихъ у васъ, надо полагать, все благополучно: быка сломаете; слѣдовательно, климатическая станція Корфу вамъ не нужна. Если вы коммивояжеръ, зачѣмъ же вы не носите зеленаго галстуха, красножелтыхъ перчатокъ, булавки съ брилльянтомъ въ ноготь величиною и трости съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, выточенной въ Амура и Психею, Венеру и Марса или просто въ голую женщину? Остается предположить, что вы — такъ себѣ — скитающійся богатый форестьеръ... principe russo, какъ говорятъ въ Неаполѣ... Но такимъ и мѣсто въ Неаполѣ, въ Римѣ, въ Венеціи, на Ривьерѣ: эта публика путешествуетъ по Бедекеру. А на Корфу... что тутъ дѣлать principe russo? Ни достопримѣчательностей, ни гидовъ, ни нищихъ... одна природа...

— Зато она то ужъ какъ хороша! — замѣтилъ Дебрянскій; небрежная и веселая рѣчь незнакомца начинала его интересовать.

— Хороша-съ... Но вы вѣдь не художникъ?

— Нѣтъ.

— Я и не сомнѣвался: у художниковъ взглядъ иной... вы не умѣете сразу осмотрѣть человѣка...

Это только тремъ профессіямъ дано: художникамъ, портнымъ и гробовщикамъ... пожалуй, прибавлю сюда еще англійскихъ спортсменовъ-боксеровъ, гребцовъ... впрочемъ я ихъ тоже включаю въ разрядъ художниковъ. А изъ художниковъ... знаете ли: о насъ, русскихъ, пущена по свѣту молва, будто мы какъ-то особенно любимъ и необыкновенно тонко понимаемъ природу, — только это неправда. Я никогда не видалъ, чтобы русскій туристъ самостоятельно искалъ природу: онъ довольствуется тою, которою, по казенному расписанію, угощаютъ его путеводители. А кто не ищетъ, тотъ не любитъ. Помилуйте! хороша наша любовь къ природѣ, когда у насъ никакъ не могутъ привиться общества путешественниковъ, альпинистовъ, паруснаго, гребного, лыжнаго спорта... Только картами и живутъ. Нѣтъ картъ — и клубъ умираетъ. И описываютъ у насъ природу скверно... вычурно, облизанно... сразу видно, что дорожатъ не тѣмъ, что описываютъ, а сами собою въ природѣ: вотъ, молъ, какой я наблюдательный, какъ глубоко и тонко я проникаю, и какой у меня блестящій слогъ... И врутъ много: у Алексѣя Толстого зелень рощъ сквозила, а труба пастушья поутру еще не пѣла, трава едва всходила, а папортникъ уже въ завиткахъ... Выдуманныя, кабинетныя описанія... Куперъ когда-то природу хорошо описывалъ, ну, и у насъ съ тѣхъ поръ народились и не переводятся Куперы... Русская природа оригинальна, а когда и кто ее оригинально выразилъ? Остатки сантиментализма, обломки отъ Руссо. Подражатели все... Пушкинъ умѣлъ, — такъ это когда было! да и коротокъ онъ, скупъ словами былъ, Пушкинъ. Я изъ русскихъ описателей природы одного Сергѣя Аксакова люблю. Такъ, вѣдь,

опять-таки дьявольски — давняя штука его природа. Теперь уже лѣтъ пятьдесятъ нѣтъ такой и въ поминѣ. А послѣ — все больше хорошій слогъ. Я и Тургенева не исключаю. Вы вотъ изволили сдѣлать протестующій жестъ — вѣдь вы про Тургенева хотѣли мнѣ напомнить, не правда ли?

— Да.

— Человѣкъ никогда не любитъ и не изображаетъ хорошо того, чего у него много. Самый русскій писатель, Достоевскій, мимо русской природы, будто мимо пустого мѣста, прошелъ. Природой мы сыты по горло, — ergo, до нея не жадны. А насчетъ культуры у насъ слабо, — мы къ ней и присасываемся за границей. Парижъ, Лондонъ, Вѣна — это такъ, тамъ русскіе муравейникомъ кишатъ. Но встрѣтить русскаго въ горахъ, на пустынномъ берегу, въ трущобѣ — чудо. Англичанинъ сперва излазитъ собственными ногами всю Швейцарію, всѣ Апеннины, — а потомъ уже попадетъ въ Монтекарло А россіянинъ — чуть перевалилъ за рубежъ — у него уже и застучало въ виски: Монтекарло, Монтекарло, Монтекарло...

— Ну, какая же культура въ Монтекарло?

— Да та самая, единственно къ которой россіянинъ питаетъ довѣріе и благоговѣніе: квинтъ-эссенція буржуазной религіи — золото, кровь и дѣвки... Читали, можетъ быть, былъ такой старинный романъ Арсена Гуссе? „Полны руки золота, розъ и крови“... Вотъ вамъ Монтекарло. Пускай — земной рай, да ангелы то тамъ съ рожками и хвостиками... Одни англичане умѣютъ тамъ хоть сколько-нибудь прилично себя держать и характеръ сохранять, не слишкомъ легко рядятся въ дураки. На остальныхъ жаль смотрѣть.

— Вы, кажется, очень любите англичанъ?

— Люблю: солидная нація, единственная разумная: есть умнѣе, но разумнѣе — ни одной; англичанинъ — настоящій homo sapiens, понявшій свое зоологическое значеніе на землѣ... Однако — кстати объ англичанахъ: мы съ вами ведемъ себя какъ настоящіе русскіе. И о природѣ поговорили, и Тургенева успѣли обругать, и нѣкоторыя избранныя черты національнаго характера въ два слова обсудили, а — кто мы такіе, оба другъ про друга не знаемъ. Позвольте кончить тѣмъ, чѣмъ англичанинъ началъ бы, то есть — представиться. Графъ Валерій Гичовскій...

Дебрянскій назвалъ себя и съ большимъ любопытствомъ уставилъ на графа большіе глаза свои. Оказывалось, что эффектная наружность интереснаго господина не обманывала ожиданій, которыя невольно подавала, но вполнѣ соотвѣтствовала громкой и странной репутаціи, широко окружавшей его имя. Такъ вотъ каковъ былъ онъ — графъ Валерій Гичовскій, знаменитый путешественникъ и свѣтскій человѣкъ, искатель приключеній, полу-ученый, полумистикъ, для однихъ — мудрецъ, для другихъ — опасный фантазеръ, сомнительный авантюристъ-бродяга?!

Дебрянскій, — хотя и не крупный, но все-таки, московскій финансистъ и дѣлецъ банковый, — помнилъ имя Гичовскаго не только по молвѣ и газетамъ. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, братья Гичовскіе выиграли у казны процессъ о милліонномъ наслѣдствѣ, по боковой линіи, чуть еще не отъ Понятовскихъ, — процессъ, тянувшійся черезъ нѣсколько поколѣній. Одного изъ Гичовскихъ — Викентія — Дебрянскій даже лично зналъ немножко, по Москвѣ: онъ стоялъ во главѣ нѣсколькихъ промышленныхъ

предпріятій, затѣянныхъ на широкую ногу, при участіи, преимущественно, иностранныхъ капиталовъ; слылъ большимъ дѣльцомъ и крупнымъ биржевымъ игрокомъ — холоднымъ, выдержаннымъ, съ твердымъ расчетомъ на небольшую, но вѣрную прибыль, съ капиталомъ, который прибывалъ, какъ вешняя вода, и обѣщалъ выросги въ большіе милліоны. О графѣ Валеріи — томъ, который сейчасъ сидѣлъ съ Дебрянскимъ, — держалась твердая молва, что онъ свою долю наслѣдства давно уже спустилъ во всевозможныхъ фантастическихъ предпріятіяхъ и авантюрахъ, и теперь голъ какъ соколъ, живетъ на средства неопредѣленныя и въ способахъ добыванія ихъ не весьма разборчивъ.

— А вы, графъ, — вѣдь это вы, если не ошибаюсь, нѣсколько лѣтъ тому назадъ предпринимали путешествіе въ Суданъ?..

— Да. Я не знаю, чего ради такъ шумно огласили это путешествіе. Оно было ничуть не замѣчательно. Я сдѣлалъ такихъ десятки. Нѣтъ страны, доступной европейцу, гдѣ бы не побывала моя нога. Земля ужасно мала. Пора выдумать какія-нибудь дополненія къ ней, — иначе очень скоро людямъ станетъ тѣсно и мрачно, какъ въ тюрьмѣ. Гамлетъ правъ! Весь міръ тюрьма, и родина — самое скучное въ ней отдѣленіе.

Дебрянскій засмѣялся:

— Дополненіе къ землѣ?.. Однако!

Гичовскій устремилъ прямо въ лицо ему пристальный взглядъ проницательныхъ коричневыхъ глазъ:

— Почему нѣтъ? Дѣлаютъ же пристройки къ тѣснымъ домамъ, и у растущихъ городовъ развиваются предмѣстья и пригороды.

— А вы — что же? предпланетье, что ли, желаете учредить?

— Назвать успѣемъ, лишь бы было, что назвать... Мѣста въ небѣ много... вонъ какой просторъ...

— Ага, вы говорите о воздухоплаваніи!

— Да, человѣку пора имѣть крылья.

— Можетъ быть, и сами занимаетесь этимъ вопросомъ?

— Занимаюсь, да. Но не дѣлайте безпокойныхъ глазъ. Воздухоплавательной машины я не изобрѣтаю. Слѣдовательно, не полѣзу тотчасъ въ свой карманъ за планами и чертежами, а потомъ въ вашъ за пособіемъ.

— Помилуйте, графъ, я и не думалъ... — сконфузился Дебрянскій, потому что у него дѣйствительно мелькнула было мысль въ этомъ родѣ. Гичовскій засмѣялся:

— Не думали — тѣмъ лучше... Я, батюшка, самъ стрѣлянный воробей, — сказалъ онъ серьезно. — Сколько денегъ я передавалъ на аэропланы, дирижабли и баллоны съ рулемъ разнымъ господамъ, заявлявшимъ свою кандидатуру въ птицы небесныя, это и сосчитать страшно. Теперь — баста. Впрочемъ, нечего больше и давать... Вы — москвичъ. Значитъ, отъ васъ излишне скрывать, что денежно я — человѣкъ конченный...

— Я не совсѣмъ понимаю вашъ скептицизмъ къ современнымъ изобрѣтеніямъ воздухоплаванія, — сказалъ Дебрянскій, заминая невеселое признаніе графа. Кажется, оно дѣлаетъ такіе быстрые успѣхи...

— О, да. Только условны они ужасно, успѣхи эти. Законовъ нѣтъ. Голая эмпирика. Все случай и забѣганіе впередъ. И аэропланы, и баллоны, покор-

ные рулю, и лодки-птицы — все это будетъ современемъ играть роль въ воздухоплаваніи... вотъ какъ теперь въ морскомъ дѣлѣ играютъ роль разныя системы пароходовъ. Но — чтобы поплыть по водѣ въ снарядѣ, надо было человѣку убѣдиться, что онъ самъ можетъ держаться на водѣ тѣломъ. Я увѣренъ, что отъ появленія человѣка на землѣ до построенія первой байдары прошло гораздо больше вѣковъ, чѣмъ отъ спуска этой байдары — до нашихъ мониторовъ. Даже церковная хронологія — и та считаетъ отъ начала человѣчества до постройки перваго корабля двѣ съ половиною тысячи лѣтъ. Во всѣхъ миѳологіяхъ первое построеніе, то есть открытіе корабля связано съ потопами, великими наводненіями. Слѣдовательно, чтобы человѣкъ выучился плавать, не онъ въ воду пошелъ, а вода за нимъ пришла. Но мы избаловались успѣхами культуры — и съ воздухоплаваніемъ слишкомъ нервничаемъ и спѣшимъ. Мы очень самоувѣренны. Наша наука такъ огромна и сильна, что это понятно и извинительно. Однако, она не всемогуща — уже потому, что она, такъ сказать, ретроспективна. Для того, чтобы летѣть, мы плохо знаемъ и самихъ себя, и среду, которая манитъ насъ въ нее подняться. Воздухъ не идетъ за нами, какъ когда-то пришла вода. Физическіе законы до сихъ поръ устанавливались съ преобладающимъ расчетомъ на примѣненіе ихъ къ землѣ и, естественно, къ землѣ насъ и тянутъ, а не въ высь воздушную. Все еще ньютоново яблоко жуемъ. А оно не вверхъ, а внизъ упало. Внизъ и тянетъ. А теперь падать-то надо уже не внизъ, а вверхъ.

— Видите ли, — продолжалъ онъ, помолчавъ, — законъ можно установить только анализомъ прояв-

ляющихъ его фактовъ. Это — азбучное правило, которое, однако, часто забывается. Въ наукѣ еще много бюрократизма, — все норовятъ факты подгонять подъ апріорные законы, благо ихъ много, а фактовъ мало... Знаете, какъ Круксъ, когда совсѣмъ ошалѣлъ отъ спиритическихъ фокусовъ, въ которыхъ погубилъ онъ свой научный талантъ и огромную европейскую репутацію. Ему говорятъ: — Доказанныхъ фактовъ нѣтъ. А онъ твердитъ: — Тѣмъ хуже для фактовъ. Да, законовъ много, а фактовъ мало.

— Мало? — изумился Дебрянскій.

— Разумѣется, мало. Возьмите тотъ же воздухоплавательный вопросъ. Его рѣшаютъ совершенно апріорною логикою: человѣку хочется полетѣть; такъ какъ птицы, летучія мыши и насѣкомыя летаютъ при помощи крыльевъ, а у человѣка крыльевъ нѣтъ, то надо выдумать для него снарядъ, замѣняющій крылья... Или: человѣку хочется полетѣть; такъ какъ держаться на воздухѣ могутъ только тѣла, которыя легче воздуха, то надо привязать человѣка къ подобному легковѣсному тѣлу столь большого объема, чтобы въ его громадѣ потерялась тяжесть малообъемнаго человѣческаго тѣла. Все это и вѣрно, и невѣрно. Вѣрно потому, что и снарядъ такой возможенъ, и воздушные шары летаютъ, то есть держатся въ небесахъ съ грѣхомъ пополамъ, уже сто слишкомъ лѣтъ. А невѣрно потому, что полетъ снаряда или воздушнаго шара есть только полетъ снаряда или воздушнаго шара, но совсѣмъ не полетъ человѣка. Если человѣку суждено полетѣть, — а это ему суждено неизбѣжно, — онъ полетитъ самъ, безъ всякаго снаряда. Самъ полетитъ, какъ самъ плаваетъ.

— Вотъ тебѣ разъ! Какъ же это?... — расхохотался Дебрянскій.

Графъ задумчиво смотрѣлъ вдаль.

— Я представлю вамъ доисторическую картину. Дикарь видитъ въ первый разъ большую рѣку. Раньше онъ видалъ только лѣсные ручьи, которые легко переходилъ, не замочивъ ногъ выше колѣна. Онъ видитъ: предъ нимъ вода, — но не можетъ дать себѣ отчета ни въ ея силѣ, ни въ глубинѣ. Предполагая, что это ручей, только болѣе широкій, онъ входитъ въ воду. Она покрываетъ постепенно его колѣна, бедра, грудь, шею, подбородокъ... Если погруженіе идетъ послѣдовательно, то-есть — ужъ позвольте злоупотребить терминомъ — научно, то — очень можетъ быть, дикарь струситъ, рѣшитъ, что дальнѣйшая глубина „не подвѣдомственна законамъ здраваго смысла", и вернется на берегъ. Тогда онъ будетъ только знать, что вода глубока, что входить въ нее человѣкъ можетъ, но лишь до тѣхъ поръ, пока она не заливаетъ ему ротъ, носъ, уши. Словомъ, будетъ знать законъ о зловредности воды: она — врагъ, съ нею надо обходиться очень осторожно, иначе — гибель. Ну, и, конечно, primus deos fecit timor: обожествитъ ее при этомъ удобномъ случаѣ, какъ грознаго и неодолимаго бога. Рѣки не однихъ первобытныхъ дикарей смущали. Римляне культурнымъ народомъ были, когда, двинувшись къ сѣверу Италіи, наткнулись на По — и страшно имъ озадачились: что за рѣчища такая? А велика ли штука По?... Но вотъ дикарь погружался — погружался послѣдовательно, научно и, вдругъ, совсѣмъ непослѣдовательно и ненаучно сорвался въ глубокую колдобину. Дна подъ ногами нѣтъ, надъ головою этотъ ужасный врагъ — вода. Нахлебался ея и ртомъ и носомъ. Однако, вмѣсто того, чтобы потонуть, дикарь взялъ, да и выплылъ. Какъ? —

онъ, разумѣется, самъ не понялъ: чудо. Но онъ начинаетъ припоминать: позвольте! что я тогда дѣлалъ? Я болталъ руками и ногами, — и вода стала меня держать. Стало быть, если болтать руками и ногами, вода человѣка держитъ. Вотъ — дикарь опытомъ достигаетъ возможности плаванія, — а въ будущемъ, и его законовъ.

Алексѣй Леонидовичъ отъ души расхохотался.

— По вашей теоріи, — сказалъ онъ, — выходитъ такъ: для открытія законовъ воздухоплаванія надо, чтобы кто-нибудь свалился съ колокольни и — вмѣсто того, чтобы разбиться вдребезги — полетѣть...

— Да... въ этомъ родѣ... и чтобы это случилось ненамѣренно, а изслѣдовано было внимательно и безпристрастно, — уже совсѣмъ серьезно сказалъ графъ.

— Ну, знаете, это, извините меня, изъ анекдота о скептическомъ семинаристѣ, который чуда не признавалъ.

— Я не знаю, не помню.

— Спрашиваетъ его архіерей на экзаменѣ: вообрази мнѣ изъ жизни примѣръ чуда? Задумался, молчитъ. — Ну, если бы, скажемъ, ты свалился съ соборной колокольни и остался цѣлъ, это — что будетъ? — Случай, ваше преосвященство. — Гмъ... случай... Ну, а если бы и во второй разъ? — Счастье, ваше преосвященство. — Гмъ... счастье... экой ты, братецъ... Ну, вообрази совершенно невообразимое: вдругъ бы повезло тебѣ этакъ же благополучно свалиться и въ третій разъ? Какъ бы ты сіе понялъ? — Привычка, преосвященнѣйшій владыка!..

— Что же? Отвѣтъ, въ своемъ родѣ, философскій, — улыбнулся графъ. — Чудо, обращаемое въ при-

кладную привычку, — въ этомъ вся суть и цѣль естественныхъ наукъ.

Дебрянскій продолжалъ хохотать.

— Врядъ ли вы найдете много охотниковъ на подобные опыты...

Графъ пожалъ плечами.

— Я видѣлъ летающихъ людей,—возразилъ онъ.

— Вотъ какъ... Гдѣ же это вамъ такъ повезло? Впрочемъ, что же я спрашиваю? Разумѣется, въ Индіи?

— Почему?

— Да какъ-то всегда и всѣ подобныя чудеса совершаются въ Индіи... это принято... это хорошій тонъ сверхъестественнаго...

— Нѣтъ, — сказалъ графъ, — это было не въ Индіи, а на одномъ изъ маленькихъ островковъ вотъ этого самаго Іоническаго моря, которое насъ окружаетъ. Я видѣлъ, какъ одинъ матросъ, грекъ, поругавшись съ товарищемъ рыбакомъ, въ слѣпомъ озлобленіи прыгнулъ, съ ножомъ въ рукахъ, къ нему въ лодку съ борта парохода, — и не разбился, и не упалъ въ море, а спустился плавно, точно на парашютѣ. Этого матроса убили бы, если бы я не заступился, потому что его приняли за колдуна. Потомъ видѣлъ я нѣмца гимнаста: онъ прыгалъ необычайно высоко и на большія пространства и при этомъ какъ бы немножко парилъ въ воздухѣ. Я разспрашивалъ его: какъ онъ это дѣлаетъ? Онъ не умѣлъ объяснить. Я разспрашивалъ его: что онъ при этомъ чувствуетъ? Сильное нервное возбужденіе, чрезвычайно пріятное, доходящее до самозабвеннаго экстаза... Я очень жалѣю, что недостаточно знаю, чтобы въ объясненіе этимъ фактамъ построить научную гипотезу. Но я видѣлъ и твердо

увѣрился въ одномъ: безсознательно, экстатически нѣкоторые люди если не летаютъ, то подлетываютъ, парятъ, — слѣдовательно, вопросъ о воздухоплаваніи безъ снаряда сводится лишь къ тому, чтобы безсознательное превратить въ сознательное, экстазъ превратить въ управляемый феноменъ воли, открыть его законы и, овладѣвъ ими, подчинить себѣ, обратить производство феноменовъ въ теоретическое постоянство и прикладную силу, работающую по востребованію.

— Если вы обратите ваше вниманіе на легенды о воздухоплаваніи, — продолжалъ онъ съ задумчивостью, — то вы увидите, что все ихъ историческое и доисторическое накопленіе сводится къ четыремъ категоріямъ. Первая — полетъ при помощи снаряда: золотая стрѣла скиѳа Абариса, крылья Дедала, Фаэтонъ въ колесницѣ Солнца, Симонъ Магъ, русскія и восточныя сказки о коврахъ-самолетахъ, заводныхъ коняхъ и т. п. Вторая — волшебный полетъ при помощи духовъ злыхъ или добрыхъ: быстрыя перемѣщенія гомеровскихъ героевъ дружественными имъ богами, Фаустъ и Мефистофель на бочкѣ Ауэрбахова погреба, новгородскій угодникъ Іоаннъ, котораго чортъ, запертый въ рукомойникѣ, вынужденъ былъ возить къ обѣднѣ въ Іерусалимъ, кузнецъ Вакула, полеты на шабашъ и такъ далѣе. Сюда же относятся разсказы XVII вѣка о бѣсноватыхъ и порченныхъ, которые летали противъ своей воли, по приказамъ колдуновъ или самого сатаны, — того же характера современныя медіумическія легенды и чудотворныя розсказни теософовъ — хотя бы, скажемъ, Блаватской о разныхъ тамъ магатмахъ индійскихъ. Эта категорія нашему обсужденію не подлежитъ, такъ какъ она наголо спиритуалистиче-

кая и намъ не можетъ сказать ничего. Говоря языомъ матерiалистическимъ, мы здѣсь всецѣло въ бласти раздвоенiя личности экстазами воображенiя. утъ рѣчь идетъ не о физическомъ передвиженiи, о о множественности сознанiй, таящихся въ челоѣкѣ, не о механикѣ перемѣщенiя, но о двойномъ идѣнiи и обостренномъ чувствованiи, объ извращенiи сихической энергiи, объ анормальной способности ысли торжествовать надъ пространствомъ, доходя аже до физическихъ самообмановъ „второго зрѣiя". Третью категорiю мы тоже отставимъ въ стоону, такъ какъ она, наоборотъ, чисто натуралитическая: заключаетъ въ себѣ памятки о вымеричхъ чудовищныхъ птицахъ и ящерахъ: драконы, тица-Рокъ, грифы, орлы и прочiе благодѣтели скаочныхъ героевъ, по существу лишенные непосредтвеннаго демоническаго оттѣнка и зараженные имъ олько по сосѣдству съ предыдущею второю катеорiей. И, наконецъ, послѣдняя, четвертая категоiя — самая для меня интересная: полетъ силою кстаза. Вы отчасти правы, что давеча помянули Iндiю. Чудо поднятiя и паренiя въ воздухѣ усиiемъ восторженнаго экстаза — udwega prîti — счиается тамъ вполнѣ возможнымъ, а древняя литераура Индiи даже предполагаетъ степень аскетичекаго совершенства — irdhi — когда такое чудо тановится для человѣка хроническимъ. Аскетъ, наодящiйся въ состоянiи irdhi, поднимается на воздухъ , такою же простотою и съ такимъ же малымъ силiемъ воли, какъ обыкновенный человѣкъ прыетъ. Буддiйскiя лѣтописи присваиваютъ эту способность не только самому Гаутамѣ, но и нѣкотоымъ предкамъ его, напримѣръ Магу Самматѣ. Это— етье искушенiе Христа дьяволомъ въ пустынѣ: „И

поставилъ Его на крылѣ храма и сказалъ Ему: есл
Ты Сынъ Божій, бросься отсюда внизъ; ибо напи
сано: Ангеламъ Своимъ заповѣдаетъ о Тебѣ сохра
нить Тебя; и на рукахъ понесутъ Тебя, да не пре
ткнешься о камень ногою Твоею". Аполлоній Тіанскій
въ романѣ Филострата, видѣлъ, какъ индійскіе брах
маны поднимались въ воздухъ на два и на три локтя
чтобы вознести молитву къ Солнцу. То же само
чудо разсказываетъ Лукіанъ о какомъ-то фокусникѣ
гиперборейцѣ, который для того, чтобы летать п
воздуху, даже и сапогъ не снималъ. Приписываютъ
способность паренія и нео-платонику Ямвлиху, хот
самъ онъ ее въ себѣ отрицалъ. Въ христіанствѣ —
католическій міръ полонъ подобными сказаніями н
всемъ своемъ пятнадцативѣковомъ протяженіи. Св. Эд
мундъ Кентерберійскій, Св. Дунстанъ, Св. Филиппъ
Нери, Св. Игнатій Лойола, Св. Доминикъ, Св. Терез
и множество другихъ святыхъ отмѣчены въ житіяхъ
своихъ рѣдкостнымъ даромъ отрываться отъ земл
силою молитвеннаго экстаза. Домъ Кальметъ — уж
въ XVIII вѣкѣ — зналъ монаха и монахиню, подвер
женныхъ паренію въ воздухѣ, даже противъ свое
воли, какъ скоро они вдохновлялись молитвою ил
видомъ священнаго изображенія. У насъ, въ Ро
сіи, то же самое разсказываютъ о Серафимѣ Саров
скомъ...

— Да, — возразилъ Дебрянскій, — но замѣтьт
графъ: все это — въ монастыряхъ, между монахам
и монахинями... Все — религіозная легенда... Г
же научное наблюденіе?

Гичовскій пожалъ плечами.

— Кто же дерзнетъ говорить о наблюденіи? К
нечно, никакого... „Я видѣлъ" — не наблюдені
Любопытна древность и общность этихъ анекдотов

А то условіе, что въ монастыряхъ, между монахами и монахинями, я принимаю не во вражду, но скорѣе какъ благопріятное. Канаты дѣлаются на канатныхъ фабрикахъ. Экстазы на фабрикахъ экстаза. Тотъ результатъ, что хроническій экстазъ одинаково настроеннаго коллектива долженъ время отъ времени вырабатывать острую единицу личности, необычно сильной и чуткой въ экстатическихъ проявленіяхъ, кажется мнѣ не только возможнымъ и вѣроятнымъ, но — логически — даже необходимымъ: это — мѣстный и быстрый лизисъ общаго и длящагося кризиса... только и всего!..

Онъ задумался.

— Вы, конечно, имѣете понятіе о графѣ Де Местрѣ, авторѣ „Петербургскихъ вечеровъ"? Онъ сообщаетъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, что тому такъ часто казалось, будто онъ летаетъ или готовъ, способенъ летѣть, что онъ даже началъ сомнѣваться въ законѣ тяготѣнія, — дѣйствительно ли такъ строго подчиненъ ему человѣческій организмъ?.. Самый экстатическій художникъ Возрожденія, Бенвенуто Челлини, когда губернаторъ цитадели Санъ Анджело спросилъ его, можетъ ли онъ летать, отвѣтилъ съ совершенно твердымъ убѣжденіемъ: — Дай мнѣ пару крыльевъ изъ вощеной холстины, и я, подобно летучей мыши, пролечу до Прати. Религіозный экстазъ замѣтнѣе всѣхъ другихъ потому, что онъ еще разрабатывается и покровительственно культивируется, тогда какъ другіе виды экстаза проявляются лишь короткими вспышками, а если затягиваются, то мы уже пугаемся ихъ, считаемъ ихъ аномаліями, недугами. Нѣкоторые экстазы въ Европѣ до того вылиняли, что могутъ считаться вымершими. Напримѣръ, боевой экстазъ, которымъ дышатъ герои Иліады, а

еще больше саги о скандинавскихъ берсеркерахъ. Или творческій художническій экстазъ, какъ описываютъ его Вазари и Бенвенуто Челлини. Экстазъ вина сейчасъ ведетъ человѣка въ полицейскій участокъ или въ лѣчебницу для алкоголиковъ, а половой экстазъ называется сатиріазисомъ и нимфоманіей и разрѣшается либо на скамьѣ подсудимыхъ, либо въ сумасшедшемъ домѣ. Великая сила цивилизаціи возвышаетъ разумъ. Но за большое удовольствіе надо платить маленькою непріятностью: она принижаетъ инстинктъ. Мы развиваемъ сознательность за счетъ своей „животной души“: умъ растетъ, экстатическій матеріалъ гаснетъ. Чтобы современный человѣкъ чувствовалъ въ себѣ работу инстинкта, даже точнѣе будетъ сказать, чтобы можно было изучать его внѣ разума, какъ существо только инстинктивное, приходится наблюдать его въ состояніяхъ искусственно ослабленной и затемненной воли: въ острой болѣзни, въ гипнозѣ. Гомеопатъ Боянусъ дѣлалъ прелюбопытные опыты надъ тифозными. Въ періоды бреда его больная чувствовала вкусъ іода въ тридцатомъ дѣленіи и безсознательно жаловалась, что ее поятъ такою дрянью. Придя же въ себя, она не узнавала іода даже въ третьемъ дѣленіи... Цивилизація повсемѣстно знаменуется убылью экстаза и ограниченіемъ его общности. Для явленій экстаза любому чукчѣ или негру-обисту легко найти медіума въ собственной своей семьѣ, тогда какъ человѣку европейской цивилизаціи приходится гоняться за „сензитивами“, какъ ихъ Рейхенбахъ опредѣляетъ, будто за птицею-фениксомъ, по всѣмъ пяти материкамъ, — да и то изъ обрѣтенныхъ сензитивовъ вѣрная половина — мошенники просто, четверть — полумошенники, полубольные, а остальная четверть — больные просто, сами не зна-

ющіе, гдѣ въ нихъ кончается симуляція, гдѣ начинается истерія...

Гичовскій воодушевился.

— Вы употребили слово „сверхъестественное"... Позвольте вамъ сказать, что это совершенно ложный терминъ... Естество наполняетъ весь міръ, и сверхъ него нѣтъ ничего въ мірѣ... Я не мистикъ, я матеріалистъ и твердо убѣжденъ, что нѣтъ явленій, которыя не были бы объяснимы логическимъ и естественно-законнымъ путемъ. Но мы знаемъ мало, чрезвычайно мало... можетъ быть, тысячную, милліонную долю того, что надо знать и будутъ знать наши потомки — люди двадцать перваго, двадцать второго вѣка. За нашимъ вѣкомъ останется одна великая заслуга: мы не только накопили въ пользу потомковъ огромнѣйшій матеріалъ для познанія, изслѣдованія и разработки, — это дѣлали всѣ вѣка для своихъ преемниковъ, — но и великолѣпнѣйше подготовили его къ разработкѣ и изслѣдованію, чего еще ни одинъ вѣкъ не дѣлалъ. Все, что для насъ еще сверхъестественное, черезъ два вѣка будетъ, вѣроятно, совершенно точно уяснено, введено въ строгія рамки механической науки. Сверхъестественнаго не будетъ.

Алексѣй Леонидовичъ остановилъ Гичовскаго:

— Простите, графъ, но вы слишкомъ увлечены вѣрою въ цивилизацію. Тяготѣніе къ сверхъестественному въ человѣкѣ происходитъ не отъ борьбы съ природою за роль свою въ ней, но отъ стремленія къ высшему идеалу, закрытому отъ насъ смертью, — стремленія, неразрывнаго съ самымъ бытіемъ человѣческимъ, покуда существуетъ смерть. Ее-то, вѣдь, вы не расчитываете уничтожить?

— Нѣтъ. Но ей пора быть управляемой. Приходить, когда человѣкъ самъ ее захочетъ. Міръ дол-

женъ найти и уготовить себѣ эвѳаназію древнихъ, остатки которой исторія еще успѣла застать. Чтобы смерть была не мукою и ужасомъ, но лишь удовлетворяющимъ фазисомъ великаго естественнаго физіологическаго процесса. Чтобы запросъ на нее предъявлялъ самъ организмъ нашъ, и умирать было бы такъ же необходимо-просто, какъ ѣсть, пить, рождать дѣтей. Вспомните Литтре: смерть не больше, какъ отправленіе организма, послѣднее и наиболѣе покойное изъ всѣхъ отправленій. Все это весьма возможно, замѣтьте, и къ такой побѣдѣ надъ смертью наука уже движется довольно увѣреннымъ шагомъ.

— Я знаю. Но организмъ то изнашиваться, все-таки, будетъ? Смерть, по естественному-то хотѣнію, вы, все-таки, оставляете?

— Конечно.

— А если будетъ такое хотѣніе, то будетъ и такой порогъ, за которымъ начинается для человѣка сверхъестественное, и останется любовь и пытливость къ нему. Какъ бы громадны ни оказались успѣхи науки, какъ бы много она ни освѣтила, человѣкъ всегда сохранитъ для себя въ природѣ множество темныхъ уголковъ, къ которымъ будетъ относиться съ суевѣрнымъ страхомъ и съ фантастическимъ уваженіемъ...

Графъ снисходительно кивнулъ головою.

— Ну, да, да...connu!.. Еще Альбертъ Великій отлично установилъ это положеніе, что, собственно говоря, нѣтъ, не было и врядъ ли будетъ кто въ человѣчествѣ, имѣющій право чистосердечно сказать, что онъ недоступенъ чувству сверхъестественнаго... Словомъ, „есть много, другъ Гораціо“, и такъ далѣе, и такъ далѣе...

Дебрянскій говорилъ:

— Это не роскошь духа, а потребность его, спросъ первой необходимости. Потребности же не умираютъ и не замолкаютъ. Вотъ, вы изволите говорить, что въ мірѣ нѣтъ ничего сверхъестественнаго. А я твердо увѣренъ, что вы преувеличиваете свой матеріалистическій энтузіазмъ... Возьмемъ для примѣра хоть такъ называемыя медіумическія явленія. Вы присутствовали при нихъ?

— Разумѣется, десятки разъ, — сказалъ Гичовскій.

— И что же?

— Очень много шарлатанства и пошлости: всѣ эти летающія гитары, стуки въ указанныхъ мѣстахъ, свѣтящіеся мизинцы. Я это все самъ умѣю дѣлать не хуже миссъ Фай и Евсебіи Палладино. Но, въ общемъ, я принимаю возможность матеріальныхъ проявленій мертваго, то есть, точнѣе будетъ сказать, въ мертвыхъ живущаго, міра. Мнѣ жаль, что я не имѣлъ случая наблюдать удачной матеріализаціи. Все нарывался на мошенниковъ, работавшихъ кантоновымъ фосфоромъ и парафиномъ.

Алексѣй Леонидовичъ непріятно поморщился; ему показалось, что блестящій день какъ будто посѣрѣлъ, и въ жаръ солнечныхъ лучей, опалявшихъ Корфу, прокралась тонкая струйка холодной сѣверной сырости...

— А что бы вы сказали, — спросилъ онъ, послѣ долгаго молчанія и понизивъ голосъ, — если бы вамъ случилось видѣть призракъ?... настоящій призракъ... совершенно такого же человѣка, какъ мы съ вами, но онъ мертвый и, однако, ходитъ и говоритъ, какъ живой?

Графъ зорко посмотрѣлъ на Дебрянскаго.

— Съ вами было что-нибудь подобное? — быстро спросилъ онъ.

Дебрянскій промолчалъ.

— Не люблю я говорить объ этомъ, — сказал онъ, послѣ долгаго колебанія, видя, что настойчи вый взглядъ Гичовскаго не хочетъ отъ него отс рваться. — Это, извините меня, довольно свѣжая мо рана, и, вспоминая о ней, я дурно себя чувствую Когда-нибудь при случаѣ, если встрѣтимся и буд я настроенъ лучше и спокойнѣе, попробую разска зать...

— Какъ я вамъ завидую! — сказалъ графъ. — Мнѣ никогда не удавалось проникнуть въ мертвы міръ, хотя я гонялся за необыкновеннымъ и фанта стическимъ по всѣмъ странамъ земного шара. По добно Фламмаріону, я самый тупой анти-медіумъ совершенно неспособный воспринимать телепатиче скія явленія. Мозгъ мой, очевидно, отталкивает этотъ родъ эфирныхъ волнъ. Что бы я сказалъ спрашиваете вы. Прежде всего, увѣрился бы, что не обманутъ и не галлюцинирую, и если бы научн доказалъ себѣ, что такъ, то поспѣшилъ бы признат реальность явленія и началъ бы изслѣдовать и из учать суть его всѣми данными и средствами естествен ныхъ наукъ.

— Значить, a priori вы согласны съ его з конностью? — глухо спросилъ Алексѣй Леон довичъ.

— Видите ли. Весьма умный человѣкъ, велик лѣпнѣйшій астрономъ, Франсуа Араго, тотъ самы который на вопросъ о Богѣ отвѣчалъ, что въ это гипотезѣ онъ никогда не встрѣчалъ надобности, ск залъ однажды: Celui qui en dehors des mathématiqu pures prononce le mot „impossible“ manque de pr dence, — неразсудительно поступаетъ тотъ, кто уп требляетъ слово „невозможно“ внѣ области чис

математической. Какъ я уже сказалъ вамъ, я матеріалистъ. Но именно, какъ матеріалистъ разсуждая, a priori стукаюсь я вотъ о какое возраженіе. Не можетъ же человѣкъ — этакой огромный и отборный кусокъ матеріи, выработанный въ то нервное совершенство механизма, которое спиритуалисты называютъ духомъ, — уничтожиться смертью такъ-таки вотъ весь, въ совершенный нуль. Мы, вотъ, теперь обстоятельно, научно знаемъ, что въ одномъ миллиграммѣ воды таится, въ потенціальномъ состояніи, столько электрической энергіи, что, освободившись вдругъ, она превзошла бы силою движенія самыя сильныя дѣйствія динамитныхъ зарядовъ. Въ одномъ миллиграммѣ воды! А вѣдь человѣческое тѣло, по вѣсу, содержитъ воды отъ 70 до 80% вѣса. Одъ Рейхенбаха — осмѣянное, темное мѣсто, возможный самообманъ. Но опыты Рейхенбаха, засвидѣтельствованные Фехнеромъ и Эрдманномъ, показали несомнѣнное дѣйствіе человѣческаго организма на такую стихійную силу какъ магнитная стрѣлка. Знаете ли вы, что по вычисленіямъ Рише, въ организмъ внука переходитъ примѣрно всего лишь одна тристашестидесятитысячная триліонной части того вещества, которое находилось въ организмѣ дѣда? И, однако, этой доли, умомъ едва вообразимой, оказывается достаточно для того, чтобы ея энергіей устанавливалось разительное фамильное сходство. Куда же разряжается энергія такой могучей и сложной машины? Гдѣ-нибудь и какъ-нибудь она прилагается и живетъ. А, вотъ, гдѣ и какъ — это-то и есть секретъ будущаго, это ждетъ изслѣдованія.

— И вы полагаете его возможнымъ и вѣроятнымъ?

— Если его полагали достойнымъ своего вни-

манія такіе люди, какъ Уоллэсъ, Рише, Остроградскій, Морганъ, Эдуардъ Гартманъ, почему буду относиться къ нему съ высокомѣріемъ я? Почему же оно менѣе вѣроятно, чѣмъ возможность упорядочить воздухоплаваніе, о чемъ мы сейчасъ только говорили?

— Да я и въ это не вѣрю.

— Напрасно. Галилею не вѣрила инквизиція, что земля вертится, Соломона Ко посадили въ сумасшедшій домъ за идею о двигательной силѣ пара, надъ Фультономъ смѣялся его родной братъ... А если бы Галилею, Соломону Ко, Фультону показать въ будущемъ Эдисона — телефонъ, фонографъ, электрическое освѣщеніе, они приняли бы за бредъ и насмѣшку. Да зачѣмъ, въ поискахъ невѣрія, уходить такъ далеко? Въ 1878 году членъ Института Бульо, присутствуя при демонстраціи Демонселемъ фонографа Эдисона предъ засѣданіемъ парижской Академіи Наукъ, торжественно заявилъ, что все это штуки и плутни чревовѣщателей и, полгода спустя, сдѣлалъ весьма обстоятельный докладъ, предостерегавшій ученое собраніе не поддаваться морокѣ американскаго шарлатана. Доклады ученыхъ, твердо ушедшихъ въ футляръ системы, штука броненосная. Еще Галилей плакался Кеплеру, что падуанскіе профессора не хотятъ видѣть ни планетъ, ни луны, ни самой зрительной трубы, ищутъ истину не въ мірѣ или природѣ, а въ сравненіи текстовъ и стараются лишить небо планетъ логическими доводами, точно магическими заклинаніями. Двѣсти лѣтъ спустя, Гегель, основываясь на философскихъ началахъ, старался доказать a priori невозможность существованія планетъ между Юпитеромъ и Марсомъ. Увы! въ тотъ же самый годъ, 1-го января 1801 года, Пьяцци

открываетъ первую изъ малыхъ планетъ! А Хладни, который едва самъ себѣ вѣрилъ, когда напалъ на теорію метеорныхъ массъ, потому что имѣлъ противъ себя такіе авторитеты какъ Гассенди и Лавуазье въ прошломъ, а Лапласъ и Лихтенбергъ въ современности, — и, однако, заставилъ „просвѣщеніе, отрицавшее паденіе метеоритовъ, уступить мѣсто большему просвѣщенію, допускающему это паденіе"? Огюстъ Контъ отрицалъ возможность изучить химическій составъ звѣздъ за пять лѣтъ до того, какъ спектральный анализъ установилъ классификацію свѣтилъ именно по химическому ихъ составу. Араго, Тьеръ, Прудонъ не понимали будущности желѣзныхъ дорогъ. Майера, творца термодинамики, насмѣшки ученыхъ критиковъ довели до покушенія на самоубійство. Томасъ Іонгъ и Френель, за свѣтовыя волны, подверглись публичному поруганію со стороны лорда Брума. Близко ли, далеко ли смотрѣть назадъ, — все равно: ученый съ новой идеей — для собратьевъ своихъ — всегда „циркуляторъ", какъ Гарвей, или „лягушечій танцмейстеръ", какъ издѣвались надъ Гальвани за первые его опыты тоже весьма, по своему времени, ученые и неглупые люди... А мы уже и Эдисонами не довольны. Мы наканунѣ открытія телефоноскопа. Телеграфъ не сегодня-завтра отвяжется отъ своей проволоки. Мы найдемъ тайну древнихъ магиковъ, умѣвшихъ смотрѣть и видѣть сквозь непроницаемые темные предметы [1]. Электричество сто лѣтъ тому назадъ орудіе игрушечныхъ опытовъ — въ настоящее время закономѣрная и всеобъясняющая сила. Съ каждымъ днемъ выступаютъ въ ученыхъ изслѣдованіяхъ все новыя и новыя стороны дѣятельности этой силы,

[1] Написано въ 1895 году.

наполняющей собою природу — дѣятельности творч
ской, дѣятельности сохраняющей, дѣятельности разр
шающей. Несомнѣнно, электричество откроетъ нам
когда-нибудь и ту еще загадочную, не имѣющую н
имени, ни мѣста, ни даже намѣчнаго бытія, област
изученіе законовъ которой подаритъ насъ воздух
плаваніемъ.

— Какая же это область? — спросилъ Дебря
скій.

Гичовскій помолчалъ.

— Я считаю, — медленно началъ онъ, — сове
шенно доказаннымъ — и каждая птица мнѣ это по
тверждаетъ, — что по законамъ, дѣйствующимъ
рамкѣ нашихъ трехъ измѣреній, человѣкъ никог
не полетитъ. Стало быть, чтобы полетѣть, онъ спер
долженъ открыть, изучить и принять въ свое созн
ніе то невѣдомое четвертое измѣреніе, которое о
сейчасъ только смутно предчувствуетъ. Откры
изучить и принять въ сознаніе — не какъ мист
ческую формулу шарлатанской науки спиритовъ, те
софовъ и tutti quanti. Мы обязаны превратить е
физическій законъ, пока еще тайный, но должн
обнаружиться пытливою силою человѣческаго ума
подобно тому, какъ обнаружился ею законъ земно
притяженія, загадочнаго для людей до Ньютона и е
современниковъ не менѣе, чѣмъ для насъ загадоч
четвертое измѣреніе.

— Ну, знаете ли, есть разница.

— Вы думаете?

— Одно дѣло — стройная теорія, ясная, ка
день, въ бронѣ неопровержимыхъ доказательст
другое — фантастическая гипотеза, которую кто
назвалъ романтикою математики...

— Не знаю, не помню. Въ математикѣ оч

ожно быть романтикомъ, и бывали удивительные омантики даже и помимо гипотезы четвертаго измѣренія. Лобачевскій, Острогорскій, Гауссъ, Риманъ — конечно, въ высшей степени романтическія головы... Можетъ быть, именно потому они и были еликими математиками. А — что касается теоріи, сной, какъ день, хорошо намъ съ вами разговарить такъ-то, двѣсти слишкомъ лѣтъ спустя послѣ ого, какъ она завоевала себѣ міръ и подчинила ауку. А прочитайте-ка, что въ свое время писалъ ейбницу объ идеяхъ Ньютона Гюйгенсъ. „Мысль ьютона о взаимномъ притяженіи,—громилъ онъ,— считаю нелѣпою и удивляюсь, какъ человѣкъ, пообный Ньютону, могъ сдѣлать столько трудныхъ изѣдованій и вычисленій, не имѣющихъ въ основаніи ичего лучшаго, какъ подобную мысль". Сейчасъ ти слова звучали бы безсмысленно и дико для уха даже въ устахъ невѣжды, едва тронутаго элеентарною школою. А въ XVII вѣкѣ они гремѣли вторитетомъ изъ устъ самостоятельнаго ученаго, оторый соорудилъ удивительнѣйшіе объективы, отрылъ при помощи ихъ туманность Оріона, одного изъ путниковъ и кольцо Сатурна, изобрѣлъ часы съ аятникомъ и спиральною пружиною, оставилъ блеящій слѣдъ въ геометріи, физикѣ, механикѣ, астроміи... У насъ, въ Россіи, о „воображаемой геомеіи" Лобачевскаго десятки лѣтъ говорилось съ улыбю снисходительнаго сожалѣнія: дескать, пунктикъ ніальнаго человѣка, у котораго умъ за разумъ заелъ отъ полетовъ въ наиотвлеченнѣйшія сферы иотвлеченнѣйшей изъ наукъ. Между тѣмъ, другіе уды Лобачевскаго отошли нынѣ на второй планъ, „воображаемая геометрія" заняла прочное и почетное сто въ исторіи науки. Нашелъ ли онъ новую

идею? Нѣтъ. Потому что его воображаемая гео
метрія имѣла предшественницу въ астральной гео
метріи Швейггарда, Гауссъ проповѣдовалъ тѣ ж
убѣжденія еще въ концѣ XVIII вѣка, понятіе „абсо
лютнаго пространства“ принималъ Эммануилъ Кант
и соприкасался въ немъ съ Берклеемъ... Вся за
слуга геніальнаго Лобачевскаго — Колумбова: открыті
самостоятельнаго входа въ новую область — новаг
плана причинной схемы, снова отодвинувшей от
познавательной энергіи человѣческой ту роковук
зловѣщую границу, которая возвѣщаетъ капитуляці
предъ апріорностію, на которую рано или поздн
натыкаются, въ поискахъ причинностей, даже самы
могучіе и неистощимые умы человѣческіе, фатумъ
который обязателенъ даже для Кантовъ, Шопен
гауэровъ, Гельмгольцевъ... Четвертое измѣрені
опошлено обывательскою болтовнею, чудесъ ищу
щей... Что оно? Какая-то встрѣча времени съ про
странствомъ, какое-то превращеніе матеріи въ энер
гію... Математики этихъ загадокъ не боятся. Риман
разсматривалъ каждый матеріальный атомъ как
вступленіе четвертаго измѣренія въ пространств
трехъ измѣреній. Міръ для него былъ океаномъ ве
щества, которое постоянно течетъ въ вѣсомые атомы
и то мѣсто, гдѣ міръ умственный вступаетъ въ мір
тѣлесный, опредѣляетъ собою вещественныя тѣла..
Сейчасъ это мѣсто постигается умозрительно. Над
сдѣлать его постижимымъ, чувственнымъ. Вотъ
все.

— Не мало!

— Да, много, но не безнадежно. Наука трудн
находитъ тропы свои, а, разъ нашла, шагаетъ п
нимъ быстро. Ей понадобилось двѣ тысячи лѣтъ
чтобы выбиться изъ повелительныхъ оковъ спир

туализма, но, едва она выбилась, и — уже четверть вѣка спустя — показывала „душу" подъ микроскопомъ!

II.

Новый знакомый очень понравился Дебрянскому. Онъ чувствовалъ, что сдружится съ Гичовскимъ, и былъ очень доволенъ, что судьба послала ему навстрѣчу такого опытнаго и бывалаго путешественника. Но странный разговоръ нѣсколько разстроилъ его и, когда графъ откланялся и ушелъ въ свой отель, Дебрянскій долго еще сидѣлъ въ кафе, погруженный въ довольно мрачныя мысли. Вопреки своей богатырской внѣшности, Алексѣй Леонидовичъ странствовалъ не совсѣмъ по доброй волѣ, — врачи предписали ему провести, по крайней мѣрѣ, годъ подъ южнымъ солнцемъ, не смѣя даже думать о возвращеніи въ сѣверные туманы. И вотъ теперь онъ пріискивалъ себѣ уголокъ, гдѣ бы зазимовать удобно, весело и недорого. Человѣкъ онъ былъ не бѣдный, но сорить деньгами, въ качествѣ знатнаго иностранца, и не хотѣлъ, и не могъ.

Неожиданно свалившись съ сѣрой московской Плющихи на сверкающій Корфу, гдѣ вѣчно синее небо, какъ опрокинутая чаша, переливается въ вѣчно синее море, Алексѣй Леонидовичъ, сказать правду, изрядно-таки скучалъ. Человѣкъ онъ былъ, — Гичовскій вѣрно его угадалъ — самый московскій: сытый, облѣненный легкою службою и холостымъ комфортомъ, сидячій, постоянный и не мечтающій. И смолоду пылокъ не былъ, а къ тридцати пяти годамъ вовсе разучился понимать безпокойныхъ шатуновъ по бѣлому свѣту, охотниковъ до сильныхъ ощущеній, новостей природы и экзотическихъ не-

обыкновенностей. Взамѣнъ бушующихъ морей, гордыхъ вершинъ, классическихъ развалинъ и мраморныхъ боговъ, такому, какъ онъ, русскому интеллигенту отпущены: мягкая кушетка, пылающій каминъ, интересная книга и воспріимчивое воображеніе.

— Совсѣмъ нѣтъ надобности переживать сильныя ощущенія лично, — говорилъ онъ, — если можно ихъ воображать, не выходя ни изъ душевнаго равновѣсія, ни изъ комнаты, и при томъ вчужѣ... ну, хоть по Пьеру Лоти или Гюи де-Мопасану. Подставлять же подъ всякіе страхи и неудобства свою собственную шкуру — страсть, для меня совершенно непонятная. Отсутствія душевнаго равновѣсія и комфорта не въ состояніи вознаградить никакая красота.

Онъ не перемѣнилъ своихъ взглядовъ и теперь— предъ дивнымъ величіемъ Іоническаго моря.

— Красиво, — думалъ онъ, — но воображеніе создаетъ красоту... не то чтобы лучше, а — какъ бы сказать -- уютнѣе, что ли...

И глубоко сожалѣлъ о своемъ московскомъ кабинетѣ, каминѣ, кушеткѣ, о службѣ, о своихъ книгахъ и друзьяхъ, обо всемъ, во что сливался для него сѣверъ.

— Въ гостяхъ хорошо, — втайнѣ признавался онъ, — а дома лучше, и если бы я могъ, то сейчасъ бы вернулся. Совсѣмъ не къ лицу мнѣ Корфу это... Все праздникъ да праздникъ въ природѣ, — будней хочется... Но я не могу, и, должно быть, мнѣ никогда уже не быть дома... Никогда, никогда!

Онъ уѣхалъ изъ Москвы, ни съ кѣмъ не простясь, безрасчетно порвавъ съ выгодною службой, бросивъ оплаченную за годъ впередъ квартиру, не

устроивъ своихъ дѣлъ... Словомъ, это было — не путешествіе, но бѣгство. Не отъ враговъ и не отъ самого себя: первыхъ у него не было, совѣсть же его была — какъ у всякаго средняго человѣка: обывательская, — нечѣмъ ни особенно похвалиться ни особенно мучиться.

Что онъ боленъ, Дебрянскій, по выѣздѣ изъ Москвы, никому не признавался и самъ желалъ о томъ позабыть, выдавая себя просто за туриста и ведя соотвѣтственно праздный образъ жизни. Нервная болѣзнь, выгнавшая его съ родины, была очень страннаго характера и развилась на весьма необыкновенной почвѣ.

Незадолго передъ тѣмъ, какъ Дебрянскому заболѣть, сошелъ съ ума короткій пріятель его, присяжный повѣренный Петровъ, веселый малый, одинъ изъ самыхъ безпардонныхъ прожигателей жизни, какими столь безконечно богата наша Первопрестольная. Психозъ Петрова, возникнувъ на люэтической подготовкѣ, выросталъ медленно и незамѣтно. Рѣшительнымъ толчкомъ къ сумасшествію явился трагическій случай, страшно потрясшій расшатанные нервы больного.

Незадолго предъ тѣмъ, у него завязался романъ съ одною опереточною пѣвицею, настолько серьезный, что въ Москвѣ стали говорить о близкой женитьбѣ Петрова. Развеселый адвокатъ не опровергалъ слуховъ...

Однажды, возвратясь домой изъ суда, онъ не могъ дозвониться у своего подъѣзда, чтобы ему отворили. Черный ходъ оказался тоже запертъ, а покуда встревоженный Петровъ напрасно стучалъ и ломился — подоспѣли съ улицы кухарка и лакей его. Они тоже очень изумились, что квартира за-

купорена наглухо, и разсказали, что, уже съ част
тому назадъ, молоденькая домоправительница Пе-
трова, Анна Перфильевна, услала ихъ изъ дому з
разными покупками по хозяйству, а сама осталас
одна въ квартирѣ. Тогда сломали дверь и — въ ра
бочемъ кабинетѣ Петрова, на коврѣ — нашли Анн
мертвою, съ раздробленнымъ черепомъ; она застрѣ
лилась изъ револьвера, который выкрала изъ пись
меннаго стола своего хозяина, сломавъ для того за
мокъ. Найдена была обычная записка — „Прошу в
моей смерти никого не винить, умираю по своим
непріятностямъ“. Петровъ былъ пораженъ страшно
Еще года не прошло, какъ, во время одной бле
стящей своей защиты въ провинціи, онъ сманил
эту несчастную — простую перемышльскую мѣ
щанку. Что самоубійство Анны было вызвано слу
хами о его женитьбѣ, Петровъ не могъ сомнѣваться
Въ корзинѣ для бумагъ подъ письменнымъ столомъ
у котораго подняли мертвую Анну, онъ нашел
скомканную записку ея къ нему, начатую было —
какъ видно — передъ смертью, но не конченную
„Что жъ? женитесь, женитесь... а я васъ не оставлю
не оставлю“... писала покойная и — больше ни
чего, только перо, споткнувшись, разбросало кляксы

Петрову не хотѣлось разставаться съ квартирою
хотя и омраченною страшнымъ происшествіемъ: ег
связывалъ долгосрочный контрактъ съ крупною не
устойкою. Однако, онъ выдержалъ характеръ лиш
двѣ недѣли, а затѣмъ все-таки бросилъ деньги
переѣхалъ: жутко стало въ комнатахъ, и прислуг
не хотѣла жить. Въ день, какъ похоронили Анну
Петровъ, измученный впечатлѣніями и сильно вы
пивъ на поминъ грѣшной души покойной, задремал
у себя въ кабинетѣ. И вотъ видитъ онъ во снѣ

ошла Анна, живая и здоровая, — только блѣдная
іень и холодная, какъ ледъ, — сѣла къ нему на
олѣни, какъ, бывало, при жизни, и говоритъ своимъ
химъ, спокойнымъ голосомъ:

— Вы, Василій Яковлевичъ, женитесь, женитесь...
олько я васъ не оставлю, не оставлю...

И стала его цѣловать такъ, что у него духъ
нялся. Петровъ съ удовольствіемъ отвѣчалъ на ея
ьшеныя ласки, какъ вдругъ его ударила страшная
ысль:

— Что жъ я дѣлаю? Какъ же это можетъ быть?
ѣдь она мертвая.

И тутъ онъ, охваченный неописуемымъ ужасомъ,
оралъ благимъ матомъ и проснулся — весь въ
ту, съ головою тяжелою, какъ свинецъ, отъ труд-
го похмѣлья, и въ отвратительнѣйшемъ настроеніи
ха.

На новой квартирѣ онъ закурилъ такъ, что по
ей Москвѣ молва прошла. Потомъ вдругъ заперся,
алъ пить въ-одиночку, никого не принимая, даже
ою предполагаемую невѣсту, опереточную пѣвицу.
этомъ такъ же неожиданно явился къ ней позднею
чью, — дикій, безобразный, но не пьяный — и
алъ умолять, чтобы поторопиться свадьбою, ко-
рую самъ же до сихъ поръ оттягивалъ. Пѣвица,
нечно, согласилась, но поутру — суевѣрная, какъ
льшинство актрисъ — поѣхала въ Грузины, къ
менитой цыганкѣ-гадалкѣ, спросить насчетъ своей
дьбы въ будущемъ бракѣ...

Вернулась въ слезахъ...

— Въ чемъ дѣло? Что она вамъ сказала? —
ашивалъ невѣсту встревоженный женихъ. Та
го отнѣкивалась, говорила, что „глупости". Нако-
ъ, призналась, что гадалка напрямикъ ей отрѣзала

— Свадьбы не бывать. А если и станется, — горе твое. Онъ не твой. Промежду васъ мертвым духомъ тянетъ.

Петровъ выслушалъ и не возразилъ ни слов Онъ стоялъ страшно блѣдный, низко опустивъ г лову. Потомъ поднялъ на невѣсту глаза, полные х лодной, язвительной ненависти, дико улыбнулся тихимъ шипящимъ голосомъ произнесъ:

— Пронюхали...

Онъ прибавилъ непечатную фразу. Пѣвица та отъ него и шарахнулась. Онъ взялъ шляпу, засм ялся и вышелъ. Больше невѣста его никогда видала.

Въ Дворянскомъ собраніи былъ студенческій в черъ. Биткомъ полный залъ благоговѣйно безмол ствовалъ: на эстрадѣ стояла Марія Николаевна Е молова — эта величайшая трагическая актриса ру ской сцены, — и, со свойственною ей могучею эк прессіей, читала „Коринѳскую невѣсту“ Гёте, переводѣ Алексѣя Толстого... Когда, величествен повысивъ свой мрачный голосъ, артистка медлен и значительно отчеканила роковое завѣщаніе мер вой невѣсты-вампира:

И, покончивъ съ нимъ,
Я пойду къ другимъ,
Я должна идти за жизнью вновь! —

за колоннами раздался захлебывающійся вопль ужа и здоровенный мужчина, шатаясь, какъ пьяный, сб вая съ ногъ встрѣчныхъ, бросился бѣжать изъ за среди общихъ криковъ и смятенія. Это былъ П тровъ. У выхода полицейскій остановилъ его. О ударилъ полицейскаго и впалъ въ бѣшеное буйст Его связали и отправили въ участокъ, а поут безуміе его выразилось настолько ясно, что оставало

лишь сдать его въ лѣчебницу для душевнобольныхъ. Врачи опредѣлили прогрессивный параличъ въ опасномъ буйномъ періодѣ бреда преслѣдованія. Ему чудилось, что покойная Анна, его любовница-самоубійца, навѣщаетъ его изъ-за гроба, и между ними продолжаются тѣ же ласки, тѣ же отношенія, что при жизни, и онъ не въ силахъ сбросить съ себя иго страшной посмертной любви, а чувствуетъ, что она его убиваетъ. Вскорѣ буйство съ Петрова сошло— и онъ сталъ умирать медленно и животно, какъ большинство прогрессивныхъ паралитиковъ. Галлюцинаціи его не прекращались, но онъ сталъ принимать ихъ совершенно спокойно, какъ нѣчто должное, такое, что въ порядкѣ вещей.

Дебрянскій, старый университетскій товарищъ Петрова, былъ свидѣтелемъ всего процесса его помѣшательства. Въ полную противоположность Петрову, онъ былъ человѣкомъ рѣдкаго равновѣсія физическаго и нравственнаго, отличнаго здоровья, безупречной наслѣдственности. Звѣздъ съ неба не хваталъ, но и въ недалекихъ умомъ не числился, въ образцы добродѣтели не стремился, но и въ пороки не вдавался, — словомъ, являлся примѣрнымъ типомъ образованнаго московскаго буржуа на холостомъ положеніи, завиднаго жениха и, впослѣдствіи, конечно, прекраснаго отца семейства. Когда Петровъ началъ чудачить черезчуръ уже дико, большинство пріятелей и собутыльниковъ стали избѣгать его: что за охота сохранять близость съ человѣкомъ, который вотъ-вотъ разразится скандаломъ? Наоборотъ, Дебрянскій — вовсе не бывшій съ нимъ близокъ до того времени — теперь, чувствуя, что съ этимъ одинокимъ нелѣпымъ существомъ творится что-то неладное, сталъ чаще навѣщать его. Продолжалъ

свои посѣщенія и впослѣдствіи, въ лѣчебницѣ. Петровъ его любилъ, легко узнавалъ и охотно съ нимъ разговаривалъ. Дебрянскій былъ человѣкъ любопытный и любознательный. „Настоящаго сумасшедшаго“ онъ видѣлъ вблизи въ первый разъ и наблюдалъ съ глубокимъ интересомъ.

— А не боитесь вы разстроить этими посѣщеніями свои собственные нервы? — спросилъ его ординаторъ лѣчебницы, Степанъ Кузьмичъ Прядильниковъ, на котораго попеченіи находился Петровъ. Дебрянскій только разсмѣялся въ отвѣтъ:

— Ну, вотъ еще! Я — какъ себя помню — даже не чувствовалъ ни разу, что у меня есть нервы: хоть бы узнать, что за нервы такіе бываютъ.

Въ дополненіе къ своимъ визитамъ въ лѣчебницу, Дебрянскаго угораздило еще попасть въ кружокъ оккультистовъ, который, слѣдуя парижской модѣ, учредила въ Москвѣ хорошенькая барынька-декадентка, жена Радолина, компаньона Дебрянскаго по торговому товариществу „Дебрянскаго сыновья, Радолинъ и К⁰“. Надъ оккультизмомъ Алексѣй Леонидовичъ смѣялся, да и весь кружокъ былъ затѣянъ для смѣха, и приключалось въ немъ больше флирта, чѣмъ таинственностей. Но Дебрянскаго, какъ неофита, для перваго же появленія въ кружкѣ, нагрузили сочиненіями Элифаса Леви и прочихъ мистагоговъ XIX вѣка, которыя онъ, по добросовѣстной привычкѣ къ внимательному чтенію, аккуратнѣйшимъ образомъ изучилъ отъ доски до доски, изрядно одурманивъ ими свою память и разстроивъ воображеніе. Однажды онъ разсказалъ своимъ коллегамъ оккультистамъ про сумасшествіе Петрова.

— О! — возразилъ ему старикъ, важный сановникъ, считавшій себя адептомъ тайныхъ наукъ, убѣ

жденный въ ихъ дѣйствительности нѣсколько болѣе, чѣмъ другіе. — О! Почему же сумасшедшій? Сумасшествіе? Хе-хе! Развѣ это новый случай? Онъ старъ, какъ міръ! Вашъ другъ не безумнѣе насъ съ вами, но онъ, дѣйствительно, боленъ ужасно, смертельно, безнадежно. Эта Анна — просто ламія, эмпуза, говоря языкомъ древней демонологіи... Вотъ и все! Прочтите Филострата: онъ описалъ, какъ Аполлоній Тіанскій, присутствуя на одной свадьбѣ, вдругъ призналъ въ невѣстѣ ламію, заклялъ ее, заставилъ исчезнуть и тѣмъ спасъ жениха отъ вѣрной гибели... Вотъ! Вашъ Петровъ во власти ламіи, повѣрьте мнѣ, а не безумный, нисколько не безумный...

Дебрянскій слушалъ шамканье старика, смотрѣлъ на его дряблое, бабье лицо, съ безцвѣтными глазами и думалъ:

— Посадить твое превосходительство съ другомъ моимъ Васильемъ Яковлевичемъ въ одну камеру, — то-то вышли бы два сапога — пара!

— Смотрите, Алексѣй Леонидовичъ! — со смѣхомъ вмѣшалась хозяйка дома, — берегитесь, чтобы эта ламія, или какъ ее тамъ зовутъ, не набросилась на васъ. Онѣ, вѣдь, ненасытныя!

— Если бы я была ламіей, — перебила другая бойкая барынька, — я бы ни за что не стала ходить къ Петрову, — онъ такой скверный, грубый, пьяный, уродливый!... Нѣтъ, я полюбила бы какого-нибудь красиваго-красиваго.

— Да ужъ, разумѣется, вести загробный романъ съ Петровымъ, когда тутъ же на-лицо le beau Debriansky, — это непростительно! У этой глупой ламіи нѣтъ никакого вкуса!

Алексѣй Леонидовичъ улыбался, но шутки эти

почему-то не доставляли ему ни малѣйшаго удовольствія, а напротивъ, шевелили гдѣ-то въ глубокомъ уголкѣ души — новое для него — жуткое суевѣрное чувство.

Когда Петровъ принимался безконечно повѣствовать о своей неразлучной мучительницѣ Аннѣ, было и жаль, и тяжко, и смѣшно его слушать. Жаль и тяжко, потому что говорилъ онъ о галлюцинаціи ужаснаго, сверхъестественнаго характера, которую никто не въ силахъ былъ представить себѣ безъ содроганія. А смѣшно — до опереточнаго смѣшно, — потому что тонъ его при этомъ былъ самый будничный, повседневный тонъ старѣющаго фата, которому до смерти надоѣла капризная содержанка, и онъ радъ бы съ нею раздѣлаться, да не смѣетъ или не можетъ.

— Я поссорился вчера съ Анною, начисто поссорился, — хвастовски разсказывалъ онъ, расхаживая по своей камерѣ и стараясь заложить руки въ халатъ безъ кармановъ тѣмъ же фатовскимъ движеніемъ, какимъ когда-то клалъ ихъ въ карманы брюкъ, при открытой визиткѣ.

— За что же, Василій Яковлевичъ? — спросилъ ординаторъ, подмигивая Дебрянскому.

— За то, что неряха! Знаете, эти русскія наши Церлины, — сколько ни дрессируй, все отъ нихъ деревенщиной отдаетъ... Хоть въ семи водахъ мой! Приходитъ вчера, шляпу сняла, проводимъ время честь-честью, цѣлуемся. Глядь, а у нея тутъ вотъ, за ухомъ, все — красное, красное... — Матушка! Что это у тебя? — Кровь... — Какая кровь? — Развѣ ты позабылъ? Вѣдь я же застрѣлилась... Ну, тутъ я вышелъ изъ себя, и — ну ее отчитывать!... — Всему, говорю, есть границы: какое

мнѣ дѣло, что ты застрѣлилась? Ты на свиданіе идешь, такъ можешь, кажется, и прибраться немножко! Я крови видѣть не могу, а ты мнѣ ее въ глаза тычешь! Хорошо, что я нервами крѣпокъ, а другой бы вѣдь... Словомъ, жучилъ ее, жучилъ, — часа полтора! Ну, она молчитъ, знаетъ, что виновата... Она, вѣдь, и живая-то была мо-ол-ча-ли-вая, — протянулъ онъ съ внезапною тоскою. — Крикнешь на нее, бывало, — молчитъ... все молчитъ... всегда молчитъ...

— Вотъ тоже, — оживляясь, продолжалъ онъ, — сыростью отъ нея пахнетъ ужасно, холодомъ несетъ, плѣсенью какою-то... Каждый день говорю ей: — Что за безобразіе? Извиняется: — Это отъ земли, отъ могилы. Опять я скажу: какое мнѣ дѣло до твоей могилы? Въ могилѣ можешь чѣмъ угодно пахнуть, но, разъ ты живешь съ порядочнымъ человѣкомъ, развѣ такъ можно? Вытирайся одеколономъ, духовъ возьми... опопонаксъ, корилопсисъ, есть хорошіе запахи... поди въ магазинъ, къ Брокару тамъ или Сіу какому-нибудь, и купи. А она мнѣ на это, дура этакая, представьте себѣ: — Да, вѣдь, меня, Василій Яковлевичъ, въ магазинъ-то не пустятъ, мертвенькая, вѣдь, я... Вотъ и толкуй съ нею!

Въ другой разъ Петровъ, когда Алексѣй Леонидовичъ долго у него засидѣлся, безцеремонно выгналъ его отъ себя вмѣстѣ съ ординаторомъ.

— Ну, васъ, господа къ чорту! Посидѣли и будетъ! — суетливо говорилъ онъ, кокетливо охорашиваясь предъ воображаемымъ зеркаломъ, — она сейчасъ придетъ... не до васъ намъ теперь. Я уже чувствую: вотъ она... на крыльцо теперь вошла... Ступайте, ступайте, милые гости! Хозяева васъ не задерживаютъ!

— Ну, — bonne chance en tout! — засмѣялся ординаторъ, — вы хоть бы когда-нибудь показали намъ ее, Василій Яковлевичъ? А?

— Да, дурака нашли, — серьезно отозвался Петровъ. — Нѣтъ, батюшка, я роговъ носить не желаю. А, впрочемъ, — перемѣнилъ онъ тонъ, — вы, навѣрное, встрѣтите ее въ корридорѣ... Ха-ха-ха! Только не отбивать! Только не отбивать!

И онъ залился хохотомъ, грозя пальцемъ то тому, то другому.

На Дебрянскаго эта сцена произвела удручающее впечатлѣніе. Въ корридорѣ онъ шелъ за Прядильниковымъ, потупивъ голову, въ глубокомъ раздумьѣ.. А ординаторъ ворчалъ, озабоченно нюхая воздухъ.

— Опять эти идолы, сторожа, открыли форточку во дворъ. Чортъ знаетъ, что за дворъ! Маларійная отрава какая-то, — и холодъ его не беретъ... Чувствуете, какая міазматическая сырость?

Въ самомъ дѣлѣ, Дебрянскаго пронизало до костей холодною, влажною струею затхлаго воздуха, летѣвшаго имъ навстрѣчу. Степанъ Кузьмичъ, съ ловкостью кошки, вскочилъ на высокій подоконникъ и собственноручно захлопнулъ форточку, съ сердцемъ проклиная домохозяевъ вообще, а своего въ особенности...

— Нечего сказать, въ славномъ мѣстѣ держимъ лѣчебницу.

Онъ крѣпко соскочилъ на полъ и зашагалъ далѣе. Въ темномъ концѣ корридора, близко къ выходу, онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ дамою въ черномъ платьѣ. Она показалась Дебрянскому небольшого роста, худенькою, блѣдною, глазъ ея было не видать подъ вуалемъ. Ординаторъ помѣнялся съ нею поклономъ, сказалъ: „Здравствуйте, голубуш-

ка!" — и прошелъ. Вдругъ, онъ пересталъ слышать позади себя шаги Дебрянскаго... Обернулся и увидалъ, что тотъ стоитъ — бѣлый, какъ мѣлъ, безсильно прислонясь къ стѣнѣ, и держится рукою за сердце, дико глядя въ спину только-что прошедшей дамы.

— Вамъ дурно? Припадокъ? — бросился къ нему врачъ.

— Э... э... это что же? — пролепеталъ Дебрянскій, отдѣляясь отъ стѣны и тыча пальцемъ вслѣдъ незнакомкѣ.

— Какъ что? Наша кастелянша, Софья Ивановна Кругъ.

Дебрянскій сразу покраснѣлъ, какъ вареный ракъ, и даже плюнулъ со злости.

— Нѣтъ, докторъ, вы правы: надо мнѣ перестать бывать у васъ въ лѣчебницѣ. Тутъ, нехотя, съ ума сойдешь... Этотъ Петровъ такъ меня настроилъ... Да нѣтъ! Я даже и говорить не хочу, что мнѣ вообразилось.

Оберегая свои нервы, Дебрянскій пересталъ бывать у Петрова и вернулъ Радолиной Элифаса Леви, Сара Пеладана и весь мистическій бредъ, которымъ было отравился.

— Ну ихъ! Отъ нихъ голова кругомъ идетъ.

— Ахъ, измѣнникъ! — засмѣялась Радолина, — ну, а что вашъ интересный другъ и его прекрасная ламія? Влюблена она уже въ васъ или нѣтъ?

— Типунъ бы вамъ на языкъ! — съ неожиданно искреннею досадою возразилъ Алексѣй Леонидовичъ.

Недѣли двѣ спустя, докладываютъ ему въ конторѣ, что его спрашиваетъ солдатъ изъ лѣчебницы съ запискою отъ главнаго врача. Послѣдній настой-

чиво приглашалъ его къ Петрову, такъ какъ у больного выпалъ свѣтлый промежутокъ, которымъ онъ самъ желалъ воспользоваться, чтобы дать Дебрянскому кое-какія распоряженія по дѣламъ. „Торопитесь, — писалъ врачъ, — это послѣдняя вспышка, затѣмъ наступитъ полное отупѣніе, онъ наканунѣ смерти“.

Дебрянскій отправился въ лѣчебницу пѣшкомъ, — она отстояла недалеко, — захвативъ съ собою посланнаго солдата. Это былъ человѣкъ пожилой, угрюмаго вида, но разговорчивый. По дорогѣ онъ посвятилъ Дебрянскаго во всѣ хозяйственныя тайны страннаго, замкнутаго мірка лѣчебницы, настоящею королевою которой — по интимнымъ отношеніямъ къ попечителю учрежденія — оказывалась кастелянша, та самая Софья Ивановна Кругъ, что встрѣтилась недавно Дебрянскому съ ординаторомъ въ корридорѣ, у камеры Петрова. По словамъ солдата, весь медицинскій персоналъ былъ въ открытой войнѣ съ этою особою. „Только супротивъ нея и самъ господинъ главный врачъ ничего не могутъ подѣлать, потому что десять лѣтъ у его сіятельства въ экономкахъ прожила и до сихъ поръ отъ нихъ подарки получаетъ“. Солдатъ защищалъ врачей, ругалъ Софью Ивановну ругательски и сожалѣлъ князя-попечителя.

— И что онъ въ ней, въ нѣмкѣ, лестнаго для себя нашелъ? Никакой барственной деликатности! Рыжая, толстая, — одно слово: слонъ персидскій!

Алексѣя Леонидовича словно ударили:

— Что-о-о? — протянулъ онъ, пріостанавливаясь на ходу, — ты говоришь: она рыжая, толстая?

— Такъ точно-съ. Гнѣдой масти — сущая кобыла нагайская.

У Дебрянскаго сердце замерло, и холодъ по спинѣ побѣжалъ: значитъ, они встрѣтили тогда не Софью Ивановну Кругъ, а кого-то другую, совсѣмъ на нее не похожую, и ординаторъ солгалъ... Но зачѣмъ онъ солгалъ? Что за смыслъ былъ ему лгать?

Страшно смущенный и растерянный, онъ собрался съ духомъ и спросилъ у солдата:

— Скажи, братъ, пожалуйста, какъ у васъ въ лѣчебницѣ думаютъ о болѣзни моего пріятеля Петрова?

Солдатъ сконфузился:

— Что же намъ думать? Мы не доктора.

— Да, что доктора-то говорятъ, я знаю. А вотъ вы, служители, не примѣтили ли чего-нибудь особеннаго?

Солдатъ помолчалъ немного и потомъ, залпомъ, рѣшительно выпалилъ:

— Я, ваше высокоблагородіе, такъ полагаю, что имъ бы не доктора надо, а старца хорошаго, чтобы по требнику отчиталъ.

И, почтительно приклоня ротъ свой къ уху Дебрянскаго, зашепталъ:

— Доктора имъ, по учености своей, не вѣрятъ, говорятъ „воображеніе", а только они, при всей болѣзни своей, правы: ходитъ-съ она къ нимъ.

— Кто ходитъ? — болѣзненно спросилъ Дебрянскій, чувствуя, какъ сердце его тѣснѣе и тѣснѣе жмутъ чьи-то ледяные пальцы.

— Анна эта... ихняя, застрѣленная-съ...

— Богъ знаетъ что!

Дебрянскій зашагалъ быстрѣе.

— Ты видѣлъ? — отрывисто спросилъ онъ на ходу, послѣ короткаго молчанія.

— Никакъ нѣтъ-съ. Такъ — чтобы фигурою, не случалось, а только имѣемъ замѣчаніе, что ходитъ.

— Какое же замѣчаніе?

— Да вотъ хоть бы намедни, Карповъ, товарищъ мой, былъ дежурный по корридору. Дѣло къ вечеру. Видитъ: лампы тускло горятъ. Сталъ заправлять — одну, другую... только вотъ откуда-то его такъ и пробираетъ холодомъ, сыростью такъ и обдаетъ, — ровно изъ погреба.

— Ну-ну... — лихорадочно торопилъ его Дебрянскій.

— Пошелъ Карповъ по корридору смотрѣть, гдѣ форточка открыта. Нѣтъ, всѣ заперты. Только обернулся онъ и видитъ: у Петрова господина въ номерѣ дверь пріотворилась и затворилась... и опять мимо Карпова холодомъ понесло... Карпову и взбрело на мысль: а, вѣдь, это не иначе, что больной стекло высадилъ, да бѣжать хочетъ... Пошелъ къ господину Петрову, а тотъ — безъ чувствія, еле живъ лежитъ... Окно и все прочее цѣло... Ну, тутъ Карповъ догадался, что это у нихъ Анна ихняя въ гостяхъ была, и обуялъ его такой страхъ, такой страхъ... Отъ службы пошелъ было отказываться, да господинъ главный врачъ на него какъ крикнетъ! Что, говоритъ, ты, мерзавецъ этакій, бредни врешь? Вотъ я самого тебя упрячу, чтобы тебѣ въ глазахъ не мерещилось...

— Ему не мерещилось, — съ внезапнымъ убѣжденіемъ сказалъ Дебрянскій.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, человѣкъ трезвый, своими глазами видѣлъ. Да развѣ съ господиномъ главнымъ врачемъ станешь спорить?

Петрова Алексѣй Леонидовичъ засталъ крайне слабымъ, но вполнѣ разумнымъ. Камера Петрова,

высокая, узкая и длинная, съ стѣнами, крашеными въ голубой цвѣтъ надъ коричневой панелью, была — какъ рама къ огромному, почти во всю вышину комнаты отъ пола до потолка, окну; на подоконникъ были вдвинуты старинныя кресла-розвальни, а въ креслахъ лежалъ неподвижный узелъ коричневаго тряпья. Этотъ узелъ былъ Петровъ. Дебрянскій приблизился къ нему, превозмогая робкое замираніе сердца. Петровъ медленно повернулъ желтое лицо — точно слѣпленное изъ цѣлой системы отечныхъ мѣшковъ: подъ глазами, на скулахъ, на вискахъ и выпуклостяхъ лба — всюду обрюзглости, тѣмъ болѣе непріятныя на видъ, что тамъ, гдѣ мѣшковъ не было, лицо казалось очень худымъ, кожа липла къ костямъ. Говорилъ Петровъ тихимъ, упавшимъ голосомъ.

— Вотъ что, братъ Алексѣй Леонидовичъ, — шепталъ онъ, — чувствую, что капутъ, раздѣлка... ну, и того... хотѣлъ проститься, сказать нѣчто...

— Э! Поживемъ еще! — бодро сталъ было утѣшать его Дебрянскій, но больной покачалъ головою.

— Нѣтъ, кончено, умираю. Съѣла она меня съѣла. Вы не гримасничайте, Степанъ Кузьмичъ, — улыбнулся онъ въ сторону ординатора, — это я про болѣзнь говорю: съѣла, а не про другое что...

Тотъ замахалъ руками.

— Да Богъ съ вами! Я и не думалъ!

— Такъ вотъ, любезный другъ, Алексѣй Леонидовичъ, — продолжалъ Петровъ, — во-первыхъ, позволь тебя поблагодарить за все участіе, которое ты мнѣ оказалъ въ недугѣ моемъ... Одинъ, вѣдь, не бросилъ меня околѣвать, какъ собаку.

— Ну, что тамъ... стоитъ ли? — пробормоталъ Дебрянскій.

— Затѣмъ — ужъ будь благодѣтелемъ до конца. Болѣзнь эта такъ внезапно нахлынула, дѣла остались неразобранными, въ хаосѣ... Ну, кліентурою-то совѣтъ распорядится, а вотъ — по части личнаго моего благосостоянія, просто ужъ и ума не приложу, что дѣлать. Прямыхъ наслѣдниковъ у меня, какъ ты знаешь, нѣту. Завѣщанія не могу уже сдѣлать: родственники оспаривать будутъ правоспособность и, конечно, выиграютъ... Между тѣмъ, хотѣлось бы, чтобы деньги пошли на что-нибудь путное... Да... о чемъ бишь я?

Глаза его помутились было и утратили разумное выраженіе, но онъ справился съ собою и продолжалъ:

— Такъ вотъ, завѣщанія-то я не могу сдѣлать, а между тѣмъ, мнѣ бы хотѣлось и тебѣ что-нибудь оставить на память... на память, чтобы не забылъ... Дрянь у меня родня, ничего не дадутъ... на память, чтобы не забылъ... Аннѣ бѣдняжкѣ памятникъ слѣдовало бы... Мертвенькая она у меня... памятникъ, чтобы не забылъ...

Онъ страшно слабѣлъ и путалъ слова. Ординаторъ заглянулъ ему въ лицо и махнулъ рукою.

— Защелкнуло! — сказалъ онъ съ досадою. — Теперь вы больше толку отъ него не добьетесь! Онъ уже опять бредитъ.

Больной тупо посмотрѣлъ на него.

— Анъ не брежу! — хитро и глупо сказалъ онъ, — завѣщаніе! Вотъ что!.. Дебрянскому — чтобы не забылъ! Что? Брежу? Только завѣщать — тю-тю! Нечего! Вотъ тебѣ и — чтобы не забылъ. А вы — брежу! Какъ можно? Завѣщаніе Анна съѣла... хе-хе! глупа, — ну, и съѣла! Ну, и шишъ тебѣ, Алексѣй Леонидовичъ! Шишъ съ масломъ!

И онъ сталъ смѣяться тихимъ, безсмысленнымъ смѣхомъ. Потомъ, какъ бы пораженный внезапною мыслью, уставился на Дебрянскаго и долго разсматривалъ его пристально и серьезно. Потомъ сказалъ медленно и важно:

— А знаешь что, Алексѣй Леонидовичъ? Завѣщаю-ка я тебѣ свою Анну?

— Угостилъ! — улыбнулся ординаторъ, а Дебрянскій такъ и встрепенулся, какъ подстрѣленная птица.

— Господи! Василій Яковлевичъ! Что ты только говоришь?

Больной снисходительно замахалъ руками:

— Не благодари, не благодари... не стоитъ! Анну — тебѣ, твоя Анна... ни-ни! Кончено! Бери, не отнѣкивайся!.. Твоя! Уступаю!.. Только ты съ нею строго, строго, а то она — у-у-у, какая! Меня съѣла и тебя съѣстъ. Злая, что жила мало, — голодная! Бѣдовая! Чувства гаситъ, сердце высушиваетъ, мозги помрачаетъ, вытягиваетъ кровь изъ жилъ. Когда я умру, вели меня анатомировать. Увидишь, что у меня вмѣсто крови — одна вода и бѣлые шарики... какъ бишь ихъ тамъ?.. Хоть подъ микроскопъ! Ха-ха-ха! И съ тобою то же будетъ, другъ, Алексѣй Леонидовичъ, и съ тобой! Она, братъ, молода! голодна! жить хочетъ, любить. Ей нужна жизнь многихъ, многихъ...

И расхохотался такъ, что запрыгали всѣ комки и шишки его обезображеннаго лица.

Ординаторъ подмигнулъ Дебрянскому: теперь-то, молъ, будетъ потѣха.

— Вотъ этого пунктика, Василій Яковлевичъ, — сказалъ онъ съ серьезнымъ видомъ, — мы у васъ не понимаемъ. Какъ: „хочетъ жить и любить“? Она мертвая...

— Мертвая, а ходитъ. Что она разбила себ пулей високъ, да закопали ее въ яму, да въ ям она сгнила, такъ и нѣтъ ея? Анъ вотъ и врешь есть! На милліарды частицъ распалась и, какъ рас палась, тутъ-то и ожила. Они, братъ, всѣ живутъ мертвые-то. Мы съ тобой говоримъ, а между нами вонъ въ этомъ лучѣ, колеблется, быть можетъ, цѣ лый вымершій народъ. Изъ каждой горсточки воз духа можно вылѣпить сотню такихъ, какъ Анна.

Онъ сжалъ кулакъ и, медленно разжавъ его отряхнулъ пальцы. Дебрянскій съ содроганіемъ про слѣдилъ его жестъ. Сумасшедшая болтовня Петров начинала его подавлять.

— Ты думаешь, воздухъ пустой? — бормоталъ онъ, — нѣтъ, братъ, онъ лѣпкій, онъ живой; въ нем матерія блуждаетъ... понимаешь? Послушная мате рія, которую великая творческая сила облекаетъ в формы, какія захочетъ... Дифтериты, холеры, тифы... Это вѣдь они, мертвые, входятъ въ живыхъ и уво дятъ ихъ за собою. Имъ нужны жизни чужія в отплату за свою жизнь. Ха-ха-ха! въ бациллу, чай вѣришь, а — что мертвые живутъ и мстятъ, не вѣ ришь. Вотъ я бросилъ карандашъ. Онъ упалъ н полъ. Почему?

— Силою земного притяженія.

— А видишь ты эту силу?

— Разумѣется, не вижу.

— Вотъ и знай, что самое сильное на свѣтѣ — это невидимое. И, если оно вооружилось против тебя, его не своротишь! Не борись, а покорно по гибай. Ты, Дебрянскій, Анны испугался. Анна — что? Анна — вздоръ: форма, слѣпокъ, пузырь земли Анна — сама раба. Но власть, но сила, котора оживляетъ матерію этими формами и посылаетъ уни

чтожать насъ, — that is the question! Ужасно и непостижимо! И они — пузыри-то земли — не отвѣчаютъ о ней. Узнаемъ, лишь когда сами помремъ. Я, братъ, скоро, скоро, скоро... И изъ меня тоже слѣпится пузырь земли, и изъ меня!

Онъ таращилъ глаза, хваталъ руками воздухъ и мялъ его между ладоней, какъ глину. Людей онъ пересталъ замѣчать, весь поглощенный созерцаніемъ незримаго міра, который копошился вокругъ него...

Дебрянскій слушалъ этотъ хаосъ словъ съ какимъ-то глухимъ отчаяніемъ.

— Да что вы! — шепталъ ему ординаторъ, — на васъ лица нѣту... Опомнитесь! Вѣдь, это же бредъ сумасшедшаго...

А Петровъ лепеталъ:

— Я давно ее умоляю, чтобы она перестала меня истязать. Что, молъ, тебѣ во мнѣ? Ты меня всего изсушила. Я — выѣденное яйцо, скорлупа безъ орѣха. Дай мнѣ хоть умереть спокойно, уйди. Она говоритъ: уйду, но дай мнѣ, взамѣнъ себя, другого. Сказываю тебѣ: молода, не дожила свое и не долюбила. Ну, что жъ? Ты пріятель мой, другъ, я тебѣ благодаренъ... вотъ ты ее и возьми, пріюти, пусть тебя любитъ... ты стоишь... возьми, возьми!

— Уйдемъ! Это слишкомъ тяжело! — пробормоталъ Дебрянскій, потянувъ ординатора за рукавъ.

— Да, не весело! — согласился тотъ.

Они вышли.

И покончивъ съ нимъ,
Я пойду къ другимъ,
Я должна, должна идти за жизнью вновь...

летѣла имъ вслѣдъ безумная декламація и хохотъ Петрова.

Очутясь въ корридорѣ, Дебрянскій оглядѣлся,

какъ послѣ тяжелаго сна, и, вспомнивъ нѣчто, взялъ ординатора за руку.

— Степанъ Кузьмичъ! — сказалъ онъ дружескимъ и печальнымъ голосомъ, — зачѣмъ вы мнѣ тогда солгали?

Прядильниковъ вытаращилъ на него глаза:

— Когда?!

— А помните, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ мы встрѣтили...

— Софью Ивановну Кругъ. Помню, потому что вамъ тогда что-то почудилось, и вы чуть не упали въ обморокъ.

— Это не Софья Ивановна была, Степанъ Кузьмичъ.

Ординаторъ пристально взглянулъ ему въ лицо.

— Извините меня, голубчикъ, но вамъ нервочки подтянуть надобно! — мягко сказалъ онъ. — Какъ не Софья Ивановна? Да хотите, мы позовемъ ее сейчасъ, самоё спросимъ.

И онъ толкнулъ Дебрянскаго въ боковую дверь, за которою помѣщалась амбулаторная пріемная.

— Софья Ивановна! — крикнулъ онъ, отворяя еще какую-то дверь, — благоволите пожаловать сюда.

— Gleich.

Выплыла огромная, казеннаго образца нѣмка aus Riga, съ молочно-голубыми глазами и двойнымъ подбородкомъ.

— Вотъ-съ... — показалъ въ ея сторону всей рукою ординаторъ. — Софья Ивановна! Голубушка! Вы помните, какъ, съ недѣлю тому назадъ, встрѣтили меня вотъ съ этимъ господиномъ возлѣ номера господина Петрова.

— Oh, ja! — протянула нѣмка голосомъ сырымъ

и сдобнымъ. — Я ошень помниль. Потому что каспадинъ быль ошень bleich, и я ошень себѣ много удивленій даваль, зашемъ такой braver Herr есть такъ много ошень bleich...

— Ну-съ? Вы слышали? — засмѣялся ординаторъ.

Дебрянскій былъ пораженъ до изступленія. Свидѣтельство нѣмки непремѣнно доказывало, что Степанъ Кузьмичъ его не морочилъ, а между тѣмъ онъ присягнуть былъ готовъ, что у встрѣченной тогда дамы былъ другой овалъ лица, другіе станъ, ростъ...

— Да не столковались же они, наконецъ, нарочно мистифицировать меня! — подумалъ онъ съ тоскою, — когда имъ было, и зачѣмъ?

И, вѣжливо улыбнувшись, онъ обратился къ Софьѣ Ивановнѣ:

— Извините, пожалуйста. Я вотъ спорилъ со Степаномъ Кузьмичемъ... Мнѣ тогда вы показались совсѣмъ не такою.

— О! Я изъ бань шелъ, — получилъ онъ прозаическій и добродушный отвѣтъ. — Изъ бань человѣкъ hat immer разный лизо, и я имѣлъ лизо весьма ошень разный...

Глупая нѣмка, „съ весьма очень разнымъ лицомъ", своимъ комическимъ вмѣшательствомъ въ фантастическую трагедію жизни Петрова, такъ ошеломила и успоконла Дебрянскаго, что онъ вышелъ изъ лѣчебницы съ легкимъ сердцемъ, хохоча надъ своимъ суевѣріемъ, какъ ребенокъ. По пути изъ лѣчебницы онъ, пересѣкая Пречистенскій бульваръ, встрѣтилъ сановника-оккультиста. Старичекъ совершалъ предобѣденную прогулку и заглядывалъ подъ шляпки гувернантокъ и платочки молоденькихъ нянь, вѣчно гуляющихъ съ дѣтьми по этому бульвару, рѣши-

тельно безъ всякаго опасенія нарваться на какую-нибудь эмпузу или ламію. Дебрянскій прошелъ вмѣстѣ съ нимъ всю бульварную линію.

— О! — сказалъ старый чудакъ, когда Дебрянскій, смѣясь, разсказалъ, какую штуку сыграли съ нимъ разстроенные нервы. — О! Вы совершенно напрасно такъ легко разувѣрились. Меня эта исторія только убѣждаетъ въ моемъ первомъ предположеніи — что вы имѣете дѣло съ ламіей. Онѣ ужасныя бестіи, эти ламіи, — могутъ принимать какой угодно видъ и форму, когда на нихъ смотрятъ живые люди... Да! Такъ что вы, молодой другъ мой, несомнѣнно, видѣли не эту толстомясую нѣмку, — которая, впрочемъ, столь аппетитна, что, я надѣюсь, вы не откажете сообщить мнѣ ея адресъ! — но ламію, самую настоящую ламію, въ настоящемъ ея видѣ. А господину ординатору она представилась нѣмкою... еще разъ очень прошу васъ: дайте мнѣ ея адресъ.

На мгновеніе Дебрянскаго какъ бы ожгло.

„Лѣпкій воздухъ, живой“, съ отвращеніемъ вспомнилъ онъ и задрожалъ, поймавъ себя на томъ, что, повторяя жестъ Петрова, самъ мнетъ воображаемую глину...

— Глупости! — съ досадою сказалъ онъ про себя, — довольно дурить! Пора взять себя въ руки! Что я — семидесятилѣтній рамоликъ, что ли, выжившій изъ ума? А къ Петрову ходить баста. Это, въ самомъ дѣлѣ, заражаетъ...

И, овладѣвъ собою, онъ завелъ съ генераломъ фривольный разговоръ о ламіяхъ, нѣмкахъ и встрѣчаемыхъ гуляющихъ дамахъ.

Въ контору свою Дебрянскій уже не пошелъ. Онъ очень весело провелъ день, былъ въ театрѣ

потомъ поужиналъ съ знакомымъ въ „Эрмитажѣ“ и вернулся домой часу въ третьемъ утра. Уютная холостая квартирка встрѣтила его тепломъ и комфортомъ. Въ спальнѣ, ласково грѣя, тлѣлъ каминъ. У Дебрянскаго была привычка — передъ сномъ выкуривать папиросу около огонька. Онъ раздѣлся и, въ одномъ бѣльѣ, сѣлъ въ кресло у камина, подбросивъ въ него еще два полѣна дровъ. Огонь вспыхнулъ, ярко озаривъ всю комнату краснымъ шатающимся свѣтомъ. Алексѣй Леонидовичъ сидѣлъ, курилъ и чувствовалъ себя очень въ духѣ... Онъ вспоминалъ только что видѣнную веселую оперетку, съ примадонною, такою же толстою, какъ утромъ нѣмка въ лѣчебницѣ, съ ея очень разнымъ лицомъ, вспомнилъ, какъ глупо мѣшала она нѣмецкія слова съ русскими...

— Ужъ не умѣешь говорить по-русски, — качаясь въ креслѣ, разсуждалъ онъ, незамѣтно засыпающимъ умомъ, — такъ говори по-иностранному... иностранныя слова... Да!.. цивилизація, поэзія, абрикотинъ... Тьфу! Что это я?! — опамятовался онъ и, встрепенувшись отъ дремы, подобралъ выпавшую было изо рта на колѣни папиросу, но сейчасъ же уронилъ ее снова и заклевалъ носомъ.

— А многіе есть и образованные, — продолжало качать его, — не знаютъ говорить иностранныя слова, — да... цивилизація, Стэнли, апельсинъ... иностранныя... А поэзія это особо... Вавиловъ, музыкантъ, „дуэтъ“ не можетъ выговорить, все на первый слогъ ударяетъ... Образованный, иностранный, а не можетъ... дуетъ Глинки, дуетъ Стэнли, апельсинизація... Дуетъ, дуетъ, откуда, зачѣмъ дуетъ?.. Въ корридорѣ дуетъ... ужасно скверно, когда дуетъ...

Дебрянскій недовольно повернулся въ креслѣ потому что на него въ самомъ дѣлѣ потянуло холодкомъ, и слѣва, откуда дуло, онъ услыхалъ, надъ самымъ своимъ ухомъ, будто кто-то грѣетъ руки ладонь зашуршала о ладонь... Онъ лѣниво взглянулъ въ ту сторону. На ручкѣ ближайшаго кресла — чуть видная въ багряномъ отблескѣ потухающаго камина — сидѣла маленькая, худенькая женщина въ черномъ и, покачиваясь, терла, будто съ холоду рука объ руку.

— Это... та! Нѣмка изъ лѣчебницы! — спокойно подумалъ Дебрянскій, — ишь, какъ иззябла... да, дуетъ, дуетъ... иностранная нѣмка, съ весьма очень разнымъ лицомъ...

Черненькая женщина все грѣлась и мыла руки не обращая на Алексѣя Леонидовича никакого вниманія... Наконецъ, она повернула къ нему лицо — блѣдное лицо, съ огромными глазами, бездонными какъ омутъ, темными, какъ ночь... И блѣдные губки ея дрогнули, и странно сверкнули въ полумракѣ ровные, бѣлые, какъ кипень, зубы... и раздался голосъ, тихій, ровный и низкій, точно изъ-за глухой стѣны:

— Анною звать-то меня... Аннушка я... мы перемышльскія...

Поутру, слуга Сергѣй, войдя въ кабинетъ со щеткою, попятился въ страхѣ: баринъ, котораго онъ вчера вечеромъ оставилъ живымъ, бодрымъ и веселымъ, лежалъ на коврѣ, навзничь, безчувственный въ глубокомъ обморокѣ... Слуга бросился за врачомъ... Долго приводили въ чувство Алексѣя Леонидовича, и, когда открылъ онъ глаза, стоялъ въ нихъ невыразимый, недовѣрчивый ужасъ... Первымъ его вопросомъ было:

— Она ушла?

— Кто-съ? — удивился Сергѣй.

Дебрянскій не отвѣчалъ. Врачъ напоилъ его бромомъ, предписалъ спокойствіе и удалился. Но Алексѣй Леонидовичъ чувствовалъ себя уже совершенно здоровымъ и даже поѣхалъ въ контору.

— Баринъ, — доложилъ Сергѣй, одѣвая его, — я не смѣлъ вамъ сказать, потому что докторъ запретилъ васъ безпокоить, но, какъ скоро вы выѣзжаете... Сейчасъ изъ лѣчебницы солдатъ приходилъ. Господинъ Петровъ въ ночь скончались...

Дебрянскій страшно поблѣднѣлъ.

— Я знаю, — глухо сказалъ онъ и очень удивилъ тѣмъ Сергѣя: откуда могъ узнать баринъ, со вчерашняго вечера изъ кабинета не выходившій и ночь безъ чувствъ пролежавшій, новость, которую и онъ то — первый узнавшій — такъ тщательно берегъ?

Днемъ Алексѣй Леонидовичъ возвратился домой только на нѣсколько минутъ, чтобы взять деньги изъ несгораемаго шкапа, и затѣмъ пропалъ до слѣдующаго утра. Сергѣй услышалъ его звонокъ уже въ девятомъ часу утра, когда ноябрьскій день сталъ свѣтелъ и солнеченъ, и отворилъ ему, красному, опухшему, видимо, не спавшему всю ночь, но мирному и спокойному. Онъ легъ спать и спалъ до сумерекъ. Проснулся, — увидалъ, что темнѣетъ, — пришелъ въ великій испугъ, почти въ отчаяніе, и такъ торопился вонъ изъ дома, что Сергѣй невольно подумалъ:

— Надо быть, на свиданіе поспѣшаетъ... Мамзельку завелъ!

Такъ прошло съ недѣлю. Петрова давно похоронили. Дебрянскаго не видать было ни на отпѣва-

нiи, ни на кладбищѣ. Дома жить онъ почти совершенно пересталъ. Изумленный Сергѣй ума не могъ приложить, что сталось съ его приличнѣйшимъ и аккуратнѣйшимъ бариномъ-домосѣдомъ. Побѣжали о Дебрянскомъ по Москвѣ странные и нехорошiе слухи, что онъ кутитъ и ведетъ самую разсѣянную жизнь. Прямо изъ должности теперь онъ ѣхалъ въ какой-нибудь, самый людный и свѣтлый, ресторанъ, оттуда перекочевывалъ въ театръ, по окончанiи спектакля спѣшилъ въ клубъ или кафешантанъ, сталъ завсегдатаемъ Яра и Стрѣльны, и наконецъ, если всюду огни потушены и зѣвающiе люди расходились по домамъ, а ночи оставался еще кусокъ длинный, то Алексѣй Леонидовичъ, сгорая отъ стыда, что — неровенъ часъ — какой нибудь-юноша его замѣтитъ и узнаетъ, стучался въ публичные дома. Здѣсь онъ удивлялъ тѣмъ, что нанималъ трехъ, четырехъ и больше женщинъ, никогда не пользуясь ни одной: онѣ должны были только сидѣть съ нимъ и говорить — по возможности, безъ умолка, а онъ поилъ ихъ виномъ, портеромъ, шампанскимъ и ни одну не отпускалъ отъ себя, покуда день не бѣлилъ занавѣсей на окнахъ и не становилось совершенно свѣтло. Тогда вставалъ, приводилъ себя въ порядокъ для города, расплачивался и уѣзжалъ. Это былъ — какъ разъ тотъ образъ жизни, который, въ предсмертные годы свои, велъ покойный Петровъ, и Алексѣй Леонидовичъ съ холоднымъ ужасомъ сознавалъ, что всталъ на ту же дорогу: превращается въ „человѣка толпы“, какъ угадалъ его когда-то Эдгаръ Пое — въ существо, обреченное на людность, потому что одиночество для него — пытка безумiя или даже смертный приговоръ.

Единственный разъ, что Дебрянскiй остался пере

очевать дома, обморокъ повторился. Къ счастью, ергѣй былъ недалеко и, при помощи нашатырнаго пирта и коньяку, оживилъ больного довольно быро. И опять первымъ вопросомъ очнувшагося Деоянскаго было:

— Она ушла?

— Кто, баринъ?

Алексѣй Леонидовичъ покачалъ головою.

— Я знаю, кто она была, а кто она теперь, это, ратъ, мудрѣе насъ съ тобою.

— Вы, баринъ, должно быть, дурной сонъ видѣли?

— Нѣтъ, братецъ, какой тамъ сонъ!

Но потомъ подумалъ и головою затрясъ.

— А, впрочемъ, кто ее знаетъ: можетъ быть и онъ.

Назавтра онъ сидѣлъ на пріемѣ у знаменитаго сихіатра: стараго, сѣдобородаго профессора, съ гоымъ черепомъ, крутою шишкой выдвинутымъ впеедъ, съ цѣлымъ кустарникомъ сѣдыхъ бровей надъ олубыми глазами.

— Поймите, профессоръ, — шепталъ онъ, — я отерялъ себя, я потерялъ жизнь. Изъ нея удалиись факты, а вмѣсто нихъ воцарились призраки. сли я не вижу ихъ, то, все равно, предчувствую. ежду моимъ глазомъ и свѣтомъ какъ будто легла олевая сѣтка; самый ясный изъ московскихъ дней жется мнѣ сѣрымъ. Въ самомъ прозрачномъ возухѣ, — мерещится мнѣ, — качается мутная мгла, нкая, какъ эѳиръ, и такая же зыбкая... влажная осклизлая. Я ощущаю ея ползучее прикосновеніе своемъ лицѣ. И я чувствую всѣмъ существомъ оимъ, чувствую, профессоръ, всѣмъ инстиктивнымъ пугомъ живого предъ мертвымъ, что эта сѣрая муть есть именно та таинственная матерія, сложенная изъ

отжитыхъ жизней, о которой говорилъ мнѣ, въ свое безумной мудрости, несчастный Петровъ. И онъ был правъ. Она, эта лѣпкая зыбкая матерія, течетъ в непрерывномъ движеніи и готова рождать „пузыр земли" въ любой формѣ, въ каждомъ образѣ, поко ная повелительной силѣ, чтобы понять которую – говорилъ Петровъ — надо сперва умереть...

Выслушавъ Дебрянскаго, психіатръ долго думал

— Туманъ, — сказалъ онъ наконецъ.

И, въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ кліеит прибавилъ.

— Это все — вотъ это.

Онъ указалъ на окно, сѣдое отъ разлитой з нимъ молочно-бѣлой мглы холодныхъ паровъ: улич ные фонари мигали сквозь нее красноватыми тус лыми огоньками, будто изъ-подъ матовыхъ колпаков

— Англичане въ такіе туманы стрѣляются, а ру скіе сходятъ съ ума. Вы русскій, слѣдовательно. Лѣчиться надо, сударь мой! Звуковыя галлюцин ціи — еще половина горя, а ужъ если пошли зр тельныя... Что? Вамъ не понравилось слово „га люцинаціи"? То-то вотъ и есть. Оккультизмомъ б ловаться безнаказанно нельзя-съ. Огонь жжется. Пр видѣній вы боитесь, а за галлюцинаціи уже обиж етесь. Ну-съ, я не буду диспутировать, наскольк реальны ваши представленія. Какъ вы ни страдае отъ нихъ, но вамъ — неправда ли? — въ то ж время хочется, чтобы они были настоящія, а не в ображаемыя. Бываетъ-съ, бываетъ-съ. Не думайт что вы одиноки. Ко мнѣ и сейчасъ является дважд въ недѣлю одинъ кандидатъ на судебныя должност котораго покойная супруга навѣщать изволитъ и ч съ нимъ пьетъ. Хлѣбъ мнѣ показывать приносил ею будто бы не доѣденный, со слѣдами зубовъ-с

же на оккультизмѣ свихнулся, послѣ Гюисмансова
а Bas“. Много эта книга мозговъ испортила.
къ вотъ и давайте не диспутировать, но лѣ-
ться. И я васъ вылѣчу. Бѣгите отсюда. Бѣгите
да, гдѣ нѣтъ этого... — онъ снова указалъ на
ю, — и, если можно, навсегда. Бѣгите подъ
кое небо, подъ палящее солнце, къ ласковымъ мо-
ямъ, къ пальмамъ и газелямъ. Тамъ вы забудете
ихъ призраковъ. А сѣверъ — родина душевныхъ
лѣзней — для васъ болѣе не годится. Вашъ Пе-
овъ сказалъ правду. Воздухъ у насъ живой и
кiй: онъ населенъ сплиномъ, неврастенiей, удру-
нными и раздражительными настроенiями. Мы вѣдь
имерiяне. Вы читали Гомера?

— Давно.

Докторъ закрылъ глаза и прочиталъ наизусть:

— „Блѣдная страна мертвыхъ, безъ солнца, одѣ-
мрачными туманами, гдѣ, подобно летучимъ мы-
мъ, рыщутъ съ пронзительными криками стаи жал-
къ привидѣнiй, наполняющихъ и согрѣвающихъ
и жилы алой кровью, которую высасываютъ они
могилахъ своихъ жертвъ“.

И, когда эта цитата заставила Алексѣя Леонидо-
а вздрогнуть, профессоръ засмѣялся и ударилъ
по плечу.

— У васъ киммерiйская болѣзнь... Бѣгите на
ъ! Недугъ, порожденный туманомъ и мракомъ, из-
ивается только солнцемъ...

И вотъ онъ здѣсь...

III.

Вечеромъ Алексѣй Леонидовичъ Дебрянскiй и
ъ Валерiй Гичовскiй снова свидѣлись въ опер-

номъ театрѣ, въ антрактѣ спектакля. Ставили „Л
энгрина“. Опера въ Корфу не первоклассная, н
не слабая: труппы, обыкновенно, набираются мо
дыя — однако, не изъ совсѣмъ новичковъ, а таки
которые уже выдержали гдѣ-нибудь въ Италіи
зонъ другой на второстепенныхъ сценахъ и прош
съ успѣхомъ, мѣтятъ въ многообѣщающіе.

Дебрянскій былъ изумленъ обиліемъ знакомы
у Гичовскаго. Ему приходилось кланяться на к
домъ шагу. Почти всѣ дамы въ ложахъ кивали е

— Когда это вы успѣли пріобрѣсти такую по
лярность? — спросилъ Алексѣй Леонидовичъ.

— О, Боже мой... Да вѣдь я же здѣсь, по кр
ней мѣрѣ, въ пятнадцатый разъ... Иногда живалъ
мѣсяцу, по два... Вотъ поѣдемте когда-нибудь
глубь острова, на гору Панкратора... Я васъ
знакомлю съ пастухами козъ. Горы здѣшнія я
лазилъ. Видите ли, — одинъ старожилъ увѣрялъ ме
будто на Панкраторѣ есть пещера или, вѣрнѣе с
зать, расщелина, — это вѣдь погасшій вулканъ, —
которой люди пьянѣютъ отъ особыхъ, наполняющ
ее, газовъ и приходятъ въ восторженное состоя
Знаете — въ родѣ того, какъ въ Дельфахъ, съ пиѳіе
Я сталъ искать эту расщелину. Однако, либо не
шелъ ея, либо она вывѣтрилась и потеряла с
прежнія качества... Весьма возможно. Вѣдь, во
и знаменитая Собачья пещера близъ Неаполя, въ
слѣдніе годы, уже перестала привлекать иностранц
потому что въ нее ворвался притокъ кислорода и
рѣдилъ вѣковые слои угольной кислоты. Соб
больше не дохнутъ въ Собачьей пещерѣ, а лю
ваться тѣмъ, какъ на полу ея, прижавшись къ зе
тлѣетъ синенькимъ огонькомъ восковой огарокъ
любопытно для милосердыхъ туристовъ. И дѣйс

ельно, такое чудо можно время отъ времени съ
добствомъ наблюдать въ любой чадной кухнѣ, а
насъ въ Россіи — постоянно — въ каждой чер-
ой избѣ.

— Развѣ вы предполагаете, что опьянѣніе дель-
ійской пиѳіи было того же происхожденія — отъ
глекислыхъ газовъ?

— Нѣтъ, на этомъ настаивать я не берусь. Из-
ѣстно только, что отъ газовъ, но — какихъ именно,
то остается загадкою. Этихъ античныхъ пророче-
кихъ оракуловъ — Plutonia, Charonia и пр. — было
ѣдь множество, и Дельфамъ только посчастливи-
ось больше другихъ во всемірной репутаціи. Мори
равъ: древнему міру, какъ и новому, нуженъ былъ
вой повелѣвающій Ватиканъ, и центральность поло-
кенія сдѣлала имъ Дельфы. Во всѣхъ этихъ хтони-
ескихъ святилищахъ любопытны нѣкоторыя общія
ерты, которыя я надѣялся провѣрить по таинственной
ещерѣ корфіотовъ.

— Напримѣръ?

— Всѣ они — послѣ экстатическаго опыта и какъ
ы въ наслѣдство его — отравляли людей, которые
мъ ввѣрялись, какъ бы нѣкоторою ненавистью къ
кизни и стремленіемъ къ самоубійству. „Печаленъ,
акъ будто побывалъ въ пещерѣ Трофонія“ — было
ословицей въ древнемъ эллинскомъ мірѣ. Дельфій-
кій храмъ возникъ вокругъ кратера, который, по
егендѣ, открыли козы, опьяненныя его испареніями.
юдямъ газы кратера дарили экстазы пророчества,
о, вмѣстѣ, и — восторги самоубійства. До тѣхъ
оръ, покуда кратеръ оставался свободнымъ, въ безднѣ
го погибло множество изъ тѣхъ, кто искалъ въ немъ
дохновеній и вдыхалъ его pneuma enthusiasticum.
осторженное одурѣніе самоубійства сказывается въ

подобныхъ мѣстахъ даже на животныхъ. Эліан
описывая одинъ индійскій харопіумъ, говоритъ, ч
жертвенныя животныя, приведенныя къ его пещер
устремлялись въ нее безъ всякаго принужденія, но
какъ бы притянутыя незримою силою. Въ Гіероп
лисѣ, въ храмѣ Сирійской богини, наблюдалось н
что въ томъ же родѣ. Жертвеннаго быка не прих
дилось закалывать, — онъ самъ падалъ, какъ пор
женный молніей, удушаемый отравленнымъ воздухом
святилища, который, по свидѣтельству Страбона
Діона Кассія, могли терпѣть только жрецы храма,
они спасали себя тѣмъ, что, по возможности, заде
живали дыханіе. Въ неаполитанской Собачьей пещер
множество путешественниковъ отмѣтили поразител
ное равнодушіе, съ какимъ животныя, предназначенн
для опыта, шли на готовую смерть. Рѣшительно в
плутоническія дыры, когда-либо глядѣвшія изнут
земли на бѣлый свѣтъ, связаны съ миѳами или дѣ
ствительными случаями экстатическаго самоубійств
Послѣдній вулканическій провалъ античнаго Ри
сохранился въ лѣтописяхъ, благодаря чудесной ист
ріи Марка Курція, самопожертвованіе котораго, ка
неоднократно выяснялось историками, миѳологами
изслѣдователями религіозныхъ культовъ, представля
собою не иное что, какъ ритуальное самоубійство
честь хтоническихъ божествъ. Поднимались вы когл
нибудь на Этну или Везувій? Нѣтъ? Я очень жизн
радостный человѣкъ и жесточайшій врагъ самоуб
ства. Но, когда я стою у кратера, хотя бы да
незначительнаго, вродѣ Стромболи или поццуоланск
Зольфатары, это у меня постоянное чувство: тяне
туда. Жутко и весело, энтузіастически отважно
нетъ. Начинаешь понимать Эмпедокла, радостно пр
нувшаго въ Этну, а міру назадъ, вверхъ, през

ьно выбросившаго подметки своихъ сандалій. Въ офоніевъ гротъ, говорятъ, было жутко вползать лько до половины тѣла, а потомъ — какъ вихремъ дхватывало и волокло внизъ. Все тотъ же экстазъ рождался! Демонологи на этомъ соединеніи жажды ерти съ пиѳическимъ экстазомъ построили множство суевѣрныхъ теорій и нагородили всякой дьяльщины, а въ дикомъ быту кое-гдѣ до сихъ поръ е ходятъ за пророчествами и знаменіями на вернны вулкановъ и кормятъ кратеры человѣческими лами — обыкновенно, мертвыми, но подъ шумокъ, и европейскій надзоръ прозѣваетъ, то и живыми. Никорагуа есть вулканъ Масайя или Попогатеку, что значитъ Дымящаяся Гора. Она искони и рмится такимъ образомъ, и прорицаетъ. Страна ратилась въ христіанство, но католическіе миссіоры воспользовались вулканомъ, — заставляютъ новоращенныхъ восходить на гору и смотрѣть въ кратеръ раскаленную лаву: вотъ молъ адъ, который тебѣ товнанъ, если будешь злымъ... Въ Аляскѣ, Камткѣ, въ Африкѣ я знавалъ индійцевъ и негровъ, урявшихся угарами въ вулканическихъ расщелинахъ переживавшихъ плутоническіе обмороки. Это были ди печальные, неразговорчивые, что-то потерявшіе жизни, подобно Данту, оставившему свою улыбку днѣ девятияруснаго своего ада. Тѣ, кто погрулся въ пещеру Трофонія, извлекались оттуда въ орокѣ и безпамятствѣ, а придя въ себя, надолго яли способность смѣяться и отравлялись на всю нь таинственною тоскою по невѣдомому. — Вотъ и излѣчился! поздравляли ихъ. И слышали отъ: „Лучше бы мнѣ вѣкъ оставаться больнымъ!..“ ѣте, у кого въ современности наблюдалъ я подоб тоску по смерти? У нѣсколькихъ неудачныхъ

самоубійцъ въ Парижѣ, которыхъ во-время спасал
отъ смертельнаго угара. Вы, конечно, слыхали о р
ковой жаровнѣ, которою, обычно, кончаютъ расчет
съ жизнью, разочарованные въ ней, обитатели ма
сардъ... Я слышалъ отъ нихъ совершенно тѣ ж
многозначительныя трофоніевы признанія... Это сра
нительно легкое и, въ извѣстномъ періодѣ, несомнѣ
но, экстатическое, бредовое умираніе, должно быт
говоритъ имъ очень много. Жизнь послѣ не
отравлена какою-то пустотою, и я много разъ сталк
вался съ такою же тоскою по жаровнѣ, какъ тоскуют
опіофаги по опіуму или гашишу.

— Однако, графъ, — замѣтилъ Дебрянскій, —
вижу, что вы, дѣйствительно, наполнили всю сво
жизнь погонею за необыкновеннымъ.

— Погонею за знаніемъ, — поправилъ граф

Въ разговорѣ проскользнуло имя покойной Бл
ватской. Зашла рѣчь о разоблаченіи ея тайнъ Вс
володомъ Соловьевымъ. Гичовскій зналъ Блаватску
лично.

— Она была великою фокусницею, — сказал
онъ, — но весьма пріятною женщиной.

— Но шарлатанка же?

— Ну, это — какъ сказать? И да, и нѣтъ... Во вс
комъ случаѣ не такая, какъ этотъ господинъ Всеволо
Соловьевъ ее описалъ... Другого, гораздо бол
серьезнаго и возвышеннаго типа. И къ тому же т
лантъ огромный, обаятельность совершенно исключ
тельная, страшная способность вліять на людей.
Для меня главный ея недостатокъ былъ не въ том
что она людей морочила, но — зачѣмъ она шарлат
нила сама съ собою...

— Вы полагаете?

— Не полагаю, но увѣренъ. Эта Елена Петров

кого-то, а что-то обмануть желала. Вся ея дѣя-
ьность — какая-то кокетливая проба, танецъ на
атѣ, натянутомъ надъ пропастью. Кокетка съ тай-
, кокетка съ знаніемъ, — со всѣмъ секретомъ
ни и смерти. Весь вѣкъ свой женщина играла
мъ нутромъ своимъ роль изслѣдовательницы и
скательницы и людямъ клялась, и самое себя, за-
ываясь, увѣряла, будто ищетъ знанія, естествен-
ъ психологическихъ силъ, присущихъ человѣку,
бы осуществлять чудесное, но не изученныхъ имъ
степени разумнаго волевого владѣнія. А въ дѣйстви-
ьности-то, втайнѣ, про себя, ненавидѣла она та-
естественное знаніе всею душою, жаждала только
ы и только чуда — откровеній сверхъ-естества,
оменовъ мистической силы. Когда обнаружива-
ь предъ нею пути естественныхъ объясненій сверхъ-
ственнымъ феноменамъ, она брезгливо жмурила
а и отмахивалась отъ подобныхъ возможностей
ими руками. Если вы настаивали, то раздража-
, сердилась и, прямо-таки по-дамски, теряя вся-
логику, перебѣгала къ разсказамъ и доказатель-
мъ, которыя, во что бы то ни стало, оставляли
о чудеснымъ, — значитъ, шли въ разрѣзъ со всею
собственною quasi-научною теоріей. Сама того
замѣчая, она теряла лицо и обнаруживала свою
анку и подкладку — оказывалась и наивною спи-
кою, и демономанкою, и даже просто суевѣрною
скою бабою съ напуганнымъ, темнымъ, деревен-
мъ умомъ. Между тѣмъ, нельзя было уязвить ее
днѣе, чѣмъ зачисливъ ее, теософку, по которой-
удь изъ иныхъ спиритуалистическихъ категорій, —
кеніемъ и клеветою почитала... Знаете ея зна-
тое: „ну, ты вѣрь, а я подожду!“... Все тол-
ла объ естественныхъ путяхъ и силахъ, а, въ то

же время, въ естественныхъ наукахъ была круг
невѣжда, да и врядъ ли хотѣла ихъ знать, —
когда было, и дисциплины ума оно требуетъ, а
этотъ счетъ Елена Петровна была страхъ какъ
нива. Барыня и старой, крѣпостной еще, заква
дама! Фактовъ она никогда не наблюдала, а бр
ихъ, какъ ей нравилось, и понимала, какъ хотѣла
Вообразила же она — и совершенно искренно
образила — своимъ единомышленникомъ такого
клятаго врага спиритуалистовъ, какъ физіологъ К
пентеръ. И какъ ни въ чемъ не бывало, терминолог
его пользовалась, и ссылки на него дѣлала, — и
увѣренъ, вполнѣ по доброй совѣсти, bona fide,
сколько не сознавая, что тѣмъ разрушаетъ собств
ныя доказательства и совершаетъ, въ нѣкоторо
родѣ, самоубійство. Она сама говорила, что все
извѣстное, таинственное привлекаетъ ее, какъ пус
пространство, и, производя головокруженіе, притя
ваетъ къ себѣ, подобно безднѣ. Каждой разоб
ченной, упрощенной, закономѣрно разъясненн
тайны ей жаль было, какъ куска, оторваннаго
ея сердца. Quod erat demonstrandum — для нея
существовало. Ея вѣра была: credo quia absurd
Во всякомъ случаѣ, она была въ десять разъ умн
и симпатичнѣе своего обличителя и обладала тѣ
что ему и во снѣ никогда не снилось: міровоз
ніемъ — мутнымъ и дурно выраженнымъ, зачат
нымъ, хаотическимъ, запутаннымъ по логическо
невѣжеству, по произвольности опорныхъ фактов
исходныхъ посылокъ, но, все-таки, въ корнѣ-то,
случайнымъ, а способнымъ и сложиться въ систему
выдѣлить изъ себя системы, — философскимъ міро
зрѣніемъ. А краснорѣчива-то какъ была, когда
ударѣ!... Я зналъ ее уже старою и довольно

разною, — однако, въ нее еще влюблялись... Если
а бывала въ духѣ, то я предпочиталъ ея общество
якому другому. Зная мое отвращенiе къ игрѣ въ
ерхъ-естественное, — она — для меня — снимала
ою жреческую оболочку и являлась такою, какъ
ла въ дѣйствительности: живою, начитанной, много
дѣвшей на своемъ вѣку собесѣдницей, съ острымъ
весьма наблюдательнымъ умомъ.

— Неужели, графъ, она такъ-таки ни разу и не
казала вамъ чорта въ баночкѣ?

— Нѣтъ. То есть, сперва-то она, конечно, про-
вала морочить меня своими феноменами: ну, знаете,
зримые звоны эти, таинственное перемѣщенiе ве-
щъ изъ комнаты въ комнату, кисейные рукава,
которыхъ поймалъ ее Соловьевъ... Но я самъ
валъ въ передѣлкахъ у индiйскихъ факировъ и
роших престидижитаторовъ, прiятель съ Казе-
вомъ, такъ что, имѣя въ распоряженiи извѣстные
параты, берусь продѣлывать фокусы ничуть не
же, а, можетъ быть, и лучше почтенной Елены
тровны. Все это я ей высказалъ — для большей
ѣдительности — на мнимо таинственномъ условномъ
ргонѣ, которому обучили меня въ Александрiи
гане, выдававшiе себя за цейлонскихъ буддистовъ.
аватская разсердилась, но съ тѣхъ поръ между
ми и помину не было о чудесахъ. Да... Такъ-
вотъ и всегда на этой стезѣ. Живешь — всю
знь ищешь факта и всю жизнь раздѣваешь факты
миражъ.

— И никогда ничто не заставляло васъ сомнѣ-
ться въ дѣйствительности, трепетать, бояться?

— Напротивъ, очень часто, и очень многое.
гъ, напримѣръ, когда, въ верховьяхъ Нила, ране-
й бегемотъ опрокинулъ нашу лодку. Я нырнулъ

и соображалъ подъ водою: вотъ уже у меня
хватаетъ дыханія... пора вынырнуть... и —
какъ я вынырну прямо подъ эту безобразн
тушу?!

— Еще бы! Это страхъ понятный, физическі
Я васъ совсѣмъ о другомъ спрашиваю...

— Нѣтъ: я матеріалистъ. Чудесъ не бывае

Графъ немного задумался и потомъ продолж
съ прежней живостью.

— Вѣдь все зависитъ отъ настроенія. Чер
призраки, таинственные звуки — не внѣ насъ;
сидятъ въ самомъ человѣкѣ, въ его гордой ох
считать себя выше природы, своей матери, к
дѣти вообще любятъ воображать себя умнѣе ро
телей. Это одинаково у всѣхъ народовъ, во
вѣка. Для меня не велика моральная разница ме
Аполлоніемъ Тіанскимъ и Блаватскою — съ од
стороны, и между ними обоими и какимъ-ниб
сибирскимъ шаманомъ или индійскимъ колдуномъ
съ другой...

— Вотъ еще! Аполлоній Тіанскій вѣрилъ въ с
сверхъестественное могущество, а колдуны — за
домые плуты, сознательные обманщики.

— Этого я не скажу. Хорошій колдунъ нег
мѣнно человѣкъ убѣжденія, — самообмана, но у
жденія. Это такое же правило, какъ и то, что
характерный человѣкъ не можетъ быть гипноти
ромъ, зато самъ легко поддается гипнозу... Я оч
плохой гипнотизеръ, но чужой гипнозъ меня
беретъ. Фельдманъ разъ десять принимался за м
и отходилъ, посрамленъ бывъ. Однако, онъ не
нѣнно обладаетъ яркою гипнотическою силою.
видѣлъ, какъ разные развинченные субъекты, п
его вліяніемъ, продѣлывали удивительнѣйшія шт

Одному, напримѣръ, Фельдманъ внушилъ, что въ комнатѣ нѣтъ никого, кромѣ него, — одинъ онъ. И загипнотизированный субъектъ бродилъ по залѣ, между доброй дюжиной свидѣтелей, не видя ихъ, не слыша, и, когда наталкивался на котораго-нибудь, становился опасенъ, потому что не замѣчалъ препятствія и ломилъ себѣ, шелъ на живое тѣло, какъ на пустое мѣсто... Гипнотизеру нуженъ характеръ, а колдуну вѣра. Потому что колдовство — палка о двухъ концахъ: оно и внушеніе и самовнушеніе. Я видѣлъ заклинателя-негра; онъ изъ чернаго дѣлался пепельнымъ отъ ужаса предъ водяными дьяволами, которыхъ онъ вызывалъ изъ ніагарскихъ пучинъ. Аэндорская волшебница обезумѣла отъ страха, когда, на зовъ ея, тѣнь Самуила поднялась изъ земли, чтобы осудить заклинающаго Саула. О! самовнушеніе — великое счастье и несчастье человѣческаго ума. Въ немъ, собственно говоря, весь секретъ поэтическихъ сторонъ нашихъ. Ну, а въ комъ же нѣтъ поэтическихъ сторонъ? Чьей прозаической разсудочности не хочется иногда перерядиться въ поэтическій костюмъ — пережить трепеты фантазіи, миражи, обманы, обольщенія, любопытство и даже самый страхъ небывалаго? И — въ этомъ смыслѣ — если хотите, я, конечно, тоже переживалъ интереснѣйшія иллюзіи: бывалъ и испуганъ, и растроганъ тѣмъ, чего не было, но... хотѣлось, чтобы было. Одинъ случай я, пожалуй, вамъ разскажу.

— Пожалуйста, графъ! Жду съ живѣйшимъ интересомъ.

— Онъ не безъ длиннотъ, но не лишенъ настроенія и красоты.

* * *

Всѣмъ городамъ сѣверной Италіи я предпочитаю нелюбимую туристами Генуую. Можетъ быть, потому, что она — немножко мнѣ родная: я имѣю въ Генуѣ множество друзей и знакомыхъ, кузеновъ и кузинъ. Если вы читали о Генуѣ, то, я полагаю, знаете и о Стальено — этомъ кладбищѣ-музеѣ, гдѣ каждыя новыя похороны — предлогъ для сооруженія статуй и саркофаговъ, въ большинствѣ довольно пошлыхъ, такъ что мрамора жалко, но иногда замѣчательной красоты. Когда я бываю въ Генуѣ, то гуляю въ Стальено каждый день. Это, кстати, и для здоровья очень полезно. Вѣдь Стальено — земной рай. Вообразите холмъ, оплетенный мраморнымъ кружевомъ и огороженный зелеными горами, курчавыми снизу до верха, отъ сѣдой ленты шумнаго Бизаньо до синихъ, полныхъ тихаго свѣта, небесъ... На Стальено сложено въ землю много славныхъ итальянскихъ костей, и я люблю иногда пофилософствовать, въ родѣ Гамлета, надъ ихъ саркофагами. Вотъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, я усѣлся подъ кипарисами у египетскаго храма, гдѣ спитъ apostolo итальянской свободы — великій Джузеппе Мадзини, да и замечтался; а замечтавшись, заснулъ. Просыпаюсь: темно. Гдѣ я? что я? Вижу кипарисы, вижу силуэты монументовъ, — постичь не могу: какъ это случилось, что я заснулъ на стальенскомъ холмѣ?...

Стальено запирается въ шесть часовъ вечера; я зажегъ спичку, взглянулъ на часы: четверть девятаго... Слѣдовательно, я проспалъ часа три, не меньше.

Тишь была, въ полномъ смыслѣ слова, мертвая. Только Бизаньо издалека громыхаетъ весенними волнами, и скрежещутъ увлекаемые теченіемъ камни: въ то время было половодье... Внизу, какъ блу-

ждающій огонекъ, двигалась тускло свѣтящаяся точка: дежурный сторожъ обходилъ нижнія галлереи кладбища. Пока я раздумывалъ: позвать его къ себѣ на выручку или нѣтъ, тусклая точка исчезла; дозорный отбылъ свой срокъ и пошелъ на покой... Я былъ отчасти радъ этому: спуститься съ вышки, когда взойдетъ луна, — а въ то время наступало уже полнолуніе, — я и самъ сумѣю; а все-таки будетъ меньше однимъ свидѣтелемъ, что графъ Гичовскій неизвѣстно какъ, зачѣмъ и почему бродитъ по кладбищу въ неурочное время... Генуэзцы самые болтливые сплетники въ Италіи, и я вполнѣ основательно полагалъ, что мнѣ достаточно уже одного неизбѣжнаго разговора съ главнымъ привратникомъ, чтобы назавтра стать сказкою всего города.

Я сидѣлъ и ждалъ. Край западной горы осеребрился; сумракъ ночи какъ будто затрепеталъ. Всѣ силуэты стали еще чернѣе на просвѣтлѣвшемъ фонѣ; кипарисы обрисовались прямыми и рѣзкими линіями — такіе острые и стройные, что казались копьями, вонзенными землею въ небо... Бѣлая щебневая дорожка ярко опредѣлилась у моихъ ногъ; пора было идти... Я повернулъ налѣво отъ гробницы Мадзини, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ внизъ, и невольно вздрогнулъ и даже попятился отъ неожиданности: изъ-за обрыва верхней террасы глядѣлъ на меня негръ — черный исполинъ, который какъ бы притаился за скалой, высматривая запоздалаго путника.

Что это призракъ или злой духъ, — мнѣ и въ мысль не пришло; но я подумалъ о возможной встрѣчѣ съ какимъ-нибудь разбойникомъ-матросомъ (африканцевъ въ Генуѣ много, и, по большей части, они отчаянные мошенники); я схватился за револьверъ... да тутъ же и расхохотался. Какъ было по

первому взгляду не сообразить, что у негра голова разъ въ пять или шесть больше обыкновенной человѣческой!?.. Я принялъ за ночного грабителя бюстъ аббата Піаджіо — суровую ограду грубо вылитаго чугуна, эффектно брошенную безъ пьедестала въ чащѣ колючихъ растеній, на самомъ краю дикой природной скалы.

Этотъ памятникъ и днемъ производитъ большое впечатлѣніе; вамъ кажется, что аббатъ лѣзетъ снова на бѣлый свѣтъ изъ наскучившей ему могилы, и вотъ-вотъ выпрыгнетъ и станетъ надъ Стальено, огромный и страшный, въ своемъ длинномъ и черномъ одѣяніи. Ночью же онъ меня, какъ видите, совсѣмъ заколдовалъ, — тѣмъ болѣе, что я совершенно позабылъ объ его существованіи...

Я спокойно сошелъ въ среднюю галлерею усыпальницы Стальено; лунные лучи сюда еще не достигали; статуи чуть виднѣлись въ своихъ нишахъ, полныхъ синяго сумрака. Но когда, быстро пробѣжавъ эту галлерею, я остановился на широкой лѣстницѣ, чуть ли не сотнею ступеней сбѣгающей отъ порога стальенской капеллы къ подошвѣ холма, я замеръ отъ изумленія и восторга. Нижній ярусъ былъ залитъ луннымъ свѣтомъ, — это царство мертвыхъ мраморовъ ожило подъ лучами свѣтила негрѣющаго живыхъ... Мнѣ вспомнилась поэтическая фраза Альфонса Карра изъ его „Клотильды“:

„Мертвые только днемъ мертвы, а ночи имъ принадлежатъ, и эта луна, восходящая по небу — ихъ солнце“.

Я стоялъ, смотрѣлъ, и въ душу мою понемногу кралось таинственное волненіе, и жуткое, и пріятное. Не хотѣлось уйти съ кладбища. Тянуло внизъ, — бродить подъ портиками дворца покойниковъ, при-

глядываться къ блѣдно--зеленымъ фигурамъ, въ которыхъ предалъ ихъ памяти потомства рѣзецъ художника; вѣрить, что въ этихъ нѣмыхъ каменныхъ людяхъ бьются слабые пульсы жизни, подобной нашей; благоговѣть передъ ихъ непостижимой тайной и любопытно слушать невнятное трепетаніе спящей жизни спящихъ людей.

Я тихо спустился по лѣстницѣ, внутренно смѣясь надъ собою и своимъ фантастическимъ настроеніемъ, а главное — надъ тѣмъ, что это настроеніе мнѣ очень нравилось. Нижній ярусъ усыпальницы охватилъ меня холодомъ и сыростью: вѣдь Бизаньо здѣсь уже совсѣмъ подъ бокомъ.

„Поэзія поэзіей, а лихорадка — лихорадкой“, подумалъ я и направился къ выходу, проклиная предстоявшее мнѣ удовольствіе идти пѣшкомъ нѣсколько километровъ, отдѣлявшихъ меня отъ моей квартиры: я жилъ въ береговой части Генуи, совсѣмъ въ другую сторону отъ Стальено. Я рѣшился уйти съ кладбища, но отъ мистическаго настроенія мнѣ уйти не удавалось. Когда я пробирался между монументами въ неосвѣщенной части галлереи, мнѣ чудился шелестъ, — точно шепотъ, точно шаркали по полу старческія ноги, точно шуршали полы и шлейфы каменныхъ одеждъ, пріобрѣтшихъ въ эту таинственную ночь мягкость и гибкость шелка.

Признаюсь вамъ откровенно: проходя мимо знаменитаго бѣлаго капуцина, читающаго вѣчную молитву надъ прахомъ маркизовъ Серра, я старался смотрѣть въ другую сторону. Реалистическое жизнеподобіе этой работы Рота поражаетъ новичковъ до такой степени, что не одинъ близорукій посѣтитель окликалъ старика, какъ живого монаха, и, только подойдя ближе, убѣждался въ своей ошибкѣ. Я зналъ,

что теперь онъ покажется мнѣ совсѣмъ живымъ. При солнцѣ, онъ только что не говоритъ, а ну — какъ луна развязываетъ ему языкъ, и онъ громко повторяетъ въ ея часы то, что читаетъ про себя въ дневной суетѣ?!

Мнѣ оставалось только повернуть направо — къ кладбищу евреевъ, чтобы постучаться въ контору привратниковъ и добиться пропуска изъ cimitero, какъ вдругъ, уже на поворотѣ изъ портика, я застылъ на мѣстѣ, потрясенный, взволнованный и, можетъ быть, даже... влюбленный. Вы не слыхали о скульпторѣ Саккомано? Это левъ стальенскаго ваянія. Лучшія статуи кладбища — его работа. Теперь я стоялъ передъ лучшею изъ лучшихъ: передъ спящею дѣвою надъ склепомъ фамиліи Эрба... Надо вамъ сказать, я не большой охотникъ до нѣжностей въ искусствѣ. Я люблю сюжеты сильные, мужественные, съ немного байронической окраской... Дѣйствіе и мысль интересуютъ меня больше, чѣмъ настроенія; драматическій моментъ, на мой вкусъ, всегда выше лирическаго. Поэтому я всегда предпочиталъ дѣвушкѣ Саккомано его же Время — могучаго, задумчиваго старика, воплощенное „vanitas vanitatum et omnia vanitas“... Я и сейчасъ его видѣлъ: онъ сидѣлъ невдалекѣ, скрестивъ на груди мускулистыя руки, и, казалось, покачивалъ бородатой головой въ раздумьи еще болѣе тяжеломъ, чѣмъ всегда. Но странно! Сейчасъ я былъ къ нему равнодушенъ. Меня приковала къ себѣ эта нелюбимая мною мраморная дѣвушка, опрокинутая вѣчною дремотой въ глубь черной ниши. Блѣдно-зеленые блики играли на ея снѣговомъ лицѣ, придавая ему болѣзненное изящество, хрупкую фарфоровую тонкость. Я какъ будто только впервые разглядѣлъ ее и при

зналъ въ лицо. И мнѣ чудилось, что я лишь позабылъ, не узнавалъ ее прежде, а на самомъ дѣлѣ давнымъ-давно ее знаю; она мнѣ своя, родная, другъ, понятый мною, быть можетъ больше, чѣмъ я самъ себя понимаю.

— Ты заснула, страдая, — думалъ я. — Горе томило тебя не день, не годъ, а всю жизнь, оно съ тобою родилось; горе души, явившейся въ мірѣ чужою, неудержимымъ полетомъ стремившейся отъ земли къ небу... А подрѣзанныя крылья не пускали тебя въ эту чистую лазурь, гдѣ такъ ласково мерцаютъ твои сестры — звѣзды; и томилась ты, полная смутныхъ желаній, въ неясныхъ мечтахъ, которыя чаровали тебя, какъ музыка безъ словъ: ни о чемъ не говорили, но обо всемъ заставляли догадываться... Жизнь тебѣ выпала на долю, какъ нарочно, суровая и безпощадная. Ты боролась съ нуждою, судьба хлестала тебя потерями, разочарованіями, обманами. Ты задыхалась въ ея когтяхъ, какъ покорное дитя, — безъ споровъ; но велика была твоя нравственная сила, и житейская грязь отскакивала, безсильная и презрѣнная, отъ святой поэзіи твоего сердца. И сны твои были прекрасными снами. Они открывали тебѣ твой родной міръ чистыхъ грезъ и надеждъ. И вотъ ты сидишь, успокоенная; ты забылась, цвѣты твои — этотъ макъ, эмблема забвенія — разсыпались изъ ослабѣвшей руки по колѣнамъ... Ты уже внѣ міра... Хоръ планетъ поетъ тебѣ свои таинственные гимны. Ты хороша, какъ лучшая надежда человѣка, — мечта о любящемъ и всепрощающемъ забвеніи и покоѣ! Я поклоняюсь тебѣ, я тебя люблю.

Во „Флорентійскихъ ночахъ“ — Гейне разсказываетъ, какъ онъ въ своемъ дѣтствѣ влюбился въ

разбитую статую и бѣгалъ по ночамъ въ садъ цѣловать ея холодныя губы. Не знаю, съ какими чувствами онъ это дѣлалъ... Но меня, взрослаго, сильнаго, прошедшаго огонь и воду, мужчину одолѣвало желаніе — склониться къ ногамъ этой мраморной полубогини, припасть губами къ ея прекрасной дѣвственной рукѣ и согрѣть ея ледяной холодъ тихими умиленными слезами.

Н-ну... это, конечно, крайне дико... только я такъ и сдѣлалъ. Мнѣ было очень хорошо; право, ни одно изъ моихъ, — каюсь, весьма многочисленныхъ, — дѣйствительныхъ увлеченій не давало мнѣ большаго наслажденія, чѣмъ нѣсколько часовъ, проведенныхъ мною въ благоговѣйномъ восторгѣ у ногъ моей стыдливой, безмолвной возлюбленной. Я чувствовалъ себя, какъ, вѣроятно, тѣ идеалисты-рыцари, которые весь свой вѣкъ носили въ головѣ образъ дамы сердца, воображенный въ разрѣзъ съ грубою правдою жизни... Какъ Донъ-Кихотъ, влюбленный въ свой самообманъ, умѣвшій создать изъ невѣжественной коровницы — красавицу изъ красавицъ, несравненную Дульцинею Тобозскую.

Мраморъ холодилъ мнѣ лицо, но мнѣ чудилось, что этотъ холодъ уменьшается, что рука дѣвушки дѣлается мягче и нѣжнѣе, что это уже не камень, но тѣло, медленно наполняемое возвращающейся жизнью... Я зналъ, что этого быть не можетъ, но — ахъ, если бы такъ было въ эту минуту!

Я поднялъ взоръ на лицо статуи и вскочилъ на ноги, не вѣря своимъ глазамъ. Ея рѣсницы трепетали; губы вздрагивали въ неясной улыбкѣ, а по цѣломудренному лицу все гуще и гуще разливался румянецъ радостнаго смущенія... Я видѣлъ, что еще мгновеніе, и она проснется... Я думалъ, что схожу

съ ума, и стоялъ передъ зрѣлищемъ этого чуда, какъ загипнотизированный... Да, разумѣется, такъ оно и было.

Но она не проснулась. А меня вѣжливо тронулъ за плечо неслышно подошедшій кладбищенскій сторожъ:

— Eccelenza! Какъ это вы попали сюда въ такую раннюю пору?

И, въ отвѣтъ на мой безсмысленный взглядъ, продолжалъ:

— Я уже три раза окликалъ васъ, да вы не слышите: очень ужъ засмотрѣлись.

Я оглянулся... на дворѣ былъ бѣлый день. Я провелъ въ Стальено цѣлую ночь и, въ своемъ влюбленномъ забытьѣ, не замѣтилъ разсвѣта... Не понялъ даже зари, когда она заиграла на лицѣ мраморной красавицы... Теперь розовыя краски уже сбѣжали съ камня, и моя возлюбленная спала безпробуднымъ сномъ, сіяя ровными бѣлыми тонами своихъ ослѣпительно сверкающихъ одеждъ. Всплывшее надъ горами солнце разрушило очарованіе зари...

Недѣлю спустя, на обѣдѣ у маркиза Серлупи я замѣтилъ, что на меня какъ-то странно смотрятъ. Наконецъ, хорошенькая жена французскаго консула не вытерпѣла и сконфузила меня неожиданнымъ вопросомъ:

— Правда ли, графъ, что вы сдѣлались вампиромъ, блуждаете по ночамъ въ Стальено и стали на „ты" со всѣми призраками cimitero?

Насмѣшница убила меня.

Я покраснѣлъ, какъ ракъ, проклялъ лукавую консульшу, проклялъ себя, Стальено, Саккомано, статую сна, свое безуміе и... въ тотъ же вечеръ уѣхалъ изъ Генуи съ твердымъ намѣреніемъ не возвращаться въ нее какъ можно дольше.

* * *

Такъ разговаривая, Дебрянскій и графъ Валерій просидѣли въ театральномъ ресторанѣ не только антрактъ, но и цѣлый актъ оперы...

Графъ вошелъ въ ложу къ знакомымъ, а Алексѣй Леонидовичъ, сидя на своемъ узкомъ креслѣ партера, не столько смотрѣлъ на сцену и слушалъ музыку, сколько оглядывалъ публику. Дебрянскій былъ не большой охотникъ до Вагнера. Туманный, мрачный, разбросанный, онъ пугалъ Алексѣя Леонидовича... онъ отзывался сѣверомъ, мистицизмомъ, фантастикой... Его хроматическая мелодія даже въ любовь, даже въ лучшіе восторги человѣческой души, вноситъ начало болѣзненности и разрушенія. Пусть эта музыка божественна, но она посвящена мрачнымъ и скорбью удрученнымъ богамъ. Это — „Сумерки боговъ“ ... И, какъ всегда при словѣ „сумерки“, Алексѣй Леонидовичъ почувствовалъ непріятное сжатіе сердца... Онъ поспѣшилъ оборвать нить нехорошихъ мыслей.

Пришелъ Гичовскій и, замѣтивъ около Дебрянскаго свободное мѣсто, сѣлъ рядомъ.

— Хотите сдѣлать пріятное знакомство? — шепнулъ онъ.

— Кто же отъ этого отказывается?

— Въ такомъ случаѣ, я представлю васъ Вучичамъ... Смотрате: первая ложа бенуара, направо...

Дебрянскій взглянулъ — прежде всего ему бросился въ глаза рѣзкій профиль лысаго старика, съ огромными сѣдыми усами: настоящій славянскій типъ. Двѣ дамы, съ незначительными лицами, и очень красивая дѣвушка сидѣли далѣе по барьеру ложи. Въ глубинѣ виднѣлась еще какая-то женская фигура...

— Это здѣшніе?

— Нѣтъ, далматинцы изъ Тріеста. Но у нихъ

дѣсь своя вилла. Богатые люди. Предки Степана учича были пиратами, а самъ онъ торгуетъ пшеницею и оливковымъ масломъ и покровительствуетъ скусствамъ. У него прелестная галлерея картинъ лавянскихъ художниковъ: Чермакъ, Семирадскій, атейко, Хельминскій, — и еще болѣе прелестная очь, которую, какъ я замѣчаю, вы не удостаиваете олжнаго вниманія. А напрасно: особенно, если вы олосты... вѣдь холосты?.. Она и не глупа, и образованіе имѣетъ, и много денегъ. Вучичъ очень брадовался случаю повидать русскаго. Онъ люитъ Россію, долго жилъ въ Одессѣ и даже говоитъ по-русски... Онъ проситъ васъ непремѣнно жинать у него послѣ спектакля.

— Развѣ здѣсь ужинаютъ? — удивился Дебрянкій, — это что-то не по-гречески...

— Вучичи живутъ по-тріэстински... А тамъ — олько вечеромъ и начинается жизнь въ свое удовольствіе; день посвященъ дѣламъ.

Въ третьемъ антрактѣ, графъ ввелъ Алексѣя Леоидовича въ ложу Вучичей. Огромнаго роста, съ расноватымъ, рябымъ вблизи лицомъ, толстоносый черноглазый, старикъ Вучичъ напомнилъ Дебрянкому морского орла, который вотъ вотъ сорвется скалы и съ клектомъ полетитъ на добычу. Онъ ружески привѣтствовалъ новаго знакомаго.

— Дочь моя, Зоица, — отрекомендовалъ онъ.

Зоица — похожая на отца чертами лица — была, мъ не менѣе, совершенно лишена того гордаго и крытаго выраженія, какимъ отличался острый, внигельный взглядъ орлиныхъ очей и повелительный ладъ мясистыхъ губъ старика. Наоборотъ, въ ней ло что-то робкое, подозрительное. Точно на цѣ у нея лежала опасная или постыдная тайна, и

она постоянно испытывала окружающихъ взглядомъ исподлобья: не узнали ли, не догадываются ли? Дѣвушка показалась Алексѣю Леонидовичу жалкою и — такъ какъ, при всемъ томъ, она, дѣйствительно была очень хороша собою — симпатичною. Дебрянскій ей, кажется, тоже понравился; по крайней мѣрѣ, взглядъ ея прояснился, сталъ мягче, и на губахъ задрожала слабая улыбка, сдѣлавшая красивое блѣдное лицо Зоицы совсѣмъ очаровательнымъ. Гичовскій съ усмѣшкой наблюдалъ эти живыя проявленія таинственнаго электрическаго тока, который внезапно установился между Зоицею и Дебрянскимъ — какъ всегда это бываетъ при первыхъ встрѣчахъ женщины и мужчины, если имъ суждено не пройти безслѣдно въ жизни другъ друга. Двѣ безцвѣтныя дамы, сидѣвшія вмѣстѣ съ Вучичами, оказались ихъ дальними родственницами, занимавшими въ домѣ положеніе не то компаньонокъ, не то просто приживалокъ. Пятой фигуры, которую Дебрянскій видѣлъ въ глубинѣ ложи, сейчасъ въ ней не было... Не зная самъ почему, онъ очень любопытствовалъ знать, кто это была, — и, почему-то, не особенно пріятнымъ любопытствомъ...

Спектакль шелъ къ концу. Вучичи заторопились уѣзжать, прося Гичовскаго и Дебрянскаго слѣдовать за ними на ихъ виллу. „Пятая фигура“ появилась въ ложѣ, чтобы подать Зоицѣ чесунчевый cache-poussiere. Она оказалась женщиною, на восточный взглядъ, уже не молодою: лѣтъ двадцати пяти — большого роста и очень тучною. Смуглое лицо ея — еще недавно, должно быть, на рѣдкость красивое, но теперь испорченное ожирѣніемъ, которое придало кожѣ болѣзненно-желтоватый оттѣнокъ, — носило отпечатокъ дикаго величія. О

ѣркнула на Дебрянскаго черными глазами изъ-подъ
стыхъ, почти сросшихся, бровей, и взглядъ ея по-
зался Алексѣю Леонидовичу мрачнымъ, почти сви-
пымъ.

— Танька Ростокинская, разбойница какая-то, —
думалъ русскій, оглядывая странный нарядъ жен-
ины: къ обыкновенной европейской юбкѣ, она на-
ла, прямо на рубаху, расшитую далматскую кур-
чку, шею обвила ожерельемъ, въ видѣ золотой
ѣи съ рубиновыми глазами, и всю грудь завѣсила
нистомъ изъ червонцевъ; такіе же змѣевидные
асноглазые браслеты бросились въ глаза Дебрян-
ому на обѣихъ рукахъ ея; талію тоже сжималъ
шуйчатый поясъ восточнаго низкопробнаго серебра,
мкнутый пряжкою двухъ впившихся другъ въ друга
ѣиныхъ головъ, — только у этихъ змѣй глаза
ли у одной зеленые, изумрудные, у другой —
лтый топазъ; съ лѣваго плеча висѣла длинная,
асная въ клѣткахъ, шаль, въ которую женщина
одито закуталась, замѣтивъ пристальный взглядъ
ебрянскаго. Она отрывисто сказала что-то Зоицѣ
-хорватски, та зарумянилась, и глаза ея снова стали
лны смущенія и испуга...

— Это наша Лала, — представила она, наконецъ,
брянскому; онъ началъ было уже недоумѣвать: за
го онъ долженъ считать красивую дикарку. По
нерамъ и виду — это прислуга, по обращенію съ
ичами — ровня имъ.

Въ отвѣтъ на вѣжливый поклонъ Дебрянскаго,
на быстро кивнула головой и хмуро буркнула два
ва сквозь зубы... Вучичъ расхохотался.

— Вотъ вы и окрещены боевымъ огнемъ, —
жески сказалъ онъ Алексѣю Леонидовичу. —
обращайте вниманія на сердитые глаза Ла-

лы. Это — въ правилахъ дома. Лалица безумн
ревнива, боится и ненавидитъ новыхъ знакомыхъ
пока не привыкнетъ, всегда бываетъ не въ дух
Не старайтесь подружиться съ ней; если вы ей п
нравитесь, она сама сегодня же вечеромъ подойдет
къ вамъ съ протянутой рукой.

И, наклонясь къ уху Дебрянскаго, онъ шепнул
по-русски:

— У нея мозги немножко не въ порядкѣ... ч
подѣлаешь? Она — неизбѣжное зло нашего дома.
Правду сказать, она постоянно ставитъ насъ въ с
мыя неловкія положенія предъ чужими. Но она до
рая и хорошая подруга Зоицы: привязанность
дѣтскихъ лѣтъ! При томъ, хоть и простая, едва гр
мотная дѣвушка, а все-таки одной съ нами кров
одного рода... Послѣдняя въ знаменитой древн
вѣтви! Надо беречь.

* * *

Фаэтонъ быстро мчалъ Гичовскаго и Дебрянска
по бульвару императрицы Елизаветы — по эт
царицѣ набережныхъ: равной ей по красотѣ врял
ли найдется другая въ Европѣ.

Климатъ и море Корфу, его ласкающее уединен
излѣчили нервное разстройство и меланхолическ
психозъ императрицы Елизаветы Австрійской. Здѣ
все дышитъ памятью ея пребыванія, — какъ
Сорренто и Санъ-Ремо — памятью императрицы М
ріи Александровны, супруги императора Александра
Великолѣпная Strada Marina — лучшая изъ про
локъ въ городѣ Корфу — переименована въ бульва
императрицы Елизаветы.

Да! эта Strada Marina — въ самомъ дѣлѣ, лѣк
ство отъ психическихъ недомоганій. Она успок

аетъ и возвышаетъ душу. Придешь вечеромъ на езконечную, щеголеватую набережную, прильнешь ъ периламъ, да уже и отрываться не хочется. До амаго горизонта — гладкое яхонтовое море; чуть орщитъ его. чуть всплескиваетъ у берега. Изъ-за альняго острова медленно ползетъ огромный красый шаръ луны, точно только-что выкупанный въ рови. И чѣмъ выше ползетъ онъ въ темно-синій русталь неба, тѣмъ нѣжнѣе и яснѣе становятся и амъ онъ, и озаренная имъ ночь; кровавые оттѣнки ереходятъ въ золотые, золото — въ серебро; даль ерцаетъ фосфорическимъ туманомъ; просвѣтляется ысь, просвѣтляется море... Золотой столбъ убѣгаетъ о водамъ въ голубой просторъ, — чѣмъ дальше, ѣмъ шире и ярче, — и выцвѣтаетъ изъ пламени олота въ чешуйчатую дрожь серебра, пока не исчезетъ гдѣ-то на границѣ моря и воздуха въ раздольи ирокаго блеска. Барки, парусныя лодки застыли а блестящихъ волнахъ черными пятнами. Ихъ аже не качаетъ: теплое безвѣтріе, — пѣсни съ ихъ слышатся... дрожатъ, трепещутъ въ воздухѣ... О, Эллада, Эллада!..“

Трещатъ цикады. Уныло дудитъ удодъ. Протяжно ричатъ какія-то особенныя лягушки — странный вукъ, схожій съ полицейскимъ свисткомъ, только iano pianissimo... Заведетъ подводный городовой вою тихую минорную трель и дрожитъ на ней добую четверть часа, не переставая.

Пѣсенъ много — только не такихъ бы пѣсенъ ода надо. Греки слишкомъ немузыкально гнусятъ; тальянцы здѣсь — все изъ интеллигенціи, тянутъ, лѣдовательно, „образованную“ музыку: „Cavalleria usticana“, „Pescatori di perle“... Хотѣлось бы — къ на югѣ въ Италіи: въ воздухѣ колеблется,

какъ стрекотанье кузнечика, тремоло мандолин ему глухо поддакиваютъ баски гитары, льется широк народная кантилена тенора съ звучною и низко второю баритона...

Stanotte e bello lu mare,
Cantando e bel a vocare,
Vocando e bel a cantar...

Застылое въ безвѣтріи, синее до черноты мо перемигивается съ такимъ же глубокимъ и темны небомъ тысячами звѣздъ. Сверкаетъ маякъ; краснѣю фонарики на баркахъ, дрожитъ искра зеленаго с нала на пробѣгающемъ черезъ заливъ пароходѣ. Теплая ночь дышала ароматомъ цвѣтовъ, похожи на дурманъ, — ихъ огромныя, бѣлыя чашечки бы такъ велики, что Дебрянскій видѣлъ ихъ изъ к ляски даже сквозь синій сумракъ ночи. Они плели и вились по каменнымъ изгородямъ. Даже во р становилось сладко — столько давали они запаха, не вязнаго, мучительно томящаго и возбуждающаго.

— Если мы еще десять минутъ будемъ ѣха между этими цвѣтами, — сказалъ Алексѣй Леонид вичъ, — вы можете поздравить меня съ головн болью... Я просто задыхаюсь... кровь приливае къ вискамъ... сердце бьется...

— Ароматъ любви, — со смѣхомъ возразилъ I човскій. — Хорошо еще, что эти бѣлые отравит цвѣтутъ не одновременно съ акаціями. Иначе, — х сходи съ ума отъ любовной лихорадки... И ка только Мефистофель такъ старается объ амурн благополучіи корфіотовъ и корфіотокъ?

И онъ замурлыкалъ себѣ въ усы знаменитое клинаніе цвѣтовъ изъ „Фауста“:

„Notte, stendi su lor l'ombra tua“...

— Чудный островъ! — вздохнулъ Алексѣй Леонидовичъ.

Гичовскій согласно пыхнулъ сигарою.

— Недаромъ Гомеръ помѣстилъ на немъ блаженныхъ феаковъ и — на передышку отъ вселенскаго горемыканья — загналъ сюда Одиссея сидѣть у очага царя Алкиноя, слушать пѣсни вѣщаго Демодока и цѣловаться по угламъ съ прекрасною Навзикаей. Вамъ, конечно, уже показывали островокъ этотъ — якобы окаменѣлый корабль феаковъ? Любопытная штучка, неправда ли? Беклинъ изъ его очертаній, смѣшавъ ихъ съ рисункомъ Капри, вообразилъ свой „Островъ Мертвыхъ". Въ старину, когда я былъ еще туристомъ, мнѣ показывали и мѣсто, гдѣ Одиссей былъ выкинутъ волнами на берегъ, и рѣчку, въ которой царевна Навзикая мыла бѣлье. Я уважаю эту гомерическую дѣвицу. Она была прекрасная царевна и хорошая прачка — два качества, врядъ ли соединимыя въ нашъ вѣкъ.

Дебрянскій усмѣхнулся:

— Преемницы Навзикаи въ современномъ потомствѣ, къ сожалѣнію, сохранили гораздо больше признаковъ второго ея качества, чѣмъ перваго. Ужъ куда неизящны.

— Вы находите?

— Некрасивы, — короткія, какъ обрубки, съ квадратными таліями и вульгарными лицами. Должно быть, — весьма вѣрныя супруги, хорошія матери и образцовыя хозяйки, но — Богъ съ ними, какъ любовницами! Если таковы были и древнія феакійки, я Одиссею не завидую, а Гомеру удивляюсь. Видно, правда, что „и великій Гомеръ ошибался". Впрочемъ, неудивительно: онъ былъ слѣпой.

— Врядъ ли. Есть прямое доказательство, что

у стараго поэта былъ тонко развитъ вкусъ на жен скую красоту. Онъ провозгласилъ смирнянокъ са мыми прекрасными женщинами въ мірѣ, и до сихъ поръ, бродя по набережной Смирны, дѣйствительно только ахаешь: такія великолѣпныя женскія лица встрѣчаются на каждомъ шагу. Очевидно, Гомеръ, без глазъ, видѣлъ.

— Значитъ, не Гомеръ лжетъ, а корфіотки вы родились.

— Это только въ городѣ. Маленькое торгово мѣщанство. Надо вамъ сдѣлать экскурсію внутр острова. Я изъѣздилъ его вдоль и поперекъ: мужско и женское населеніе корфіотской деревни прекрасно. Т и дѣло попадаются божественные типы античныхъ ста туй... Впрочемъ, здѣсь ли точно жили феакійки феаки, — это еще подлежитъ сомнѣнію. Риманъ в своихъ изысканіяхъ объ Іоническихъ островахъ до казываетъ, что никакихъ феакійцевъ на Корфу н было, а были... вѣроятно, англичане, — съ лордомъ Алкиноемъ въ качествѣ губернатора. Я нахожу про тивъ этой теоріи лишь одно возраженіе: на остров имѣются какіе-то воображаемые „сады Алкиноя“, н нѣтъ ему памятника. Будь Алкиной англичани номъ, ужъ торчалъ бы, въ честь его, какой-нибуд обелискъ. Чортъ знаетъ, сколько они тутъ глупѣй шихъ монументовъ нагородили

Notte, stendi su lor l'ombra tua...

— А вѣдь Зоица-то не дурна, — перебилъ он вдругъ свое пѣніе и поймалъ на этой же мысл Алексѣя Леонидовича. Въ голосѣ графа слышало смѣхъ. Алексѣю Леонидовичу это не понрави лось.

„Что-то ужъ слишкомъ много фамильярности д

ерваго знакомства“, съ неудовольствіемъ поду-
алъ онъ.

— Или, быть можетъ, вы мечтаете о свирѣпой,
о очаровательной Лалѣ? — такъ же лукаво продол-
алъ графъ.

— Ни о комъ я не мечтаю, — сухо возразилъ Де-
рянскій. — Скажите, кстати: что это за Лала
акая?

— Да вѣдь вы же видѣли: горничная на поло-
еніи подруги, или подруга на положеніи горничной.
икое существо изъ горъ, лишенное всякаго обра-
ованія, что не мѣшаетъ ей быть очень уважаемою
ъ домѣ.

— Да, старикъ Вучичъ уже успѣлъ похвалиться
нѣ, что — она изъ какихъ-то знатныхъ...

— О, да! Захудалая, но изъ знатныхъ и древ-
ихъ, даже съ миѳологическимъ корнемъ — далеко
глубоко въ среднихъ вѣкахъ...

— Какъ же это — и знатная, и древняя, а не-
бразованная и въ домѣ родственниковъ, говорите
ы, чуть не на положеніи горничной?

— Балканскіе нравы. Въ южномъ славянствѣ
аже неграмотные мужики свою родословную лѣтъ
а триста помнятъ. Здѣсь аристократіи нѣтъ, а есть
менно знать: роды, которые давно извѣстны, кото-
ыхъ искони знаютъ. Сербы, хорваты, болгаре —
ымые демократическіе народы въ Европѣ, но культъ
редковъ у нихъ святъ. Эта Лала нищая и едва
рамотна, однако, бѣдность и невѣжество не препят-
вуютъ ей быть и держать себя весьма гордою де-
венскою принцессою и на того же самаго, напри-
ѣръ, Вучича, который ее хлѣбомъ кормитъ, смо-
ѣть положительно свысока. Для меня она кладъ,
отому что фантастка, суевѣрка и знаетъ удиви-

тельнѣйшія сказки, которыхъ я отъ другихъ не сл
халъ.

— У нея дерзкій взглядъ и надменныя губ
Должно быть, сварливая ужасно...

— Нѣтъ, только вспыльчивая. Въ сущност
весьма милое и кроткое созданіе — хотя и съ
ромнымъ недостаткомъ: ненавидитъ нашъ полъ
изступленія. Мы-то съ нею друзья, а вотъ, к
гда мой пріятель Деліановичъ, другъ и кредито
Вучича, вздумалъ за нею ухаживать, Лала проткну
ему животъ шпилькою...

— Какъ шпилькою?

— А видѣли: у нея въ косѣ торчитъ золот
шаръ. Подъ этимъ шаромъ — стальная шпильк
такъ дюйма четыре длиною. Это обычай: въ И
ріи всѣ такъ. Такая штучка въ умѣлыхъ рука
стоитъ добраго ножа. По крайней мѣрѣ Деліанови
послѣ этой шпильки болѣлъ, болѣлъ, киснулъ, ча
и, наконецъ, совершивъ въ предѣлѣ земномъ
земное, самымъ добросовѣстнымъ образомъ умеръ.

— Какая дикость!

— Да... странная дѣвка. Въ ней много чег
то... „je ne sais quoi, je ne sais quoi, mais poétique
запѣлъ онъ изъ „Маскотты". Впрочемъ, вѣроят
Вучичъ покажетъ вамъ ее въ полномъ блескѣ: о
отлично поетъ и — мнѣ еще больше нравится, ка
она декламируетъ.

— Декламируетъ? Но вы же говорите, она по
грамотная...

— Ну, да, конечно. Отъ этого-то она и о
гинальна. Она все импровизируетъ... Начало и
разъ выходитъ плохо, — путаетъ, сбивается, не на
дитъ размѣра, а потомъ разойдется до экстаза —
чудо что такое... Я слышалъ итальянскихъ и

панскихъ импровизаторовъ — куда имъ! Далеко! Тамъ нѣтъ, нѣтъ, да почувствуешь симуляцію, словоизвитіе, голый потокъ привычнаго метра и подготовленныхъ риѳмъ, а эта — вся натура.

— Зачѣмъ это она такой дурацкій костюмъ носитъ?

— Почему же дурацкій? Вѣдь красиво?

— Мало ли что красиво... Цыганка не цыганка, жрица не жрица...

— Идетъ къ ней, — вотъ и носитъ... А вы замѣтили, сколько она на себя змѣй навертѣла? И въ серебрѣ, и въ золотѣ...

— Да, и нахожу это довольно отвратительнымъ. Не охотникъ я до пресмыкающихся... особенно змѣй.

— Ахъ, вы, неблагодарный!

— Почему?

— Да кто же мы всѣ были бы теперь, если бы не усердіе змія райскаго къ почтенной нашей праматери Евѣ? Сидѣли бы гориллы-гориллами и дураки-дураками подъ древомъ жизни, да яблоки жевали бы...

— Зато не знали бы смерти.

— И мысли. Ну-ка на выборъ: что дороже?..

— „Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума!" невесело улыбнулся Алексѣй Леонидовичъ.

— То-то вотъ и есть... А если вы боитесь змѣй, то — предупреждаю васъ заранѣе, не испугайтесь у Вучичей, буде подползетъ къ вамъ нѣкоторая гадина... Ручной ужъ скользитъ у нихъ по всему дому. Большой любимецъ Зоицы и Лалы. Громаднѣйшая тварь, красавецъ въ своемъ родѣ, пестрый, какъ мраморъ, рѣдкостный экземпляръ...

— Вотъ гадость! Спасибо, что сказали... А то

я, съ перепуга, способенъ былъ бы треснуть его — чѣмъ ни попадя...

— Да сохранятъ васъ отъ такой бѣды молитвы предковъ вашихъ! Сразу враговъ бы нажили. Вучичи ужа своего обожаютъ... Это, знаете, типическое, славянское. У всѣхъ южныхъ славянъ считается большою честью и счастьемъ, если въ домѣ заведется ужъ. Почитаютъ его чѣмъ-то въ родѣ домашняго генія-хранителя...

— Да, я это и у насъ, въ Россіи, въ хохлацкихъ деревняхъ видалъ, какъ дѣти въ хаткахъ, на полу, хлебали молоко изъ одной чашки съ ужомъ...

— Лала со своимъ Цмокомъ тоже каждымъ кускомъ дѣлится и въ собственной постели спать ему позволяетъ. Страстно его любитъ. Прямо змѣепоклонница какая-то. У насъ съ нею, кажется, и дружба-то съ того началась, что я разсказалъ ей однажды про малайскихъ „нага" и змѣиные культы въ экваторіальной Африкѣ. Слушала, какъ романъ. Съ тѣхъ поръ я — ея фаворитъ, и насъ, что называется, водой не разольешь.

— Со змѣй дружба началась, а чѣмъ упрочилась?

— Тѣмъ, что я никогда не ухаживалъ за ея обожаемой Зоицей... A bon entendeur salut!

* * *

Вучичъ жилъ принцемъ, а скромный стаканъ вина, на который приглашалъ онъ гостей, оказался ужиномъ на широкую ногу. Столъ былъ накрытъ на террасѣ, повисшей надъ моремъ. Луна висѣла въ небѣ — круглая и желтая, и золотой столбъ дрожалъ по заливу...

Лала не ужинала и вышла на террасу только

когда на столѣ оставались вино и фрукты, а мужчины взялись за сигары. Къ столу она не сѣла, а прислонилась къ мраморнымъ периламъ террасы и, ложа на груди толстыя, выше локтя голыя руки, лядѣла въ морскую даль.

Общій разговоръ — о Корфу и корфіотахъ — елъ старикъ Вучичъ, а поддерживали Зоица и Дерянскій. Гичовскому все, что они говорили, было звѣстно и — скучно. Онъ подошелъ къ Лалѣ.

— Куда вы заглядѣлись, Лалица? — спросилъ нъ, любуясь на ея хмурый профиль, позолоченный тблескомъ отъ свѣчей на столѣ.

Лала медленно указала пальцемъ на свѣтлое пятно адъ горизонтомъ, гдѣ золотой столбъ луннаго отраженія разливался въ цѣлое серебряное море...

— Смотрите, — сказала она, — знаете, что это?

— Знаю: луна играетъ... и очень красиво

Лала вздохнула.

— А вы знаете, куда ведетъ эта дорога?

— Очень знаю: прямехонько къ албанскому берегу.

— Нѣтъ, мой другъ, это — дорога къ мертвымъ, ь рай.

— Вотъ какъ? — глазомъ не моргнувъ, искусственно удивился Гичовскій. До сихъ поръ я считалъ рогою мертвыхъ Млечный путь?

— Когда я была маленькая, — не слушая, возразила Лала, — то, бывало, стану у берега и смотрю, ка у меня всѣ мысли не уйдутъ въ одну цѣль — тъ сейчасъ увижу отца... мать... тетку Диву... тогда они показывались — кто-нибудь изъ нихъ, одному — вонъ тамъ, гдѣ серебро, и шли ко ѣ по заливу... шли, шли близко, близко... вотъ столько не дойдутъ, — растаютъ въ воздухѣ,

исчезнуть... А я потомъ цѣлый часъ, — какъ сумасшедшая...

— А теперь вы умѣете приводить себя въ такое состояніе? — серьезно спросилъ Гичовскій.

— Труднѣе. Рѣже. Прежде легче было. Стоило пожелать, — и оно начинается. Теперь большого напряженія требуетъ. Столько, что боюсь иногда — сердце разорвется. Страшно устаю тогда. Но — съ усиліемъ — могу.

— Напримѣръ, — даже и сейчасъ бы?

Лала покачала головой.

— Нѣтъ. Сейчасъ я не въ состояніи отвлечься, — отрывисто сказала она. — Я слишкомъ зла. Сердитое сердце мѣшаетъ мнѣ сосредоточиться.

Лала бросила на Гичовскаго косой взглядъ, и на низкомъ лбѣ ея, подъ крутящимися, жесткими волосами, обозначилась рѣзкая морщина, а верхняя губа нервно задрожала подъ черными усиками.

— Этотъ тоже будетъ къ ней свататься? — полуспросила она.

— Кто? къ кому? — изумился графъ.

— Не смѣйтесь надо мною! — гнѣвно прикрикнула Лала, — я говорю о вашемъ пріятелѣ, русскомъ...

— О, Лала! — вы неподражаемы: да вѣдь онъ видитъ Зоицу въ первый разъ...

— Такъ что же? Развѣ надо много времени, чтобы влюбиться и влюбить въ себя эту дурочку? Посмотрите, какіе теплые глаза у нихъ обоихъ... Зачѣмъ вы привели его?

— Потому что вашъ старикъ заинтересовался имъ въ театрѣ и просилъ познакомить. Да вамъ-то что, Лала? За что вы его не взлюбили? Я, конечно, мало его знаю, но, кажется, добрый малый...

— Добрый? — презрительно отвѣчала Лала, — звѣ это достоинство? Всѣ добры, покуда не ѣютъ или не имѣютъ характера дѣлать зло... Не мпатиченъ онъ мнѣ. И — знаете, почему? Я не пѣла еще вглядѣться въ него, почувствовать его, — сдается мнѣ — какой-то онъ не свой... чѣмъ-то жимъ вѣетъ отъ него на меня... точно онъ — въ олочкѣ какой-то... онъ — самъ по себѣ, а вокругъ него, какъ бѣлокъ въ яйцѣ вокругъ желтка, стилась сила нѣкая. — Люди ея не видятъ, и иъ онъ ея, можетъ быть, не чувствуетъ, а, между мъ, она имъ владѣетъ, и движетъ и управляетъ, и ъ ею дышитъ, мыслитъ, чувствуетъ, онъ весь невльникъ ея, поглощенъ и уничтожается ею... Если бы не боялась, что мои слова будутъ подслушаны въ добрый часъ злымъ вѣтромъ, я сказала бы вамъ, ò я читаю въ глубинѣ его голубыхъ глазъ.

— Въ Шотландіи, — съ усмѣшкою возразилъ човскій, — я видалъ, что въ такихъ случаяхъ, гда боятся словами нанести вредъ и бѣду, берутъ руки ключъ, а въ губы листокъ трилистника и гда говорятъ смѣло...

— Я не знала этого, — съ любопытствомъ скала Лала. — Когда-нибудь, при случаѣ, испробую.

— Отчего же не сейчасъ?

— Оттого, что я не вижу вблизи трилистника... къ жаль, что я не умѣю писать!

— Развѣ слова на бумагѣ менѣе опасны, чѣмъ устахъ человѣка?

— О, нѣтъ, даже болѣе, но — ихъ можно сжечь, да какъ у вѣтра хорошій слухъ и вѣчная память: слышитъ и помнитъ, помнитъ и знаетъ... Смоте, смотрите, пожалуйста, какъ пристально глять на вашего пріятеля мой Цмокъ. Ужъ — ви-

дите — тоже изумленъ имъ... развѣ неудивительн
это, что, въ такое позднее время и прохладну
ночь, Цмокъ остался у моря на террасѣ и не за
рылся нѣжиться въ теплыя одѣяла?..

Гичовскій обратилъ глаза свои, куда показывал
Лала. Одинъ изъ столбовѣ террасы былъ обвит
блестящимъ узорчатымъ шнуромъ пальца въ два тол
щиною, рѣзко рельефнымъ на бѣломъ мраморѣ. От
шнура отдѣлялась въ воздухъ, на длинной шеѣ, зо
лотистая змѣиная голова, въ искрахъ-глазкахъ кото
рой графу, въ самомъ дѣлѣ, почудилось какое-т
необычайное выраженіе, почти человѣческое и без
спорно возбужденное.

— Вотъ гигантомъ становится вашъ Цмокъ! —
замѣтилъ Гичовскій, — какой это ужъ!.. скоро бу
детъ цѣлый удавъ!..

— Посмотрите, какъ у него горло вздувается! —
перебила Лала, — онъ ужасно волнуется сегодня..

— Летучія мыши вьются, — онъ слышитъ их
и возбужденъ.

— Летучія мыши вьются каждый вечеръ, н
Цмока такимъ я давно не видала... Знаете, когд
онъ такой бываетъ?

— Скажите, — буду знать.

Лала осторожно оглядѣлась и нагнулась къ у
Гичовскаго.

— Когда онъ видитъ мертвое... — шепнула он
съ значительною разстановкою.

Графъ засмѣялся.

— Надѣюсь, что вы не предполагаете въ этом
миломъ Дебрянскомъ выходца съ того свѣта и
вампира какого-нибудь?

Къ его удивленію, Лала отвѣтила не сразу.

— Нѣтъ, — сказала она, наконецъ, послѣ до

й и важной задумчивости, — нѣтъ, это не то... мокъ волновался бы иначе...

— А у васъ были опыты? — усмѣхнулся графъ.

Лала обвела его холоднымъ взглядомъ.

— Какое вамъ дѣло? — рѣзко спросила она.

— Какъ какое дѣло? — пробовалъ отшутиться афъ, — мнѣ съ этимъ москвичомъ предстоитъ возащаться вмѣстѣ домой, въ городъ. Вдругъ онъ по рогѣ набросится на меня и кровь мою выпьетъ...

Лала съ укоромъ покачала тяжелою головою оею.

— Слушайте, графъ, вы хорошій человѣкъ, но чѣмъ смѣяться надъ чужою вѣрою? Вы образованй, знаете науки, — поздравляю васъ съ этимъ и насилую вашихъ взглядовъ и убѣжденій. Я дия, глупая дѣвушка изъ горной деревни. Не обиайте же и вы моей маленькой мысли. Она мнѣ оль же дорога, какъ вамъ — ваша большая. ставьте меня повѣрьямъ и тайнамъ моихъ родныхъ ръ. Я васъ люблю и уважаю, но есть вещи, въ оторыхъ намъ съ вами не спѣться... Вы много ранъ объѣхали и чудесъ видѣли, но того, что я горахъ видала, вы не видали.

— Такъ разскажите, подѣлитесь, и я буду ать...

— Нѣтъ. У васъ прекрасные темные волосы. Я хочу, чтобы они побѣлѣли.

— О? Такъ страшно?

— Какъ все — по ту сторону жизни.

— Однако, ваши собственные волосы, Лала, ны, какъ смоль.

— О! Что пугаетъ и заставляетъ трепетать чукъ, то своихъ едва волнуетъ.

— Вы знаете, что любопытство мое — врагъ

мой. Ужъ такъ и быть: пусть я посѣдѣю, но разскажите. Въ крайнемъ случаѣ — можно вык ситься. Вымою голову перекисью водорода и ст огненный блондинъ.

Лала упрямо трясла головою.

— Нѣтъ, нѣтъ, мертвые не понимаютъ шутокъ Не сердите ихъ... Они слышатъ больше, чѣмъ думаютъ живые... Они любятъ, чтобы ихъ уваж и боялись... Смотрите, смотрите: Цмокъ пляш на хвостѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, ужъ почти отцѣпился отъ сто своего и престранно мотался пестрою гибкою г кою, ритмически подскакивая, по крайней мѣ тремя четвертями длиннаго тѣла своего, будто вправь танцуя.

— Это его луна чаруетъ, — сказалъ Гичовскій От луны волнуется...

Лала свистнула, какъ собакѣ, — Цмокъ клубк перекатился черезъ террасу, — она протянула ру и ужъ обмотался частыми мраморными кольц вверхъ до плеча дѣвушки и спряталъ свою зо тистую голову ей подмышку.

— Фу, ты! какъ молнія! — отшатнулся не о давшій графъ. Прелюбопытный у васъ другъ, Л

— И другъ, и сторожъ, и предсказатель...

— Даже?

— Еще бы! Онъ отлично предсказываетъ хорошую и дурную погоду, друзей и враговъ Онъ преданъ и строгъ, ревнивъ и мстителенъ. С трите, какъ онъ грозно клубится по рукѣ..

— Вы, должно быть, очень сильны физиче Лала. Я смотрю, какъ свободно вы держите р Судя по величинѣ, тяжесть ужа не малая, да если принять въ соображеніе давленіе его колец

— Да! былъ въ моей жизни случай, что я несла
пцу на рукахъ семь километровъ. Ей было тогда
ьнадцать, а мнѣ двадцать лѣтъ... Меня обидѣть
дно. Когда я сплю, то подъ подушкою держу
оченный ножъ, малѣйшiй уколъ котораго смерте-
ъ, потому что въ Бруссѣ, гдѣ выкованъ его кли-
ъ, его напоили ядомъ. А Цмокъ чутокъ, какъ
ака. Онъ никому не позволитъ приблизиться
мнѣ во снѣ.

— Если вы выйдете замужъ, Лала, то мужъ
ъ долженъ будетъ размозжить голову вашему
оку.

Лала презрительно пожала плечами.

— Съ какой стати выходить мнѣ замужъ? Я уже
оая дѣвка. Эти глупости остались позади меня...
ъ... въ горахъ. На что мнѣ мужъ? Моя жизнь
на. Мнѣ довольно моей Зоицы и Цмока...

— Да, но Зоицу могутъ отнять у васъ. Выйдетъ
она когда-нибудь замужъ...

— Зоица? — переспросила Лала съ тревогою и
нѣнiемъ. — Нѣтъ.

— А мнѣ такъ кажется, что очень скоро. Да и
смотритесь къ ней: прелестная, спѣлая ягодка...
а! самое время! ей Богу, пора!

— Зоица?

Лала вдругъ захохотала громко и зло.

— О, Господи! Лалица?—вздрогнувъ отъ неожи-
юсти, откликнулся Вучичъ, — можно ли такъ
ть людей?

— Простите, господинъ... графъ говоритъ смѣш-
.. Я не могла удержаться...

Въ голосѣ ея запѣла фальшивая недобрая нотка,
ри раздувались, глаза сверкали...

— На тебя, я вижу, опять находитъ,—проворчалъ

Вучичъ, — чѣмъ блажить, ты лучше спѣла бы н
или сказала стихи...

— Не хочу, — рѣзко оборвала Лала и вышла,
жело ступая на всю ногу и звеня своими дукат

Вучичъ тихо смѣялся ей вслѣдъ:

— Шутки! — не утерпитъ... сейчасъ запо
Она сегодня зла — будетъ вымещать горе на
тарѣ... Что вы поссорились, что ли, съ нею? — о
тился онъ къ дочери.

Зоица съ тѣхъ поръ, какъ раздался смѣхъ Л
утратила все свое оживленіе и теперь сидѣла, т
въ воду опущенная...

— Нѣтъ, до театра она была хорошая,
всегда... — тихо отозвалась Зоица, не подни
глазъ.

— Тссъ... слушайте... — шепнулъ графъ.

Въ воздухѣ прогудѣлъ и оборвался коро
звукъ гитарнаго баска... Совсѣмъ — будто ш
прожужжалъ коротко и гнѣвно. Сердитая рука
должала щипать все ту же струну, и она зву
все жалобнѣе и протяжнѣе, плача и негодуя. За
калъ въ отвѣтъ струнѣ и голосъ — такой гол
что Алексѣй Леонидовичъ широко открылъ глаза
изумленія: ничего подобнаго онъ не слыхалъ ещ
Сперва ему почудилось было, что это запѣлъ
чина: настолько низкимъ звукомъ начала Лала
тягучую пѣсню. Но мелодія росла, развивалась,
летѣла съ контральтовыхъ глубинъ на предѣл
высоты сопрано, всюду этотъ чудный бархатный
лосъ звучалъ одинаково красиво и полно, съ од
ковою страстною силою, съ одинаковымъ тембро
звенящимъ, точно трепещущимъ. Лала пѣла по-
ватски. Алексѣй Леонидовичъ не понималъ ни с
изъ ея пѣсни, но въ глазахъ его стояли слезы —

ватила самая мелодія. Это было что-то тоскливо-стное и, въ то же время, широкое, размашистое. ктъ орлицы, потерявшей птенцовъ, слышался въ нѣ, все крѣпчавшей, все грознѣвшей. Дебрянскій рылъ увлаженные глаза. Ему вспомнились тѣ широкія, буйнымъ желтымъ ковылемъ поросшія степи, еще безснѣжному пространству которыхъ пролъ его два мѣсяца тому назадъ съ Руси на чужу югозападный поѣздъ... каменныя бабы на курахъ и задумчивые аисты на головахъ каменныхъ ъ... Вѣтеръ мчался быстрѣе поѣзда и гнулъ къ лѣ ковыль... „Се вѣтры, Стрибожи внуци“ — омнилось давно забытое степное „Слово с Полку ревѣ“, — и эпическая сѣдая старина заглянула въ глаза своими спокойными мертвыми глазами, ирно, и просторно стало на душѣ.

Пѣсня тянулась. Алексѣй Леонидовичъ освоился первыми впечатлѣніями, и теперь въ душѣ его авало смутное воспоминаніе о чемъ-то похожемъ, ородномъ съ тѣмъ, что пѣла Лала... Да! конечно, было такъ — тамъ, въ Москвѣ. Давали юбиный обѣдъ знаменитому актеру. Потомъ—пьянство, , Стрѣльна, глупыя и пошлыя пѣсни современъ цыганъ, потомъ — уже подъ утро — чаепитіе какомъ-то плохенькомъ цыганскомъ трактирчикѣ Грузинахъ. Всѣ злы съ похмѣлья; раскаяніе и цъ... дурно... противно... И вдругъ — стонъ, гой... и цѣлое море звуковъ, плачущихъ такъ же, плачетъ теперь Лала. Всѣ встрепенулись. Кто ь пьянъ, вытрезвился. Кому хотѣлось спать; полъ сонъ.

— Что это?!

— Это — „Участь“-съ, съ растроганной почтиной улыбкой доложилъ буфетчикъ.

— Какая „Участь"?

— Кочевая цыганская пѣснь. Она нигдѣ не по
ся, никѣмъ не записана. Только у насъ и храни
ея старый валъ: еще съ сороковыхъ годовъ. Бе
жемъ его пуще глаза, чтобы не стерся: всего р
въ сутки и ставимъ, — въ семь часовъ утра —
и то коли есть хорошіе господа, которые въ
стояніи понимать...

Лишь слушая эту „Участь", Дебрянскій впер
понялъ, что правъ былъ Алексѣй Толстой, ко
слышалъ въ цыганскихъ пѣсняхъ:

Бенгальскія розы,
Свѣтъ южныхъ лучей,
Степные обозы,
Полетъ журавлей,
И грозный шумъ сѣчи,
И говоръ струи,
И тихія рѣчи,
Маруся, твои...

И сейчасъ — въ отвѣтъ на пѣсню Лалы ст
просились снова на память. Лала оборвала пѣсню
высокой нотѣ, которую сперва тянула долго, дол
и вслѣдъ за нею протянуло ее эхо въ прибрежны
скалахъ. Дебрянскій открылъ глаза. Ему, на мину
было незнакомо и странно, что вокругъ море и л
ное небо — и все это блеститъ. Всѣ были раст
ганы. Зоица — сама не своя — подбѣжала къ
риламъ, перегнулась за нихъ и закричала голосо
полнымъ счастливаго волненія:

— Лалица, да иди же къ намъ, — дорогая,
дость моя! Ты уже давно не пѣла такъ хорошо

И когда Лала показалась въ дверяхъ, Зоица б
силась къ ней и припала на грудь ея прекрасн
своею головою.

— Выплакалась?—съ доброю усмѣшкою встрѣтилъ
лу Вучичъ.

Лала тоже улыбнулась. Лицо ея было свѣтло и
жно; глаза полны вдохновенія. Она — должно
ть — уже готовилась лечь въ постель, потому что
яла свои дукаты и распустила волосы, закрывъ ими,
къ черною тальмою, всю спину. Въ этомъ нарядѣ,
блестящими змѣями вокругъ горла, пояса и голыхъ
къ, она показалась Дебрянскому почти прекрасною.

— Пѣть вамъ или говорить?—мягко спросила она,
ржественно поднимая гитару.

— Какъ хочешь... тебя неволить нельзя... —
хо отозвался Вучичъ.

Лала сѣла, задумалась, — напряженіе мысли от-
зилось морщинами, побѣжавшими по лбу... Она
онула струны... Она заговорила тихо и таинствен-
, не глядя ни на кого, кромѣ Зоицы. Вучичъ ше-
томъ переводилъ Алексѣю Леонидовичу ея слова.

* * *

„Мы были вдвоемъ на пустынной скалѣ, оторван-
й подземнымъ огнемъ отъ острова чудной и ди-
й красоты и одиноко брошенной въ глубокое
ре.

„Солнце тонуло въ западныхъ водахъ, а наро-
ющій полумѣсяцъ уже стоялъ въ небѣ бѣлымъ
номъ, готовый загорѣться, едва послѣдній
сный лучъ сбѣжитъ съ лысыхъ вершинъ за при-
омъ, едва померкнетъ морская даль, окрашенная
отомъ и кровью.

„И солнце утонуло, и синяя ночь вышла, на
ну ему, изъ прохладнаго воднаго царства. Мерт-
й мѣсяцъ ожилъ, и длинный золотой столбъ зака-
ся въ спокойныхъ водахъ; дрожа и сверкая, тя-

нулся онъ отъ нашей скалы... Казалось — то был
таинственный путь, по которому мертвые идутъ с
земли въ обитель блаженства. Я смотрѣла въ далекі
блѣдный туманъ и искала вереницу бѣлыхъ тѣней; –
какъ невѣрно ступаютъ онѣ, слѣпыя, по огненно
влагѣ, робко держась другъ за друга, покорныя зов
путеводителя душъ. И парусъ, застывшій черным
пятномъ на золотѣ моря, не служилъ ли ладьѣ, гд
спокойно дремлетъ старый Харонъ, ожидая, пока д
бортовъ уйдетъ въ воду ветшающій челнъ подъ гру
зомъ незримыхъ сѣдоковъ, пока голосъ тѣни-водя
щаго бога не прикажетъ ему налечь мозолисто
рукою на тяжесть кормчаго весла?

„Мы были вдвоемъ — я и Онъ... Какъ всегд
я не видала Его; какъ всегда, Онъ только дышал
прохладой надъ моими плечами. Но я знала, чт
Онъ со мною — свѣтлый, какъ бѣлое облако, пр
зрачный, какъ пламя, зыбкій, какъ туманъ. И был
Онъ, какъ всегда, задумчивъ и тихъ, могучъ и в
ликъ, и я, какъ всегда, не знала, кто Онъ: демон
ли, раскаявшійся въ своемъ паденіи? ангелъ ли, усу
мнившійся въ своемъ совершенствѣ?

„Его узкая рука холоднымъ мраморомъ лежал
на моемъ плечѣ, и—пока шептало засыпавшее море–
шепталъ надъ моимъ ухомъ и Его грустный, ра
мѣренный голосъ.

„Смотри въ небеса—найди, гдѣ трепещетъ зеле
ною искрою мечъ Оріона. Тамъ, въ этотъ час
проплывала когда-то планета; она отгорѣла, и осколк
ея, расточенные въ мірѣ, время давно уже перем
лоло въ незримую пыль.

„Какъ прекрасна была она! Люди были на ней–
какъ тѣ свѣтлые боги, которыхъ воплощать въ б
ломъ мраморѣ научили васъ творческіе сны.

„О какъ мудры, какъ кротки были они! Тамъ, , тамъ былъ свѣтлый Эдемъ, возвѣщенный вамъ, одямъ, вдохновенными учителями правды.

„Они были вѣчны. Не знали они ни смерти, ни обы, ни горя, ни стыда. Тамъ не было женъ и му-ей—были только братья и сестры.

„Духъ гнѣва и мести на черныхъ крылахъ под-лся къ блаженной золотой планетѣ. Вражда и висть къ добру увлекали его. Онъ летѣлъ, чтобы евать и разрушить. Но ни меча, ни копья, ни гро-въ, ни огненной лавы не несъ онъ съ собою. Его ужіе было въ немъ самомъ,—въ одномъ короткомъ овѣ, сильномъ, какъ смерть, коварномъ, какъ змѣй-куситель...

„Это слово было — любовь.

„Онъ подкрался къ спящему юношѣ и шепнулъ у на ухо роковое слово и послалъ ему сны, полные адкой отравы.

Онъ подкрался къ спящей красавицѣ и отразилъ грезы словами и видѣніями любви.

„Когда на завтра пробудились оба, новыми гла-ми взглянули они на міръ — и новыя мысли, новыя вства охватили обоихъ.

„Они полюбили другъ друга...

„Съ хохотомъ улетѣлъ черный духъ съ блаженной неты — и тысячи лѣтъ кружилась она, нося въ ѣ ядъ любви...

„И снова посѣтилъ сатана отравленный міръ. Какъ ъ, крался онъ въ первый разъ по блаженной пла-ѣ. Какъ царь, онъ вошелъ въ нее теперь и сѣлъ тронѣ могилъ и надгробныхъ памятниковъ. По-у, что любовь — сильная, какъ смерть, — и при-съ собою смерть.

„Люди планеты лишились блага вѣчной жизни.

Они стали рождать—и умирать. Срокъ ихъ жизн
сокращался изъ вѣка въ вѣкъ Они мельчали ро
стомъ и силою. Они узнали золото, роскошь, войн
хитрыя измѣны—все зло, какимъ впослѣдствіи про
клялъ Господь и вашу землю, когда осудилъ Адам
и Еву.

„Людей стало много—такъ много, что природ
планеты, которая была имъ матерью и кормилицей
уже не могла поддерживать ихъ своими простым
средствами. Люди стали насиловать природу, приду
мали способы истощать ее, сдѣлались ея врагами
воевали съ нею всю жизнь,—и сами истощалис
въ этой борьбѣ, жизнь ихъ сгорала, какъ свѣча
зажженная съ двухъ концовъ. Долголѣтіе стало чу
домъ. Шестидесятилѣтній старецъ былъ предметомъ
зависти и удивленія.

„Чѣмъ больше сокращались срокъ жизни и сил
людей, тѣмъ больше одолѣвалъ ихъ врагъ—природа
А она становилась все грознѣе и грознѣе, потому чт
планета старѣла, охлаждался согрѣвавшій ее огонь,
путь ея отклонился отъ солнца.

„Отъ полюсовъ поползли туманы, снѣга и льды
Они ползли неудержимо, и люди бѣжали отъ нихъ
сталкивались, воевали за лучшія мѣста... Лилас
кровь; все было полно ненавистью, родившеюся из
любви.

„Прошли тысячелѣтія. Сатана снова посѣтил
отравленный міръ. Тамъ гдѣ раньше росли пальм
онъ увидалъ чахлый можжевельникъ.

„Онъ искалъ людей—и нашелъ кучку больше
головыхъ карликовъ, зашитыхъ въ заячьи шкур
которые старались развести костеръ, чтобы согрѣт
своихъ карлицъ, похожихъ на обезьянъ. Но отра
любви жила и въ этомъ жалкомъ племени—он

влюблялись, терзались; сходили съ ума, ловили мигъ обладанія, ревновали, дрались и умирали за любовь... все, все, какъ и въ тѣ дни, когда люди были прекрасны и сильны, а небо сине, а солнце свѣтло и жарко!

„А льды все ползли и ползли съ сѣвера и съ юга по застылой планетѣ. И вотъ они встрѣтились, и на планетѣ не стало ничего, кромѣ льда.

„Планета умерла.

„Долго, долго носилась она, какъ огромный алмазъ, въ нѣмомъ пространствѣ, пока не тронулась на нее заблудившаяся комета и не разбила ее въ бриллiантовый градъ... Куски ея брызнули во всѣ концы вселенной. Нѣтъ планеты, которая бы не приняла хоть частицу погибшаго міра.

„Но больше всѣхъ, дитя мое, приняла ихъ земля.

„Ты слышишь ли эти пѣсни? чувствуешь ли этотъ воздухъ, напоенный любовью? О, дитя мое! Этотъ островъ, это море, берега, что виднѣются за моремъ, — все это упало съ неба ледянымъ кускомъ въ тотъ день, когда разрушилась отравленная любовью планета. Ледъ растаялъ — и кусокъ, полный яда, разлилъ свою отраву по землѣ...

„Дитя мое! Мы — въ родинѣ любви... Бѣги же отъ нея! Спасайся! Потому что нѣтъ въ мірѣ зла и несчастія, бо̀льшаго любви!

„Я спросила:

„— Учитель, кто ты, знающій такія тайны?... Почему я должна вѣрить тебѣ?

„Онъ отвѣчалъ:

„— Я тотъ, кто первый услыхалъ слово любви на умершей планетѣ, я тотъ, кто первый на ней полюбилъ и сталъ любимымъ, первый, кто отравился самъ любовью и отравилъ ею свой народъ...

„И онъ плакалъ, и ломалъ руки, и стоналъ:

„— Не люби! Не люби!

„А ночь уже бѣлѣла, и розовыя пятна блуждали на восточныхъ водахъ“ [1]...

* * *

Гитара вывалилась изъ рукъ Лалицы. Сама она была почти въ обморокѣ. Импровизація стоила ей страшнаго нервнаго подъема, и теперь наступила реакція. Зоица скрыла лицо на ея колѣнахъ. Гичовскій наблюдалъ за нею съ обычнымъ ему интересомъ естествоиспытателя. Вучичъ спѣшно налилъ стаканъ вина, чтобы освѣжить имъ силы импровизаторши... Алексѣй Леонидовичъ хмурился. Ему не нравилась интонація и выраженіе глазъ Лалы, когда она говорила „не люби!“ — точно она предостерегала Зоицу противъ него. Сама Лала, такая прекрасная передъ декламаціей, — теперь возбуждала въ немъ отвращеніе: она была — мало сказать — утомлена, — измучена, какъ загнанная лошадь. Желтоватое лицо ея блестѣло отъ пота, будто покрытое лакомъ, бѣлая сорочка посѣрѣла, волосы смокли, развились и повисли прямыми косицами. Вдохновенная Пиѳія исчезла — осталась немолодая, жирная, раскисшая баба...

— Спать!.. скорѣй спать!.. — пробормотала Лала, стуча зубами о стекло стакана, который поднесъ къ ея губамъ Вучичъ.

Зоица и Гичовскій подхватили ее подъ руки и увели въ комнаты.

---

[1] Обработка легенды моя, но основу ея сообщилъ мнѣ одинъ англичанинъ-корфіотъ, врачъ по профессіи. Онъ лѣчилъ когда-то покойную императрицу Елизавету Австрійскую. По увѣренію англичанина, онъ слышалъ легенду о Золотой Планетѣ отъ императрицы, въ видѣ стихотворенія въ прозѣ, а Елизавета говорила, что записала легенду со словъ туземной дѣвушки.

IV.

Графъ Валерій уѣхалъ съ случайнымъ пароходомъ на Занте, къ пріятелю-археологу, который жилъ тамъ, изучая венеціанскія постройки этого маленькаго острова-города. Дебрянскій, за нѣсколько дней знакомства, такъ свыкся съ этимъ веселымъ, причудливымъ человѣкомъ, что теперь очень замѣчалъ его отсутствіе. Графъ звалъ его съ собою, — и Алексѣй Леонидовичъ поѣхалъ бы, да жаль было разстаться и съ Вучичами. Дебрянскій бывалъ у нихъ каждый день, и только слѣпой не замѣтилъ бы, что между нимъ и Зоицею растетъ и развивается симпатія, недалекая уже отъ любви. Замѣчалъ это, конечно, и старый Вучичъ, но молчалъ. Алексѣй Леонидовичъ ему нравился, и онъ не прочь былъ породниться съ русскимъ — тѣмъ болѣе, что, по наведеннымъ черезъ одесскихъ пріятелей справкамъ, Дебрянскій оказался человѣкомъ не бѣднымъ, не безызвѣстнымъ и хорошаго происхожденія. Когда получились эти свѣдѣнія, Вучичъ сталъ смотрѣть на Алексѣя Леонидовича еще ласковѣе, чѣмъ раньше, — и даже нѣсколько выжидательно: что же, молъ, ты? дѣлай предложеніе, — примемъ тебя съ отверстыми объятіями!.. Всѣ на виллѣ видѣли въ Алексѣѣ Леонидовичѣ жениха, и всѣмъ женихъ былъ по вкусу, кромѣ Лалы. Если пріѣзжалъ Дебрянскій, она старалась не показываться ему на глаза — запиралась въ своей комнатѣ или уходила изъ дома въ горы... и часто Зоицу и Алексѣя Леонидовича, среди ихъ влюбленныхъ разговоровъ, внезапно смущали слабые отголоски ея мрачныхъ пѣсенъ. Антипатія была обоюдною. Враждебное чувство къ Лалѣ, зародившееся въ душѣ Алексѣя Леонидовича въ первый вечеръ

знакомства, послѣ декламаціи, не только не угасло, но усилилось — особенно потому, что онъ убѣдился въ огромномъ, почти повелительномъ вліяніи Лалы на Зоицу. Подруги дѣвушекъ, которыхъ мы любимъ, пріятны намъ — лишь пока онѣ благоволятъ къ нашему чувству и отдаютъ на жертву и въ помощь ему свою собственную дружбу. Но если эти подруги начинаютъ предъявлять свои права на личность пріятельницы, если онѣ ставятъ обязанности дружбы не ниже обязанностей любви, въ такомъ случаѣ онѣ весьма скоро превращаются въ нашихъ враговъ, и ненавидящихъ и ненавистныхъ. Алексѣй Леонидовичъ чувствовалъ къ Лалицѣ странное физическое отвращеніе. Онъ ненавидѣлъ ея грубую, уже разрушающуюся красоту, ея дикій нарядъ, ея Цмока, даже, наконецъ, ея гитару и прекрасный голосъ. Въ ней чудилось ему что-то преступное и порочное. Близость Лалы къ Зоицѣ оскорбляла его. Ему казалось, что эта дружба или, вѣрнѣе сказать, это подчиненіе пачкаетъ его будущую невѣсту — такую наивную, чистую, кроткую и, какъ дѣйствительно убѣдился Дебрянскій, воспитанную — съ образованіемъ, рѣдкимъ для юго-славянской дѣвушки, какъ будто даже умненькую.

— Какой трупъ онѣ зарыли вмѣстѣ, что она такъ боится этой гадины? — думалъ онъ порою, чуть не кусая себѣ пальцы отъ злости.

Временами ему самому даже становилась странна тайная ненависть къ женщинѣ, которая до сихъ поръ, собственно, не сдѣлала ему ничего дурного, никакимъ поступкомъ не обнаружила своей къ нему вражды, а между тѣмъ, стоило ей показаться, стоило раздаться ея голосу, чтобы въ груди Дебрянскаго все всколыхнулось гнѣвною судорожною дрожью и хо

ходъ пробѣжалъ по спинѣ. Онъ чувствовалъ, съ немалымъ смущеніемъ и страхомъ, что его ощущенія при видѣ Лалицы очень близки къ тѣмъ, которыя переживалъ онъ въ Москвѣ, въ первые дни послѣ видѣнія Анны и свиданія съ Петровымъ: угнетающее впечатлѣніе чего-то непонятнаго, чуждаго человѣческой природѣ и въ то же время сильнаго, властнаго, съ чѣмъ бороться мудрено. Впечатлѣніе это усиливалось еще отчужденностью Дебрянскаго отъ Лалы по языку: Дебрянскій по-хорватски и итальянски не зналъ вовсе, нѣмецкій языкъ былъ ему труденъ, а Лала, наоборотъ, едва лепетала нѣсколько французскихъ словъ. Эта нѣмая вражда была бы смѣшна, если бы обѣ стороны не чувствовали, что имъ не до шутокъ. Обоихъ прямо таки заѣдала безмолвная злоба — сверхъестественная или инстинктивная, какъ взаимная ненависть не понимающихъ другъ друга животныхъ... Такимъ образомъ Дебрянскій и Зоица чувствовали себя хорошо только, когда — по выраженію Алексѣя Леонидовича — „по близости не пахло Лалою".

Старикъ Вучичъ пришелъ въ негодованіе, узнавъ, что Дебрянскій, двѣ недѣли проживъ на Корфу, не посѣтилъ еще ни Монрепо, ни Ахилейона, и прямо таки приказалъ Зоицѣ:

— Бери завтра экипажъ, сажай въ него, приличія ради, которую-нибудь изъ тетушекъ, или, чтобы имъ веселѣй было, обѣихъ вмѣстѣ, арестуй этого молодого варвара въ его сквернѣйшемъ Saint-George'ѣ — и маршъ показывать ему Ахилловы сады. Стыдно, господинъ: простительнѣе быть въ Римѣ — и не видать папы.

Ахилейонъ нѣкогда принадлежалъ императрицѣ Елизаветѣ, прекрасной, безумной сестрѣ коронован-

наго романтика — прекраснаго, безумнаго, поэтич-
скаго Людвига II Баварскаго.

Въ чудныхъ и таинственныхъ садахъ Корфу с
искала излѣченія отъ наслѣдственной меланхоліи Ві
тельсбаховъ. Мрачное исканіе забвенія, потребнос
воды изъ Леты было характернымъ двигателе
жизни этой женщины, съ сердцемъ, чувствительным
какъ Эолова арфа, полнымъ глубоко-поэтически
и, по большей части, страдательныхъ настроен
Ихъ подсказывали императрицѣ и природный хара
теръ ея, и жизнь — на рѣдкость неудачно сложивша
ся жизнь, съ вѣчными грозовыми тучами на горизонт

Если трагическая поэзія вернется къ идеѣ ро
управлявшей вдохновеніями древнихъ драматурго
то врядъ ли будущій Эсхилъ или Софоклъ найде
для такой трагедіи сюжетъ болѣе подходящій, гер
болѣе достойнаго, чѣмъ жизнь императора Франі
Іосифа и семьи его. Вотъ могучій и счастливый м
нархъ — въ семейномъ быту своемъ, безспорно,
счастнѣйшій изъ смертныхъ. Мечъ насильственн
смерти простертъ надъ его домомъ, — ужасъ за уж
сомъ смѣняется въ его стѣнахъ. Въ исторіи Габсбу
говъ было много кровавыхъ, грозныхъ страницъ
силія надъ подданными и надъ народами, котор
не хотѣли быть ихъ подданными. Можно подума
что слѣпая судьба, вспомнивъ страницы эти, ста
по закону возмездія, вымещать на императорѣ-потом
грѣхи императоровъ-предковъ.

Убійство, самоубійство, безуміе, неврастенія, ф
зическая чахлость, всѣ бѣдствія вырожденія окружи
императора Франца-Іосифа, въ частномъ быту е
злорадною, насмѣшливою толпою съ тѣхъ самы
поръ, какъ нога его коснулась ступеней трона. Су
ба послала ему долгую жизнь и царствованіе —

равила каждую минуту ихъ! Ни одной розы безъ
повъ, ни одного вѣнка безъ колючаго терна. Въ
ую свѣтлую минуту жизни этотъ нравственный
ченикъ не могъ радоваться иначе, какъ сквозь
зы, потому что предшествующая минута, навѣрное,
ла ему какое-нибудь тяжкое горе, а послѣдую-
я грозила новымъ разочарованіемъ. Пятьдесятъ
тъ „благополучнаго“, какъ принято выражаться,
рствованія!.. Бросить взглядъ въ глубину этого
ромнаго срока, — что за тяжкій крестный путь
едставляется глазамъ! У католиковъ есть обрядъ
обыхъ пилигримствъ по „кальваріямъ“, когда бого-
льцы ходятъ отъ часовни къ часовнѣ, отъ креста
кресту, сопровождая эти переходы воспоминаніями
страстяхъ Христовыхъ: вотъ гора моленія о чашѣ,
тъ римская преторія, гдѣ бичуютъ Христа, вотъ
лгоѳа... Въ прежнія времена богомольцы, въ со-
вѣтствіи съ указаніями евангельскихъ событій, же-
око истязали плоть свою. Такою же нравствен-
о кальваріей, переходомъ отъ горя къ горю, во-
гину „хожденіемъ по мукамъ“ должна быть память
получнаго монарха, когда онъ углубляется въ
тины своего прошлаго. Человѣкъ спокойствія и
ра, онъ окруженъ потоками крови... и чьей
ви! — самыхъ близкихъ, самыхъ дорогихъ ему
дей. Разстрѣлянный Максимиліанъ, безъ вѣсти
павшій эрцгерцогъ Іоаннъ, самоубійца Рудольфъ,
ѣзанная анархистомъ Елизавета... Какіе страш-
житейскіе этапы!.. Безъ семьи, безъ прямого
лѣдника, подъ градомъ бѣдствій, престарѣлый
ператоръ доживаетъ свой вѣкъ одинокимъ сиро-
... „О, если бы вѣрно взвѣшены были вопли
и вмѣстѣ съ ними положили на вѣсы страданіе
! Оно, вѣрно, перетянуло бы песокъ морей!“

Бываютъ семьи, приближаясь къ которымъ, ч
ловѣкъ вдругъ чувствуетъ нѣчто въ родѣ какъ
нравственнаго удушья. Отчего? — необъясни
Люди, казалось бы, прекрасные, честные, добр
благожелательные, ласковые, но — тяжело съ ни
И имъ самимъ тяжело другъ съ другомъ. Чу
ствуется вліяніе чего-то зловѣщаго, запахъ какого-
тлѣнія.

Оно незримо виситъ надъ семьею, будто какая-
злая, непреодолимая сила — мойра древнихъ, и во
вотъ рухнетъ всею тяжестью и раздавитъ. Отъ таки
семей часто сторонятся даже несуевѣрные люди, ка
бы опасаясь заразиться отъ нихъ несчастьемъ...

„Бѣгу! бѣда надъ этимъ домомъ!
Бѣгу, да не погибну съ нимъ!"

Подобное настроеніе — частое, историческое
втореніе въ царственномъ домѣ Габсбурговъ, начи
еще съ Карла V. Но никогда не сказывалось о
въ такомъ яркомъ напряженіи, съ такой мучите
ною наглядностью, какъ при императорѣ Фран
Іосифѣ. Удрученность эту сознаетъ одинаково са
онъ, народъ его, иностранцы, подъ нею изнываю
ближайшіе члены его семьи. Всѣ они стараются
возможности уклоняться отъ близости къ велик
власти, которой невольными участниками сдѣла
ихъ право рожденія. Отвращеніе къ высокому сану
характерная семейная черта дома Франца-Іосифа.
болѣлъ престолонаслѣдникъ Рудольфъ, много бы
ея въ императрицѣ Елизаветѣ, всего же ярче вы
зилась она въ эрцгерцогѣ Іоаннѣ, который отказа
отъ рода и племени со всѣми правами, имъ прин
лежащими, и превратился въ простого моряка Іо
Орта. Другой братъ — эрцгерцогъ Сальваторъ
живетъ на островѣ Майоркѣ простымъ помѣщико

ведетъ жизнь богатаго крестьянина, обѣдаетъ на кухнѣ со своими работниками и принимаетъ какъ оскорбленіе, если его зовутъ „ваше высочество“ и, вообще, напоминаютъ ему покинутый санъ. Самъ Францъ-Іосифъ — скорѣе невольникъ престола, чѣмъ его обладатель; въ теченіе пятидесяти лѣтъ его царствованія слухи о возможномъ его отреченіи возникали множество разъ и держались всегда съ упорствомъ, ясно доказательнымъ, что они возникали не безъ основаній. Императоръ оставался у власти, очевидно, не по собственному пристрастію къ ней, но по необходимости, не по волѣ, но противъ воли, по чувству долга общественнаго.

Въ бѣгствѣ отъ тяжелыхъ сновъ вѣнскаго дворца, Іоганъ Ортъ уплылъ невѣдомо куда въ далекое море, Рудольфъ ползалъ по альпійскимъ скаламъ, стрѣляя орловъ и соколовъ для своей орнитологической коллекціи, а Елизавета заключилась въ чудеса Ахилейона. Его сады, скалы, воды и небо спасли императрицу. Она уѣхала отсюда здоровою, но признаки ея болѣзни еще блуждаютъ по аллеямъ въ лунныя прозрачныя ночи, мучатся на скалахъ, облитыхъ краснымъ заревомъ заката, рыдаютъ въ пѣсняхъ соловьевъ надъ цвѣтниками, опьяняющими воздухъ благоуханіемъ влюбленныхъ розъ.

Лишь розы отцвѣтаютъ,
Амврозіей дыша,
Въ Элизій улетаетъ
Ихъ легкая душа.
И тамъ, гдѣ волны сонны
Забвеніе несутъ,
Ихъ тѣни благовонны
Надъ Летою цвѣтутъ...

Эти граціозные стихи великаго русскаго поэта сами собою зазвенѣли въ памяти Дебрянскаго, когда

онъ очутился въ паркѣ Ахилейона. Нигдѣ никогда не слыхалъ онъ болѣе глубокой и прекрасной, мудрой и благоуханной тишины. Поэтъ Щербина, въ чудесномъ стихотвореніи, описалъ Элладу мертвою красавицею, въ родѣ спящей царевны, въ гробу роскошной природы, подъ кровомъ вѣчно синяго неба. Представленіе чудной, могучей и красивой жизни, обмершей въ ожиданіи, скоро ли сказочный царевичъ придетъ нарушить оковы смертнаго сна и воскресить красавицу на новое веселье и счастье, разлито по всей виллѣ. Именно — Элизій, населенный снами, грезами, тѣнями и сказками. Какъ будто — царство идей, а не предметовъ: тѣни отцвѣтшихъ розъ надъ сонными ручьями, несущими забвеніе.

Надъ этимъ міромъ грезъ господствуетъ храмъ, посвященный императрицею полубогу поэзіи XIX вѣка—тому, кто всѣхъ ярче передалъ въ своихъ „отравленныхъ“ пѣсняхъ тайны любовнаго безумія: Гейнриху Гейне... Императрица Елизавета обожала Гейне. На Корфу, въ уединеніи своемъ, она окружила память любимаго поэта почти религіознымъ культомъ. „Предъ нимъ курились ѳиміамы и воздвигались алтари“. Мраморный поэтъ спитъ между „кипарисами, резедою и лиліями“, съ „одинокою слезкою“ на щекѣ и ждетъ, онѣмѣлый, но все еще любящій и грезящій, когда рука любимой женщины „постучитъ въ крышку его гроба и возвѣститъ ему вѣчный день“.

Монументъ купался въ розовыхъ отблескахъ вечерней зари, когда Дебрянскій и Зоица прощались съ его грустнымъ вдохновеніемъ и больной красотою.

— Здѣсь хорошо должно быть при лунѣ, — замѣтила Зоица. — На одной выставкѣ въ Вѣнѣ я

видѣла картину, гдѣ этотъ памятникъ изображенъ при лунномъ свѣтѣ: очень красиво. Рядомъ была огромная картина — „Послѣдняя мысль Гейне“... Онъ, истомленный, умирающій, вытянулъ впередъ руки въ послѣдней агоніи, а къ нему со всѣхъ сторонъ летятъ женщины, которымъ онъ посвятилъ свою любовь и свои пѣсни... Эту картину художникъ написалъ подъ впечатлѣніемъ здѣшняго памятника и этой природы. А, между тѣмъ, — развѣ это правда? Развѣ послѣднія мысли Гейне были о любви?

Алексѣй Леонидовичъ невольно улыбнулся. Ему пришло на память знаменитое „Завѣщаніе нѣмецкаго поэта“:

„Ну, конецъ существованью!
Приступаю къ завѣщанью
И съ любовію готовъ
Надѣлить моихъ враговъ.
Этимъ людямъ, честнымъ, твердымъ,
Добродѣтельнымъ и гордымъ,
Я навѣки отдаю
Немощь страшную мою:
И слюну, что давитъ глотку,
И въ спинномъ мозгу сухотку,
И конвульсіи, и злой,
Чисто-прусскій геморой!..“

Но вслухъ онъ, разумѣется, этихъ стиховъ не напомнилъ, а, напротивъ, разсердился на самого себя за свою совершенно русскую способность ввести комическую нотку въ самый патетическій концертъ. Русскіе какъ-то не умѣютъ отдаваться красивымъ впечатлѣніямъ цѣльно. У славянъ — изъ интеллигенціи — располовиненныя души. Если одна половина въ восторгѣ, другая скептически наблюдаетъ, критикуетъ и подтруниваетъ. Если одна половина души негодуетъ, другая — уже въ сомнѣніи: а, мо-

жетъ быть, негодовать не изъ-за чего? и игра н
стоитъ свѣчъ? Вѣчное раздвоеніе, изъ котораго
какъ прямой потомокъ, родится и славянское прин
ципіальное къ большинству „вопросовъ" равно
душіе...

— Какъ вамъ сказать? — возразилъ Дебрян
скій. — Гейне такъ часто и охотно умиралъ въ
своихъ стихахъ, что догадаться, когда онъ, въ этихъ
разнообразныхъ смертяхъ, былъ правдивъ, довольно
мудрено... Но здѣсь такъ хорошо, что хочется вѣ
рить вашему художнику и, вмѣстѣ съ нимъ, идеа
лизировать поэта... Здѣсь все дышитъ любовью
вся жизнь проходитъ въ любви, и самая смерть
должна поглощаться любовью... Это — какъ въ
рыцарскихъ поэмахъ: человѣкъ любилъ до самой
смерти и не замѣчалъ, когда кончалась любовь и
начиналась смерть.

— Какъ вы сказали?

Зоица поблѣднѣла и отодвинулась отъ Алексѣ
Леонидовича. Онъ повторилъ.

— Любовь... смерть... это ужасно, — пробормо
тала она въ сторону, сжась плечами, точно отъ хо
лода. Дебрянскій съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на
нее. Глаза Зоицы — за мгновеніе передъ тѣмъ
ясные и откровенные — опять были полны выраже
ніемъ того нечистаго страха, желанія — уйти бы отъ
людей, спрятаться бы далеко-далеко наединѣ съ
своимъ тайнымъ несчастіемъ, — выраженіемъ, кото
рое такъ не нравилось Алексѣю Леонидовичу.

— Здѣсь нельзя больше быть, — отрывисто ска
зала Зоица, прикладывая руки къ вискамъ, — уйдемъ
Здѣсь воздухъ отравленъ... цвѣты ядомъ дышатъ

Дебрянскій молча подалъ ей руку.

— И никогда — слышите ли? никогда не гово

рите мнѣ больше о любви, — продолжала Зоица, когда они прошли уже нѣсколько шаговъ, — и о смерти тоже... мнѣ нельзя этого слушать... Любовь, въ самомъ дѣлѣ, смѣшана со смертью... Если я полюблю, то умру, умру... А жизнь такъ хороша! Цвѣты эти, горы, море, отецъ мой, хорошіе люди... Я такъ люблю жизнь!..

— Что съ вами, Зоица? — удивился Алексѣй Леонидовичъ, замѣтивъ, что дѣвушка вся дрожитъ и готова разрыдаться. Но — съ пылающими щеками, со слезами на глазахъ — она глядѣла въ землю и упорно молчала.

— Зоица, — началъ Алексѣй Леонидовичъ дрожащимъ голосомъ, — хотя вы и запрещаете мнѣ говорить о любви, а говорить я долженъ... Вѣдь мнѣ не за чѣмъ объясняться — вы сами знаете, что я люблю васъ?

— Знаю, — чуть слышно сказала она.

— Такъ какъ же теперь быть, Зоица?

Она молчала.

— Да или нѣтъ?

— Ахъ, если бы!..—вырвалось у нея такимъ мучительнымъ звукомъ, что Алексѣю Леонидовичу не за чѣмъ было больше спрашивать: его любили и боялись любить, — значитъ, любили сильно.

— Зоица, — заговорилъ онъ серьезно, — я долженъ вамъ объяснить, что я за человѣкъ — какъ я себя понимаю. Основная черта моего характера — спокойствіе. Я люблю миръ, тишину, скромныя рамки, въ которыхъ бы я могъ спокойно и довольно жить человѣкомъ, честнымъ предъ собою и обществомъ. Я не герой вообще и, въ особенности, не герой романа. Страстныя выходки, сильныя страданія, рѣзкіе восторги, — на все это я не способенъ.

Я страдаю, когда попадаю въ такую обстановку.. Но душа у меня, кажется, все-таки, не мелкая. Я ни разу въ жизни не измѣнилъ тому, кого однажды назвалъ своимъ другомъ. Я привязчивъ. Такъ будетъ и съ любовью. Мнѣ тридцать пять лѣтъ, а я еще не любилъ. Теперь, вотъ, люблю. И люблю васъ очень хорошо — прочно: васъ одну, на всю жизнь. Я не богатъ и не бѣденъ. До вашихъ денегъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла. Будете вы богаты,— хорошо; не будете, пожалуй, еще лучше. Достанетъ прожить вдвоемъ, конечно, безъ роскоши, но въ полномъ комфортѣ. Устроилъ бы я васъ хорошо. Обстоятельства... какія — это, покуда, пусть будетъ вамъ все равно: въ нихъ нѣтъ ни политическихъ, ни уголовныхъ условій, — обрекаютъ меня провести, если не всю жизнь, то, во всякомъ случаѣ, многіе годы, вдали отъ моей родины. Когда-нибудь я разскажу вамъ этотъ секретъ мой подробно, сейчасъ не спрашивайте. Я слишкомъ взволнованъ и слишкомъ дорожу настоящею минутою, чтобы омрачать ее своимъ разсказомъ. А чтобы вы не предположили чего-нибудь нехорошаго или ужаснаго, признаюсь коротко: дѣло идетъ объ остромъ нервномъ разстройствѣ, которое я пережилъ въ Москвѣ, и отъ котораго я долженъ оправиться здѣсь на Корфу. Югъ мнѣ очень помогаетъ, и я не стремлюсь на сѣверъ, хотя люблю его всѣмъ сердцемъ. Если онъ грозитъ мнѣ повтореніемъ болѣзни, то ужъ лучше я останусь навсегда добровольнымъ изгнанникомъ. Внѣ Россіи — гдѣ жить — мнѣ все равно. Значитъ, я не разлучу васъ ни съ вашими родными, ни съ привычнымъ вамъ бытомъ. Въ прошломъ у меня нѣтъ ничего дурного, позорящаго. Я прожилъ молодость безпечно и не монахомъ, но ни

акихъ нехорошихъ фактовъ или компрометирую-
щихъ отношеній за мной не осталось. Вашъ отецъ
еловѣкъ дѣловой, я тоже. Мы можемъ быть по
езными другъ другу. Мы одного вѣроисповѣданія,
начитъ, и тутъ нѣтъ препятствій. Если вы согласны
ыйти за меня замужъ, я буду считать, что жизнь
оя полна — и мнѣ не къ чему стремиться въ ней
ъ новому, а надо только сохранить свое закончен-
ое счастье. Если откажете, — мнѣ будетъ очень
орько. Я, конечно, не застрѣлюсь и не утоплюсь,
о... врядъ ли я женюсь когда-нибудь. Потому
то нравиться могутъ многія женщины, но жениться
ожно только на той, къ которой чувствуешь, что
къ вамъ чувствую: мое сердце приросло къ вамъ,
— когда вамъ больно, мнѣ больно, вамъ ра-
остно — и мнѣ радостно. Словомъ, Зоица, я чув-
твую себя въ правѣ громко и торжественно присяг-
уть на обычную брачную формулу, какъ устано-
или ее англичане: „съ сего дня на будущее время,
ъ радости и горѣ, въ богатствѣ и бѣдности, въ бо-
ѣзни и здоровьѣ обѣщаемъ неизмѣнно любить
ругъ друга, пока смерть не разлучитъ насъ". И,
сли вы позволите мнѣ произнести такое обѣщаніе
ейчасъ, вы сдѣлаете меня счастливѣйшимъ чело-
ѣкомъ.

Нѣжно-шутливая рѣчь Алексѣя Леонидовича
ончилась. Онъ ждалъ. Зоица молчала, все тя-
желѣе и тяжелѣе опираясь на его руку.

— Я бы рада...—шепнула она, наконецъ.

— Тогда въ чемъ же дѣло?

Онъ сжалъ ея ручки и заглянулъ въ лицо...
Ію было грустно: губы плотно сжаты, тонкія брови
хмурены.

— Мнѣ не позволятъ, — сказала она, отворачи-

ваясь, чтобы уклониться отъ его испытующа
взгляда.

— Кто не позволитъ? — изумился Алексѣй Ле
нидовичъ. — Вашъ отецъ?

Зоица отрицательно качнула головой.

— О, нѣтъ... онъ васъ любитъ...

— Въ такомъ случаѣ...

Зоица прервала его.

— Нѣтъ, дорогой мой, милый, это, что вы х
тите, немыслимо, невозможно... Я не принадлеж
себѣ. Не своя. Забудьте нашъ нынѣшній разговор
его не надо было начинать, а я не имѣла пра
васъ слушать. Я не своя.

— Вы любите кого-нибудь? — растерянно спр
силъ Алексѣй Леонидовичъ.

Зоица ласково взглянула на него.

— Если бы я могла любить, то никого не лі
била бы, кромѣ васъ...

— Уже обѣщали другому руку свою и не м
жете нарушить слово?

— О, нѣтъ.

Они прошли нѣсколько шаговъ. Дебрянскій был
очень огорченъ и смущенъ.

— Я хотѣлъ бы, Зоица, все-таки, знать причин
вашего отказа, — сдержанно сказалъ онъ.

Она пожала плечами.

— Зачѣмъ вамъ? Вы не поймете.

Онъ вспыхнулъ. Глаза его засверкали.

— Тогда я самъ знаю, въ чемъ дѣло, чье здѣ
вліяніе. Это ваша Лала, ненавистная, грязная Лала.

— Алексѣй! ради Бога! — воскликнула Зои
дѣлаясь бѣлѣе полотна, между тѣмъ какъ глаза
расширились и обезсмыслились отъ внезапнаго н
хлынувшаго страха. Но онъ не слушалъ.

— Да, я чувствую здѣсь ея вражду. За что? то я ей сдѣлалъ? Вы любите меня, — я это вижу. Іежду тѣмъ, гоните меня — въ угоду этой...

Она пыталась закрыть ему ротъ своей маленькой учкой, но онъ освободился.

— Откуда у нея такая власть надъ вами? Каія между вами отношенія, что вы подчинились ей?.. то ей надо жертвовать всѣмъ — даже счастьемъ сей жизни?

— Молчите же, молчите, безумный вы, — борэтала она, ломая руки и боязливо оглядываясь, — сли она узнаетъ...

— Пускай знаетъ. Я буду очень радъ... Но... — нъ опомнился и пристально взглянулъ на Зоицу, — ткуда же она можетъ узнать? Ея нѣтъ здѣсь, она сталась дома.

— Ахъ, почемъ я знаю! — отчаянно воскликула Зоица и тотчасъ же спохватилась; взглядъ — трусливый и подозрительный: дескать, не додался ли ты, что я, врасплохъ, проговорилась лишимъ словомъ? — взбѣсилъ Дебрянскаго.

— Успокойтесь! Я рѣшительно не понялъ, что желали сказать мнѣ этою новою загадкой, — рѣзко рекнулъ онъ. — Тайны ваши остаются при васъ.

Зоица ахнула отъ стыда и закрыла лицо руками.

— Но, — продолжалъ Дебрянскій, — я думаю, что въ правѣ знать, по крайней мѣрѣ, изъ-за чего енно вы разбиваете мое счастье? Я не желаю ртвовать собою прихоти какого-то неизвѣстнаго ола. Я требую — простите, даже не прошу, но ебую, — чтобы вы объяснили мнѣ, наконецъ, кто сая она — ваша противная...

— Ради всего святого, не браните ее... — отоилась Зоица, не отнимая рукъ отъ лица. — Она

услышитъ васъ и отомститъ вамъ. А я васъ любл
мнѣ васъ жаль.

Дебрянскій во всѣ глаза смотрѣлъ на нее — глубокимъ изумленіемъ, какъ на сумасшедшую.

— Хорошо... — медленно произнесъ онъ, — е это вамъ такъ непріятно, я перестану, хотя и п должаю недоумѣвать, какъ можетъ слышать и р умѣть мои слова особа, находящаяся за пять вер отъ насъ и не знающая языка, на которомъ мы воримъ. Что за телепатія такая? Но на своемъ пр получить отъ васъ отвѣтъ — что связываетъ в съ этой удивительной особой — я настаиваю.

Зоица открыла лицо. Оно было печально, рѣшительно.

— Я не могу дать вамъ отвѣта, — холодн твердо возразила она. — Думайте, что хотите. Вы правѣ думать о насъ обѣихъ очень дурно. Б можетъ, я не такъ виновата и лучше, чѣмъ д вамъ основаніе подозрѣвать меня, но я не смѣю оправдываться, ни объясняться, ни сказать ва правду, ни бросить вамъ хотя бы намекъ. Видимо противъ меня. Вы никогда не узнаете нашего щаго съ Лалою секрета. И не совѣтую вамъ иск его. Потому что, если даже какой-нибудь... свер естественный, развѣ... случай поможетъ вамъ на разгадку, то съ вами случится великое несчастье какъ случилось бы и со мною, если бы я наруш обѣтъ — пошла за васъ замужъ или разсказала вамъ нашу тайну. Потому что вы правы: меж мною и Лалицею есть обѣтъ и есть тайна. Умол васъ — откажитесь отъ меня, позабудьте пред женіе, которое вы мнѣ сдѣлали, и оставьте на реніе проникнуть въ наши отношенія... Они темны и пусть будутъ темны!

— Ни за что! — рѣзко отозвался Дебрянскій.
Зоица опустила голову съ видомъ покорнаго от-
ія.

— Въ такомъ случаѣ, — коротко сказала она, —
нѣ, и вамъ... обоимъ надо готовиться...

— Къ чему?

— Къ скорой смерти...

— Зоица?!

— Я больше не скажу вамъ ни слова... Не могу,
имѣю права сказать... И безъ того уже вы
те слишкомъ много... больше, чѣмъ кто-либо
ой о насъ знаетъ... и не долженъ — никто не
кенъ знать!

— Зоица! Да поймите же, что этою загадкою...

— Я не хочу больше слушать!

— Вы взводите какую-то таинственную клевету
самое себя, заставляете меня Богъ знаетъ какія
сти предполагать, ужасы воображать и дикія
адки строить...

— Тссъ... тише... мы подходимъ къ площадкѣ,
ждутъ насъ тетушки... Умоляю васъ: молчите!
слова!

V.

Дебрянскій чувствовалъ себя очень нехорошо.
 только потому, что Зоица отказала ему въ
й рукѣ. Это его огорчало, но не тревожило.
ервыхъ, онъ видѣлъ, что Зоица его любитъ и,
 быть, отказъ ея — плодъ какого-то недораз-
ія, дѣло условное и преходящее. Онъ зналъ,
 со свадьбою какъ-нибудь „образуется". Во-
ыхъ, если бы даже и впрямь между нимъ и
ею стояли какія-либо непреборимыя препятствія,
отя дѣвушка ему и очень нравилась, однако,

не настолько, чтобы онъ не могъ отказаться отъ
безъ трагедіи. Его разстраивали, такимъ образо
не самыя препятствія, но ихъ странный характе
суевѣрный страхъ Зоицы передъ Лалою, кото
она, видимо, почитала существомъ почти свер
естественнымъ... Дебрянскій негодовалъ:

— Какою дурочкою надо быть, чтобы т
прочно отдаться въ руки хитрой и грубой пр
димки! Загипнотизировала ее, что ли, вѣдьма
съ ея поганымъ ужомъ? Не угодно ли? Вѣритъ,
Лала можетъ слышать ее на разстояніи и пони
по-французски, не зная французскаго языка.

Онъ вспомнилъ случаи завладѣванія чужою во
черезъ гипнозъ, о которыхъ приходилось ему читат
книгахъ, въ періодъ своихъ оккультическихъ увлече

— Что же? — думалъ онъ. — Бродяга Кастелл
осужденный въ 1865 году, „сынъ Бога“, о к
ромъ разсказываетъ Дэпинъ, былъ врядъ ли высш
уровня, чѣмъ эта Лала, — извращенный двадц
лѣтній мальчишка, чудовище физическое и нравст
ное. Однако, онъ, съ перваго же свиданія, окол
валъ двадцатишестилѣтнюю дѣвушку, усыпивъ
какими-то жестами, изнасиловалъ, увезъ изъ
дительскаго дома, таскалъ за собой, какъ соб
несмотря на ея отвращеніе къ нему, и всяче
надругался, чтобы показать постороннимъ люд
степень своей власти надъ нею. Михайловскій —
позитивистовъ позитивистъ, однако, нисколько
отрицаетъ возможности „злого вліянія“, кото
примѣры разсказывала Блаватская въ своихъ п
стяхъ объ индійскихъ „Загадочныхъ Племенахъ“
тоддахъ и курумбахъ. Свирѣпымъ чудесамъ пос
нихъ онъ даетъ совершенно естественное логиче
объясненіе гипнотическаго фокуса — того же сам

оторый отдаетъ птицу или кролика во власть смо-
оящей на нихъ змѣи, которымъ венгерецъ Баласса
крощалъ дикихъ лошадей, которымъ парижскій ба-
тонъ Массоль создалъ себѣ репутацію „дурного
аза", убійственнаго для людей, имѣвшихъ несчастіе
опасть въ поле его зрѣнія. „Моноидеизмъ" Брэда —
фантастика какая-нибудь, но блестящая научная
орія, ему нельзя не вѣрить. Человѣкъ легковѣр-
ый, слишкомъ богатый фантазіей, замкнутый въ
комъ кругу интересовъ, поддается гипнозу не
олько черезъ усыпленіе, но очень часто и въ бодр-
венномъ состояніи. Психическое навожденіе до
кой степени помрачаетъ разумъ и волю нѣкото-
ыхъ людей, что они отдаются въ безусловное упра-
еніе другимъ человѣкомъ, дѣйствуютъ въ его рас-
оряженіи какъ маріонетки, и только по его волѣ
подъ его руководствомъ видятъ, слышатъ, ощу-
аютъ, чувствуютъ, ходятъ... Брэдъ считалъ пове-
тельное наклоненіе пережиткомъ гипнотической
ормулы, призывающей къ „моноидеизму"... Жаль,
тъ дома графа Гичовскаго, — посовѣтоваться бы
нимъ, поговорить... Онъ, навѣрное, знатокъ по
ой части и въ загадкахъ гипнотическаго обаянія
вствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ... „Це діло
ѣба розжуваты", какъ говорятъ хохлы... Надо из-
ить и — гдѣ извѣстенъ ядъ, тамъ, обыкновенно,
ходятъ и противоядіе.

Но, раздумывая и разсуждая, Дебрянскій, время
ъ времени, чувствовалъ, какъ по тѣлу его пробѣ-
тъ та самая странная мистическая дрожь, что въ
сквѣ предсказывала ему галлюцинацію и обморокъ,
гоняла его изъ дома и заставляла обращать ночь
день, скитаться Богъ вѣсть гдѣ „человѣкомъ
пы", прося у столицы общества и шумовъ жизни,

какъ милостыни. Онъ невольно заражался чувствами Зонцы, переполнялся знакомою тоскою и предчувствіемъ паническаго ужаса:

— Неужели я опять запутанъ во что-нибудь этакое? — думалъ онъ. — Значитъ, опять придется бѣжать... Да куда бѣжать-то? И такъ уже бросилъ домъ, все, забрелъ на край свѣта, сижу на этомъ проклятомъ островѣ, чтобы ему пусто было: вотъ ужъ именно, какъ старикъ Горбуновъ говаривалъ, ни земли, ни воды, одна зыбь поднебесная... Нѣтъ же! дудки! ребячество! Будь — что будетъ, а никуда я не поѣду и отъ Зонцы не откажусь! Если я въ самомъ дѣлѣ склоненъ къ сумасшествію, какъ намекалъ московскій докторъ, то отъ сумасшествія не отбѣгаешься: отъ навязчивыхъ идей надо не убѣгать, а бороться съ ними.

Въ Алексѣѣ Леонидовичѣ проснулось то грозное и гордое чувство самообороны, съ какимъ, прижатый въ безвыходномъ оврагѣ, волкъ внезапно оборачивается къ гончимъ и, ляснувъ зубами, садится на заднія лапы. И храбрые псы, что до сихъ поръ не жалѣя ни ногъ, ни шкуры, налегали на бѣгущаго звѣря — только бы скорѣе и первому доспѣть его, вдругъ смущенно осѣдаютъ вокругъ утомленнаго, запыхавшагося врага, который и дышитъ тяжело, и языкъ высунулъ, и только стеклянный взглядъ его краснорѣчиво говоритъ:

— Здѣсь я буду околѣвать... Ну-ка, суньтесь, кто первый?

Къ Вучичамъ онъ заходилъ нѣсколько разъ, но Зонцу ему удавалось видѣть только при другихъ, то мелькомъ, — очевидно, она его избѣгала. Она видъ имѣла тоже печальный и неспокойный. Однажды Алексѣй Леонидовичъ расхрабрился.

— А что, — подумалъ онъ, сидя у Вучичей за ѣдомъ, — если я сейчасъ встану и торжественно прошу у старика руку Зоицы? Онъ согласится, ѣтъ радъ, Зоица меня любитъ, а тутъ подоетъ родительское благословеніе... растеряется и посмѣетъ покривить душой — не откажетъ мнѣ: огда, разумѣется, и этой толстой негодяйкѣ остася только поздравить насъ, скрѣпя сердце... хну-ка? право, махну!.. Смѣлымъ, сказываютъ, ъ владѣетъ.

Ему такъ хотѣлось это сдѣлать, что казалось, то въ уши ему кто-то нашептываетъ веселый ѣтъ:

— Валяй, братъ, право, валяй...

Внятно, бойко, — и голосъ словно бы знакомый.

Въ ту сторону стола, гдѣ сидѣла Лала, Дебрян не рѣшался взглянуть прямо и только косился. почему-то боялся, что она угадываетъ его наенія и вся насторожилась.

— Чортъ ее знаетъ, — соображалъ онъ, — ишь хмурится и глаза, точно у тигрицы: сейчасъ нетъ. Ну, какъ вмѣсто того, чтобы поздра— она выпалитъ въ меня изъ револьвера или итъ меня, какъ Деліановича, этой шпилькой ?

о голосъ все подталкивалъ и подзуживалъ...

Дебрянскій — даже не столько въ задорѣ ти, сколько въ задорѣ неодолимаго любопытчто изъ всего этого выйдетъ, — сдѣлалъ, какъ ъ.

ь огромнымъ усиліемъ надъ собой, онъ всталъ ризнесъ коротенькую рѣчь, въ которой благоъ Вучича за оказанное ему гостепріимство.

- Я человѣкъ одинокій, — говорилъ онъ, — и

привыкъ жить одиноко, по-холостому. Отъ б
зости родныхъ я отвыкъ, обаяніе семейной жи
мнѣ совсѣмъ незнакомо. Благодаря вашей добро
я теперь, на чужой сторонѣ, узналъ, наскол
мнѣ недоставало до сихъ поръ свѣта и тепла домашн
очага, и какъ печальна жизнь безъ нихъ. Я искре
привязался въ вашей семьѣ и желалъ бы нико
не разставаться съ нею.

— Да и я, господинъ Дебрянскій, не радос
закурю сигару въ тотъ день, когда вы насъ по
нете, — отозвался старикъ, надвигая кустистыя бр
на увлаженные глаза.

— Такъ не лучше ли, господинъ Вучичъ, — п
должалъ Дебрянскій, — сдѣлать такъ, чтобы не раз
ваться намъ вовсе? Я люблю вашу дочь и смѣю
дѣяться — самъ ей не противенъ. Отдайте Зоицу
меня замужъ, возьмите меня, вмѣстѣ съ моимъ мале
кимъ капиталомъ, въ компаньоны или приказчик
по вашему дѣлу, — и я вашъ до конца дней мои

Зоица вскрикнула, закрыла лицо руками и у
жала изъ столовой, а Вучичъ приподнялся и разв
руками, да такъ и остался статуей сѣдого изумлен
очень пріятнаго, однако, судя по улыбкѣ, медле
разливавшейся по его широкому лицу. Дебрянс
начиналъ рѣчь, весь похолодѣвъ, а теперь ему б
жарко — точно его окунули въ кипятокъ. Въ ко
рѣчи онъ торопился и летѣлъ впередъ карьер
наѣздника, задавшагося мыслью, во что бы то
стало перескочить барьеръ, — и перескочилъ-так
и тотчасъ же почувствовалъ себя лучше: отле
Даже голосъ, который раньше совѣтовалъ и по
нялъ: — не робѣй, братъ, валяй, право, валяй!
теперь твердилъ другое: — Ай, молодецъ! пр
молодецъ, — хоть куда!

Однако, голосъ оказался не внутри Дебрянскаго, акъ казалось ему, а живой и изъ внѣшняго міра: то — просто хохоталъ опамятовавшійся старикъ Вучичъ и, хлопая по плечу желаннаго зятя, безъ ерерыва частилъ:

— Молодецъ: настоящій юнакъ! Противъ всѣхъ равилъ, не по обычаю, а молодецъ! люблю! Такъ хъ и надо, дѣвокъ, — врасплохъ, какъ громомъ, тобы и жеманиться не успѣла! Обними меня, миый: я очень радъ, очень! И дѣвка рада... ужъ я наю, что рада!

Огромные глаза морского орла замигали, и на сахъ заблестѣла совсѣмъ непривычная имъ роса.

Взоръ старика упалъ на посинѣлое лицо Лалы, — ъ померкшими глазами, она машинально водила ожемъ по скатерти и пропорола въ ней уже неалую дырку. Старикъ разсердился.

— Лала! что это значитъ? — прикрикнулъ онъ на зоемъ родномъ языкѣ, — нельзя ли хоть сегодня бойтись безъ фокусовъ? У насъ такая радость, а я — словно тебя сейчасъ кладутъ въ гробъ. Поправь жениха и поди — отыщи и приведи къ намъ эицу... А, впрочемъ, нѣтъ! Я самъ пойду. У тебя кіе унылые глаза, что ты еще разстроишь ее оимъ юродствомъ!

Вучичъ похлопалъ Дебрянскаго по плечу и поадилъ по головѣ, погрозилъ пальцемъ Лалѣ и выелъ. Два врага обмѣнялись взглядами смертельной нависти. Въ глазахъ Лалы Дебрянскій прочелъ еще насмѣшку:

— Ты думаешь, что сдѣлалъ очень удачный игъ? что ужъ и побѣдилъ меня, и Зоицу завоелъ, какъ отца ея? Ладно! Еще помѣряемся!

— Ну, и помѣряемся! — стучалъ голосъ въ умѣ

Дебрянскаго отвѣтнымъ вызовомъ, удалымъ тоже непримиримо злобнымъ. — И помѣряемс Только не поддаваться, не раскисать духомъ, а то не больно ты страшна мнѣ съ ужомъ своимъ!...

Эта гнѣвная переглядка не повела бы ни къ чем доброму, если бы враги были одни, но присутствіе двух линялыхъ дальнихъ родственницъ послужило спасител нымъ громоотводомъ. Одна изъ этихъ родственниц которая выглядѣла болѣе линялою, обратилась к Лалѣ съ жеманнымъ выговоромъ. Лала сперва не по няла ее, потомъ презрительно захохотала и вста изъ-за стола. Цмокъ, который клубился у ногъ е взвился по ней и повисъ черезъ плечо, съ свир пымъ шипѣніемъ, точно понималъ бурю, закипѣ шую въ сердцѣ своей хозяйки. Глаза его стал какъ рубины, и жало черною вилкою шевелилось в воздухѣ. Въ дверяхъ Лала столкнулась съ Вучичем и Зоицею и, молча, не глядя, дала имъ дорог Зоица была очень взволнована...

— Ну, скажи же ему отвѣтъ сама, ну, скажи, торопилъ счастливый старикъ.

Зоица искала Лалу глазами... Лалы уже н было... Смущеніе дѣвушки дошло до крайнихъ пр дѣловъ — она дышала трудно, щеки пошли кра ными пятнами. Вучичъ далъ Дебрянскому знакъ пр близиться, а самъ отошелъ въ сторону, покручива длинный сивый усъ.

— Вы таки настояли на своемъ, — сказал Зоица жениху съ тоскливымъ упрекомъ.

— Я не люблю отказываться отъ задуманно цѣли, не испытавъ всѣхъ средствъ достигнуть ея.

— Вѣдь я же говорила вамъ, что это невоз можно... что изъ этого выйдутъ одни ужасы... З что вы не повѣрили мнѣ?

— За то, — улыбнулся Алексѣй Леонидовичъ, —
о я васъ люблю, и у васъ фантастическая головка;
ужасовъ я не боюсь. И себя, и васъ уберегу я отъ
асовъ вашего воображенія. Вы видѣли: я не изъ
бкихъ.

Зоица смотрѣла ему въ глаза.

— Все, что я говорила вамъ, правда: я не имѣю
аза выходить замужъ, и предложеніе ваше гро-
гъ большою бѣдою и мнѣ, и вамъ! Быть можетъ,
же смертью.

Дебрянскій сказалъ:

— Ну, и пускай грозитъ... А мы не испу-
емся..

— Вы все думаете, что я брежу!

Зоица со скорбью покачала головой.

— Объясните, въ чемъ дѣло, не буду думать.

— Не могу.

— И я не могу. Но — бредите ли вы, нѣтъ
— я не хочу знать и буду защищать наше счастье
ь вашихъ страшныхъ фантазій своею грудью...
льше: буду защищать васъ даже отъ васъ самой,
тому что, чѣмъ больше думаю, тѣмъ больше убѣ-
даюсь, что настоящій-то вашъ врагъ не... ну, вы
ретили мнѣ называть ея имя, — но вы сами...
отравили себя ею, загипнотизировали. А я васъ
нея спасу и гипнозъ этотъ разрушу.

Зоица покраснѣла, уронила голову на грудь Де-
нскому и пролепетала:

— Хорошо же... пусть исполнится судьба...
сли мы погибнемъ, то умереть съ тобой вмѣстѣ
рь легче, чѣмъ жить безъ тебя одной... Если бы
зналъ... если бы могъ подозрѣвать... Я такъ
астна! такъ!

— Я сдѣлаю тебя счастливою...

Вучичъ, апплодируя, прибѣжалъ изъ своего у
и сразу обнялъ жениха и невѣсту своими могучи
узловатыми руками.

Поздно вечеромъ, уже къ полуночи, разста
Алексѣй Леонидовичъ съ невѣстою и, отказавш
отъ экипажа, лѣниво побрелъ пѣшкомъ по набер
ной. Ему надо было освѣжить голову, полную в
чатлѣній, и успокоить нервы, слишкомъ припод
тые волненіями дня.

— Вотъ я и женихъ! — думал онъ, щел
каблуками по плитамъ, — и какъ все это легк
просто дѣлается...

При мысляхъ этихъ онъ не испытывалъ особе
сильной, захватывающей радости, но ему было с
койно и хорошо. Непріятно было только, что
множко кружилась голова и какъ будто знобило.

— Должно быть, въ дополненіе къ законн
браку схватилъ маленькую лихорадку. А, вѣрнѣе,
нервная реакція послѣ возбужденія. Напряженіе б
сильное. Чувствую себя совсѣмъ разбитымъ.

Огоньки Эспланады мерцали еще далеко-дал
впереди, а между тѣмъ Алексѣй Леонидовичъ усп
уже устать — мочи нѣтъ... Долго двигался о
лѣниво переставляя ноги и какъ-то не имѣя ни од
мысли въ головѣ, будто ее вдругъ вѣтромъ
дуло, — споткнулся о камень, вздрогнулъ, опа
товался.

— Кой чортъ? Неужели я уснулъ на ходу?
ты! Хорошъ женихъ! Ротъ разодрало зѣвотой!

Онъ присѣлъ на стѣнку набережной, и его
часъ же согнуло и потянуло ко сну. Но, едва дре
качнула его, какъ онъ почувствовалъ острый у
въ сердце — такой внезапный и сильный, что
подпрыгнулъ и очнулся. Сердце уже не болѣло,

непріятно ныла правая сторона груди, тѣснило дъ ребрами и откликалось колотьемъ въ спину.

— Эге! Печень шалитъ! — подумалъ Дебрянй, — что мудренаго? Переволновался же я!

Ночь была свѣжая, и холодный, сырой камень бережной награждалъ его, вмѣсто отдыха, непріятми мурашками по тѣлу. Поднявшись на Эспланаду, памятнику Капо д'Истрія, онъ зашелъ въ придожный кабачекъ и спросилъ себѣ стаканъ крѣпкой стики.

— Здравствуйте! — окликнулъ его знакомый лосъ.

Онъ поднялъ голову: предъ нимъ стоялъ и скалъ лошадиные зубы, весь рыжій подъ цилиндромъ, акомый англичанинъ, бывшій лейбъ-медикъ императцы Елизаветы, докторъ Моллокъ.

— Ахъ, докторъ?

Врачъ смотрѣлъ на него со страннымъ выражемъ лица.

— Вы не больны?

— Нѣтъ... а что?

— У васъ было лицо человѣка, теряющаго сонiе... Я дважды звалъ васъ.

— Я слышалъ только одинъ разъ.

— Крѣпко задумались.

— Да... но...

Алексѣй Леонидовичъ провѣрилъ себя и обрася къ врачу съ большимъ недоумѣніемъ, почти угомъ.

— Представьте докторъ: я рѣшительно не помню ерь, о чемъ я думалъ...

— Забыли, о чемъ думали?

— Да... Только чувствую, что моя дума страшно утомила.

Взоръ Моллока обратился было на стаканъ мастикою, но Дебрянскій даже обидѣлся.

— Помилуйте! Я еще не пилъ.

— Вы лунатизмомъ не страдали? — спрос врачъ.

— Въ дѣтствѣ, говорятъ, вскакивалъ съ стели по ночамъ... Взрослымъ — нѣтъ.

— Ага! А то у лунатиковъ часты подобныя бывчивость и разсѣянность мысли... Мое почте

— Покойной ночи.

Выпитая мастика подбодрила Дебрянскаго.

— Мосье не желаетъ закусить? — почтител кланяясь, спросилъ швейцаръ отеля Saint Geor гдѣ Дебрянскій занималъ двѣ комнаты. Но м чувствовалъ такую усталость, его такъ тянуло сну, что даже не отвѣтилъ.

Пройдя къ себѣ, Дебрянскій опустился въ кре чтобы перевести духъ, и началъ мелленно ра ваться, борясь со сномъ, который то откидывалъ голову назадъ, то свѣшивалъ ее на грудь... Въ время дверь скрипнула, въ комнату вошелъ и с за столъ прямо противъ Дебрянскаго мужчина: у бающееся лицо его показалось Алексѣю Леони вичу знакомымъ. Ну, конечно, онъ! Шишки и ко желтой отечной кожи, безсмысленный, разбросан взглядъ.

— Петровъ! откуда ты взялся?

Алексѣй Леонидовичъ открылъ глаза, разбуж ный звукомъ своего голоса, и понялъ, что онъ дилъ: въ комнатѣ не было никакого Петрова, а столѣ смердѣла, догорая въ мѣдномъ шандалѣ, св которой, когда Алексѣй Леонидовичъ взялъ е portier, оставалась еще добрая половина.

— Вотъ ясно привидѣлся, — подумалъ Деб

скій.—Фу, однако, какъ кружится голова... и глаза рѣжетъ, будто кто подъ вѣки песку насыпалъ... Напрасно я пилъ эту мастику!

Но, едва Алексѣй Леонидовичъ погасилъ огонь и нырнулъ подъ одѣяло, едва онъ сталъ забываться въ томъ состояніи, что Мори такъ остроумно называлъ вожатаемъ сна — гипнагогическимъ, Петровъ снова выплылъ изъ тьмы и снова сѣлъ предъ Алексѣемъ Леонидовичемъ, полуосвѣщенный желто-краснымъ мутнымъ огнемъ — какъ почти всегда озаряетъ кровь кошмарныя видѣнія. Онъ сидѣлъ, молчалъ и кивалъ и раздражалъ Дебрянскаго своимъ киваніемъ.

— Что тебѣ надо? зачѣмъ пришелъ?—сердито спросилъ Алексѣй Леонидовичъ; — ты, пожалуйста, не мечтай, что я тебя боюсь: я отлично сознаю, что вижу тебя во снѣ, и что ты совсѣмъ не самъ Петровъ, но моя ложная идея...

— Это хорошо, что ты сознаешь, братъ, хорошо, — отозвался Петровъ.

— То-то... ты,—братъ, не лицо... ты—мастика!

— Превосходно! Не поддавайся! не поддавайся! Воюй! крѣпись!

Черты Петрова расплылись въ воздухѣ. Заходили зеленые круги, а изъ нихъ стали прыгать другъ черезъ друга необыкновенно прыткія козы, но вмѣсто роговъ у нихъ росли растрепанные большіе банные вѣники, а вмѣсто хвостовъ вились и кружились длинные, пестро-мраморные, съ черными вилкообразными жалами, Цмоки.

— Алексѣй Леонидовичъ! — шепталъ голосъ Петрова надъ лѣвымъ ухомъ Дебрянскаго, — ты меня слышишь? понимаешь?

— Ну... что жъ? Понимаю... — снисходительно

отзывался Алексѣй Леонидовичъ. — Вотъ только коз
зачѣмъ?... Эхъ, напрасно я пилъ эту мастику!

А Петровъ шепталъ:

— Это не козы, а Лалы, онѣ шпіонятъ за нами
но ты ихъ не бойся; графъ Гичовскій выучитъ их
воздухоплаванію, и онѣ улетятъ...

Лихорадочный кошмаръ мучилъ Дебрянскаго ц
лую ночь, и цѣлую ночь Петровъ нашептывалъ ем
странныя и глупыя слова. Къ утру онъ предст
вился Алексѣю Леонидовичу всего живѣе:

— Прощай, братъ, — говорилъ онъ, надѣва
шляпу Дебрянскаго. — Мнѣ пора.

Тра-ра-ра!
Мнѣ пора!
Со двора —
Всѣ гусары со двора!
Ура!

— Ты, стало быть, изъ больницы-то вышелъ? —
спрашивалъ Алексѣй Леонидовичъ.

— Вышелъ, братъ. Я теперь совсѣмъ здоровъ
свободенъ.

— Анна больше тебя не мучитъ?

— Нѣтъ. Анна тлѣнъ. Я самъ Анна. Тра-ра-р
Вотъ такъ дыра! Тля тлитъ тлѣнъ. Дотлѣю до т
и буду Анна.

— Да, бишь... позволь... я и забылъ: вѣ
ты умеръ...

— Умеръ, голубчикъ. А ты ко мнѣ на похорон
не пришелъ? Свинство, братъ.

— Откуда же, ты, мертвый, узналъ, что я здѣс

— Тра-ра-ра! Я теперь знаю все, что меня и
тересуетъ.

— А почему я тебя интересую?

— Я тебя полюбилъ. Ты парень хорошій.

тебя стану беречь. Ахъ, Алексѣй Леонидовичъ! ты молодецъ, ты такъ себя показалъ, что молодецъ, я тебѣ и вчера за обѣдомъ, когда ты сдѣлалъ предложеніе Зоицѣ, шепталъ, что ты молодецъ...

— Такъ это ты меня хвалилъ и подбодрялъ?

— Туръ-туръ-туръ... Тра-ра-ра... За здоровье жениха и невѣсты! Мое вамъ почтеніе! Ура!

— Ну, спасибо тебѣ, Петровъ, право, спасибо, товарищъ...

— Но остерегайся, братъ! Рискуешь ты, охъ, какъ рискуешь! Не тлитъ ли тлѣнъ сребра и злата? Противъ тебя, братъ, сила собрана... большая... всѣ гусары... тра-ра-ра... со двора. Въ замокъ... Рэтлеръ со двора.

— Стой! Вотъ ты узналъ, гдѣ я, пришелъ...

— Ну?

— Да, вѣдь, ты — мертвый?

— Ну, мертвый?

— Значитъ, мертвый всегда можетъ прослѣдить и постигнуть живого?

— Ну, можетъ...

— Если такъ... то Анна... значитъ, тоже знаетъ, гдѣ я... куда сбѣжалъ отъ нея?...

— Надо полагать, что знаетъ.

— Отчего же она не преслѣдуетъ меня?

— Преслѣдовала бы, кабы могла.

— Развѣ не можетъ?

— Видно, еще не можетъ.

— Какъ же ты-то можешь?

— Чудакъ ты! Да вѣдь я же не существо, а твое сновидѣніе. А — какъ существо — я спокойненько лежу въ Москвѣ на Ваганьковскомъ кладбищѣ и разлагаюсь. Вотъ — какъ совсѣмъ разложусь — перестану быть сномъ и опять стану существо!

— Врешь, лопухъ изъ тебя выростетъ.

— Самъ врешь! лопухъ по-твоему не существо

— Если ты не существо, какъ же я съ тобо говорю?

— Да ты совсѣмъ не со мною, а съ самим собою... самъ же давеча сказалъ... Лопоухій!

— За что же ты ругаешься?

Но Петровъ, вмѣсто отвѣта, сдѣлалъ страшну гримасу, отростилъ по обѣимъ сторонамъ длинны ослиныя уши и забормоталъ:

— Лопать... лопасть... лопата... Лопе де Вега. Клопъ... салопъ... остолопъ... Не иди въ холоп берегись! не попадись! холопъ! хлопъ! хлопъ! хлоп

— Отвяжись!

— Князь Вяземскій дрался саблею, а Митьк ослопомъ...

— Да мнѣ-то что?

— Берегись, тебя слопать хотятъ... Лопари финновъ и шведовъ имѣютъ славу самыхъ злобных колдуновъ...

— Ну, это, братъ, изъ географіи. Залопоталъ!

— Я лопочу, я хлопочу... Лопни глаза, выверни лопатка!... Злые люди — злыя силы... Злыя силы — злые люди... Не зѣвать, хлопотать... хлопокъ ску пать... галопъ танцовать... А то рекрутъ будеш Лобъ! Хлопъ! Хлопъ! Іеронимусъ Амалія фонъ Кур галопъ!

Ночной бредъ свалилъ вмѣстѣ съ лихорадкой уж засвѣтло, и Алексѣй Леонидовичъ заснулъ было н конецъ крѣпко и сладко, но ненадолго. Кто-то з барабанилъ въ дверь его номера. Дебрянскій о крылъ глаза, удивленный яркостью бѣлаго дня, смо трѣвшаго въ окна синими очами своими, и ещ имѣя въ головѣ остатнюю, бредовую мысль:

— Евдокія Лопухина была первая жена Петра ликаго, а невѣсту Михаила Ѳедоровича звали рьей Хлоповой...

— Тукъ! тукъ! тукъ! — звала дверь.

— Что это? все еще во снѣ или на яву?

Но:

— Oh, ma charmante,
Ecoute, ècoute ainsi!
L'amant, qui chante,
Et pleure aussi!

тѣлъ за дверью хорошо знакомый голосъ.

— Графъ Валерій!..

VII.

Графъ Валерій Гичовскій, обмѣнявшись съ Деянскимъ новостями и принеся ему свои поздравле-, поспѣшилъ съ визитомъ къ Вучичамъ. Старика ь встрѣтилъ на дорогѣ, но Вучичъ настоялъ, что Гичовскій ѣхалъ на виллу, къ Зоицѣ, обѣщая нуться очень скоро. Графу было нечего дѣлать, ь продолжалъ свой путь. Случилось такъ, что, ромѣ грума, отвѣсившаго ему низкій поклонъ на льцѣ, онъ никого не встрѣтилъ въ первыхъ комахъ виллы. Хорошо знакомый съ расположеніемъ а, графъ направился искать Зоицу на морской расѣ. Но и здѣсь никого не было — кромѣ нца, несносно палящаго даже сквозь узоръ густо исшихъ виноградныхъ лозъ. Графъ опустился въ лку — ожидать, пока явится какая-нибудь жи- душа и доложитъ о немъ хозяйкѣ. Гдѣ-то вблизи слышалъ гулъ разговора — спорили два женъ голоса. Одинъ какъ будто плакалъ, другой рѣзокъ и гнѣвенъ. Гичовскій вспомнилъ, что разъ у террасы, сбоку, въ нижнемъ этажѣ на-

ходится комната Лалы. Онъ кашлянулъ разъ, др
гой, но его не слыхали, разговоръ не прекращал-
а, наоборотъ, все крѣпчалъ, становился все гром
и рѣзче. Гичовскій невольно уловилъ нѣсколь
фразъ, послѣ которыхъ онъ вдругъ перемѣнилъ св
первое намѣреніе скромно удалиться, чтобы не ста
непрошеннымъ свидѣтелемъ чужихъ тайнъ, — пол
жилъ шляпу подъ качалку, притаился и настор
жилъ уши...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — говорилъ рѣзкій
лосъ. Гичовскій едва призналъ его за голосъ Лал
— Этого не будетъ никогда. Не валяйся у моихъ но
это напрасно. Я не могу тебя простить, если бы
хотѣла; ты это знаешь. Зачѣмъ же эти просьбы
слезы? Все на вѣтеръ! все на вѣтеръ!

Словъ Зоицы Гичовскій не разслышалъ. Злой
хотъ Лалы былъ на нихъ отвѣтомъ.

— Любишь! — вскричала она, — ты его л
бишь! Какое мнѣ дѣло до твоей любви? какъ
смѣешь любить? какъ ты смѣешь говорить мнѣ
твоей дрянной любви?

Опять невнятно пробормотала Зоица.

— Ты сошла съ ума! — съ холоднымъ, презр
тельнымъ гнѣвомъ оборвала ее Лала.—Женихъ? Ка
достаетъ у тебя дерзости произносить такія слов
Скажи еще: семья, мужъ, дѣти... Ты — обрече
ная дѣвственница! Въ твоемъ умѣ подобная меч
въ твоихъ устахъ подобныя слова — преступленіе

— Да — что я не человѣкъ, что ли? — вскри
нула Зоица, поднимая голосъ. — Мнѣ восемнадц
лѣтъ. Еще немного, и, по здѣшнимъ понятіямъ,
буду уже старая дѣва. Мои подруги давно замуже

— Онѣ не давали обѣтовъ, — сдержанно в
разила Лала.—Онѣ не посвящали себя тайнамъ. З

ныя твари достанутся земнымъ тварямъ, но твоимъ женихомъ и супругомъ будетъ только тотъ, кому ты клялась и присягнула... Онъ отъ своихъ правъ никогда не отказывается, Зоица. Онъ испепелитъ тебя, но не отдастъ...

Зоица молчала. Затѣмъ раздался ея голосъ, въ которомъ звучали недовѣріе, нетерпѣніе, почти насмѣшка:

— Если я такъ нужна ему, таинственному жениху моему, если онъ такой безотказный и могучій, зачѣмъ же онъ попустилъ меня въ ту бѣду, что теперь насъ окружила? Зачѣмъ онъ такъ долго ждетъ и не приходитъ? До какихъ поръ мнѣ увядать — невѣстою безъ жениха или женою безъ мужа? Когда же будетъ наконецъ — этотъ нашъ удивительный, чудесный бракъ?

— Никогда, если ты посмѣешь продолжать такимъ тономъ.

Зоица воркнула что-то, понятое Гичовскимъ, какъ:

— Очень рада.

— Какъ смѣешь ты предписывать законы и сроки стихіи? Твое дѣло — молчать, терпѣть и ждать. Его воля — высшая... что могу знать о ней я? Да, да! Даже я, потому что и я — раба, заключенная въ темницѣ глухого и слѣпого человѣческаго тѣла. Быть можетъ, это случится сейчасъ, сегодня въ ночь, завтра, послѣзавтра... Быть можетъ, когда Онъ удостоитъ тебя ложа своего, ты будешь уже дряхлою восьмидесятилѣтнею старухою, но въ огненныхъ кольцахъ объятій Его ты возродишься и станешь — какъ женщина въ расцвѣтѣ юности, и зачнешь чудо, и принесешь обѣтованный плодъ — великое божественное Яйцо, черезъ которое возродится онъ — новый Змѣй, надежда, опора и спаситель міра... Я

открыла тебѣ возможность быть царицей вселенной нѣкогда всякая тварь назоветъ тебя своею госпоже и матерью, а ты... Опомнись! береги себя, зорк блюди честь свою во всемірную славу ея, храни сво святое будущее, Зоица!...

— Я не могу и не хочу жить невѣдомымъ, бу дущимъ, Лала, — я молодая, меня настоящее зо ветъ, я не способна состариться въ упованіяхъ мечтахъ, похожихъ на бреды.

— Ты нетерпѣлива? Молись Ему, свершай свя щенные обряды, зови Его, думай о Немъ, тяни Ег къ себѣ мыслью сердца и желаніемъ тѣла своего.. Ты лѣнивая и небрежная. Я ли не молила, я ли н просила, чтобы ты разрѣшила мнѣ украсить теб священными начертаніями?

— Не начинай объ этомъ. Ни за что! Ты дал мнѣ слово оставить это до моего совершеннолѣтія

— Не я дала слово, а ты вынудила его у меня

— Все равно. Вопросъ поконченъ, и я не же лаю къ нему возвращаться.

— Какъ же ты хочешь, чтобы Онъ ускорил свои пути къ тебѣ, если ты сама засорила дорог Его? Начертаній ты не хочешь, вѣщихъ словъ н произносишь, обрядовъ не исполняешь, ни одног заклинанія не умѣешь повторить правильно, скольк я тебя ни учу, ни единой жертвы ты Ему не зако лола, а теперь даже Цмока, Его живой образъ, раз любила и перестала ласкать...

— Что же мнѣ дѣлать? Я не могу выносит когда его холодныя кольца вьются по моему тѣлу..

— Ага! А прежде могла?

— Я была дѣвочка, и ручной ужъ забавлял меня, какъ всякая живая тварь въ домѣ, какъ по движная игрушка. Съ тѣхъ поръ я выросла, узнал

гихъ людей, получила образованіе, читала много гъ...

Лала перебила:

— Очень нужны всѣ онѣ той, которая со времъ будетъ знать все прошедшее, настоящее и ущее, безъ ученія и трудовъ, однимъ откровеъ супруга своего, Великаго Змѣя!

Зоица продолжала, не отвлекаясь на ея замѣчаніе:

— И теперь, конечно, я не въ состояніи отноься къ Цмоку съ тѣмъ суевѣрнымъ баловствомъ, ь ты его ласкаешь, какъ ты отъ меня требовала еня выучила. Ласки, которыми ты его осыпаешь, утся мнѣ противными и стыдными... Боюсь я, ица, что ты вовлекла меня въ нехорошія подраія и выучила грязнымъ дѣламъ.

Тяжелою злобною скорбью прозвучалъ отвѣтъ ы:

— И это говоритъ — такъ осмѣливается гово-, — будущая возрожденная Эвга, супруга Вели- Змѣя, та, въ которую должно войти вдохновепраматери человѣчества!.. Быть можетъ, Зоица, уже противна тебѣ?

— Обидно такъ упрекать, Лала, — отозвался ьшительно возмущенный голосъ Зоицы, — ты столько же, какъ я, знаешь, что ты мой лучдругъ, самое дорогое для меня существо на ѣ...

— Была — да... Но теперь? Не лги, Зоица, зя лгать предъ тою, которая читаетъ мысли, какъ нныя слова. Ты измѣнила мнѣ, Зоица.

— Это неправда.

— Не тѣломъ, нѣтъ... Твоя мысль ушла отъ твое нѣжное желаніе отвернулось отъ меня... ого вечера, какъ мы были въ театрѣ, погасли

между нами священныя ласки, которыми я сохран
тебя — чистую — отъ мужскихъ соблазновъ,
грядущаго супруга твоего, — чтобы повторил
отъ вѣка бывшее и черезъ вѣка реченное: чт
непорочную и дѣвственную — нетронутую нечист
устами грѣшнаго раба Адама — принялъ въ
объятья свободную новую Эвгу Великій Змѣй
маэль... Можетъ быть, и я уже не нужна те
Можетъ быть, и мои ласки стали тебѣ въ тяго

Зоица долго молчала. Потомъ, затаившій д
ніе, Гичовскій едва разслышалъ ея лепетъ:

— Да, Лалица... Не сердись на меня... Я лю
тебя нисколько не меньше прежняго, но обр
эти... Ты взрослая женщина, и я уже не ребенок
Я устала насиловать свой стыдъ и краснѣть за себ
Времена языческой совѣсти давно минули... Я
хочу больше быть игрушкой прошлыхъ вѣковъ
не надо мнѣ, прости, не буду я больше участво
въ обрядахъ...

Глухой крикъ, стону подобный, вырвался
груди Лалы:

— Предательница! Неблагодарная! Такъ — во
конецъ? Все — долой? Вся жизнь забыта? Несч
ная! Вспомни ночи въ горахъ Дубровника, вспо
ущелье, гдѣ ты — надъ священнымъ костромъ
клялась мнѣ — живой — и теткѣ Дивѣ — м
вой — не знать земной любви? гдѣ я предста
тебя великимъ силамъ воздуха, какъ мою наслѣдн
и преемницу, которая станетъ ихъ жрицею, к
придетъ мое время окончить жизнь въ земной
лочкѣ и соединиться со стихіей? И рады были
великія силы воздуха, и нарекли тебя достой
чтобы воплотилась въ тебѣ неумирающая мог
Эвга, и была бы, чрезъ тѣло твое, вновь супру

еликаго Змѣя, и возродила бы омраченную жизнь зарей въ плодѣ Яйца, въ которомъ будетъ новый мѣй, борецъ и спаситель природы. Ага! Посмѣешь ы теперь снова сказать мнѣ, что любишь земного ервя, сѣвернаго чужеземца? Берегись, Зоица! силы розны и могущественны. Кто идетъ противъ нихъ, огибаетъ безпощадно. Твой посягатель обреченъ ами, онъ умретъ, — но тебя спасти еще можно. інѣ жаль тебя. Откажись отъ него, чтобы онъ не влекъ тебя въ пропасть вмѣстѣ съ собою.

Зоица молчала. Потомъ раздался ея голосъ:

— Лалица, прости меня, я больше не вѣрю во се это...

Лала вскрикнула, точно раненая.

— Не вѣришь? Но развѣ мало я показала тебѣ огучихъ тайнъ и грозныхъ знаменій? Чѣмъ же мнѣ ебя увѣрить? Чудесъ тебѣ надо? новыхъ чудесъ?

— Лала, я не сомнѣваюсь, что ты можешь творить чудеса, на которыя не способны другіе люди...

— Слушай! Хочешь: я не скажу тебѣ больше и слова — буду молчать, но съ тобою заговоритъ еловѣческимъ голосомъ Цмокъ? Онъ повторитъ ебѣ всѣ мои слова, увѣщанія и угрозы...

— Это лишнее, Лáла. Графъ Гичовскій не имѣетъ оихъ сверхъестественныхъ даровъ, — однако, еще давно, заставлялъ говорить бутылку на столѣ и ожку стула, и ручку у двери, и часы на стѣнѣ...

— Жалкое существо! Ты уже подозрѣваешь ня, что я фокусница, что мнѣ равенъ можетъ ыть какой-нибудь чревовѣщатель!.. Хочешь, я ращу Цмока въ палку, какъ когда-то еврей Моией? Хочешь, день померкнетъ въ твоихъ глазахъ, ре взбѣсится и польется на террасу? Хочешь, вотъ и столы и стулья будутъ плясать и кружиться

предъ твоими глазами? Хочешь, я буду говорить в языкахъ, которыхъ не знаю, и отвѣчать на вопрос которыхъ не слышу ушами и не вижу глазами?

— Лалица, это излишне. Я знаю силу твоег навожденія. Я испытывала его десятки разъ.

— Все знаешь, все помнишь, со всѣмъ соглас и — ничему не вѣришь?

— Лалица, порою мнѣ кажется, что все, чт было между нами, осталось во снѣ...

— Это онъ тебя увѣрилъ! это его вліяніе! — съ ненавистью прервала Лала. — Такъ знай же: лжет онъ — и сама себя не обманывай! Да, ты во сн потому что вся земная жизнь — сонъ! Но этот сонъ и сейчасъ окружаетъ тебя, и ты принадлежиш ему, и ты сама — сновидѣніе для другихъ, и в явь, длящаяся для насъ, долгая таинственная грез Умри! разрушь сонъ жизни, — тогда ты будеш права. А до тѣхъ поръ — не заблуждайся: не в снѣ, а на-яву ты отдала мнѣ во власть свою вол чтобы я сдѣлала тебя жрицею таинственной пят стихіи, разлитой между всѣми стихіями, въ котору со временемъ уйдемъ всѣ мы.

Зоица остановила ее.

— А если не во снѣ, то страшно мнѣ твоих тайнъ. Ты неудачно сдѣлала свой выборъ: я плох ученица и не гожусь тебѣ въ преемницы. Я слишком робка и слаба. Я не хочу ихъ знать... я жи хочу, наслаждаться. Меня къ землѣ тянетъ, к людямъ.

— Есть пути, съ которыхъ не бываетъ пов рота, — сурово отозвалась Лала. — Кто взвалилъ се на плечи непосильную ношу — тотъ надрывает подъ нею. Это законъ. Ты, самоувѣренная дѣ ченка, просила у меня великой ноши. Я тебѣ

ала. Неси же и умри подъ нею, если она тебя нетъ къ землѣ, но сбросить ее нельзя! Я предупрекдала тебя въ свое время.

— Что я могла понимать! — въ свою очередь аздраженно воскликнула Зоица, — мнѣ не было и вѣнадцати лѣтъ... ты увлекла меня своими сказами о звѣздахъ, объ огненныхъ и воздушныхъ люяхъ, змѣяхъ, дивахъ воды и пламени. Развѣ я влаѣла своимъ умомъ, когда бросилась за тобой въ ту демонскую пучину? А съ тѣхъ поръ, какъ тдаю самой себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ, ѣрь мнѣ: нашъ договоръ ничего не далъ мнѣ, ромѣ страха и стыда... Отпусти меня. Я хочу ыть обыкновенною, мирною женщиною, я не гоусь въ вѣщія и не буду больше ни участницей, ни рудіемъ твоего колдовства.

Лала холодно возразила:

— Если ты называешь колдовствомъ желаніе, раво и возможность смотрѣть въ тайны природы лубже и болѣе сознательно, чѣмъ въ состояніи друе люди, пусть это будетъ колдовство, и я, конечно, олдунья. Въ такомъ случаѣ, и нашъ другъ графъ ичовскій, котораго ты только что помянула, тоже олдунъ, только неудачный, потому что онъ все щетъ, но не находитъ, а я нашла. Пускай колунья! Слово не мѣняетъ дѣла и не мѣшаетъ ему. рица Великаго Змѣя выше оскорбленій бѣднаго ловѣческаго языка. До сихъ поръ ты не видала, обы мое колдовство принесло кому-нибудь зло и вредъ.

— Но теперь ты хочешь сдѣлать зло ужасное! — кому же? человѣку, котораго я люблю.

— Я уже сказала тебѣ, чтобы ты не смѣла произносить этого слова. Оно для тебя запретное.

Берегись, Зоица! Я не одна тебя слышу... Смотр
какъ гнѣвно поднялъ голову чуткій Цмокъ, ка
грозно устремлены на тебя его вѣщіе глаза, ка
заклубились его сверкающія кольца.

— Если я не боюсь тебя, то тѣмъ болѣе
испугаюсь безсмысленной и безсловесной твари.
Лала! Оставь! Перестань! Не трави меня, уйі
Цмока! Я не люблю, когда онъ бросается, злой, -
я буду защищаться и могу его убить...

— Глупая дѣвченка! Ты кощунствуешь, угрож
посланнику Великаго Змѣя...

— Этихъ посланниковъ — сколько угодно по
любымъ придорожнымъ камнемъ.

— Да? Вотъ какъ? Вотъ ужъ до чего дош
дѣло? Такъ-то развратили тебя? И ты еще смѣе
просить, чтобы я пощадила Дебрянскаго? Не я хо
сдѣлать ему зло. Онъ самъ идетъ къ тому и в
нуждаетъ меня истребить его. Есть обстоятельст
при которыхъ я теряю свою волю и обращаюсь
слѣпое орудіе силы, живущей вокругъ меня и мно
повелѣвающей.

— Пожалѣй его, Лала! нашею вѣчною дружб
заклинаю тебя, прости!..

— Откажись отъ него, — глухо сказала Ла
послѣ долгаго молчанія, — можетъ быть, тогда
сумѣю какъ-нибудь успокоить оскорбленную стихі
и отведу отъ чужеземца охватившую его бѣду...

— А онъ? — горько засмѣялась Зоица, — раз
онъ откажется?

— Заставь его!

— Чѣмъ? Онъ знаетъ, что я его люблю.

— Скажи, что разлюбила.

— Онъ не повѣритъ и будетъ правъ.

— Зоица!

— Что же ты кричишь? Вотъ, ты сейчасъ пред-
гала мнѣ испытать тебя чудесами... Ну, сдѣлай
къ, чтобы я ненавидѣла и презирала его? чтобы
ъ ко мнѣ сдѣлался враждебенъ или равнодушенъ?
отъ то-то и есть! Есть въ человѣкѣ область, надъ
торою твоя мудрость не властна... Убить ты мо-
ешь, но отнять любовь — никогда.

Лала мрачно молчала. Зоица продолжала:

— Если бы я могла объяснить ему, кто ты, кто
обѣ...

— Да. Не доставало только того, чтобы ты окон-
тельно погубила себя — открыла ему таинства!..

— А теперь онъ смѣется надъ моими суевѣр-
ими страхами. Онъ ненавидитъ тебя, онъ такъ
лобленъ, что способенъ добиваться меня только
тѣмъ, чтобы удалить меня отъ твоей власти. А
асть твою надо мною онъ чувствуетъ, хоть и не
нимаетъ, откуда она.

— Земной червякъ! Прахъ двуногій!—еще глуше
ниже произнесла гнѣвная Лала. — Когда онъ
явился у насъ въ домѣ, меня душилъ запахъ
упа... За нимъ слѣдятъ чьи-то мертвые глаза, его
утъ чьи-то мертвыя объятья... но не твои!...
тъ, не твои!.. Погоди! — дай созрѣть новому
сяцу: въ полнолуніе я совершу вѣщій обрядъ и
ду знать о немъ все...

Молчаніе было отвѣтомъ.

VIII.

— Вотъ вы гдѣ? — весело заговорилъ, входя
террасу, Вучичъ и заставилъ вздрогнуть задумав-
гося Гичовскаго. — И почему-то въ одиночествѣ!
ѣ же Зоица?

— Этого не могу вамъ сказать, — равнодушно

отвѣтилъ графъ.—Знаю только, что добрыхъ г
минутъ брожу по виллѣ, какъ по заколдованн
замку, и не встрѣчаю ни души.

— Какъ — только пять минутъ? Неужели
ходите такъ медленно? Я думалъ, что вы давн
давно меня ждете?...

— Я застоялся у моря, — спокойно солг
графъ, — смотрѣлъ, какъ рыбаки вытягивали с

— Въ такое жаркое время?! Вотъ странно
Разумѣется, ничего не взяли?

— Ни даже малаго краба, — невозмутимо п
должалъ графъ, не унывая, что въ первый разъ
совралъ не очень удачно.

Вучичъ, извинившись, вышелъ позвать дочь
Гичовскій прошелся раза два по террасѣ, съ вол
ніемъ потирая руки. Коричневые глаза его гор
любопытствомъ.

— Это надо разслѣдовать, и мы разслѣдуе
Дѣло, конечно, шло о нашемъ женихѣ... А я
„нашъ другъ". Вотъ какъ? Великій Змѣй —
Европѣ? Праматерь Эвга — въ Средиземномъ
сейнѣ? Змѣиный культъ Оби — у двухъ славянокъ
греческомъ Корфу? Странно, чрезвычайно странно
думалъ онъ.

Вучичъ вернулся и сконфуженно развелъ рука

— Простите, мой другъ: приходится приним
васъ безъ женскаго элемента. Зоица лежитъ въ
стели: мигрень; тетки съ утра въ городѣ, а
сумасшедшая Лала дьявольски не въ духѣ и, на мо
глазахъ, уплыла въ море... Вонъ... поблескива
веслами... Чѣмъ васъ угощать?

— Кромѣ содовой воды — ни на что не со
сенъ. Я знаю вашу манеру заливать людей шамп
скимъ съ ранняго утра.

— Ошибаетесь: эта мода уже брошена. Отъ шампанскаго слишкомъ жарко. Теперь у насъ въ ходу крюшоны изъ Vino Capri... и вы сейчасъ попробуете. Оно легкое, кисленькое, унимаетъ жаръ и не тяготитъ голову... Вотъ, кстати, Ламбро и несетъ уже. . За ваше здоровье, графъ.

Осушили по стакану, поговорили о дѣлахъ, о хлопкѣ, объ операх... Графъ понемногу навелъ Вучича на разговоръ о Лалѣ.

— Скажите, пожалуйста, что она собственно за существо и какъ она — кромѣ наглядныхъ отношеній къ вашей семьѣ, всѣмъ понятныхъ, — вамъ приходится?

Вучичъ вытеръ усы.

— Лала, то есть, Евлалія Дубовичъ — моя двоюродная племянница. Вѣдь наша фамилія двойная: Вучичъ-Дубовичъ...

— Вотъ какъ! Я не зналъ.

— Да. Я то пишу себя только Вучичемъ, потому что къ Дубовичамъ я принадлежу по женской лиіін—„по прялкѣ“, какъ говорятъ поляки. А Лала—самая чистая Дубовичка, такъ прямо — по поколѣніямъ — и упирается въ перваго Дубовича, который звался Само и жилъ въ Галиціи, въ баснословныя времена, когда грибы воевали и текли молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ. Вы никогда не слыхали легенду о происхожденіи этого рода?

— Нѣтъ, не случалось.

— О? Надо васъ познакомить съ нею. Стóитъ: она оригинальна. Если хотите, я прочту вамъ ее. У меня есть тетрадка. Какъ-то, давно уже, Лала импровизировала намъ, — и Зоица имѣла терпѣніе записать. Угодно?

— Пожалуйста.

— Ламбро! принеси мнѣ изъ кабинета, съ пись-
меннаго стола, красную тетрадь, что въ сафьянѣ...

— Смѣшнѣе всего, — продолжалъ Вучичъ, — что
сама Лала дословно вѣритъ всему, что говорится въ
легендѣ... Фантастическая дѣвка.

— Да, — протяжно сказалъ графъ, — въ ней
есть что-то дикое, таинственное... что, признаюсь
вамъ, сильно меня интересуетъ... Она — какъ ребусъ
безъ ключа.

Вучичъ махнулъ рукой.

— Таинственное! Развѣ вы одинъ это находите.
Здѣсь, слава Богу, ничего, но когда мы, два года
тому назадъ, жили въ Амальфи, то у насъ, изъ-за
нея, не уживалась больше недѣли ни одна прислуга.

— Что такъ?

— Суевѣрны они тамъ. Лала казалась имъ
чѣмъ-то въ родѣ... вѣдьмы, что ли, или одержимой.
Если бы мы не уѣхали, ее, пожалуй, еще убили бы.
Особенно — послѣ того, какъ одна изъ моихъ до-
машнихъ дуръ, тетушекъ Зоицы, разболтала эту
нелѣпую исторію съ проткнутымъ животомъ Деліа-
новича. Вообще, для Лалы большое счастіе, что она
живетъ въ концѣ XIX, а не XVII вѣка... Иначе, не
миновать бы ей костра. Знаете: толпа — что море:
топитъ и убиваетъ молвой, какъ волной.

— На чемъ же строилась эта антипатія?

— А рѣшительно на всемъ — на наружности,
напоминающей Сивиллу, на сросшихся бровяхъ, на
ея ужѣ, который всюду слѣдуетъ за нею, какъ со-
бака, на ея чудномъ голосѣ, на импровизаціяхъ,
обморокахъ, эпилептическихъ припадкахъ, одинокихъ
ночныхъ поѣздкахъ далеко въ море или прогулкахъ
въ самые глухіе и дикіе пустыри горъ... Амальфи-
танцы увѣрены были, что она, по ночамъ, при лунѣ

аклинаетъ Гекату и другихъ злыхъ духовъ. Вѣдь ымъ всѣ языческія суевѣрія Великой Греціи держатся це крѣпко и даже не всегда въ новыхъ формахъ. ѣмъ болѣе, что по церквамъ Лалица ходить не хотница, а неаполитанцы ярые католики, ханжи. ля врача — Лала просто старѣющая, безъ заму-ества, ожирѣлая и истерическая женщина; мужикъ е думаетъ, что тутъ дѣло нечисто. Одинъ парень, оторый къ ней цѣловаться было полѣзъ, въ родѣ еліановича, клялся мнѣ, что видѣлъ, какъ изъ-подъ ровей разгнѣванной Лалы вылетѣла огромная чер-ая бабочка — та самая, говоритъ, бабочка, которая биваетъ людей, выпивая изъ нихъ кровь... — Да азвѣ есть такая бабочка? — А то нѣтъ? Какъ же! — то же ее кромѣ тебя видѣлъ? — Никто не ви-лъ. — Почему же ты знаешь, что она именно кая, а не другая? — Ну вотъ! Да ужъ знаю! — а почему? — Потому, что другой такой нѣтъ. акъ меня заинтересовалъ, что я даже выписалъ изъ еаполя атласъ бабочекъ: пусть покажетъ, какую менно разводитъ подъ бровями оказывается способна ша милѣйшая Лалица...

— Что же? Показалъ?

— Представьте: показалъ... Такъ и ткнулъ паль-мъ въ Acherontia Medor.

— Позвольте. Откуда же могла взяться въ альфи Acherontia Medor? Вы, вѣроятно, ошиблись: heronthia Atropos. Acherontia Medor водится только Центральной Америкѣ. Мексиканскій типъ.

— Ну, а вотъ представьте. Всего же курьезнѣе, парень-то оказался правъ.

— То есть?

— Изъ бровей Лалы Acherontia Medor, конечно, вылетала, но парень ее, дѣйствительно, видѣлъ.

На другой день прислуга нашла мертвую Acheron Medor въ нашемъ саду... огромнѣйшая бабочка... сперва, по виду, ее за дохлую летучую мышь пр няли...

— Вы, навѣрное, смѣшали. Не Medor, но Atrop Всѣ эти „мертвыя головы" схожи.

— Помилуйте! Я ее въ Неаполь на зоологич скую станцію посылалъ, чтобы провѣрить свое опр дѣленіе. Тамъ тоже признали за Медора.

— Курьезно!

— Очевидно, какой-то шальной экземпляръ-од ночка умудрился какъ-то перебраться чрезъ океан чтобы на Салернскомъ берегу погибнуть въ холосто отшельничествѣ.

— Моряки могли завезти съ пароходами. Меж Неаполемъ и Мексикою постоянные рейсы, а Неаполитанскаго залива на Салернскій — путь н далекъ.

— То есть, вы думаете, что какой-нибудь моря привезъ, да упустилъ?

— Нѣтъ, просто, когда освѣщенный парохо стоялъ въ мексиканскомъ порту, сумеречная бабоч влетѣла въ какую-либо каюту или трюмъ, покруж лась до свѣта, обезсилѣла, прицѣпилась гдѣ-нибу незамѣтно... знаете, какъ онѣ инстинктивно пр способляются днемъ къ темнымъ угламъ, котор не выдаютъ ихъ цвѣта?... Пароходъ двинулся увезъ ее съ собою... Такъ и добралась... Тѣ легче, что улетѣть отъ парохода она уже не могл его ночные огни должны были удерживать ее, бе всякаго соперничества, покуда не зажглись дру болѣе яркіе, на твердой землѣ... Но, все-так странно и — совпаденіе вышло эффектное. Впр чемъ, бабочкамъ удаются иногда путешествія у

тельныя. Нашъ русскій писатель, Сергѣй Аксаковъ, ймалъ, однажды, близъ Казани бабочку, которая дится только въ Южной Америкѣ... А затѣмъ — жду легенды.

— А вотъ и Ламбро съ тетрадью. Слушайте.

* * *

Жилъ-былъ въ Карпатахъ графъ. Жилъ онъ въ углой сѣрой башнѣ, на крутомъ обрывѣ каменной алы. Подъ обрывомъ спало озеро, тихое и проачное, точно голубой глазокъ. Рыбаки съ озера, гда привозили рыбу къ графскому столу, легко зличали изъ своихъ челновъ, какого цвѣта пояса шаровары у часовыхъ, стоящихъ на сторожевой шкѣ башни. Но, безъ подъемной лѣстницы, которую спускали графскіе люди, рыбакамъ, чтобы пасть въ башню, пришлось бы взять на три дня ольнаго пути по дремучимъ лѣсамъ, узкою, сбивою тропою въ одноконь: такъ уединенно поселся графъ, отрѣзавъ себя лѣсами и озеромъ отъ важдебныхъ сосѣдей.

Въ графскихъ лѣсахъ росли многія тысячи матехъ и кудрявыхъ дубовъ, но всѣхъ краше былъ рый дубъ, возвышавшійся на кустистой полянѣ эдъ воротами башни; лѣсная тропа къ башнѣ бѣла подъ тѣнью дуба, и онъ былъ первымъ деревъ дремучей чащи для всадниковъ, ѣхавшихъ отъ фа, и послѣднимъ — для всадниковъ, ѣхавшихъ графу. Разлапистый, толстый и дуплистый, онъ ялъ подъ зеленымъ шатромъ своимъ, словно дь всего лѣса. Аистъ свилъ гнѣздо на макушкѣ а. Гуцулы, крѣпостные графа, думали, что въ омъ деревѣ живетъ тайная благодѣтельная сила. Радуницу и Семикъ они вѣшали на вѣтви дуба

вѣнки и полотенца — въ жертву родителямъ. П
тому что въ тѣ времена еще вѣрили, будто ду
предковъ летаютъ по лѣсамъ, отдыхаютъ на сучья
тѣнистыхъ деревьевъ и любятъ, когда внуки при
сятъ имъ дары и поклонъ отъ живыхъ.

Графъ былъ суровый дикарь-охотникъ, бра
никъ-насильникъ, но христіанинъ. Онъ жесто
гналъ послѣднихъ язычниковъ, еще гнѣздившихс
въ карпатскихъ трущобахъ, и безпощадно ист
блялъ остатки и памятники старинныхъ суевѣр
разметывалъ жертвенники, отнималъ амулеты, руби
и жегъ священныя деревья, казнилъ волхвовъ
знахарокъ. Но на свой старый дубъ онъ толь
косился, а тронуть его не смѣлъ. Дубъ значи
въ гербовомъ щитѣ графа, и ему было совѣст
посягать на ветхое дерево, словно на родного.

Никто изъ жителей башни не любилъ тѣнь с
раго дуба больше, чѣмъ графская дочь — вос
надцатилѣтняя красавица, бѣлая, какъ молоко,
мяная, какъ заря; ея черныя косы падали до пя
а васильки, когда графиня рвала ихъ себѣ
вѣнокъ, улыбались ея глазамъ, какъ родны
братьямъ.

Графская дочь была весела и кротка. Она
кого не любила и покорно ждала, когда отецъ п
кажетъ ей идти замужъ за жениха, съ которымъ
помолвили заочно, по седьмому году, и котор
она никогда не видала, хотя и носила на мизин
золотое обручальное кольцо: оно было сдѣлано
запасъ, на большой палецъ, но, пока дѣвочка ро
пропутешествовало черезъ указательный, средній, ч
вертый, до мизинца, а теперь было уже тѣсно
мизинцу. Поэтому дѣвушка часто снимала неудоб
кольцо съ руки — и, въ концѣ, концовъ его потер

Графскіе латники исползали на животахъ всю оляну вокругъ стараго дуба, — потому что, сидя одъ дубомъ, графиня потеряла кольцо,—но кольца е нашли. Они перерыли мохъ, облегавшій дубовые орни, лазили съ фонаремъ въ дупло, но кольца не ашли. А когда латники съ неудачею вернулись въ амокъ, графъ раздѣлъ ихъ всѣхъ донага и обшаилъ собственноручно ихъ тѣла и одежду, такъ какъ ылъ увѣренъ, что кольцо найдено, но утаено кѣмъибо изъ его вѣрныхъ слугъ, которыхъ онъ всѣхъ очиталъ — и небезосновательно — за разбойниковъ мошенниковъ. Однако и онъ ничего не нашелъ.)бругавшись, какъ прилично доброму католику, рафъ далъ дочери нѣсколько пощечинъ и ускакалъ а охоту.

Потеря кольца была тѣмъ непріятнѣе, что вскорѣ ришли извѣстія о женихѣ графини. Онъ уже пять ѣтъ пропадалъ въ Святой Землѣ, рубясь съ сараинами, и теперь ѣхалъ изъ Палестины въ Карпаты, тобы жениться на скорую руку и, на другое утро ослѣ свадьбы, опять уѣхать въ Палестину, ибо онъ ылъ очень храбрый и знаменитый рыцарь. Его эбственный мечъ принесъ ему много добычи и іавы, но сарацинскій — отрубилъ ему лѣвое ухо выкололъ правый глазъ, что, впрочемъ, по тому ремени, считалось очень къ лицу мужчинѣ.

Рыцаря ждали къ осени. Графъ все время траилъ звѣрьё; дочка вышивала шелками попону для оня своего жениха, а въ свободное время, — его нея было двадцать четыре часа въ сутки, — здумывала, какова-то будетъ ея замужняя жизнь человѣкомъ, у котораго очень много славы и негъ, но только одинъ глазъ и одно ухо, и котого, вдобавокъ, она знаетъ не больше, чѣмъ ин-

дѣйскаго попа Ивана. Смущало графиню такж мало утѣшительное намѣреніе жениха оставить е соломенною вдовою на другой день послѣ свадьбы Однажды — около полудня — въ такихъ грустных мысляхъ, она оглядѣла родную башню, лѣсъ, озеро любимый старый дубъ, и ей стало такъ жаль свое дѣвичьей свободы, такъ досално на будущее рабство что слезы росою выступили на ея васильковых глазахъ.

— Будь моя воля, — сказала она, — никогд бы, ни для какого рыцаря, я не разсталась съ тобою мой милый старый дубъ!

Вѣтеръ ходилъ въ старой листвѣ стараго дуба, она, величаво шатаясь, прошумѣла:

— Такъ и оставайся съ нами, графская дочка Бѣлые цвѣты, на тоненькихъ ножкахъ, топор щившіе свои головки-звѣздочки изъ мохнатаго дерна поцѣловали красные башмачки графини и зазве нѣли:

— Оставайся съ нами!

Черезъ поляну, къ лѣсу проскакалъ заяцъ и ставъ столбикомъ на пенекъ, подмигивалъ:

— Оставайся-ка, другъ-графиня, съ нами!

— Охъ, кажется, я задремала, — подумала граф ская дочь, качаясь, потому что вѣтеръ, пропитанны запахомъ болиголова и дикой мяты, баюкалъ ее какъ въ колыбели... И вотъ ей стало сладко сладко... И въ дремотной истомѣ ей чудилось будто старый дубъ наклоняетъ къ ней свою шум ную голову, тянется къ ней узловатыми вѣтвями, на одномъ, самомъ крошечномъ сучкѣ, блеститъ е потерянное кольцо. Графская дочь хотѣла ег схватить, но вѣтви обняли ее крѣпко... только эт уже не вѣтви, а руки — бурыя, въ зеленыхъ рук

съ, и кольцо блеститъ на мизинцѣ... Величавый рикъ, въ вѣнкѣ изъ дубовыхъ листьевъ и желуй, съ серебряной бородой по колѣна, склонился поцѣлуемъ къ алымъ устамъ графской дочери... вокругъ стало темнѣть, и ей показалось, будто медленно-медленно погружается въ нѣдра земли.

— Кто ты?

И она услышала отвѣтъ, подобный шелесту стьевъ.

— Я тотъ, съ кѣмъ рѣшилась ты никогда не ставаться... Я духъ, оживляющій твой любимый бъ, а ты моя жена. Четыреста лѣтъ прожилъ я инокимъ, но, когда ты стала приходить ко мнѣ своими дѣвичьими мечтами, я такъ же полюбилъ бя, какъ ты меня полюбила, я обручился съ тобою взялъ тебя женой...

— Гдѣ мы?

— Подъ моими корнями...

Графъ, вернувшись съ охоты, искалъ дочь такъ же иго и напрасно, какъ раньше пропавшее кольцо. ерва онъ предположилъ, что она убѣжала съ любникомъ, приказалъ латникамъ разстрѣлять изъ ковъ старую няньку графини и перепоролъ въ нюшнѣ всѣхъ горничныхъ. Потомъ, надумавъ, дочь украдена кѣмъ-либо изъ недруговъ-сосѣдей, лъ ходить на нихъ, по очереди, войною и вѣть ихъ на воротахъ ихъ собственныхъ замковъ, ка не нашелся удалецъ, который самъ пошелъ ною на графа и, взявъ башню, самого графа поилъ на ея воротахъ. Удалецъ этотъ былъ не кто гой, какъ вернувшійся изъ Святой Земли женихъ павшей графини. Онъ страшно обидѣлся, что апрасну пріѣхалъ изъ такого далека, не повѣъ, что его невѣсту украли, ни что ее съѣли

волки, и почелъ свою честь возстановленной, то
увидѣвъ нареченнаго тестя въ петлѣ. Башня
понравилась, и онъ сталъ въ ней жить, нанявъ
латниковъ покойнаго графа.

А графская дочка — довольная и спокойна
покоилась на ложѣ изъ мха и прошлогод
листьевъ, оцѣпенѣлая въ долгомъ снѣ любви,
тому что въ это время надъ землею трещали
розы, а зимою деревья, вмѣстѣ съ духами, дающ
имъ жизнь, спятъ, какъ сурки и медвѣди...

Пришла весна, и — съ первымъ крикомъ граче
сталъ оживать старый дубъ; медленно-медленно
сыпался онъ; отшумѣли снѣжные ручьи, сошли
снѣжники, соловей защелкалъ въ листьяхъ бер
уже съ зеленый грошъ величиною, — тогда пр
тился первый громъ. Заквакали надъ озеромъ
вый лягушки, и старый дубъ развернулъ пе
новый листъ... И въ тотъ же мигъ оцѣпен
духъ приподнялся на своей подземной постели
радостными помолодѣвшими глазами перегля
съ проснувшейся женою.

Въ синія майскія ночи графская дочь подн
лась на поверхность земли и, какъ русалка,
лась на вѣтвяхъ своего дуба, играя туманомъ и
нымъ лучомъ. Она чуяла, какъ листья налива
соками, какъ корни, подобно насосамъ, тянутъ
изъ земли, какъ медленно всасывается она въ
рыя жесткія поры ствола и сучьевъ. Черемуха
бина и дикая яблоня дышали навстрѣчу ея ра
ному, свободному дыханію. Соловей на березѣ
сталъ, урчалъ и злился, что, какъ ни старается
можетъ перепѣть сосѣда въ ближайшемъ орѣхо
кустѣ. Бывало иной разъ такъ тихо, что граф
дочь слышала плескъ веселъ внизу на озерѣ

альняго берега, тягучiя пѣсни рыбаковъ, чьи костры дрожали двойными красными звѣздочками — ъ ночи и въ озерѣ. Гулѣли хрущи, гремѣлъ лягушечiй хоръ; рогачъ летѣлъ высоко и стоймя, какъ маленькiй дьяволъ. Все шумѣло и пѣло о новой жизни, и новой жизни улыбались сверху помолодѣвшiя звѣзды... Бѣлая женщина въ вѣтвяхъ дуба лушала, смотрѣла, обоняла, и ей было хорошо и олно, — и она чувствовала себя одною душою съ есеннею природой, потому что и внутри себя она увствовала трепетъ новой, нарождающейся жизни...

Два всадника мчались лѣсною тропою. Одинъ ылъ новый владѣлецъ башни. Другой — его капелланъ, угрюмый, босой монахъ въ коричневой ясѣ. Онъ презрительно смотрѣлъ на расцвѣтшую рироду; ея радость казалась ему грѣхомъ и соблазномъ. Онъ не понималъ хвалы Богу въ цвѣтеiи травъ, въ пѣнiи птицъ, въ солнечномъ лучѣ, въ олубой синевѣ неба, — онъ умѣлъ славить Его олько сталью, красною отъ крови еретиковъ, и мрадомъ костровъ, на которыхъ жарились живые зычники. Взглядъ капеллана скользнулъ по кудряой шапкѣ стараго дуба и омрачился. Монахъ сказалъ:

— Вотъ еще одинъ изъ кумировъ невѣжества. осподинъ! давно пора положить конецъ суевѣрному очтенiю, какое оказываютъ этому языческому дереву твои подданные, оскорбляя тѣмъ церковь и обрые нравы. Подари мнѣ этотъ дубъ! — я его ничтожу.

— Возьми, — сказалъ рыцарь, — мой предшественникъ, графъ, повѣшенный мною на воротахъ ашни, дорожилъ этимъ дубомъ, потому что дубъ начился у него на гербовомъ щитѣ. Но у меня

нѣтъ дуба въ гербѣ, и мнѣ столько же дѣла этого дерева, какъ до прошлогодняго снѣга.

И, привставъ на стременахъ, онъ хватилъ боев сѣкирою по суку, растопырившему надъ дорог лапы-листья.

Въ этотъ вечеръ мужъ явился къ графс дочери безъ кисти на обрубленной лѣвой ру Онъ сказалъ:

— Судьба велитъ намъ разстаться. Мы — ду лѣсовъ — живемъ, пока живутъ наши деревья. ревья живутъ, пока мы живемъ. Сегодня меня желю ранилъ твой бывшій женихъ. Завтра м вовсе срубятъ, распилятъ и сожгутъ. Я умру. ты не должна погибнуть. Вмѣстѣ съ утреннею рею, оставь меня и иди въ лѣсъ навстрѣчу солн Ничего не бойся. Я буду смотрѣть на тебя чер деревья, потому что я выше всего лѣса. Но ко ты оглянешься и не увидишь меня, значитъ, — м уже не будетъ на свѣтѣ. На опушкѣ лѣса ты н дешь хату угольщика; его семья чтитъ меня и п носитъ мнѣ дары. Скажи этимъ людямъ, что у дятъ изъ міра древніе боги, умеръ старый дубъ завѣщаетъ имъ хранить свою жену и своего ребенк

Напрасно графская дочь плакала, умоляла му чтобы онъ позволилъ ей остаться и раздѣлить судьбу. Съ утреннею зарею онъ указалъ ей з риную тропку, по которой ей надо было про раться. Она шла и все оборачивалась, и все вид надъ лѣсомъ могучій лиственный куполъ стар дуба. Видѣла его въ розовыхъ заревыхъ краск въ золотомъ блескѣ полдня... онъ стоялъ кругл неподвижный... Потомъ онъ вдругъ какъ бу скривился набокъ... Графиня прошла еще сколько саженъ — сердце ея крѣпко билось

лянулась: нѣтъ, это только такъ странно видно,— ѣбъ живетъ!.. Оглянулась еще разъ: лиственнаго пола уже не было надъ лѣсомъ, — а дубрава ухо ахнула въ отвѣтъ паденію вѣкового богатыря...

Угольщикъ подобралъ въ лѣсу безчувственную енщину и съ удивленіемъ узналъ въ ней безъ сти пропавшую графскую дочь. Въ его хижинѣ а разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ и умерла. груди ребенка было странное родимое пятно — видѣ дубовой вѣтки съ гроздемъ желудей. По ому знаку и по предсмертнымъ признаніямъ его тери, мальчика прозвали Дубовичемъ. Это и былъ мо Дубовичъ, первый изъ рода Дубовичей, до хъ поръ могучихъ, богатыхъ и славныхъ — одни Галиціи, другіе на далекомъ Далматскомъ побережьѣ.

* * *

— Вотъ вамъ и легенда, — сказалъ Вучичъ, кладывая тетрадь въ сторону. — А, по исторіи, жу вамъ, что Дубовичи — дѣйствительно выщцы съ Карпатъ, и что у моря появились они то въ XIV вѣкѣ, то ли въ XV вѣкѣ, какъ эмигранты, слѣ вѣковой борьбы за свою самобытность, такъ къ они очутились въ тискахъ между двумя народи: съ одной стороны подобрались къ нимъ поки, а съ другой мадьяры, и оставалось имъ на боръ—либо быть расплющенными между молоъ и наковальней, либо выселиться и бѣжать. Любытно, что странный знакъ дубовой вѣтки ноли на тѣлѣ многіе изъ ихъ рода, между прочимъ Лала. Я помню, какъ ее дѣвочкой купали въ ытѣ. На лѣвой лопаткѣ. Совсѣмъ — три листа желудь блѣдно-бронзоваго цвѣта... Чистая, роитая Дубовичка.

Вучичъ глотнулъ вина.

— Вучичи породнились съ Дубовичами въ XVI вѣкѣ — въ самый разгаръ ускочества, которое дл Адріатики было такою же грозою, какъ ваше Запорожье — для Анатолійскаго берега. Это были бра вые и смѣлые морскіе разбойники. Они били оди наково турокъ и христіанъ и умирали то на кол въ Стамбулѣ, то подъ сѣкирою палача на Пьяцеттѣ въ Венеціи. Одинъ изъ Дубовичей — Янко — лѣт двѣсти тому назадъ, слылъ и былъ самымъ опасным пиратомъ на всемъ Средиземномъ морѣ. Хотя оффи ціально онъ, какъ Отелло, числился на службѣ Ве неціанской республики, но въ дѣйствительност былъ самъ себѣ господинъ, не коронованный цар морской, и если грабилъ по преимуществу мусуль манъ, то только потому, что тѣ были богаче. Н самомъ же дѣлѣ были ему безразличны и Христосъ и Магометъ, да, я думаю, и Богъ, и дьяволъ. Гра билъ онъ сирійскіе берега, Алжиръ, забирался въ Нильскую дельту... и даже, говорятъ, ходилъ з Гибралтаръ, въ Атлантическій океанъ, къ островам Азорскимъ, къ Тенерифу, къ Зеленому Мысу.. Оттуда ли, изъ Египта ли онъ вывезъ себѣ жену — негритянку? мулатку? цыганку? феллашку? коптку? — кто ее знаетъ, только оставила память, что был темнолицая. Красивая Лала пра-пра и еще сколько-т разъ пра-внучка этой четы. Съ феллашкой пріѣхал въ Венецію ея сестра, еще болѣе красивая, хотя была она цвѣта чуть ли не эбеноваго дерева. Не смотря на то, въ нее влюблялись принцы, кардиналы къ ней сватались нобили. Но она пожелала остатьс старою дѣвою. Замужнюю сестру звали Дивою, эту Лалою, — такъ, два имени эти потомъ и повторя лись безконечно у женщинъ рода Дубовичей. Одну из

вы сами знаете, а послѣдняя Дива умерла семь
тому назадъ. Она была тетка нашей Лалицѣ, сестра
тери. Съ легкой руки древней Лалы, старыя дѣвы,
и не бывалыя въ роду Вучичей, какъ-то не перево-
въ роду Дубовичей. Лала — съ ея курьезною
зистью къ мужчинамъ и замужеству — тоже
ерживаетъ эту фамильную традицію. Семейныя
анія гласятъ, будто черныя женщины, привезен-
Янкомъ, и потомство ихъ — старыя-то дѣвы, ве-
ки-то черномазыя — остались некрещенными, и
соблюдали для видимости церковные обряды,
ержались втайнѣ особой темной вѣры, которую
езли съ далекой родины ихъ родоначальницы,
могучаго Янка и ея сестра, и передали въ
ующія женскія поколѣнія рода... И потому,
о бы, въ семьѣ Дубовичей никогда не умираетъ
й-то грозный и значительный вѣдовской секретъ.
ндъ и сказокъ вокругъ разныхъ Дубовичекъ,
къ и прабабокъ, наплетено множество. Даже эту
ѣдную Диву, — тетку-то Лалицы, — она умерла
еревнѣ близъ Дубровника, — крестьяне совер-
о откровенно считали вѣдьмою, и, когда она
ла, мнѣ стоило большого труда отстоять ея мо-
потому что горцы желали непремѣнно отру-
покойницѣ голову, пробить ей сердце осино-
коломъ и затѣмъ сжечь ее на кострѣ.

— А то, говорятъ, мы знаемъ, какая она: по-
рится, да и пойдетъ шастать по деревнѣ, по-
всѣхъ насъ не уморитъ...

икій бредъ — однако, онъ чрезвычайно много
дилъ бѣдной Лалѣ. Изъ Дубровника ее при-
убрать именно изъ-за этой чуши. Все насе-
ее ненавидѣло, потому что воображало, будто
ная Дива, умирая, передала ей свои чары, и

теперь изъ дѣвочки должна, дескать, вырасти вѣ
еще страшнѣе той. А дѣвочка была, какъ наро
угрюмая, странная, припадочная, лунатичка... Хор
еще, что неробкаго характера и силы богатырс
а то заклевали бы ее суевѣры глупые. Поговор
съ моими родственницами по душѣ: онѣ не смѣ
говорить, я выучилъ ихъ держать языкъ за зуб
но тоже увѣрены втайнѣ, что въ Лалѣ жив
таки наслѣдственное языческое знахарство. Ког
взялъ ее въ домъ — вы даже представить себ
можете, съ какимъ негодованіемъ взглянули на
всѣ бабы въ нашемъ родѣ. А она еще, вдобав
неуступчивая, спорщица, властная, супротивниц
чортъ не чортъ, а есть-таки полчертенка во пл
Надо быть такимъ свободомыслящимъ человѣк
какъ вашъ покорный слуга, чтобы выдержать по
тую противъ нея бурю бабьихъ наговоровъ и п
разсулковъ. Даже покойная жена, кротчайшая жен
на въ свѣтѣ и послушная мнѣ, какъ овца, и та по
бовала было ворчать, и та была недовольна. Однак
какъ видите, живемъ и уживаемся. И вообщ
Вучичъ засмѣялся, — если до сихъ поръ въ Дуб
чахъ сидѣлъ какой-нибудь бѣсъ, то ему пора
подумать о новой квартирѣ. Лала послѣдняя
родѣ Дубовичей по мужской линіи, а забиратьс
линію женскую, къ намъ, окупеченнымъ Вучич
Дубовичамъ, пожалуй, такому старинному и ари
кратическому бѣсу даже унизительно... все-ра
что изъ дворца въ магазинъ!

IX.

Дебрянскій болѣлъ уже недѣлю, съ той н
какъ привязалась къ нему лихорадка. Онъ каж
день показывался на дачѣ у Вучичей, но все на

роткіе сроки. Послѣ получасового разговора онъ ослабѣвалъ, мысли становились тяжелыя, начинался шумъ въ ушахъ, тѣло будто облегалъ каучуковый панцырь или корсетъ, появлялось ощущеніе давящаго обруча вокругъ головы... Въ воскресенье онъ вовсе не пришелъ къ Вучичамъ, а вмѣсто него пріѣхалъ съ извиненіемъ Гичовскій, — смущенный, разстроенный, замѣтно съ заднею мыслью на умѣ и во взглядѣ, скользящемъ, безпокойномъ и ищущемъ.

— Мой другъ совсѣмъ расхворался... Я пригласилъ къ нему мистера Моллока, — сказалъ онъ.

— Что съ нимъ? — встревожился Вучичъ.

— Да — преудивительная вещь: Моллокъ опредѣлилъ, во-первыхъ, острое неврастеническое состояніе, — ну, въ этомъ ничего особеннаго нѣтъ, и раньше бывало, — но причиною-то тому, представьте, онъ полагаетъ — ну, какъ бы вы думали, что?!.. Нашелъ у Дебрянскаго всѣ признаки жесточайшей маларіи...

— Маларія на островѣ Корфу? Полно, графъ, вы шутите! Откуда здѣсь быть маларіи: камень и вода — вотъ и весь Корфу. Маларія бываетъ только тамъ, гдѣ почва отравлена болотомъ, гнилою водой.

— А вотъ подите же... Моллокъ руками развелъ: первый случай за всю его корфіотскую практику.

— Что же онъ рекомендуетъ?

— Сѣсть на пароходъ и ѣхать въ Монако.

— Это зачѣмъ?

— Современная медицина знаетъ только два мѣста во всей Европѣ, гдѣ маларія проходитъ безъ лѣченія, сама собой: Ханге въ Финляндіи и Монако. О Финляндіи Алексѣй Леонидовичъ не хочетъ и слышать: у него безотчетное отвращеніе къ сѣверу. Значитъ, надо ѣхать въ Монако.

— Боже мой! Вотъ ужъ истина, что радость не бываетъ безъ печалей... Какъ же быть теперь со свадьбой?

— Дебрянскій думаетъ, что, если вы и Зоица согласны, то лучше всего будетъ обвѣнчаться немедленно, затѣмъ соединить полезное съ пріятнымъ: и свадебную поѣздку совершить, и маларію путешествіемъ уничтожить...

— Что же? Я нахожу это рѣшеніе благоразумнымъ. Къ свадьбѣ мы готовы. Не знаю, что скажетъ Зоица?

Позвали Зоицу. Узнавъ о болѣзни жениха, она перепугалась еще больше, чѣмъ можно было ожидать.

— Маларія? Но ея никогда здѣсь не бывало! — вскричала она вопросительно, устремляя сверкающій взглядъ на Лалу, которая ее сопровождала. Лала спокойно выдержала этотъ взглядъ и пожала плечами. Лицо у нея было угрюмое, постарѣвшее, между бровями лежала тяжелая жирная складка... Когда Лала услыхала о непремѣнномъ намѣреніи Дебрянскаго немедленно вѣнчаться, по хмурымъ чертамъ ея скользнула презрительная улыбка, никѣмъ не замѣченная, кромѣ графа Валерія. Онъ, какъ только Лала вошла, впился въ нее любопытными глазами и слѣдилъ за нею, какъ сыщикъ... Она замѣтила это вниманіе, взмахнула на графа тяжелыми рѣсницами и нѣсколько секундъ держала его подъ суровымъ взоромъ.

— Тебѣ-то чего еще надо? ты-то куда лѣзешь? — безмолвно спрашивала она.

Гичовскій улучилъ минуту, чтобы подойти къ ней.

— Лала, я хотѣлъ бы говорить съ вами...

Лала кивнула головой и вышла. Гичовскій послѣдовалъ за нею.

— Хотите въ садъ, или пойдемъ ко мнѣ? — пред-
жила Лала.

— Нѣтъ, уже лучше въ садъ, — сказалъ Гичов-
ій, — у меня къ вамъ есть секретъ, а изъ вашей
мнаты все слышно на террасу.

Лала быстро заглянула ему въ глаза и нахмури-
сь еще больше.

— Вотъ какъ! Я не замѣчала.

— А я замѣчалъ, — значительно повторилъ Ги-
вскій.

Лала поблѣднѣла. Верхняя губа ея задрожала
дъ усиками.

— Что прикажете? — спросила она, усаживаясь
олеандровой тѣни. — Говорите смѣло. Здѣсь насъ
кто не услышитъ, кромѣ синяго моря...

Глаза ея были теперь спокойны, а голосъ звучалъ
вно и почти небрежно.

Гичовскій взялъ ее за руку и прямо въ глаза
устремилъ пристальный взглядъ своихъ яркихъ
ричневыхъ глазъ. Лала улыбнулась съ шутливымъ
евосходствомъ.

— Если вы намѣреваетесь меня магнетизиро-
ъ, — не совѣтую, — сказала она, — я сильнѣе
ъ, и вы заснете первый...

Но графъ на шутку ея даже не улыбнулся.

— Лала, — серьезно заговорилъ онъ, — Дебрян-
й очень трудно боленъ.

— Да, я слышала: маларія, — равнодушно воз-
ила она.

— Лала, — голосъ графа звучалъ еще строже, —
аріи на Корфу не бываетъ.

— Что же съ нимъ въ такомъ случаѣ?

— Я предполагаю, что онъ отравленъ.

Лала отшатнулась.

— Позвольте, графъ... вы шутите...

— Мнѣ, право, не до шутокъ, Лала. Я не х
тѣлъ говорить старику. Моллокъ объявилъ Дебря
скаго почти безнадежнымъ. Если болѣзнь пойде
тѣмъ же быстрымъ маршемъ, онъ даетъ больно
двѣ недѣли срока покончить всѣ жизненные
счеты: его съѣстъ послѣдовательное истощеніе.
такой исходъ Моллокъ считаетъ еще счастливым
потому что онъ боится, что передъ смертью Дебря
скому суждено испытать ужасное бѣдствіе...
своей родинѣ онъ страдалъ нервною болѣзнью. Н
теперь она, повидимому, возвратилась... Молло
опасается за его разсудокъ...

Лала сказала:

— Такъ. Но откуда же вы взяли, что онъ от
вленъ?

— Прежде всего изъ словъ Моллока: это ли
маларійное помѣшательство, либо дѣйствіе како
нибудь яда.

— Такъ и Моллокъ думаетъ?

— Нѣтъ, онъ-то покуда держится за маларію
только изумляется, откуда она могла взяться, да е
въ такой жестокой формѣ.

— По-моему, онъ совершенно правъ

— Нѣтъ, Лала. Я молчу, — никому еще не
мекнулъ ни словомъ, — но видалъ я на своемъ вѣ
маларійныхъ-то больныхъ. Это — то, да не то.
и Моллокъ-то, кажется мнѣ, схватился за мала
только потому, что эта болѣзнь такъ широка и раз
образна въ своихъ проявленіяхъ, что подъ нее мож
подогнать все, чего при діагнозѣ не понимае
Тотъ типъ изнурительной лихорадки, какъ болѣ
Дебрянскій, я наблюдалъ только однажды въ Аф
кѣ, въ болотахъ Гвинеи, о которыхъ я когда

мъ разсказывалъ, и вамъ нравилось... помните, ла?

— Да, помню, — сдержанно сказала она. — къ въ болотахъ же. Гдѣ же и быть малаpiи, ли не въ болотахъ?

— Да, но, видите ли, эта форма и тамъ казась исключительною и неестественною. Негръ, коэраго убивала эта странная малярія, оскорбилъ стное божество и былъ проклятъ его жрицами... къ что цвѣтные, въ одинъ голосъ, говорили, что когда не видали ничего подобнаго, и считали бознь своего товарища божественнымъ насыломъ; , а мы, бѣлые, предполагали болѣе вѣроятное: что ицы несчастнаго кощунника не только прокляли, и успѣли отравить.

Лала слушала графа, не мѣняясь ни въ цвѣтѣ, ни выраженіи лица, и только сросшіяся брови ея, сжаись къ переносицѣ, расположились на блѣдножелмълбу какъ-то такъ, что Гичовскій невольно подумалъ:

— И впрямь, точно крылья раскинула. Не диво, ли бѣдному амальфитанскому парню почудилось, что Лала спустила на него грозную „мертвую гозу“ изъ-подъ этакихъ черныхъ бровей.

— Странное, знаете ли, мѣстечко этотъ уголокъ инеи, о которомъ я вамъ говорю, — продолжалъ ь съ видомъ равнодушнымъ и голосомъ беззаботмъ. Населенъ онъ племенемъ, называемымъ Уйки. Не слыхали? Они вамъ очень понравились бы, тому что у васъ съ ними есть общее пристрастіе. и страстные любители змѣй и держатъ ихъ въ лахъ своихъ ручными, совершенно такъ же, какъ своего Цмока...

Лала быстро взглянула на Гичовскаго, хотѣла -то сказать, но удержалась, закусивъ губу.

— По словамъ Уйдаховъ, — ровно говор
графъ, дѣлая видъ, будто не замѣчаетъ ея дви
нія, — всѣ эти ручныя змѣи — потомки или родст
ники одного Великаго Змѣя, живущаго въ хр
близъ города Шаби. Не знаю, существуетъ ли
дѣйствительно, но, по разсказамъ туземцевъ, он
величины невѣроятной, чудовищной, исполинской
„съ верблюда" — и живетъ при храмѣ уже
сколько сотъ лѣтъ: съ тѣхъ поръ, какъ ввѣрился У
хамъ, покинувъ для нихъ племя Арда, и сталъ
единымъ и всемогущимъ божествомъ. Впроч
негры говорятъ, что божество-то, собственно,
самъ онъ, змѣй, но нѣкій духъ, въ немъ живу
и змѣй храма Шаби только излюбленное изъ т
въ которыя вселяется истинный Великій Змѣй,
клоняемый ими, мудрый другъ людей и буду
хозяинъ міра. Самъ же онъ — духъ великой та
и не можетъ быть видимъ никѣмъ, не исключая ж
цовъ и жрицъ своихъ, кромѣ немногихъ избранн
которымъ является онъ видѣніемъ, при особыхъ
стоятельствахъ, — я объясню вамъ потомъ... Вы
устали слушать меня?

— Говорите, — отвѣчала Лала, — отчего же
послушать человѣка, который знаетъ такъ много

Въ двусмысленной фразѣ Лалы прозвучала
смѣшка. Графъ проглотилъ пилюлю.

— Змѣя я не видалъ, зато былъ свидѣтел
какъ жрицы его, — ихъ зовутъ „бѐтами", — стар
по большей части, и пречудовищныя, надо имъ
дать справедливость, бабищи, — вербовали, на слу
ему, будущихъ новыхъ „бетъ". Вооруженныя
бинами и факелами, черныя вакханки, какъ ш
демоновъ какихъ-нибудь, метались по деревнѣ,
мы стояли ночлегомъ, врывались въ хижины, хва

и уводили всѣхъ дѣвочекъ въ возрастѣ отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ. Никто имъ не сопротивлялся, а, напротивъ, всѣ родители падали предъ ними ницъ, какъ предъ богинями, съ выраженіями высшей признательности и счастья. Уводя избранницъ, во все горло вопили какую-то побѣдную пѣснь, въ которой часто и явственно повторялись слова: „Ева", „Эваа", „Эвга", „Эва". Это меня заинтересовало, потому что напомнило мнѣ вопли античныхъ вакханокъ, и, кромѣ того, я читалъ, что такіе крики раздаются на молитвенныхъ собраніяхъ одной русской религіозной секты, называемой хлыстами. Я спросилъ у своихъ пріятелей-негровъ, что значитъ это слово. Они очень охотно отвѣчали мнѣ, что Евга, Евве, Еваа или Евге значитъ на ихъ древнемъ нарѣчіи: „Самка Змѣя".

— Вотъ странно! — сказалъ я, — а у насъ Ева — имя первой женщины, праматери человѣчества.

Но негры одобрительно защелкали языками и заявили мнѣ, что, и по-ихнему, оно точно такъ же выходитъ: Эвга, „самка змѣя", есть, въ то же время, Ева, праматерь рода человѣческаго. Ибо прежде, чѣмъ стать женою перваго человѣка, по-нашему Адама, она любила Великаго Змѣя. И онъ, изъ любви къ ней, намѣревался, чрезъ нее, открыть будущимъ людямъ всю мудрость міра, сдѣлать всѣхъ ихъ прекрасными, счастливыми и подобными богамъ. Но грозный Духъ, вѣчный и непримиримый врагъ Великаго Змѣя и соперникъ его за обладаніе землею и человѣчествомъ, побѣдилъ Змѣя въ жестокой борьбѣ, отнялъ у него Еву и покорилъ ее рабу своему, первому человѣку, за то, что онъ измѣнилъ Змѣю и призналъ власть Духа. Поэтому женщины на землѣ, какъ побѣжденный полъ, стоятъ ниже мужчинъ и

должны творить ихъ волю. Но будетъ нѣкогда ден
въ который, среди дѣвственницъ земли, Великій Змѣ
изберетъ новую Еву, и она зачнетъ отъ него, и р
дитъ чудо — великое священное Яйцо, изъ кото
раго выйдетъ новый, юный Змѣй. Онъ объявитъ войн
старому Духу, владѣющему міромъ, и побѣдитъ его,
заточитъ въ темницу, и тогда для людей снова н
станетъ счастливый и беззаботный вѣкъ, которы
знали они въ предвѣчныя времена Великаго Змѣя.
И, такъ какъ неизвѣстно — ни когда, ни каку
дѣвственницу удостоитъ Великій Змѣй взять, как
новую Еву, то существуетъ у нихъ, Уйдаховъ, обы
чай посвящать ему возможно большее количеств
дѣвочекъ, входящихъ въ брачный возрастъ, — обряд
этого дѣвичьяго набора мы и застали въ деревнѣ.

Жрицы уводятъ дѣвочекъ въ храмъ, вокругъ ко
тораго разбросанъ цѣлый монастырь хижинъ, и д
ютъ имъ воспитаніе, необходимое для культа Вел
каго Змѣя. Обращаются съ ними очень хорош
учатъ ихъ пѣнію, танцамъ, священнымъ обрядам
но налагаютъ на нихъ „знакъ Змѣя", то есть по
вергаютъ ихъ очень сложной татуировкѣ, изобража
ющей змѣй, символическихъ животныхъ, таинственны
цвѣты. Кромѣ того, совершаются въ монастыр
этомъ какія-то особыя женскія таинства. Говорит
о нихъ воспрещается строжайше — подъ страхом
что виновную Великій Змѣй сожжетъ своимъ огне
нымъ дыханіемъ. Угроза, къ удивленію, оказываетс
настолько дѣйствительною, что никогда ни одна из
кандидатокъ въ Евы не проболталась о секрета
жизни своей у жрицъ — дальше дозволенныхъ пр
дѣловъ. Однажды, ночью, старухи неожиданно во
вращаютъ дѣвочекъ въ свои семьи, откуда ихъ взял
Родители должны щедро заплатить за ихъ пребываніе

... и Ему богатые дары ...
... часть, которую Онъ ...
... остается въ домѣ ...

... не могу вамъ изъяснить, ...
... пышенъ, и въ городѣ бываетъ тогда ...
... ный праздникъ. Назавтра послѣ ...
... мнимую молодую возвращ...
... ельскій, гдѣ ее принимаютъ съ такимъ ...
... какъ будто бы она была живая богиня.
... носятъ общественныя жертвы, то часть ихъ ...
... супругъ.
... нихъ остается безму...
... съ разрѣшенія жр...
... тамъ ихъ нельзя пос...
... безусловнымъ раб...

... супругу свою, ...
... безъ всякой пощады къ сокровен...
... ея таинственной татуировки, и пото...
... за это его живымъ сожгутъ, убѣжалъ ...

нію къ нѣмецкимъ миссіонерамъ. Здѣсь его оче берегли, боясь, чтобы черные не отомстили ему, тѣ болѣе, что всѣ они смотрѣли на него съ ужасомъ отвращеніемъ, и онъ самъ денно и нощно ждал что его зарѣжутъ или отравятъ. Очевидно, послѣдн и удалось какому-нибудь фанатику, потому что скоромъ времени бѣдняга заболѣлъ злокачественно лихорадкою самаго подозрительнаго свойства и умер въ страшнѣйшихъ галлюцинаціяхъ, при чемъ тѣ его еще заживо стало разлагаться и падать лоск тами, будто трупъ умершаго отъ укушенія ядовит змѣи. Тамъ, конечно, никто не говорилъ о малар но всѣ славили гнѣвъ и мщеніе Великаго Змѣя. Дебрянскаго, за неимѣніемъ другой гипотезы, опр дѣляютъ малярію, но я говорю вамъ: это — забл жденіе, ошибка, ложь. Онъ, на моихъ глазахъ, прох дитъ тѣ же фазисы умиранія, что тотъ гвинейск негръ. О маларіи тутъ и рѣчи быть не можетъ. Сл довательно, остается предположить ядъ.

— Какой именно?—спросила Лала, оживляясь мра нымъ любопытствомъ. Всю повѣсть Гичовскаго о прослушала съ каменнымъ недвижнымъ лицомъ, безстрастными, лишенными всякаго выраженія, гл зами.

— То-то вотъ, что не знаю.

Лала презрительно усмѣхнулась.

— Развѣ ваша наука не располагаетъ средства узнавать яды?

Графъ покачалъ головой.

— Располагаетъ, но не для всѣхъ ядовъ... Сл хали вы объ aqua tofana, Лала?

Дѣвушка равнодушно возразила:

— Нѣтъ... откуда мнѣ слышать?

— Такъ ужъ не поскучайте, позвольте васъ пр

свѣтить. Этотъ ядъ носитъ названіе по имени своей предполагаемой изобрѣтательницы Тофаніи, которая жила, по однимъ преданіямъ, въ XV, по другимъ въ XVII вѣкѣ, а итальянскій историкъ Венерати утверждаетъ, будто эта великая отравительница казнена только въ 1730-мъ году. Равнымъ образомъ честь быть ея родиною оспариваютъ Римъ, Неаполь и Палермо. Намъ все это безразлично. Главное же въ томъ, что aqua tofana или aquetta, или „манна святого Николая", являетъ собою ядъ, не уловимый ни на вкусъ, ни на запахъ: тотъ и другой присущи ему не въ большей мѣрѣ, чѣмъ хорошей ключевой водѣ, — онъ такъ же чистъ и прозраченъ. Такимъ образомъ, о пріемахъ аквы тофаны можетъ знать только тотъ, кто отравляетъ, а никакъ не тотъ, кого отравляютъ, — его дѣло умирать и ничего не понимать, потому что память рѣшительно не подсказываетъ ему, чтобы онъ съѣлъ или выпилъ что-либо зловредное. Вторая важная особенность аквы тофаны, что ядъ дѣйствовалъ одинаково убійственно, какимъ бы способомъ ни вводили его въ организмъ: черезъ пищу — въ желудокъ, черезъ порѣзъ или царапину — въ кровь, черезъ дыханіе — въ легкія. Его можно было дать отравляемому каплями въ водѣ, винѣ или супѣ, порошкомъ въ соусѣ или макаронахъ, въ нюхательномъ табакѣ, въ ароматѣ цвѣтовъ, въ сокѣ яблока, въ горѣніи свѣчи, черезъ уколъ отравленнымъ ключомъ или кольцомъ, а объ одной французской принцессѣ существуетъ легенда, будто ее отравили аквою тофаною въ мощахъ, къ которымъ она прикладывалась, съ надеждою исцѣлиться отъ старческихъ своихъ недуговъ. Третья особенность — что, по смерти отравленнаго, ядъ не оставлялъ обличающихъ признаковъ, за исключеніемъ, какъ говорятъ нѣкоторые,

черезчуръ быстраго разложенія трупа, которое иногд
будто бы, начиналось даже еще заживо. Это любо
пытная подробность. Вспомните место негра. Поэтом
полагають, что этою тофаною усиленно пользов
лись, для политическихъ и корыстныхъ цѣлей своихъ
разные злодѣи въ коронахъ и тіарахъ, которым
такъ богаты XV, XVI и XVII вѣка. Думають, чт
aqua tofana была ядомъ домовъ Борджіа и Медиче
Вмѣстѣ съ Екатериною Медичи, она перебралась в
Францію и здѣсь усердно служила злодѣйствамъ
интригамъ послѣднихъ Валуа, покуда не обратилас
на нихъ самихъ. Большинство изъ нихъ умерло пр
подозрительныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ о
равленіе чувствовалось всеобщимъ убѣжденіемъ, н
не могло быть доказано. Король Карлъ IX, говорят
былъ отравленъ листами книги, которую онъ читал
и послюнивалъ пальцы, чтобы переворачивать стр
ницы. Способъ, извѣстный еще изъ сказокъ „Тысяч
одной ночи“. Франсуа Алансонскій умеръ отъ рум
наго яблока, въ сочномъ золотѣ котораго даже тако
прожженный политическій хитрецъ, какъ этотъ принц
не могъ заподозрить отравы. А по другимъ разск
замъ, онъ вдохнулъ ядъ, въ боевой своей палатк
изъ масла въ ночникѣ. Любопытно, что люди, пр
бѣгавшіе къ aqua tofana, въ концѣ концовъ, неп
мѣнно сами отъ нея погибали. Такъ было съ н
сколькими Валуа, такъ было съ папою Александромъ V
Борджіа, который, думая отравить сына, отравил
самъ. Объ этомъ Александрѣ VI есть легенда, буд
онъ, желая воспользоваться богатствами кого либ
изъ своихъ кардиналовъ, посылалъ обреченнаго о
пирать дверь съ очень тугимъ замкомъ. Когда кар
диналъ нажималъ ключъ, кольцо его чуть-чуть к
лоло ему пальцы, aqua tofana поступала изъ кольц

ъ уколъ, и кардиналу, будто бы, оставалось времени жить на землѣ ровно столько, сколько надо, чтобы написать завѣщаніе въ пользу папы и принять отъ него отпущеніе грѣховъ. Поэтъ и художникъ Джуліо Мости подарилъ своей невѣрной любовницѣ перстень; она надѣла кольцо на палецъ, — и умерла въ тотъ же часъ...

— Зачѣмъ вы разсказываете мнѣ все это? — прервала Лала.

— Позвольте мнѣ докончить...

— Я хотѣла бы знать, какое отношеніе...

Гичовскій перебилъ:

— Четвертая способность яда aqua tofana была въ томъ, что имъ можно было убивать и на скорую руку, какъ въ приведенныхъ мною случаяхъ, Борджіа и Джуліо Мости, и можно было разсчитать и регулировать пріемъ такъ, что онъ, начавъ дѣйствовать дня черезъ четыре, даже больше, затѣмъ растягивалъ дѣйствіе свое, по востребованію, на недѣли, мѣсяцы, даже, будто бы, годы. Французскій король Карль IX, о которомъ я упоминалъ, проглотилъ умертвившій его ядъ Рене Флорентинца за два мѣсяца передъ тѣмъ, какъ слегъ въ смертную постель... Этотъ второй видъ отравленія, съ ядомъ, дѣйствующимъ, такъ сказать, на разстояніи, интересовалъ меня въ особенности. Изучивъ десятки подозрительныхъ смертей, описанныхъ въ исторіи, гдѣ можно предполагать отравленіе чрезъ aqua tofana, я открылъ въ нихъ извѣстное единство признаковъ и пришелъ къ такому заключенію: что бы ни представлялъ собою этотъ таинственный ядъ и изъ какихъ бы составныхъ частей онъ ни соединялся, дѣйствіе аквы тофаны, когда ее давали не въ моментально убивающихъ дозахъ, состояло въ томъ, что она развивала въ отравлен-

номъ организмѣ съ невѣроятною быстротою и сило
припадки маларійнаго типа. Выражались они, как
всегда въ маларіи, тѣмъ, что болѣзнь, работая п
линіи наименьшаго сопротивленія, жестоко обруши
валась на слабые, худо защищенные, такъ сказат
предрасположенные къ ней органы и именно их
разрушала съ ужасающей быстротой. Извѣстно, чт
маларія, помимо своихъ чисто лихорадочныхъ про
явленій, способна скрываться съ одинаковымъ удоб
ствомъ въ формѣ страданій желудка, кишекъ, печени
сердца, нервныхъ и мозговыхъ. И, въ послѣдних
двухъ случаяхъ, маларія — естественнаго ли, отрав
наго ли происхожденія — весьма обычно завершаетс
безуміемъ и смертью...

Лала сказала, закусивъ губу:

— Сколько я понимаю, вы ведете рѣчь къ тому
что — разъ на Корфу нѣтъ маларійной лихорадки —
то, слѣдовательно, есть aqua tofana, о которой —
должна сознаться въ своемъ невѣжествѣ — я впер
вые слышу.

— Это неудивительно. Секретъ ея считается по
теряннымъ уже болѣе ста лѣтъ.

Лала искусственно засмѣялась.

— И вы предполагаете, что Дебрянскій отравлен
потеряннымъ ядомъ? Это смѣшно.

— Я не сказалъ, что ядъ потерянъ; я тольк
сказалъ, что онъ считается потеряннымъ. Ядъ был
извѣстенъ слишкомъ многимъ, чтобы онъ исчезъ из
міра безслѣдно, тѣмъ болѣе, что въ тонкомъ ядѣ
снимающемъ съ убійцы всякую отвѣтственность, люд
ская злоба постоянно нуждается. Есть подозрѣні
что, еще сто лѣтъ тому назадъ, секретъ aqua tofan
былъ хорошо знакомъ нѣкоторымъ коронованным
особамъ, прибѣгавшимъ къ старой и, быть можетъ

овершенствованной въ новыхъ вѣкахъ, благодаря міи, отравѣ Медичей и Борджія, для своихъ госурственныхъ цѣлей. Католическіе авторы, наоборотъ, верждаютъ, будто aqua tofana искони была въ ходу тайныхъ религіозныхъ обществъ — у тампліеровъ, озенкрейцеровъ, потому что нѣкоторыя жертвы, ими реченныя на смерть, умирали съ признаками отвленія, однороднаго съ тѣми, когда въ XV и XVI кѣ работала несомнѣнная и откровенная aqua tofana. ризнаки эти: лихорадка того же типа, какъ при беркулозѣ легкихъ, съ высокими градусами температуры, сопровождаемая неутолимой жаждою, непоімое отвращеніе ко всякой пищѣ, упадокъ духа глубокое равнодушіе, даже ненависть къ жизни. е это, къ слову сказать, у нашего бѣднаго Дебрянаго налицо. Тайныя религіозныя общества никогда не умирали, слѣдовательно, нѣтъ данныхъ особнно настаивать на томъ, чтобы умирали и ихъ креты. Тѣмъ болѣе, что секретъ aqua tofana, быть жетъ, и не такъ уже мудренъ, какъ обѣщаетъ торическая таинственность. Нѣкоторые изслѣдотели, въ томъ числѣ вѣнскій ученый медикъ Іосифъ анкъ, имѣвшій возможность лично наблюдать слуи очень подозрительныхъ отравленій, полагаютъ, о основнымъ элементомъ аквы тофаны былъ мышьь. Дерптскій профессоръ Драгендорфъ думаетъ, о она извлекалась изъ шпанскихъ мушекъ. Затѣмъ, цествуютъ мнѣнія, представляющія ее соединеніемъ нтаридина съ опіумомъ или, точнѣе, съ какимъю изъ алколоидовъ, входящихъ въ составъ опі, — кодеиномъ или наркотиномъ. Наконецъ, — зможно, что aqua tofana была происхожденія живнаго — какая-нибудь обработка змѣинаго яда. й гипотезѣ соотвѣтствуетъ время, когда въ Европѣ

возникла легенда объ aqua tofana: эпоха великих морскихъ путешествій въ змѣиныя царства — в Индію и на дальній Востокъ, первыя изслѣдован Америки, появленіе европейцевъ въ Мексикѣ, Пер на Амазонкѣ, во Флоридѣ...

— Я не знаю, гдѣ это, и мнѣ все равно, — х лодно остановила его Лала. — Это все пустыя для мен имена. Я не училась географіи.

— Виноватъ, увлекся, — извинился графъ. — Впрочемъ довольно... Мой анекдотъ конченъ.

— Итакъ, Дебрянскій отравленъ, — сказал Лала, съ недовѣрчивою улыбкою. — Кого же вы п дозрѣваете въ этомъ странномъ отравленіи?

— Васъ, Лала, — просто и спокойно возразил Гичовскій.

— Меня?

Лала вскочила со скалы и смотрѣла на граф широко раскрытыми глазами...

— Васъ, — продолжалъ графъ. — Недѣлю том назадъ, сидя вонъ тамъ на террасѣ, я слышалъ ве вашъ разговоръ съ Зоицей. Вы грозили Дебрянском смертью. И вотъ онъ, здоровый человѣкъ, почт богатырь, вдругъ, ни съ того, ни съ сего начинает умирать, съ очевидными признаками медленнаго о равленія. Естественное первое предположеніе, ч отравили его вы. Тѣмъ болѣе, что вы принадлежит къ тайной и грозной сектѣ, которая владѣетъ яд богато и, во враждахъ своихъ, пускаетъ ихъ въ ход артистически...

Страшный крикъ вырвался изъ груди Лалы. О схватилась за голову:

— Ты самъ умрешь, если посмѣешь разгласи это! — взвизгнула она, красная отъ гнѣва.

— Лала!

Графъ всталъ и принялъ оборонительное положе-, потому что Лала инстинктивнымъ движеніемъ илась за шпильку, торчавшую въ ея косѣ, и ему юмнилась смерть Деліановича.

— Я ничего не намѣренъ разглашать, Лала; я лько предупреждаю васъ, что вы легко можете двергнуться подозрѣнію въ отравленіи...

— Я ничего не давала вашему Дебрянскому.

— Однако — если бы вы слышали его бредъ...

— А онъ уже бредитъ? — быстро спросила ла.

— Уже, — подчеркнулъ Гичовскій. — И не только едитъ — галлюцинируетъ. Онъ все видитъ одного оего московскаго пріятеля... недавно умершаго. И словъ этого мертваго пріятеля увѣряетъ, что онъ порченъ и испорченъ вами.

Лала молчала.

— Ну, а если бы и такъ? — сказала она, нако-цъ, поднимая голову съ гордымъ вызовомъ, и про-лжала:

— Вы слышали нашъ разговоръ съ Зонцей и знаете, Дебрянскій осужденъ на погибель не мною, а си-ми высшими, чѣмъ я...

— Эта проповѣдь будетъ не по адресу, Лала, — о возразилъ графъ. — Я не вѣрю въ существо-іе силъ, высшихъ человѣческаго разума и воли. если вы въ нихъ вѣрите, то поступокъ вашъ съ брянскимъ — плохое доказательство ихъ могуще-. Если сила — высшая, то она не должна, по-дно ей нуждаться въ ядѣ. Это преступное шар-ство, Лала!

Лала протянула впередъ обѣ руки, съ видомъ ественнымъ и вдохновеннымъ.

— Будь онѣ — эти силы, убивающія вашего

друга, — свидѣтелями, что я не отравляла Дебрян-
скаго... До настоящаго дня я даже не знала, что
такое aqua tofana, о которой вы говорили. Я не
нуждаюсь въ ней, чтобы его наказать. Онъ пріѣхалъ
сюда, уже осужденный ими... Онѣ искали его, но
были безвластны его схватить... Но я позвала ихъ
— онѣ приблизились къ нему... Позову еще, и онъ
будетъ весь въ ихъ власти... Моллокъ лжетъ, что
онъ безнадеженъ. Пусть откажется отъ Зоицы, пусть
бѣжитъ отсюда, — я пощажу его. Мнѣ будетъ
очень трудно сдѣлать это. Я сама рискую собою,
но я сдѣлаю такъ. Не для него, — онъ ничтоже-
ство, — но для Зоицы, которая имѣла безуміе его
полюбить, и я не хочу, чтобы она отравила свою
жизнь слезами о его погибели...

— Скажите, Лала, — я имѣю право это спросить, —
вы противъ брака Зоицы только съ Дебрянскимъ, или
противъ всякаго?

— Всякій бракъ — могила для Зоицы и ея из-
бранника, — мрачно отвѣчала Лала. — Она не имѣетъ
права выйти замужъ. Она рождена для другой цѣли,
высшей, чѣмъ обнимать мужа и родить дѣтей.

Лала опомнилась отъ перваго смущенія и вызы-
вающе глядѣла на графа.

— Да! Я — жрица Великаго Змѣя, Арве Мирдо,
ибо таково имя его въ народѣ его, тайна котораго
коснулась васъ на гвинейскомъ берегу. Жрица Ве-
ликаго Змѣя и царства мертвыхъ, которыми повелѣ-
ваетъ Онъ, изгнанный отъ живыхъ не называемымъ
Духомъ-Побѣдителемъ. Я ношу знаки его на тѣлѣ
своемъ. Вы узнали въ Шаби живой символъ моего
бога. Но есть другой символъ его на землѣ, — из-
любленная имъ, великая сѣверная водная змѣя, —
могучая мать — Обь, родина вдохновенныхъ шама-

ъ, — святая рѣка, отъ которой мы, поклонники ѣя, беремъ названіе своей вѣры, той вѣры, кото- вы, русскіе, называете черною. Есть Змѣй — ной образъ Змѣя — и есть Великій Змѣй, по- ваемый духомъ. Есть образъ Оби въ Сибири и ь незримая Обь — эфирный океанъ смерти, раз- ой между землею и звѣздами. Да! Я вѣрую въ икую Обь и въ силы, ей покорныя. Вѣруетъ въ и Зоица. Когда я умру, она похоронитъ меня обряду сибирскихъ жрецовъ, мой духъ войдетъ нее, и я буду жить въ ней, какъ во мнѣ живетъ ъ покойной моей тетки Дивы, которая спитъ ущельѣ близъ Дубровника. Ея могилою Зоица сягнула остаться дѣвственной служительницей нственнаго сліянія любви и смерти, обожаемаго и въ словѣ „Обь"... Теперь вы, графъ Валерій, ете, съ кѣмъ имѣете дѣло. Триста лѣтъ живетъ на Матери Оби въ нѣдрахъ великаго рода Ду- ичей. Триста лѣтъ обрекаютъ женщины наше- рода одну изъ среды своей дѣвственному жре- тву предъ алтаремъ Великаго Змѣя. Триста лѣтъ — древней черной Лалы, которую нѣкогда вы- ь Янко Дубовичъ съ тѣхъ самыхъ африканскихъ еговъ, гдѣ были вы, и до меня, послѣдней ы, — ждемъ мы исполненія обѣтованій — нис- твія Великаго Змѣя въ возрожденной Евѣ... Чер- Лала никогда не умирала: она здѣсь, въ груди й, — она была — она, потомъ она была — іія, потомъ — тетка Дива, и теперь она — я... ждали и ждемъ, но не могли и не можемъ до- ться, потому что есть откровеніе, и, разъ вы те такъ много объ Арва Мирде, то должны знать о обѣтованіе: возрожденною Евою будетъ бѣлая ушка безъ капли черной крови. Та очевидность,

что я осталась послѣдняя въ родѣ Дубовичей и
кому — не то что въ роднѣ, но даже въ свойствѣ,
передать мнѣ силы свои ближе, чѣмъ Зоицѣ, это
не простой случай, но указаніе святой Оби. Мы,
служившія срокъ свой черныя жрицы, не нужны бол
Великому Змѣю. Времена исполняются. Онъ
шелъ свою избранницу. Вѣщіе сны и гаданія
крыли мнѣ его нареченную — эту бѣлую дѣвуш
безъ капли черной крови, возрожденную Эвгу,
достную отречься отъ Адама для Самаэля, — будущ
мать новаго Змѣя-Побѣдителя, который побѣди
зависть Духа и станетъ счастьемъ земли, и сдѣла
людей — какъ боги.

— Особа, которой вы предсказываете столь б
стящую карьеру, — сколько я могу понять, — Зо
Вучичъ?

— Да. Зоица Вучичъ.

— Я знаю это уже цѣлую недѣлю, но признаю
худо самъ себѣ вѣрилъ. Встрѣтить культъ Оби
Европѣ, среди цивилизованнаго общества, — нео
данный и мало вѣроятный сюрпризъ.

— Слуги Оби разбросаны всюду. Во льдахъ А
подъ пальмами Африки, въ Америкѣ за синимъ ок
номъ. Всюду слышитъ дѣтей своихъ могучая Обь и,
корная ихъ зову, помогаетъ имъ въ бѣдѣ. И тепе
когда ея будущая жрица, невѣста Великаго Зм
забыла свое призваніе и собралась совершить
ликое преступленіе, мать-Обь спасаетъ свое
блудшее дитя и устраняетъ причину ея грѣха. .

— Если мать-Обь такъ сильна, — возразилъ графъ
зачѣмъ она допустила ихъ встрѣчу? Она могла
поразить Дебрянскаго заранѣе, по предвидѣнію,
сѣверѣ...

— Она и поразила его, — гордо сказала Лала

ь царица мертвыхъ. Она послала къ Дебричскому прекрасную мертвую женщину, которая полюбила и залюбила бы до смерти, если бы онъ не ...ть... Но онъ не уйдетъ отъ нея, не уйдетъ, не ...детъ... Она — здѣсь, я чую ее, разлитую въ ...духѣ надъ Корфу: и это она — малярія уноза... ...ся вашего друга! А вы говорите объ эдиса... ...на.

Она приблизилась близко къ графу и положила ...ку на его плечо.

— И ты погибнешь, если не сойдешь съ нашей ...роги... Берегись! Мнѣ было бы жаль тебя... Не ...нимай у Оби ея добычу; оставь мертвое мертвымъ: ...че они возьмутъ тебя самого... Прощай! Я из...няю тебѣ угрозы, которыми ты началъ, потому что ... не знаешь силы той, съ кѣмъ говоришь. Но ис...енно говорю тебѣ: отойди, не надо больше. По...му что слова, летая въ воздухѣ, образуютъ формы, ...илы, зриція формы, не забываютъ словъ. И, ос...рбляясь словами, мстятъ за нихъ. Не накликай ...себя мести силъ. Онѣ слѣпыя и неудержимыя: ...лько движутся и не разсуждаютъ. Свершиться ...жное — свершится. Прощай!

Она исчезла, какъ призракъ. Гичовскій разсер...ся, покраснѣлъ и топнулъ ногою.

— Къ чорту все! — проворчалъ онъ, — съ ума ...но сойти! Далматскія плутни и негритянскія ...дни. Гностическая отрыжка и путаница изъ Ка...ы. Однако, и соперника же удостоился бѣдный ... Алексѣй Леонидовичъ. Если ему удастся выпу...ся изъ когтей маларіи, то посмѣемся мы со вре...емъ... Въ самомъ дѣлѣ, mésalliance невообрази..., и я отчасти понимаю аристократическое него...аніе Лалицы Дубовичъ. Дѣвушкѣ предстоитъ

получить въ мужья райскаго Змія-искусителя, есть самого Сатану, и подарить міру что-то въ Антихриста, а она упирается и желаетъ замуж москвича изъ какого-то Купеческаго, что ли, Волжско-Камскаго банка...

Онъ вошелъ въ виллу съ твердымъ намѣрен разсказать все Вучичу, но уже не нашелъ стар во время разговора графа съ Лалою, Вучичъ, покоенный болѣзнью нареченнаго зятя, укатил свойственною ему подвижностью — провѣдать б ного въ отель Saint-Georges... Гичовскій поду и нашелъ, что оно, пожалуй, — къ лучшему:

— Ну, какъ этотъ пиратъ въ отставкѣ, узн въ какую игру затянула Лала его любимую до возьметъ, да и расшибетъ злополучной Лалѣ чер Я не согласенъ. Дѣвка любопытная, фантастиче дикая. Я долженъ ее изучить. Это кладъ мнѣ въ дается.

Онъ тоже направился въ городъ. Пѣшая до дала ему время раздуматься и, рядомъ одино мыслей, разожгла въ немъ обычное любопытств неизвѣданному. Онъ разсуждалъ:

— Лала говорила сейчасъ совершенно искре Если она обистка, то клятва Обью для нея вел сила: подъ Обью слуги Оби не лгутъ. Поэ словамъ ея, что она ничего не давала Дебрянск можно вѣрить. Въ возможность погубить чело внушеніемъ „дурного глаза“ я вполнѣ вѣрю если бы Дебрянскій, подготовленный и предрасп женный къ нервной болѣзни еще съ Москвы, лѣлъ или даже умеръ отъ злобнаго гипноза Л какъ умирали суевѣрные люди отъ взгляда п Массоля, я нисколько не удивился бы. Внушеніе см не разъ приводило смерть. Человѣку объявля

онъ будетъ обезглавленъ. Завязываютъ ему глаза, тавляютъ его положить голову на плаху и — съ маха бьютъ по шеѣ мокрымъ полотенцемъ. Общій сотъ. — Вставай!... Но обезглавленный не шевеся: онъ покойникъ. Въ 1750 году въ Копененѣ врачи увѣрили одного приговореннаго къ ерти, что онъ будетъ казненъ чрезъ выпусканіе ови изъ артеріи. Ему завязали глаза, прикрѣпили къ оперативному столу, сдѣлали ему незначиьный уколъ на шеѣ, а затѣмъ поставили у головы сифонъ съ водою такъ, чтобы ему на шею неерывно лилась струйка воды и съ легкимъ журчамъ стекала въ тазъ на полу. Осужденный слабѣлъ мѣрѣ того, какъ вытекала мнимая кровь, и, наецъ, лишился чувствъ, и — убѣжденный, что изъ о выпустили, по крайней мѣрѣ, восемь фунтовъ ови, — умеръ со страха. Рише сообщаетъ о ьномъ, которому отецъ его долженъ былъ сдѣь операцію, камнесѣченія, и больной, на операномъ столѣ, умеръ со страха въ тотъ самый моть, когда хирургъ еще намѣчалъ ногтемъ на кожѣ ію будущаго разрѣза. Наконецъ, вотъ случай кнаго яда, оглашенный въ „Lancet". Молодая ушка, желая покончить съ жизнью, съѣдаетъ которое количество безвреднаго порошка, въ увѣности, что это стрихнинъ, ложится въ постель, и, колько минутъ спустя, ее находятъ мертвою. Но акимъ внушеніемъ нельзя вызвать симптомовъ ершенно опредѣленнаго и точнаго отравленія въ овѣкѣ, который не знаетъ, какимъ именно ядомъ гать себя отравленнымъ ему внушено. Развѣ что ѣрить Жюлю Буа, который увѣряетъ, будто „злой " Станиславъ Гюайта, живя въ Парижѣ, отра„добраго мага" аббата Іоанна Буллана, жившаго

въ Ліонѣ, черезъ разстояніе — „[illegible] летучее состояніе и направивъ его [illegible] Но, вѣдь, это же — магія изъ [illegible] шарлатанство въ маскѣ угрюмаго [illegible] жулика Вентра. Съ другой стороны, [illegible] перенести на разстояніе мысль и электрическое [illegible]ствіе, почему нельзя сдѣлать того же [illegible] атомистическою силою? Я не вѣрю тому, [illegible] Гюайта и Пеладанъ колотили Гюисманса [illegible]скими кулаками и чтобы черные маги наносили [illegible] Буллану удары въ сердце и печень, [illegible] сотъ верстъ, потому что вся эта компанія [illegible] враговъ — наполовину [illegible], наполовину плуты, задавшіеся цѣлью переврать [illegible] они слышали однимъ краемъ уха, [illegible] умнаго. Но, принципіально, я не [illegible] отъ возможности удара на разстояніи [illegible], что это значило бы отказаться отъ принципіальной возможности телеграфа безъ проволоки, которую [illegible] не сегодня-завтра имѣть будемъ. Врачъ [illegible] близъ Бордо, видѣлъ кузнеца, умиравшаго [illegible] сонницы, потому что котельщикъ, жившій въ [illegible] верстѣ и за котораго онъ отказался выдать [illegible] дочь, изъ мести мѣшалъ ему спать, колотя [illegible] ночь по своимъ котламъ. — Зачѣмъ ты [illegible] ночью въ котелъ? — спрашиваетъ [illegible]. — Чтобы не давать спать Николаю. — Какъ [illegible] тебя Николай на такомъ дальнемъ разстояніи? Однако, вы же знаете, что онъ слышитъ. — Почему? Потому что я хочу, чтобы онъ слышалъ. [illegible] Макаріо лѣчилъ крестьянина, каждую ночь [illegible]шаго привидѣніе, напущенное на него, по его увѣренію, сосѣдомъ по усадьбѣ, въ [illegible] разстояніи. На допросѣ сосѣдъ сознался, что [illegible]

ъ — у себя въ домѣ — одѣвается въ бѣлую остыню и ходитъ по комнатѣ, говоря тѣ самыя рашныя слова и движенія, которыя — у себя въ мѣ — видитъ и слышитъ его гонимый врагъ. Вигъ и слышитъ тоже потому, что сосѣдъ хочетъ, обы онъ видѣлъ и слышалъ. Легенды объ ударѣ разстояніи были во всѣ вѣка и крѣпко живутъ и ржатся у всѣхъ народовъ. Это — головня Меагра, это — магическое зеркало и выстрѣлъ въ ртретъ, которымъ, будто бы, массоны убивали своихъ мѣнниковъ, восковыя фигурки Екатерины Медичи...

Онъ засталъ Вучича у постели Дебрянскаго. Поѣдній прилегъ было, одѣтый, отдохнуть и тотсъ же забылся, сталъ бредить и, съ совершенно къ будто разумнымъ взглядомъ, говорилъ непотныя фразы о Петровѣ, объ Аннѣ, о Зоицѣ и лѣ... Моллокъ — рыжій, длинный, зубатый конъ Буль — съ холоднымъ любопытствомъ наюдалъ больного.

— Его нельзя оставить одного, безъ присмоа, — волновался Вучичъ. — Какой здѣсь уходъ? до перевести его къ намъ... Не правда ли, мирръ Моллокъ?

Англичанинъ кивнулъ головой:

— Отлично. У васъ много моря. Если это мала, онъ будетъ чувствовать себя легче.

Когда пароксизмъ кончился, Алексѣю Леонидоиу предложили перебраться на виллу. Къ удивле доктора и Вучича, онъ заупрямился. Вучичъ ке разсердился.

— Почему же нѣтъ? Почему?—почти кричалъ ь. — Чужой вы мнѣ, что ли? Боитесь компромеровать Зоицу? Такъ вѣдь вы же женихъ ея. Сыемъ свадьбу, какъ только поправитесь.

— Любезный тесть,—возразилъ Алексѣй Лес
довичъ и съ тревожнымъ блескомъ въ глазахъ, -
знаю, что не могу противопоставить вашему ж
нію ни одной разумной причины. Но у меня
свои доводы, нелѣпые, можетъ быть, но очень с
ные... Выйдите на минуту въ корридоръ. Я п
вѣтуюсь съ графомъ Валеріемъ: какъ онъ скаж
такъ тому и быть...

Моллокъ и Вучичъ вышли.

— Вы знаете, о чемъ я хочу говорить? — сп
силъ Дебрянскій. Графъ на его внимательный взгл
отвѣтилъ такимъ же внимательнымъ.

— Кажется, догадываюсь.

— Графъ, меня никто не разувѣритъ въ то
что я гибну жертвою Лалы.

— Гибну — сильное слово,—возразилъ графъ
но госпожи этой, — я не стану разувѣрять васъ
вамъ, дѣйствительно, надо опасаться, такъ какъ
чертъ ее возьми совсѣмъ! — она бѣшено зла
васъ и, по дикому невѣжеству и суевѣрію сво
въ самомъ дѣлѣ, вполнѣ способна устроить в
какую-нибудь большую гнусность.

— Вы говорили съ ней? узнали что-нибудь?
быстро прервалъ его больной.

— Да... какъ вамъ сказать? Говорилъ, да.
странная особа, очень опасная и вредная во вся
случаѣ... Или фантастка дикая, фанатическая,
отчаянная и мрачная шарлатанка.. Каюсь, я б
заподозрилъ даже, что она подсыпала вамъ ч
нибудь въ вино или воду.

Дебрянскій качалъ головой:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... я испорченъ, а не о
вленъ... я чувствую себя снова, какъ въ Мос
подъ вліяніемъ...

Онъ остановился, бросивъ на Гичовскаго подо-
ительный взглядъ.

— Будьте откровенны, Дебрянскій, — сказалъ
човскій, — это очень важно.

Алексѣй Леонидовичъ молчалъ и только смотрѣлъ
лко-жалко...

— Эта вѣдьма... Лала... — сказалъ онъ, нако-
цъ, — я боюсь ея, Гичовскій, до ужаса боюсь.
ъ-за нея не хочу переѣзжать на виллу. Пусть вся
власть надо мною — одинъ бредъ разстроеннаго
ображенія, пусть она такая же, какъ всѣ мы, мо-
тъ быть, даже лучше насъ. Но, разъ я увѣренъ,
она приноситъ мнѣ вредъ, неужели вы думаете,
вблизи ея я буду чувствовать себя спокойно и
гу поправиться?

— О, нѣтъ. Конечно, вы правы. Но какую же
иличную причину отказа мы скажемъ Вучичу?

— Ахъ, да скажите прямо настоящую. Что тутъ
ремониться? У меня смерть въ груди!—съ досадою
омленія, задыхаясь, произнесъ больной и закрылъ
за.

Но Вучича было трудно переупрямить. Узнавъ,
вся остановка изъ-за Лалы, онъ только нахму-
ся косматыми бровями и головою кивнулъ:

— Ну, мы все это оборудуемъ.

И, не заходя назадъ въ номеръ къ Дебрянскому,
ъ въ свою коляску — и умчался.

Гичовскій сѣлъ возлѣ дремлющаго больного, вы-
ъ изъ кармана газету и съ полчаса читалъ о вы-
ахъ во Франціи.

— Графъ,—услыхалъ онъ голосъ Дебрянскаго,—
ните ли вы: при первой нашей встрѣчѣ, я обѣ-
ъ вамъ разсказать странную галлюцинацію, жерт-
которой я былъ въ Москвѣ.

Гичовскій кивнулъ головою.

— Если вы расположены слушать, а хотѣлъ исполнить свое обѣщаніе.

— Я-то, конечно, расположенъ, Алексѣй Лео довичъ, но васъ-то — я боюсь — эти воспоми нія утомятъ и взволнуютъ, не повредили бы себѣ...

— Нѣтъ, ничего. Да если бы и такъ, долж же я посовѣтоваться и разрѣшить свои сомнѣнія Наединѣ съ ними, въ тоскѣ болѣзни этой, я х себя убиваю... Я очень боюсь сойти съ ума, доро другъ мой, а иногда мнѣ кажется, что я уже соше Выслушайте меня, провѣрьте болѣзнь моего мозга я довѣряюсь вамъ, потому что вы можете то чувствовать и разберете въ бредѣ моемъ, что б внутри меня, что — извнѣ... Этотъ рыжій докт тупъ и прямолинеенъ, онъ ничего не смысли кромѣ своей латинской кухни. Разсказать Вучич я не рѣшаюсь, потому что Зоица суевѣрна, боюсь ее перепугать... Хотя... быть можетъ вотъ, выслушайте и дайте мнѣ совѣтъ: возмож что мозгъ мой уже въ такомъ плачевномъ состоя что мнѣ слѣдуетъ лучше отказаться отъ Зоицы? погублю ли я дѣвушку за собою? Гожусь ли я брака и потомства? Не создамъ ли я какую-л чудовищную наслѣдственность? Обрекать дѣву быть женою сумасшедшаго — преступленіе, плод психическихъ выродковъ — тоже... Помогите м Я постараюсь быть какъ можно спокойнѣе. С шайте. Вотъ — тотъ секретъ, который загналъ м на Корфу...

Дологъ былъ разсказъ больного, и, когда кончилъ, Гичовскій долго сидѣлъ, смущенный, мо Въ умѣ его встали — вызывающимъ совпаденіемъ

давнія слова Лалы о мертвой женщинѣ, которой ы Оби, будто бы, отдали Дебрянскаго въ ртву.

— Почему вы молчите? — задыхаясь, спросилъ льной.

— Потому что я долженъ обмыслить фантастику шего разсказа въ естественную систему и найти нему логическій ключъ. Я не принадлежу къ числу хъ, кто отдѣлывается отъ подобныхъ исторій легмъ словомъ „галлюцинація".

Больной со страхомъ уставился на него.

— Вы вѣрите въ реальность этой... Анны?

— Нисколько.

— Этого не могло быть?

— Никакъ.

— Тогда — почему же васъ смущаетъ, зачѣмъ хотите вы опредѣлить ея появленіе моею галлюнаціей?

— Напротивъ. Я именно такъ ее опредѣляю, но жныя представленія имѣютъ свою логику: это — же сновидѣнія, только наяву. Приблизительныя овидѣнія можно фабриковать по заказу. Альфредъ ори дѣлалъ по этой части опыты изумительные. гика сновидѣнія идетъ кривыми или даже зигзаи извращенія мысли, но, все-таки, остается логию, и если ее не всегда удается прослѣдить, то шь по лѣни нашей слишкомъ внимательно и прильно рыться въ безчисленныхъ мелочахъ нашей обной бодрственной жизни, дающей нашимъ снамъ ходящія отраженія. Что человѣкъ смутно чувуетъ въ снахъ присутствіе логической основы, му доказательство — извѣчное существованіе сонковъ. Всѣ они — не иное что, какъ попытки его рода научной классификаціи, желаніе найти

въ зыбкости грезъ закономѣрность, устойчивость
предсказательное постоянство. Всякій сонникъ, нач
ная съ Oneirokritikon Артемидора Эфесскаго, дѣл
шаго вѣщіе сны на теорематическіе и аллегорическ
даже, пожалуй, начиная съ Гомера, — въ стиха
котораго о бѣлыхъ воротахъ слоновой кости д
сновъ, не имѣющихъ значенія, и о другихъ, ро
выхъ, для вѣщихъ сновидѣній, Шопенгауэръ ус
тривалъ намекъ на бѣлое и сѣрое вещество мозга,
такъ всякій сонникъ, говорю я, есть изысканіе б
довой причинности, только обращенное впередъ,
не назадъ, отъ себя, а не къ себѣ. Причинная свя
вашей московской галлюцинаціи обнаруживается лег
Этотъ врачъ Прядильниковъ былъ совершенно пра
предостерегая васъ отъ визитовъ къ Петрову. Е
бредъ упалъ на подготовленную почву нервна
разстройства, въ васъ назрѣвавшаго, и которому
встрѣчу вы сами шли съ тѣмъ легкимъ кокетство
что свойственно почти всѣмъ неврастеникамъ: по
нѣтъ невроза, почти обидно, зачѣмъ его нѣтъ, — ч
молъ я за грубая натура такая, что лишенъ его интер
ной чуткости? А нажилъ неврозъ — анъ, и не знаеш
куда его дѣть, только дрожишь, какъ бы онъ
перешелъ въ психозъ? Не правда ли?

Дебрянскій согласно склонилъ голову. Гичовск
продолжалъ.

— Вы занимались оккультизмомъ. Скверно за
мались. Любительски, диллетантски, въ полувѣрѣ,
поисками „интереснаго", способнаго жутко пощек
тать нервы и смутить чувства, такого, чтобы пол
чить сильное ощущеніе и морозъ подралъ по кож
Это — опять-таки кокетство съ собственною нер
ною системою. Кто подходитъ къ оккультическо
вѣдѣнію не во всеоружіи „ума холодныхъ наблюд

й", кто не прочь соприкоснуться съ нимъ чув-
вомъ и полувѣрою фантазіи и любопытства, тотъ
икогда не будетъ господиномъ оккультизма, но не-
ремѣнно станетъ его рабомъ или, по крайней мѣрѣ,
ременно обязаннымъ. Ваше мистическое чтеніе, ваши
ансы подготовили, такъ сказать, воздухъ для мате-
ализаціи бреда, который вы усвоили себѣ отъ Пе-
рова, и достаточно было вами получить толчокъ отъ
о безумнаго завѣщанія, чтобы — на почвѣ нервнаго
азстройства и въ воздухѣ поверхностной мистики —
разная галлюцинація вылѣпилась, въ самомъ дѣлѣ,
къ какой-то „пузырь земли" ... Знаете, о „лѣпкомъ
оздухѣ" — это у него, вашего Петрова, вышло
разительно. Это мнѣ напоминаетъ нѣмца, который
асчиталъ, что въ пространство одной кубической
или можетъ войти до ста тысячъ милліоновъ умер-
нихъ душъ.

Дебрянскій остановилъ его.

— Я нисколько не сомнѣваюсь, что вы правы
объясненіи происхожденія моей первой галлюци-
націи. Но не забудьте, что она была не минутная,
длящаяся, и повторилась нѣсколько разъ.

Гичовскій пожалъ плечами.

— Относительно длительности галлюцинацій ни
ни я — не судьи. Знаете, почему безсмысленны
сценѣ и никогда не осмыслятся, какъ бы красиво
ъ ни ставили и хорошо ни играли, явленія Духа
„Гамлетѣ"? Потому что надо пересказать „мгно-
ніе", — даже не столько, сколько надо, чтобы со-
читать до ста, какъ увѣряетъ Марцелло, а именно
ки мгновеніе. Мгновеніе во снѣ можетъ быть
лно дѣйствія на часы и даже на дни, но разска-
вать и показывать дѣйствіе мгновенія въ теченіе
са — скука, неестественность, чепуха страшная

Поэтому-то разсказывать сны справедливо почитает занятіемъ довольно празднымъ, — потерею времен Сонъ очень слабо считается съ идеей пространст и вовсе не считается съ идеей времени, которое о заставляетъ работать въ истинно бѣшеномъ темп съ быстротою молніи. Мори однажды, въ лих радкѣ, какъ вы, видѣлъ во снѣ великую францу скую революцію: терроръ, уличныя убійства, ко вентъ, революціонный трибуналъ, Робеспьера, М рата, Фукье Тенвиля, велъ съ ними дебаты, бы арестованъ, схваченъ, судимъ, приговоренъ къ смерт вотъ его везутъ на колесницѣ, при огромномъ стечен народа, на площадь Революціи, вотъ онъ входи на эшафотъ, палачъ привязываетъ его къ роков доскѣ, раскачиваетъ ее, и топоръ падаетъ. Мо чувствуетъ, что его голова отдѣлилась отъ туловищ просыпается въ страшной тоскѣ и видитъ, что него на шеѣ стрѣлка отъ кровати, которая неож данно оторвалась и упала ему на шейные позвонк совершенно какъ топоръ гильотины. По словам его матери, это случилось въ ту же минуту, ка Мори проснулся, а между тѣмъ это внѣшнее вп чатлѣніе послужило исходною точкою для сложнѣ шаго сновидѣнія, успѣвшаго охватить цѣлую истор ческую эпоху. Такъ точно одинъ больной доктор Реха, принявъ гашишъ, прожилъ въ теченіе одно часа три тысячи лѣтъ. Я наблюдалъ въ Россіи ч тальщиковъ псалтыря надъ покойниками. Эти уст лые люди иногда охватываются быстро преход щимъ сномъ — на точкѣ, на красной строкѣ, на п воротѣ страницы, при чемъ засыпаніе и пробужд ніе такъ быстро слѣдуютъ одно за другимъ, ч слушая ихъ чтеніе, посторонній человѣкъ не зам чаетъ этихъ сонныхъ интерваловъ. Между тѣм

мъ спящій чувствуетъ ихъ отлично, — вдругъ, ни съ
го, ни съ сего, когда вы и не подозрѣвали, обра-
ается къ вамъ съ сконфуженнымъ вопросомъ: я,
жется, вздремнулъ? — и если вы начнете его раз-
рашивать, то окажется, что онъ успѣлъ видѣть
инный и интересный сонъ. Сновидѣніе — это вѣч-
ость въ мгновеніи. То же самое и съ галлюцина-
ями. Вы не убѣдите меня, что видѣли эту Анну
лыми часами. Страшная галлюцинація Лаваллета,
гда мимо него прошла армія мертвецовъ, для него
илась пять часовъ, а для міра, по его же, Лавал-
та, потомъ счету, десять минутъ, въ дѣйствитель-
сти же, ровно столько секундъ, сколько скрипѣли,
пуская мнимыхъ мертвецовъ, разбудившія Лавал-
та крѣпостныя ворота. Это вы переживали мгно-
ніе Анны часами, а самая галлюцинація длилась не
лѣе, чѣмъ ударъ стрѣлки по шеѣ Мори, чѣмъ сон-
ій интервалъ на поворотѣ страницы у читальщика
алтыря. Да, я докажу вамъ это. О первомъ ва-
емъ обморокѣ вы полагаете, что онъ продолжался
сами. О второмъ — вамъ достовѣрно извѣстно,
о вашъ человѣкъ сталъ приводить васъ въ чув-
во немедленно послѣ того, какъ вы упали въ об-
рокъ. Между тѣмъ, ваши впечатлѣнія — видѣніе
переживанія — въ обоихъ обморокахъ совершенно
ждественны, одинаково подробны и, значитъ, оди-
ково длительны. Значитъ, часовъ обморока для
ллюцинаціи вашей совсѣмъ не надо, — она пре-
сходно укладывается въ минуты, а всего вѣро-
нѣе, что минуты сводятся къ секундамъ, и раз-
ица была не въ длительности обмороковъ, а въ
убинѣ ихъ: первый былъ глубже второго, по-
му и показался вамъ дольше. Согласны поми-
ться на этомъ компромиссѣ? Ну, вотъ! — обра-

довался онъ, видя, что лицо больного, какъ будто проясняется.

— Что касается повторности, то, къ сожалѣнію, милый мой Дебрянскій, у галлюцинацій, вслѣдствіе сильнаго впечатлѣнія, которымъ онѣ поражаютъ наши чувства, есть способность развивать въ насъ, чрезъ эмоцію страха, самовнушеніе движеній невольныхъ и противоположныхъ. Вы, конечно, наблюдали, что люди, страдающіе tic douloureux, тѣмъ болѣе кривляются лицомъ, чѣмъ сильнѣе стараются не выказывать своей болѣзни? Достаточно мысли о зѣвотѣ или даже именно о томъ, какъ бы не зѣвнуть, чтобы захотѣлось зѣвать. Истерическія женщины сплошь и рядомъ, въ припадкахъ своихъ, говорятъ и дѣлаютъ именно то, чего не хотятъ говорить и дѣлать. Дама идетъ, со свѣчею, по длинному, темному корридору. Ей приходитъ въ голову: вотъ было бы страшно здѣсь, если бы свѣча погасла, и я осталась въ темнотѣ. И едва та мысль пришла ей въ голову, какъ она задула свѣчу! Вотъ этакое-то противовольное самовнушеніе испуганнаго воображенія и становится въ насъ орудіемъ повторныхъ галлюцинацій. Вальтеръ Скоттъ въ своей „Демонологіи“ разсказываетъ, со словъ знаменитаго доктора Грегори, объ одномъ больномъ, котораго изо дня въ день, аккуратно черезъ часъ послѣ обѣда, посѣщалъ призракъ старой колдуньи въ красномъ платьѣ и колотилъ его палкою такъ, что бѣдняга лишался чувствъ. Грегори предложилъ больному провести это опасное время вмѣстѣ съ нимъ. Они отлично пообѣдали вмѣстѣ, и больной прозѣвалъ точный срокъ своего видѣнія, но, нѣсколько минутъ спустя, спохватился, противовольное внушеніе вошло въ силу, и призракъ оказался тутъ какъ тутъ: съ крикомъ — „вотъ она

ѣдьма!" — больной упалъ въ обморокъ. Это галюцинацiя человѣка, расположеннаго къ апоплексиескому удару, который, въ скорости, его и поразилъ. Ваше привидѣнiе, навѣянное любовнымъ бреомъ Петрова, „Коринѳскою Невѣстою", болтовнею ламiяхъ, было эротическаго характера: подѣломъ амъ, не сидите чуть не до сорока лѣтъ въ старыхъ олостякахъ. Памятуйте, мой другъ, великаго плута Іарацельса, который, иногда, шарлатаня, говорилъ реумные обиняки: „магнитъ здоровыхъ привлеается испорченнымъ магнитомъ или хаосомъ больыхъ; магнетическая сила женщинъ вся въ маткѣ, а ужчинъ въ сѣмени". Половыя аномалiи и галлюинаторное состоянiе — тѣснѣйшiе сосѣди. Вашъ сихiатръ поступилъ очень умно, что отправилъ васъ утешествовать. Исторiя привидѣнiй доказываетъ, то они всего болѣе ненавидятъ разставаться съ ѣстомъ и обстановкою, среди которыхъ однажды оявились. Это такiе лежебоки и увальни, что иногда мъ лѣнь перейти даже въ одномъ домѣ изъ коматы въ комнату. Докторъ Лелю въ Бисетрѣ достигалъ прекращенiя галлюцинацiй у своихъ больыхъ уже только тѣмъ, что переводилъ ихъ изъ дной палаты въ другую, въ общество все новыхъ новыхъ товарищей. Наоборотъ, если галлюцинатъ стается все въ той же обстановкѣ и средѣ, гдѣ налась его галлюцинацiя, гдѣ все наводитъ его на оспоминанiе о ней и на ожиданiе ея, она укрѣпляется, приходитъ и ярче, и чаще, становится, такъ сказать, фамильярнѣе и, наконецъ, можетъ сдѣлаться ля больного болѣе властною и дѣйствительною, ѣмъ явленiя реальной жизни. Тотъ же Вальтеръ коттъ разсказываетъ о больномъ, который все видѣлъ скелетъ въ ногахъ своей постели. Медикъ,

желавшій убѣдить его въ ошибкѣ, сталъ межд больнымъ и тѣмъ мѣстомъ, гдѣ было видѣніе. Боль ной тогда началъ утверждать, что, правда, скелет онъ болѣе не видитъ, но черепъ еще торчитъ из за плеча медика. Бывали примѣры, что люди сжи вались со своими галлюцинаціями именно фамильярнс Знаменитые духовидцы-спиритуалисты XVIII вѣк какъ Николаи либо Сведенборгъ, принимали свои лож ныя представленія совершенно спокойно, какъ го стей изъ другого міра. Конечно, въ спокойстві этомъ играло важную роль ихъ мистическое міросозер цаніе, но если вы видали, какъ пьяница, не забо тясь рѣшительно ни о какомъ міросозерцаніи, го нитъ щелчкомъ черта съ рюмки, то вотъ вамъ при мѣръ, какъ галлюцинація, привычкою, можетъ пе рейти изъ ужаснаго въ обычное и даже комиче ское... Если бы вы остались въ Москвѣ, я нисколько не удивился бы, услыхавъ, что ваша прекрасная по койница принялась посѣщать васъ каждую ночь Но здѣсь, что хотите, надо вамъ о ней совершенн позабыть. И неоткуда ей взяться, и если бы что нибудь даже померещилось, то владѣйте собою чортъ возьми, не забывайте, что предъ вами не су щество, но ваша же ложная идея...

Дебрянскій слушалъ его бодрую рѣчь и вс свѣтлѣлъ лицомъ и глазами.

— И Лалицы не бойтесь. Признаюсь вамъ, се годня утромъ я самъ было струхнулъ за васъ. Н съ тѣхъ поръ, какъ она поклялась мнѣ, что вы н отравлены, я спокоенъ. Отъ маларіи васъ спасет путешествіе, а въ то, чтобы человѣкъ вашего сло женія, образованный, съ воспитанной волею, н устоялъ противъ самовнушенія „дурного глаза“ былъ тяжко боленъ чрезъ воображеніе, въ это я н

ѣрю, хотя вы и плачете, что испорчены. По крайей мѣрѣ, такія болѣзни въ Россіи опредѣляются, акъ — „не къ смерти, но къ славѣ Божіей“. Когда Флоберъ описывалъ отравленіе Эммы Бовари, онъ мѣлъ во рту такой ясный вкусъ мышьяка, онъ самъ ылъ такъ отравленъ, что выдержалъ одно за друимъ два жестокихъ несваренія желудка, со рвотою прочими выразительными симптомами, — однако, ъ концѣ концовъ воображаемый мышьякъ убилъ олько дѣйствующее лицо, но авторъ остался цѣлъ, доровъ и невредимъ... Волѣ враждебнаго вліянія ротивопоставляется воля сознательной самообороны, разсудокъ долженъ поправить здоровье, расшаанное чрезмѣрною чуткостью или самообманомъ нстинкта.

— Ну, а на вопросъ мой о женитьбѣ... вы его амолчали, графъ?

— Съ точки зрѣнія наслѣдственности, я не могу амъ отвѣтить, и не считаю себя въ правѣ быть удьею, потому что родословія вашего не знаю и олѣзни вашей не изучалъ... Думаю, однако, что, сли бы всѣ, кто имѣлъ въ жизни своей несчастье тать жертвою ложныхъ представленій, перестали жеиться и рожать дѣтей, то родъ человѣческій знаительно сократился бы.

— При томъ, — раздумчиво произнесъ больной, — сли бы я сейчасъ отказался отъ Зоицы, то, не гооря уже о мучительности этого переворота для еня, объ оскорбленіи, которое я наношу Зоицѣ и учичу, негодяйка Лала могла бы вообразить, что я струсилъ... Ну, нѣтъ. Этого торжества я ей не оставлю. На зло всѣмъ ея суевѣрнымъ гадостямъ, ы съ Зоицею обвѣнчаемся въ первый же день, огда я буду увѣренъ, что смогу выстоять полчаса

подъ вѣнцомъ и ходить твердыми шагами вокру налоя... И вы будете моимъ шаферомъ.

— И я буду вашимъ шаферомъ.

Въ дверь постучали. Это вернулся Вучичъ - довольный и сіяющій.

— Все устроено! — объявилъ онъ, потирая р ки. — Я нанялъ для Лалы отдѣльную хижинку, н другую сторону нашего залива, и она туда уже п ребралась, со своимъ Цмокомъ. А мы ѣдемъ к намъ, ѣдемъ безъ разговоровъ и немедленно!.. З голубчикъ! Да вы молодцомъ смотрите. Гораз лучше, чѣмъ когда я васъ оставилъ...

Дебрянскаго уложили въ коляску — и увезли. Граф Гичовскій, подъ предлогомъ, что долженъ написать н сколько важныхъ и спѣшныхъ писемъ, остался въ город

— Все это, чѣмъ я утѣшалъ его, весьма пр красно и справедливо, — размышлялъ онъ, бро по Эспланадѣ, — и я очень радъ, что могъ его по бодрить и успокоить. Но, въ успокоеніе самов себѣ, желалъ бы я понять и объяснить: какимъ ж все-таки, образомъ Лала узнала объ этой его галл цинаціи, если онъ никому здѣсь о ней не разсказ валъ раньше меня? Выходитъ вѣдь такъ, будто н кто видитъ сонъ, а третье лицо этотъ сонъ со ст роны наблюдаетъ. Положимъ, что Фламмаріонъ п добныя возможности допускаетъ и факты такіе него приводятся — и о сновидѣніяхъ, и о галлюц націяхъ, но Фламмаріонъ — любовникъ мечты, и к зусамъ его грошъ цѣна. Это — логическая бе смыслица. Чужое ложное представленіе можно усвои себѣ отъ субъекта, подъ его вліяніемъ, и тогда ра дѣлить его съ нимъ, что бываетъ при массовых галлюцинаціяхъ, — но почувствовать ложное пре ставленіе, которое субъектъ скрываетъ, угадать ч

ую галлюцинацію безъ наведенія, — такое чтеніе мыс-
ей было бы, въ самомъ дѣлѣ, сверхъестественнымъ.
жъ я скорѣе допущу, что Лала — черезъ разстоя-
е — слышала тѣ же бреды Дебрянскаго, которыя
ышалъ я, сидя у его постели. Эта женщина сама
иветъ въ хроническомъ бредовомъ состояніи, ко-
рое весьма часто связывается съ обостреніями
уха, почти чудотворными, почти похожими на то,
о разсказываютъ о второмъ зрѣніи. О слухѣ зо-
тушныхъ дѣтей, когда имъ угрожаютъ мозговыя
олѣзни, о слухѣ будущихъ паралитиковъ и нѣкото-
ыхъ сумасшедшихъ, наканунѣ полнаго открытаго
омѣшательства, я читалъ, помнится, у Винслова
щи удивительнѣйшія. Одинъ слышитъ, изъ верх-
го этажа въ нижній, тиканье карманныхъ часовъ.
ругой дословно слышитъ разговоръ шепотомъ, про-
ходящій за нѣсколько комнатъ, въ отдаленной
сти большого дома. Докторъ Рушъ зналъ двухъ
ѣпыхъ братьевъ въ Филадельфіи, которые, пе-
еходя улицу, слышали, что они приближаются
 столбу, вслѣдствіе того, что, въ сосѣдствѣ
олба, для ихъ слуха замѣтно мѣнялся звукъ
ага. Они называли по именамъ ручныхъ голубей,
 которыми играли въ саду, узнавая ихъ по звуку по-
та. Сензитивы Брэда подъ гипнозомъ слышали на 50
даже 90 шаговъ дыханіе человѣческое, движеніе руки
и вѣера... Больной доктора Шейна, будучи под-
рженъ умственному помѣшательству въ результатѣ
равленія, различалъ голоса на разстояніи километра.

X.

Окруженный заботливыми попеченіями Вучичей,
ексѣй Леонидовичъ какъ будто началъ попра-
ться. Моллокъ торжествовалъ:

— Теперь ясное дѣло, что вы маларикъ. Ва
удалили съ почвы, переселили на камень, въ сосѣ
ство моря, — и вы уже почти не лихорадите, с
вершенно не бредите, и галлюцинаціи отъ васъ с
ступились.

Убѣжденный этими благопріятными перемѣнам
Гичовскій радовался про себя, что можетъ оконч
тельно отказаться отъ своихъ подозрѣній на Лал

Выбравъ удобную минуту, онъ откровенно в
сказалъ это Зоицѣ. Болѣзнь Дебрянскаго и п
стоянныя совмѣстныя дежурства у его постели сбл
зили графа съ дѣвушкою. Онъ почелъ и неприли
нымъ, и неудобнымъ, почти нечестнымъ скрыва
отъ Зоицы, что проникъ въ ея секретъ и знаетъ
ея недавней принадлежности къ культу матери Об
Разговоръ вышелъ не изъ пріятныхъ, но послѣ не
какъ-то расчистилась атмосфера: обоимъ стало лег
и смѣлѣе смотрѣть другъ другу въ глаза. А
дѣвушка страшно измѣнилась въ послѣдніе дн
Лицо ея стало нехорошо и дико. То выражен
робкой и нечистой тайны, которое было и раны
ей присуще и такъ портило ея красивыя черт
теперь еще осложнилось застылымъ ужасомъ.

— Вамъ, Зоица, надо взять себя въ руки и см
трѣть веселѣе, — убѣждалъ графъ. — Съ такими ф
тальными глазами нельзя ухаживать за нервны
больнымъ. Въ каждомъ вашемъ взглядѣ даже не и
рекаетъ свой приговоръ, а кричитъ его самая безн
дежная обреченность.

Зоица отвѣчала:

— Мой взглядъ отражаетъ то, что чувствуе
моя душа. Развѣ я не знаю, что все напрасн
Алексѣй не встанетъ.

— Однако, ему лучше.

— Да, можно тянуть время, — сегодня лучше, автра хуже, — но, вѣдь, я знаю: Лала непримиима, силы ея могущественны, мы виноваты предъ ею... Алексѣй умретъ, и я послѣдую за нимъ.

— Я нимало тому не удивлюсь, если вы будете истематически настраивать себя на подобныя мысли. лушайте, Зоица, — стыдно. Образованная вы дѣушка, въ Вѣнѣ учились, Гейне читали, а...

Зоица остановила его:

— Чему все это мѣшаетъ? Вы думаете, въ Вѣнѣ ала не нашла себѣ подругъ? О! И еще такихъ, оторыя вѣрили въ нее гораздо болѣе, чѣмъ я. Я любимица изъ всѣхъ, но далеко не единственная не лучшая ученица. И при чемъ тутъ Гейне? Что ъ въ томъ, что онъ скептикъ? Однако, онъ такъ описалъ „Стихійныхъ Духовъ", что и не разобрать: ѣется онъ или вѣруетъ, — и я читала ихъ Лалѣ лухъ, и Лалѣ нравилось... Вы, можетъ быть, равы, убѣждая меня выбросить бредни Лалы изъ ловы, но я впитывала ихъ восемь лѣтъ, съ мланчества, и умъ совершенно отравленъ ими, отраенъ навсегда. Въ меня вошло суевѣріе, сильнѣйее разсудка. Я не вѣрю больше въ эту Обь, коую исповѣдуетъ Лала, но боюсь ея. Ореолъ, корымъ окружена была въ моихъ глазахъ Лала, посъ, но я была свидѣтельницею грозныхъ чудесъ ея ихической силы, и — когда я думаю, что теперь а сила обращена противъ меня, сознаніе беззащитсти гнетъ меня, какъ былинку.

— Что же именно показывала вамъ Лала? ажите, Зоица, если можно знать.

Зоица задумалась.

— Знаете ли? Это — разно... Иногда, когда вспоминаю, мнѣ кажется, что было страшно много,

а иногда, — вотъ сейчасъ, напримѣръ, — совсѣм пустая память, будто не было ничего... Когда Лала вт нула меня въ свои обряды, мнѣ еще не исполнило двѣнадцати лѣтъ, а ей тогда было уже близко дв дцати, пожалуй, что и всѣ двадцать. Она казала мнѣ самымъ совершеннымъ существомъ на свѣт да и въ самомъ дѣлѣ она была прекрасна: сильна красивая, вдохновенная, съ тысячами таинственны пѣсенъ и дивныхъ разсказовъ на языкѣ, — никто умѣлъ сказать слова нѣжнѣе, никто не могъ прил скать теплѣе. Я была совершенно порабощена вліяніемъ, я слѣдовала за нею, — вотъ, какъ тепе ея Цмокъ, — всюду, куда она приказывала и х тѣла. И повторяю вамъ: я была не одна такая. всегда почему-то ненавидѣли мужчины и замужн дамы, но обожали дѣвицы, и, такъ какъ она всѣм своимъ подругамъ и поклонницамъ предпочита меня, то я была необыкновенно горда тѣмъ и г това, за Лалицу и для Лалицы, — хоть въ огонь воду. Когда я спрашивала ее: — Чѣмъ объясни кто далъ тебѣ это, что ты такая прекрасная, умн и очаровательная? — она отвѣчала: — Всѣмъ, ч во мнѣ есть, я обязана той силѣ, которой служ Ей служили, въ каждомъ поколѣніи Дубовиче бабки и матери наши, и всѣ онѣ были — какъ Если ты хочешь быть, какъ я, — посвяти себя т же силѣ, и ты будешь не только такою, какъ я, въ тысячу разъ прекраснѣе, сильнѣе меня, — я бу предъ тобою какъ навозная муха предъ бѣлой л бедью... И она слегка пріоткрыла предо мною се ретъ Матери-Оби... Сперва я испугалась. Тайна п казалась мнѣ кощунствомъ, а сама Лала переодѣтс стригою. Вы знаете моего отца: онъ, какъ всѣ о разованные южные славяне, на словахъ больш

льнодумецъ, да и, въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ конвъ, вѣротерпимъ и считаетъ религіозныя убѣждея дѣломъ совѣсти каждаго. Но, въ глубинѣ души, ъ — такой же прочный и воинствующій христіанъ, какъ старинные крестовые рыцари. Невѣрый, для него, собака, и самая большая гордость о родословной, что — флагъ Вучичей носилъ естъ къ Триполійскимъ берегамъ, и предки наши бились тамъ съ мусульманами уже въ такія далея времена, когда ни одинъ католическій миссіоръ еще и носа туда не показывалъ. Но Лалица покоила меня, будто необъятное могущество Мари-Оби не можетъ быть оскорблено такою мечью, — что я, наружно, буду исполнять христіаніе обряды. Это даже хорошо и нужно, такъ какъ влекаетъ подозрѣніе и способствуетъ тому, чтобы йна Матери-Оби жила въ обществѣ святою, нерумою, подъ покрываломъ безмолвія жрицъ. Тому, о принялъ крещеніе Великаго Змѣя, — говорила а, — все позволено: весь міръ для него станотся лишь представленіемъ внѣшности, которую ъ мѣняетъ, какъ хочетъ, потому что совсѣмъ не ней существо жизни. Всѣ государства, общеза, идеи, религіи, церкви, находимыя тобою въ ой внѣшности, не болѣе какъ скользящій сонъ, чезающій въ нѣдрахъ Матери-Оби быстрѣе и съ ньшимъ вліяніемъ, чѣмъ песчинка, брошенная въ ганъ. Потому что песчинка падаетъ ко дну и личиваетъ собою твердую землю, въ нѣдрахъ же тери-Оби нѣтъ дна. Она — вѣчный потокъ вества, въ непрерывномъ стремленіи, безъ начала и нца, самъ изъ себя изливающійся, въ самого себя дающій. Ты можешь чтить крестъ или полумѣь, цѣловать туфлю папы или руку цареградскаго па-

тріарха, посѣщать храмы латиновъ или грековъ, м
четь или синагогу, — Мать-Обь такая великая сил
что, въ концѣ концовъ, какъ бы ты ни молилас
ты — сама того не сознавая — все равно, молишь
ей. Этими словами она убѣдила меня. И вотъ, в
одну ночь, въ августовское полнолуніе, свершило
мое посвященіе въ жрицы Оби. Мы жили тогда в
Дубровникѣ. Ночью Лала позвала меня, мы вылѣз
въ окно и убѣжали, садами, въ горы. Тамъ, въ н
глубокомъ ущельи, Лала показала мнѣ холмъ, над
которымъ возвышался шестъ, обвитый сорочкою змѣ
а на шестѣ — бѣлый лошадиный черепъ.

— Это могила моей тетки, Дивы, — сказа
Лала. — Она была послѣднею жрицею Матери Об
Ею была я посвящена въ познаніе истины, какъ т
перь я посвящу тебя. Люди думаютъ, что о
умерла. Это неправда. Мы, вѣрныя Матери-Об
не знаемъ смерти. Духъ Дивы вошелъ въ меня,
теперь, когда я стою предъ Матерью-Обью, я —
Лала, но Дива. Нѣкогда и я отдамъ свое тѣло з
млѣ, но духъ мой войдетъ въ тебя, и тогда, стан
вясь предъ Матерью-Обью, ты тоже почувствуеш
что ты не Зоица, но Лала, и въ Лалѣ — Дива,
въ Дивѣ — всѣ твои бабки и прабабки, святыя дѣ
ственницы Матери-Оби.

Она выбрала большой плоскій камень, очерти
его широкимъ кругомъ, въ который вписала пят
угольникъ, и разожгла на камнѣ костеръ, распростр
нявшій прекрасный запахъ кипарисныхъ дровъ. Пла
взвилось. Лалица время отъ времени то бросала въ не
порошокъ, то лила что-то изъ склянки, — ого
странно мѣнялъ свой цвѣтъ, былъ то голубой,
розовый, то красный, то желтый, и дышалъ то цв
тами, то ладаномъ, то сѣрою. Простирая руки

костру, Лала говорила и пѣла что-то на непонятномъ языкѣ, грубомъ, съ гортанными взвизгиваніями, въ горлѣ у нея что-то щелкало, точно кость о кость или игрушка кри-кри. Отдыхая, въ перерывахъ, она спрашивала меня — дрожащую, изумленную, смятенную:

— Чувствуешь ли вѣяніе? Вихри слышатъ меня, сила слышитъ меня, сила идетъ. Видишь ли дѣву, качаемую на языкахъ вѣщаго пламени. То тѣнь Дивы — дрожитъ въ огнѣ, привѣтствуя тебя, — видишь: она зоветъ, она благословляетъ... Поклонись ей! Скажи ей:

— Радуйся избранная изъ всѣхъ женщинъ земли, дѣвственная мать моя!

Я не видала никакой Дивы, не чувствовала никакого вѣянія, но ущелье было такъ таинственно, ночь такъ мрачна и холодна, сѣдые туманы надвигались такими угрюмыми клубами, пламя мигало по скаламъ такими причудливыми пятнами, что — мало-по-малу — настроеніе Лалы покорило меня себѣ и совершенно захватило. Мнѣ стали чудиться дальніе голоса, за чертою круга скользили смутныя видѣнія, въ холодѣ вѣтра какъ будто рѣяло и дышало что-то живое. Я взглянула на Лалу: мнѣ показалось, что она уже не Лала, у нея другое лицо, много старше, прекрасное, мудрое и жестокое, — я взглянула на могилу Дивы: мнѣ показалось, что лошадиный черепъ скалитъ зубы и двигаетъ челюстями, а змѣиная кожа налилась тѣломъ, лоснится, вьется, отростила голову и свѣтитъ изумрудными глазами. Лала выла, кричала совой, каркала вороною, мяукала кошкою, лаяла собакою, — ужасъ объялъ меня, — ночь ожила, — толпы дикихъ фигуръ, кривоносыхъ уродовъ закруились предъ глазами моими, куда бы я ни

отвернулась — на востокъ, на сѣверъ, на западъ, н
югъ, — всюду вставали черные великаны, порываю
щіеся войти въ кругъ... Я закричала не своимъ го
лосомъ и потеряла чувства... Очнулась я уже в
своей постели. Сильная Лала на рукахъ принесл
меня домой... Вотъ, собственно говоря, и всѣ чу
деса, которыя я видѣла. И — что тутъ было, чег
не было — мнѣ ли, двѣнадцатилѣтнему ребенку
было разбирать?

Всѣ дѣти любятъ тайну. Всѣ дѣти любятъ игру
Фантастическіе разсказы Лалы, ея галлюцинаціи, е
талантъ къ поэтической импровизаціи переплелись с
моими собственными мечтами, — я чувствовала себ
гордо, что я не какъ всѣ смертные, но совсѣмъ осо
бенная дѣвочка, знакомая съ существами нездѣш
няго міра. Было занимательно, жутко и весело уча
ствовать въ обрядахъ Матери-Оби, творя ихъ, как
таинственную игру, извѣстную только намъ съ Ла
лою, — было увлекательно воспринимать ученіе
легенды Матери-Оби, слушая ихъ, какъ таинственну
сказку, которой Лала никому, кромѣ меня, не мо
жетъ разсказать. Когда игра утомила меня и стал
мнѣ надоѣдать, Лала снова подогрѣла меня откро
веніемъ обо мнѣ, будто бы ей бывшимъ, что я —
избранница Великаго Змѣя, будущая возрожденна
Ева и мать таинственнаго новаго бога изъ бездны
который возвратитъ блаженство землѣ и спасетъ все
ленную. Мнѣ въ это время шелъ пятнадцатый годъ
я чувствовала себя взрослою, за мною уже начинал
ухаживать, и я сама не безъ удовольствія мечтал
что, вотъ, еще года два, три, и я буду замужемъ
хозяйка дома, самостоятельная дама. Лала, поймав
мечты мои, пришла въ бѣшенство и, въ очень го
рячей сценѣ, напомнила мнѣ, что я дала обѣт

статься дѣвицею до самой смерти и никогда не ду-
ть о супружествѣ. Я ей отвѣчала со смѣхомъ,
о — мало ли какія важныя обязанности призы-
ютъ на себя, въ играхъ своихъ, дѣти; это была
ра! Она страшно поблѣднѣла.

— Какъ игра?

И вотъ тутъ-то она и пустила въ ходъ свое
кровеніе... Ну, и вы же знаете ея способ-
сть къ импровизаціи и поэтическому захвату...
ризнаюсь, потрясла она меня страшно, — и опять
редъ глазами моими какъ бы открылся новый ка-
й-то, глубокій, бездонный міръ.

Я спросила ее:

— Чѣмъ можешь ты увѣрить меня, что ты не
шибаешься, что Мать-Обь, дѣйствительно, удо-
оила тебя откровенія, и я — истинная избранница
еликаго Змѣя, возрожденная Ева, надежда людей?

Она рѣшительно отвѣчала:

— Проси у меня знаменія, какого хочешь!

Я не знала, что спросить.

Тогда она сама предложила:

— Выбери любого изъ мертвыхъ, кого ты хо-
ла бы видѣть живымъ, — въ знаменіе моей правды
твоей будущей великой власти, онъ сейчасъ явится
пройдетъ предъ тобою.

Мнѣ было любопытно. Я согласилась. Тогда
лица устремила мнѣ въ глаза свой блестящій взглядъ,
мнѣ, какъ тогда въ ущельи, лицо ея показалось
жимъ и старымъ.

— Зови же, кого ты избираешь! — сказала она, и
лосъ ея — хриплый и далекій — былъ не ея голосъ.

Въ трепетѣ я не могла остановить мысли своей
на одномъ изъ близкихъ мертвецовъ. Между
мъ блестящіе глаза Лалы какъ будто все расши-

рялись, сдѣлались, какъ звѣзды, какъ солнца, — вмѣстѣ съ тѣмъ, сама Лала будто ушла отъ ме вдаль, — и голосъ ея, который я услышала, прозв чалъ будто изъ-за многихъ стѣнъ, изъ глухо погреба:

— Зови же...

Тою зимою мы только что перебрались на п стоянное жительство въ Тріестъ и нѣсколько ра посѣщали сосѣдній замокъ Мирамаре, сказочный дв рецъ императора Максимиліана, разстрѣляннаго Мексикѣ... Его имя всплыло въ моей памяти, и прошептала:

— Максимиліанъ Габсбургскій, императоръ Мекс канскій...

Лицо Лалы подалось ко мнѣ, и голосъ ста ближе.

— Еще!

— Максимиліанъ Габсбургскій, императоръ Мекс канскій...

Еще ближе лицо Лалы, и въ глазахъ уже чел вѣческій свѣтъ.

— Еще!

— Максимиліанъ Габсбургскій, императоръ Мекс канскій...

Лала была теперь совсѣмъ со мною и такая ж какъ всегда, только утомленная до того, что на н было страшно смотрѣть. Я тоже чувствовала се совершенно разбитою.

— Теперь ты повѣришь, — сказала она свист щимъ голосомъ, обливаясь потомъ по лицу. О уже здѣсь.

Я оглядѣлась и пожала плечами.

— Комната пуста, — возразила я, — ты ош баешься: я не вижу никакого Максимиліана...

— А это — кто? — вдругъ спросила она спокойно,
хо, почти шепотомъ, но опять съ тѣмъ страшнымъ,
человѣческимъ звѣзднымъ взоромъ, показывая ру-
ю на двери черезъ террасу, въ цвѣт-
къ... Я взглянула, буквально чувствуя, что она
детъ пальцемъ своимъ глаза мои, будто привязан-
ие на веревкѣ.

Въ аллеѣ сада, между двухъ деревьевъ, стоялъ,
къ въ рамѣ, высокій австрійскій офицеръ, въ бѣ-
мъ мундирѣ, съ большимъ блестящимъ палашемъ...
ердце мое закружилось и упало... въ ушахъ загу-
ло... Я узнала пристальный утомленный взглядъ,
жую бороду, носъ и сутуловатую фигуру Габс-
рга. Императоръ Максимиліанъ былъ предо мною
кой, какъ я только что видѣла его на портретѣ въ фа-
льной галлереѣ въ Мирамаре... И, въ тотъ же мигъ,
касный крикъ человѣка, котораго душатъ, погасилъ
дѣніе, и точно туманъ сплылъ съ меня, а на полу
едо мною безчувственная Лала билась и исходила
ною изо рта, въ жестокомъ припадкѣ падучей.

Зоица умолкла, взволнованная, и бросала на Ги-
вскаго испытующіе взгляды исподлобья. Онъ молчалъ.

— Что скажете вы, графъ, объ этомъ случаѣ?
янусь вамъ: я не преувеличила ни одного штриха,
прикрасила ни одной тѣни... Все было такъ,
чно такъ... Я видѣла императора Максимиліана
къ же ясно, какъ теперь васъ вижу.

— Охотно вѣрю, — произнесъ графъ.

— Значитъ...

Но Гичовскій не далъ ей продолжать.

— Васъ не удивляетъ, однако, что императоръ
ксимиліанъ успѣлъ на томъ свѣтѣ переодѣться и
іобрѣсти скромность, которой ему нѣсколько не-
ставало на этомъ?

— То есть?

— То, что онъ разстрѣлянъ и похороненъ бы въ черномъ гражданскомъ сюртукѣ, а къ вамъ явил въ австрійскомъ бѣломъ мундирѣ, какъ вы видѣ его на портретѣ въ Мирамаре? То, что вы зва мексиканскаго императора, а къ вамъ, собственно г воря, явился лишь австрійскій эрцгерцогъ и генерал какимъ вы видѣли Максимиліана на портретѣ въ М рамаре?

— Что же изъ этого слѣдуетъ?.. Если ду могутъ являться вообще, то, мнѣ кажется, они д статочно сильны, чтобы избрать тотъ видъ, котор имъ угоденъ.

Гичовскій покачалъ головою.

— Не знаю, какъ духи, но картины, дѣйств тельно, имѣютъ способность оставаться въ зрител ной памяти такими, какъ вы ихъ видѣли, и ес Максимиліанъ явился вамъ такимъ, какъ вы его в дѣли, то видѣли вы, конечно, не тѣнь Максимиліа а тѣнь его портрета, который произвелъ на ва впечатлѣніе въ Мирамаре — и даже въ тѣхъ цвѣтахъ. Могли бы увидать и, наоборотъ, въ допо нительныхъ. Это, милая Зоица, пустяки, и рѣш тельно ничего сверхъестественнаго въ себѣ не закл чаетъ. Одинъ изъ друзей Дарвина, — изъ име этого можете заключить, что не святоша какой-н будь, — однажды очень внимательно разсматрива маленькую гравюру Святой Дѣвы и Младенца Іису Поднявъ голову, онъ, къ удивленію своему, зам тилъ въ глубинѣ комнаты фигуру женщины въ туральную величину съ ребенкомъ на рукахъ только вглядѣвшись, понялъ источникъ иллюзіи: ф гура точно соотвѣтствовала той, которую онъ видѣ на гравюрѣ. Тутъ если что и замѣчательно,

лько нервная сила Лалы, оказавшаяся достаточною,
обы заставить вашу зрительную память выдѣлить
ъ себя портретъ Максимиліана и фиксировать въ
дѣніи, хотя, повидимому, бѣдной Лалѣ это напря-
ніе обошлось весьма не дешево. Видите ли, съ
ептами Великой Оби я встрѣчался въ своихъ ски-
іяхъ не мало. И на Конго, и въ Ямайкѣ, и у
гары, и у чукчей, и даже въ таборахъ европей-
ихъ кочевыхъ цыганъ. Это — въ дикомъ ея со-
яніи — воистину „черная вѣра", какъ зовутъ
сибиряки: шаманство, колдовская религія, сплетен-
изъ экстатическихъ самообмановъ, поддержива-
ыхъ и какъ бы оправдываемыхъ истерическими эпи-
іями, необычайно частыми и сильными среди пле-
ъ, у которыхъ она въ силѣ. Чисто спиритиче-
ихъ явленій, хотя они ими очень хвастаютъ, я у
истовъ не видалъ вовсе; матеріализація, напримѣръ,
мнѣ рѣшительно не удавалась, а вертѣть бубенъ
заставлять столъ прыгать — и европейскіе меді-
ы не малые мастера; магнетическіе опыты были не
ьнѣе, чѣмъ среди обыкновенныхъ смертныхъ,
ктикующихъ фокусы чтенія мыслей, разыскиванія
рятанныхъ вещей, передачи воли на разстояніе. Зато
собность къ гипнозу, въ широтахъ полярныхъ
кваторіальныхъ, гораздо сильнѣе, чѣмъ въ поясѣ
ренномъ, сензитивы встрѣчаются чаще, — и вотъ
нотическими-то внушеніями особенно щеголя-
ъ служители Оби, выдавая ихъ за медіумическія.
и усыпляли предо мною своихъ паціентовъ съ не-
оятною быстротою и передавали имъ свою волю
неодолимою силою и настойчивостью. Но я за-
алъ, что обисты-гипнотизеры работаютъ такъ
ѣшно только надъ своими собратіями, суевѣрны-
невѣжественными неграми, которые и на сеансъ-то

приходятъ полуживые отъ страха предъ жрецо
и живущимъ въ немъ божествомъ мертвыхъ —
ликою Обью. Противъ европейцевъ, — въ то
числѣ и противъ меня самого, — колдуны Оби о
зывались безсильными, потому что встрѣчали отпо
своему вліянію въ твердомъ и сознательномъ на
реніи ему не поддаваться и внимательно наблюда
за обрядами шаманской мороки. Знаете ли, в
если человѣкъ съ крѣпкою волею хорошенько упре
на своемъ, такъ его не такъ-то легко обратить
куклу. Буиссонъ изслѣдовалъ молодого солдата, п
творявшагося больнымъ, чтобы увернуться отъ во
ной службы. Чтобы обнаружить симуляцію, его х
роформировали но, и подъ хлороформомъ онъ
столько владѣлъ собою, что ничего не высказа
способнаго его компрометтировать. Если бы чу
Лалы застало васъ не въ новомъ скептическомъ
строеніи противодѣйствія, а наоборотъ, въ прежн
готовности ей помочь, то, повѣрьте, ей не пришл
бы напрягаться до такого страшнаго потрясенія. Г
было достаточно наклонить голову, чтобы вызв
видѣніе идеальнаго цвѣтка или спектра. Многіе у
ютъ вызывать свой двойникъ. Бріеръ де Буамо
сообщаетъ о живописцѣ, который, окончивъ сеа
съ натуры, продолжалъ видѣть призракъ модели
такою ясностью, что часто принималъ воображаем
фигуру за дѣйствительную. Шахматные игро
a l'aveugle такимъ образомъ видятъ предъ собою
видимую доску, противъ которой ведутъ партію. С
вомъ, примѣровъ я вамъ приведу, сколько угод
Вообще, что касается сверхъестественныхъ спосо
ностей Лалицы, онѣ не возбуждаютъ во мнѣ ни
кого чувства, кромѣ глубочайшей къ ней жалос
какъ къ трудной и опасной истеричкѣ. А чт

къ опасался мести средствами естественными, скры-ми non in verbis sed in herbis et lapidibus, то объ-ню вамъ, почему. Обизмъ — культъ мрачный, же-окій. Его божество — совокупность мертвецовъ, ирный океанъ, Великая Обь. Его символъ — Ве-кій Змѣй, низверженный черный богъ, Сатана, Дья-лъ, Царь мертвыхъ. Жизнь человѣческая для обиста ачитъ немного, потому что обистъ, считая себя ехсоставнымъ, — тѣло, духъ и то, что въ новѣй-змъ оккультизмѣ называется астральнымъ тѣломъ, кой-то звѣздный, что ли, близнецъ души, — руетъ въ свое и всеобщее, если не совсѣмъ фи-ческое, то полуфизическое, безсмертіе. Такимъ разомъ, убійство для обиста является лишь насиль-зеннымъ перемѣщеніемъ человѣка какъ бы съ одной артиры, осязаемой, въ другую, неосязаемую, но лную жизни столько же, какъ и первая. Обисты маютъ, что мертвый ѣстъ, пьетъ, даже женится и ждаетъ дѣтей, охотится, какъ живой, и можетъ ебывать въ обществѣ живыхъ, сколько ему угодно, іяясь имъ по первому ихъ властному и умѣлому зу. Мертвый можетъ поселиться въ домѣ, въ тѣлѣ машняго животнаго, перейти изъ своего тѣла въ ло живого человѣка и распоряжаться имъ, какъ имъ собственнымъ. Смерти нѣтъ, а слѣдовательно, тъ и преступленія въ причиненіи смерти. Поэтому йство и самоубійство — самыя обычныя явленія средѣ обистовъ. Въ особенности — именно по-дствомъ отравленія. Они обладаютъ множествомъ въ, тонкихъ, вѣрныхъ, еще не изученныхъ, а потому знающихъ противоядія. Обистка Лала могла отравить брянскаго, безъ всякаго угрызенія совѣсти, даже гордымъ сознаніемъ выполненнаго долга, и при ъ ядомъ, противъ котораго въ нашихъ аптекахъ

нѣтъ лѣкарствъ, какъ не было ихъ противъ aq
tofana, которая, должно быть, тоже была экзоти
скаго происхожденія: не изъ Америки, такъ изъ И
діи, не изъ Индіи, такъ изъ Египта. Теперь, ког
нашъ больной сталъ поправляться, я искренно до
ленъ, что ошибся въ своихъ предположеніяхъ.
даже думаю посѣтить Лалу, извиниться предъ н
за недавній непріятный разговоръ.

Зоица молчала.

— Исторія вашего романа не кончена, —
помнилъ ей графъ.

— Что же? — очнулась она. — Да... Вы хоро
понимаете, какъ должно было подѣйствовать на ме
видѣніе Максимиліана. А Лала воспользовалась в
чатлѣніемъ и, подогрѣвая его, довела меня самое
такой экзальтаціи, что я стала грезить наяву,
ображая великія перспективы, которыя она мнѣ
лила... Года полтора потомъ, лѣтъ до шестнадца
я была самою надменною и властною дѣвченко
какую только можно себѣ вообразить, — и если
кто могъ угадать причину! Отецъ отправилъ ме
учиться въ Вѣну. Лала сопровождала меня и зор
слѣдила за тѣмъ, чтобы я не выбилась изъ-подъ
власти, не впала бы въ ересь и бунтъ противъ В
ликой Оби. Но она не могла помѣшать мнѣ читать
думать и — мало-по-малу — я, еще не теряя вѣ
въ культъ, стала приходить въ сомнѣнія предъ ним
ужасъ... При томъ... Вы — мужчина и многаго не м
жете понять даже догадкою... Когда знакомство
культурною жизнью подняло во мнѣ чувство стыда
стала краснѣть за многія стороны нашего куль
обрядности, символы, слова... Поняла, что имѣ
ихъ не только въ дѣйствіи или рѣчи, но даже
головѣ, значитъ, въ условіяхъ цивилизованной жиз

ть испорченною, грязною дѣвченкою... Лала вствовала, что я опять заколебалась, и всячески аралась закрѣпить мои цѣпи, чтобы не было порота. Послѣдняя наша ссора вышла изъ-за того, о я наотрѣзъ отказалась принять на свое тѣло свяенную татуировку. Всякая татуировка дѣлаетъ ло стыднымъ въ странахъ и народахъ, носящихъ атье. Но если бы вы знали рисунки, которые мнѣ едстояли, то вы пришли бы въ ужасъ. Даже накнуть на ихъ содержаніе предъ мужчиною у меня поворотится языкъ.

— Вполнѣ васъ понимаю, — протяжно сказалъ фъ. — Если тѣ же штучки, что я видалъ на жриъ Шаби, то украшенія — средняго достоинства омнительной добродѣтели.

— Вотъ, видите, — говорила, пылающая лиъ, Зоица. — Я оттягивала эту операцію, какъ мо, а она нарочно спѣшила, потому что хорошо читала, что, принявъ татуировку, я тѣмъ самымъ рѣплю свой обѣтъ остаться въ дѣвицахъ, такъ ь стыдъ за свое позорно разрисованное тѣло нида не позволитъ мнѣ выйти замужъ... Всего за яцъ до знакомства съ Дебрянскимъ, между мною Іалою вышла страшная ссора изъ-за этого... Я выпросила отсрочку на три года, до моего гражданo совершеннолѣтія. Но она продолжаетъ дуться и ать сцены... Слишкомъ много сценъ! Утомила меня ими! Пророчитъ, что я должна быть госею міра, а обратила меня въ какую-то рабу. ъ больше я отдаляюсь отъ Лалы и ея культа, Лала дѣлается ревнивѣе, подозрительнѣе и овательнѣе. Она отчуждаетъ меня даже отъ , оттолкнула отъ меня тетокъ, лишила меня угъ, становится между мною и каждымъ новымъ

явленіемъ въ нашей жизни, она окружила меня
бою со всѣхъ сторонъ; сдѣлалось такъ, что у м
не осталось ни мыслей, ни поступковъ, ни желан
неизвѣстныхъ Лалѣ и ей не подчиненныхъ. П
встрѣчныя желанія и стремленія мои шли не сли
комъ въ разрѣзъ съ волею Лалы, это нравствен
рабство было иногда непріятно, но все же терпи
Но пришла любовь и взбунтовала меня.

Зоица умолкла въ волненіи.

— Вы не видитесь больше!— спросилъ Гичовск

— Нѣтъ. Она, съ тѣхъ поръ, какъ выселила
не показывается на виллѣ. Отецъ былъ въ ея
жинѣ, но не засталъ ея. Слуги, которые возятъ
обѣдъ, рѣдко ее видятъ и на самое короткое вре
выглянетъ изъ-за дверей цыновки, приметъ судок
скроется: а то и вовсе не выглянетъ, — только
сунетъ руку.

— Сами къ ней вы не собираетесь?

— Нѣтъ... Еще, если бы знать, какъ она м
приметъ... Зачѣмъ? Не надо... Наша дружба умер

— Вамъ тяжело это?

Зоица замялась.

— Не знаю, какъ вамъ сказать... Конечно
очень ее люблю... дѣтская привычка... Но,
другой стороны, она стала такая страшная и
стокая... Въ послѣднее время она внушала
ужасъ.

Гичовскій возразилъ:

— А я такъ часто наблюдаю за нею въ
нокль, черезъ заливъ, какъ она, въ своемъ красн
платкѣ, бродитъ подъ жаркимъ солнцемъ по ра
леннымъ горамъ и, карабкаясь все выше и вы
наконецъ исчезаетъ за желтымъ лысымъ гребнем
Да и теперь вонъ — смотрите — красный плат

чается въ челнокѣ — едва замѣтною точкою, на лекихъ волнахъ...

— Горы и море — это двѣ ея страсти, — тихо азала Зоица.

Солнце кровавило заливъ трепетно-умирающими чами. Потянуло прохладою съ моря, и воздушнымъ ченіемъ донесло до террасы пѣніе Лалы, протяжое, заунывное...

— Что это она затянула? — спросилъ вполгоса графъ.

Зоица и блѣднѣла, и краснѣла.

— Это ея обрядовая пѣснь, — молвила она, рвно вздрагивая плечами.

— Извѣстно вамъ ея значеніе?

— Да.

— Можно узнать?

Зоица колебалась, потомъ кивнула головой.

— Все равно теперь! Можно. Она зоветъ къ бѣ силы, которымъ повинуется ея душа, чтобы онѣ могли ей побѣдить усилившихся враговъ...

Оба замолкли. Солнце окунулось въ воду...

— Какой удушливый вечеръ! — тихо замѣтила ица, — дышать нечѣмъ.

— Сирокко въ воздухѣ, — подтвердилъ графъ. — годня удушье, завтра — задуетъ этотъ бичъ Бо. Да еще эта тоскливая пѣсня уныніе наводитъ душу. Такъ что и удушье-то — словно отъ пѣсни.

— Отъ пѣсни! — задумчиво повторила Зоица, ремляя взоръ на горы: оранжевый свѣтъ уже бося на нихъ съ лиловыми тѣнями...

— Слышали вы это вытье когда-нибудь раньше? — осилъ Гичовскій.

— Да... при невеселыхъ обстоятельствахъ... да Лалу оскорбилъ Деліановичъ.

— И она проткнула ему бокъ своей прокля
шпилькой?

— Вотъ. Тогда она все пѣла совершенно т
же, какъ сейчасъ.

— Что это за шпилька у нея?

— Она переходитъ изъ поколѣнія въ покол
въ родѣ Дубовичей: восточная вещица.

— Вы не думаете, что она, можетъ быть, о
влена? На Востокѣ — особенно въ старину —
заурядъ...

— Нѣтъ ничего невѣроятнаго...

Стало тихо и туманно, и замолчала задумавш
даль. Ночь ждала мѣсяца. А Лала все пѣла.

XI.

Больной проснулся и позвалъ къ себѣ Зо
Освѣдомившись, что онъ чувствуетъ себя не ху
Гичовскій простился съ нимъ и Вучичами, выш
изъ виллы и нанялъ лодочника переправить его
резъ заливъ. Онъ приказалъ лодочнику причал
много выше хижины Лалицы, въ тѣни старыхъ
тановъ, и здѣсь ждать его возвращенія.

— Buona fortuna, signore! — сказалъ лодочн
весело оскаливъ зубы, — онъ вообразилъ, что гр
идетъ на любовное свиданіе. А ночь падала — к
разъ подходящая... румяныя тѣни поблекли,
задумалось, точно дѣвушка съ голубыми глаз
небо медленно темнѣло и углублялось по мѣрѣ т
какъ загорались въ его вышинѣ золотыя звѣзды

— Вотъ скоро выглянетъ мѣсяцъ, и все стан
серебрянымъ, — подумалъ графъ, оглядываясь.
памяти его зазвучали старые стихи Щербины о
ческой ночи — какъ „дикой воли полна, захо
волна, жемчугомъ убирая заливъ“... А она въ

омъ дѣлѣ заходила — еще не высоко и слабо, но
е нарастая.

Хижина Лалицы висѣла на подмытомъ берегу,
дъ самымъ моремъ. Волна мѣрно шлепала подъ
ю, точно валькомъ по бѣлью, и, шурша, убѣгала на-
дъ, сопровождаемая скрежетомъ увлеченныхъ въ
оре камешковъ намыва...

Въ хижинѣ было темно. Графъ постучалъ: Лала
отозвалась. Онъ толкнулъ дверь, вошелъ, — нѣтъ
кого.

— Куда бы она могла дѣваться?

Гичовскій хотѣлъ было возвратиться къ своей
дкѣ, но потомъ подумалъ, что не цѣлую же ночь
детъ скитаться Лала, и рѣшилъ подождать ее.
лнокъ Лалы лежалъ, опрокинутый, на берегу. Зна-
тъ, Лала въ горахъ, а не въ морѣ. Графъ сѣлъ
камень у порога хижины и слушалъ море. Когда
гала луна, она освѣтила ему узкую лощинку, убѣ-
вшую въ горы. По стѣнѣ лощинки вилась серебря-
ю ниткою тропа. Такъ какъ тропа была одна, ве-
щая къ хижинкѣ, то Гичовскій сообразилъ, что
аче, какъ ею, Лалѣ придти неоткуда, и если онъ
ъ пойдетъ по ней, то непремѣнно Лалу встрѣ-
ъ: разминуться негдѣ. Онъ всталъ и пошелъ. Но
опа, удобная въ началѣ, вскорѣ запрыгала по го-
оломнымъ крутизнамъ. Гичовскому пришлось пе-
раться, зашибая ноги о валуны, черезъ русла нѣ-
лькихъ высохшихъ ручьевъ, продираться сквозь
ескъ и шиповникъ, не разъ обрываясь ногою со
ьзкой тропы. Такъ, уже порядкомъ утомленный,
рался онъ до гребня, гдѣ тропа круто переламы-
сь внизъ. Теперь Гичовскій стоялъ на вершинѣ
ысокаго, но крутого мыска, свиною мордою врѣзав-
ося въ море, которое, шумя все больше и больше

15*

подъ наплывомъ первыхъ дуновеній сирокко, н
тало на гору, какъ на волнорѣзъ, высокою сѣдою
ною. Глубоко внизу, у самаго прибоя, Гичовскій
мѣтилъ яркую огненную точку... въ то же в
слуха его коснулось отдаленное пѣніе: очеви
Лала была тамъ, у костра... Гичовскій сталъ о
рожно спускаться, трепеща, чтобы дѣвушка не
мѣтила его приближенія, такъ какъ въ умѣ
сверкнула надежда увидать какой-нибудь таинст
ный и, быть можетъ, еще не знакомый ему обр
Когда огненная точка выросла въ пылающій кос
и стало возможно различить съ горы черную,
ждающую около него тѣнь, графъ свернулъ въ
стую чащу кустарниковъ, прилѣпившихся къ пос
нему скату тропы, и поползъ сквозь нихъ безшу
какъ ящерица, пока не очутился на краю обр
повисшаго прямо надъ костромъ. Когда графъ о
рожно выставилъ голову изъ стѣнки кустарник
онъ увидѣлъ Лалу, какъ зритель райка видитъ
трису на сценѣ: саженяхъ въ десяти ниже себя
отвѣсу и саженяхъ въ пяти отъ себя хордою
воздуху. И то, какъ онъ ее увидѣлъ, онѣмило
изумленіемъ.

Костеръ Лалы былъ разведенъ на широк
плоскомъ камнѣ, возвышенномъ надъ бѣлымъ
боемъ, который клокоталъ, мѣняя свой цвѣтъ, с
вѣтственно цвѣту пламени, высоко извивавша
острымъ и гибкимъ языкомъ. Лала стояла на
регу — совершенно нагая, если не считать ожер
браслетовъ, талисмановъ, обильно навѣшанных
тучную грудь, — графъ узналъ въ нихъ гри-г
ю-ю Антильскихъ негровъ, — и Цмока, переви
гося съ плеча на плечо, вокругъ ея шеи, свобод
пестрымъ кольцомъ, съ блестящею головкою,

ньшками костра, будто золотымъ топазомъ въ оомномъ перстнѣ.

Графу показалось было, что вокругъ бедеръ ицы обвилась другая змѣя — темнѣе, больше и ище Цмока. Но доставъ свой неразлучный маънькій бинокль и вглядѣвшись, графъ замѣтилъ, что змѣя не отражаетъ свѣта и недвижна на тѣлѣ лы, между тѣмъ какъ Цмокъ волнуется, надуется, устремляетъ голову въ воздухъ, шевелитъ и ожитъ вилкообразнымъ жаломъ. Онъ понялъ, что — священная татуировка Лалы. Рисунокъ змѣи, колотый на кожѣ ея, начинался съ тонкаго хвоста кду лопатками, дважды обвивалъ тѣло и опускался овою съ длиннымъ жаломъ къ низу живота. Разтривая татуировку, Гичовскій скоро замѣтилъ и угія символическія изображенія, виданныя имъ у истовъ Конго и Гаити. Особенно ярко бросались глаза треугольникъ подъ правою грудью и кругъ цъ лѣвою, а между грудями тотъ же треуголькъ былъ вписанъ въ такой же кругъ, таинственмъ знакомъ соединенія двухъ творческихъ началъ овѣческаго рода... Гичовскій вспомнилъ разсказъ ицы о ссорахъ ея съ Лалицею изъ-за отказовъ татуировки и невольно улыбнулся:

— Въ самомъ дѣлѣ, воображаю изумленіе суга, получившаго въ брачную ночь молодую съ ою зоологіей и геометріей на тѣлѣ!

Лала, свершая обрядъ свой, все время ходила круговой линіи — между костромъ и мѣсяцемъ, ерегаясь стать спиною къ которому-либо изъ нихъ потому держась и двигаясь, какъ скачетъ сова, — бокомъ; поэтому половина ея тѣла казаь, купаясь въ лунныхъ лучахъ, зеленоватобѣлою, ругая, подъ колеблющимся свѣтомъ пламени, дро-

жала мѣднокрасными, коричневыми тѣнями, будт
тѣло индіанки. Въ этомъ причудливомъ мерцані
Лала стала какъ будто и выше ростомъ, и еще ма
сивнѣе, чѣмъ обыкновенно. Она съ силою прост
рала мускулистыя руки то къ мѣсяцу, то къ огню,
волосы ея черною гривою трепались, въ двѣ косм
по спинѣ ниже поясницы и, черезъ лѣвое плечо,
живота. Что она пѣла, Гичовскій понять не мог
слова долетали обрывками слоговъ и языкъ ем
былъ неизвѣстенъ. Но выраженіе звуковъ бы
сурово и грозно... Сурово и грозно было и лиц
жрицы.

Придавленный тяжелымъ вѣяніемъ наплывавша
сирокко, дымъ отъ костра стлался по вѣтру тума
ною пеленою, затягивая чернымъ флеромъ простра
ство между глазами Гичовскаго и моремъ, котор
мало-по-малу закипало, между серебра, чернью, об
щавшею волненіе. Дымъ былъ пахучъ и ѣдок
Графъ долженъ былъ часто протирать глаза, чтоб
не слезились, и съ трудомъ удерживался, какъ б
не чихнуть. Впрочемъ, если бы и случился так
грѣхъ, врядъ ли бы Лала услыхала. Она предст
влялась Гичовскому въ состояніи экстаза, близка
къ каталепсіи.

Гимнъ ея становился, чѣмъ больше она пѣла, в
болѣе хриплымъ, обрывистымъ и безсмысленным
Руки напрягались все съ большею энергіей, точн
хотѣли сокрушить свои собственныя мышцы, раз
рвать свои собственныя жилы, — уже инстинктивн
а не произвольно. Было что-то во всей ея фигур
точно отрывавшее ее отъ земли. Глядя на Лал
Гичовскій понялъ, что значитъ, въ полной си
своего смысла, выраженіе „выйти изъ себя". Тѣ
Лалы было здѣсь, предъ глазами графа, но энерг

ьла напрягалась, чтобы вырваться изъ физическихъ ковъ и улетѣть куда-то въ невѣдомую даль... Горое эхо глухо повторяло вопли Лалы; чудилось, дто кто-то перекликается съ нею загадочнымъ и кимъ разговоромъ, сквозь дважды шумящiй прибой.

Огонь краснѣлъ, а дымная пелена становилась е гуще. Казалось, она создаетъ надъ моремъ тучу — отвѣтъ небу, которое, между тѣмъ, сѣдѣло отъ лаковъ, нагоняемыхъ сирокко, — чтобы, вмѣстѣ ними, нагнать и погасить ныряющiй мѣсяцъ. ругъ Лала упала навзничь — такъ неожиданно и стро, съ такимъ острымъ и мучительнымъ крикомъ, о Гичовскiй невольно вскочилъ на ноги, готовый — забывъ про обрывъ — броситься ей на помощь. ла лежала, широко разбросавъ крестомъ руки и ги; она не была въ обморокѣ, какъ предположилъ ло Гичовскiй: изъ губъ ея вырывались свистящiе оны, въ перемѣшку съ глухимъ бормотанiемъ, герическимъ смѣхомъ и взвизгиванiемъ. Грудь и вотъ поднимало тяжелымъ дыханiемъ — словно лошади, проскакавшей безъ отдыха многоверстную станцiю. Ее подкидывало частой и дробной эпитическою тряскою снизу вверхъ, какъ трясетъ льно лихорадочныхъ. Цмокъ, крутясь, вился, скольъ и блестѣлъ по тѣлу Лалы, какъ пестрая мол, и хвостъ его билъ ее по бедрамъ, какъ плеть, жду тѣмъ какъ голова была у рта, будто цѣлуя верстыя губы. Ритуальную эпилепсiю графъ Гивскiй видалъ не разъ и въ разныхъ культахъ, но припадкѣ Лалы было что-то, ему еще незнакомое: рядовая симуляцiя, на глазахъ его, переходила въ стоящiй припадокъ, но „черная болѣзнь“ еще не катила всѣмъ своимъ ужасомъ, и несчастное тѣло рчилось еще въ фазисѣ эротической безсознатель-

ности — и страшное, и противное; въ самомъ дѣл
души вовсе уже не осталось въ этомъ живом
мясѣ, — на землѣ бился дикій звѣрь въ безсм
сленномъ трепетѣ инстинктивнаго, нѣмого и глухо
экстаза.

Вѣтеръ всколыхнулъ дымный пологъ и разорва
его надвое, показавъ въ просвѣтахъ длинный стол
яркаго мѣсячнаго блеска. Лала, лежавшая, ка
трупъ, приподнялась со стономъ, глубокимъ, ка
вздохъ Лазаря, когда онъ вышелъ изъ гробовой п
щеры. Графа смущало то странное обстоятельств
что сейчасъ она какъ будто приблизилась къ нем
Онъ видѣлъ ее гораздо яснѣе и подробнѣе, чѣм
раньше, могъ даже ясно различить глаза ея: ужа
ные, остеклѣвшіе, не Лалицы, мертвые и, въ то
время, ярко блестящіе глаза, они казались боль
лица, на которомъ помѣщались. Она уставила и
въ лунный просвѣтъ, и Гичовскій тоже невольн
повелъ глазами по направленію ея взора. Она пр
стерла руки, и онъ вдругъ поймалъ себя на том
что и онъ тянетъ руки къ лунному столбу.

— Нѣтъ! стой! врешь! — спохватился онъ,
это уже начинается гипнозъ... морока... подраж
тельныя движенія... я уже мерячу, какъ якутск
истеричка... не поддамся! ни за что!..

Мѣсяцъ то исчезалъ, затемняемый проходящи
облаками, то разгорался новымъ золотомъ, вдв
ярче послѣ контраста недавняго сумрака. Лунн
столбъ угасалъ и вновь свѣтился чешуйчатымъ к
чаніемъ вдаль къ горизонту. Лала впилась въ да
его глазами, потянула ее къ себѣ руками и борм
тала, бормотала... Графъ смотрѣлъ неотрывно, ка
она, и туда же, куда она. Ему замерещилась
свѣтящемся горизонтѣ темная точка, которая скол

ла по столбу и медленно росла по мѣрѣ своего риближенія.

— Лодка, что ли? — подумалъ онъ со странмъ содраганіемъ гдѣ-то внутри мозга, — и въ же минуту самъ себѣ суевѣрно возразилъ:

— Нѣтъ, братъ, это не лодка!

И опять, спохватившись, разсердился на себя и же топнулъ ногою.

— Какъ заразительно безуміе!.. Вотъ оно, нажденіе-то: вспомнилось-таки, какъ Лала внушала, о столбъ мѣсяца на водѣ — это — дорога въ рство мертвыхъ...

А точка все росла. Гичовскій видѣлъ ее уже упнымъ темнымъ облакомъ въ промежуткѣ земли неба, при чемъ къ ней тянулись, какъ будто лами, и облака, и волны. Графъ впился глазами въ неясныя очертанія; въ нихъ чудилось что-то жие, почти человѣческое... Замерло сердце... Черс пятно коснулось облака и волнъ, соединилось ними, будто обнялось, — и летѣло къ берегу, гантское, длинное, извилистое, крутящееся испонскою спиралью темнаго змѣя...

Радостный крикъ бѣшенаго торжества вырвался ъ груди Лалы, а Гичовскій зажмурилъ глаза, охваенный паническимъ страхомъ. Нервы его не выржали... онъ не рѣшился взглянуть на встрѣчу лачнаго змѣя съ землею и, упавъ въ кустарникѣ, лго лежалъ, какъ слѣпой, между тѣмъ какъ на рывъ быстро осѣдалъ странный не то туманъ, не дождь, промчавшійся такъ же стремительно, какъ летѣлъ, будто онъ разбился о скалу... Дыханіе ли сразу захолодало... Почувствовавъ влагу на ахъ и на лицѣ, Гичовскій понялъ, въ чемъ дѣло, му стало стыдно за свою минутную слабость.

Онъ открылъ глаза: на берегу не было никого: пѣсня Лалы слышна была снова и очень близко, — но уже на горной тропинкѣ... и только угли костр еще шипѣли, дотлѣвая. Гичовскому было и досадно и смѣшно, что, заразившись галлюцинаціей полоумной обистки, онъ пропустилъ рѣдкую возможност наблюсти такъ близко и до конца одно изъ самых красивыхъ и внушительныхъ чудесъ моря.

— Ну, какъ было не сообразить, что въ Среди земномъ морѣ рѣдкій сирокко обходится безъ ма ленькихъ безвредныхъ смерчей, которые, гдѣ воз никли, тутъ же и разсыпаются пылью?.. Вотъ — смотримъ свысока на суевѣрія дикарей, а пришлос самому оказаться ничуть не умнѣе Синбада Море хода, который искренно принималъ смерчи за джи новъ, морскихъ дьяволовъ съ змѣиными хвостами прочими адскими аттрибутами!

* *
*

Графъ сидѣлъ у себя въ номерѣ и заносилъ сво приключеніе въ записную книжку, когда къ нем вошелъ докторъ Моллокъ.

— Простите, что такъ поздно.

— Прошу васъ, пожалуйста.

— Дѣло очень важное. Я сейчасъ отъ вашего прія теля, моего больного. Меня внезапно вызвали къ нему Въ здоровьѣ его произошла самая ужасная перемѣна

— Боже мой! Но вѣдь, съ вечера, я оставил его въ наилучшемъ состояніи?..

Моллокъ развелъ руками.

— Теперь я съ увѣренностью могу сказать: вс надежды напрасны, онъ умретъ.

— Да откуда же это ухудшеніе, докторъ? чт случилось?

— Буквально, ничего, графъ... Разставшись съ ми, больной опять прекрасно уснулъ. Вы пониете, какое это счастье для него. Ни въ какомъ стояніи организма не проявляетъ себя цѣлительная ла природы, vis medicatrix naturae, дѣйствительнѣе, мъ во снѣ. Я подалъ надежду. Вучичи, въ восргѣ, были увѣрены, что сломанъ кризисъ болѣзни, съ утра можно будетъ считать мистера Дебрянаго въ фазисѣ выздоровленія. Вдругъ, среди ночи, ъ начинаетъ хрипѣть, метаться, задыхаться, стогъ раздирающимъ душу голосомъ, — просыпается, рнѣе, приходитъ въ чувство, съ страшнымъ трумъ, будто съ себя гору сбросилъ или изъ-подъ обовой плиты вылѣзъ, — никого не узнаетъ, — ссъ Зою отталкиваетъ отъ себя, кричитъ, что она четъ кровь его выпить... Старикъ Вучичъ самъ искакалъ ко мнѣ верхомъ... Я засталъ больного е нѣсколько успокоившимся, но достаточно мнѣ ло взглянуть ему въ глаза, чтобы понять, что ло кончено: болѣзнь вступила въ мозгъ, — онъ е сумасшедшій...

— Что вы говорите, мистеръ Моллокъ?

— Онъ все жалуется мнѣ, что внутри у него ледяное, а кожу будто поливаютъ кипяткомъ. далъ ему согрѣвающее питье, — онъ сталъ увѣъ, что оно замерзло у него въ желудкѣ... А омъ, вдругъ, вопитъ: — Ахъ, изъ меня выходитъ ако, и я обращаюсь въ паръ!.. И вотъ тутъ, орѣ, и началось это...

— Что это? Вы еще ничего не говорили мнѣ, теръ Моллокъ.

Врачъ недоумѣло пожималъ плечами:

— Очень интересный и рѣдкій больной, вашъ тель, дорогой графъ. Онъ продолжаетъ озада-

чивать меня чудесами. Когда я оставилъ его, у нег началось кровавое выпотѣніе: одно изъ самыхъ рѣд кихъ явленій, какія случается наблюдать врачу...

— Что же это значитъ?

— Значитъ-то понятно что! Вслѣдствіе бурнаг теченія разрушительной болѣзни, клѣтки эпидерм слишкомъ раздрябли, потеряли свою сдерживающу энергію, и открылось кожное кровотеченіе, через поры. Остановить его — внѣ средствъ медицины Если оно не прекратится само собою, больной мед ленно, капля по каплѣ, потеряетъ всю свою кров и умретъ... Надо благодарить Бога за одно: это н слишкомъ мучительная смерть, какъ разъ та сама что избирали стоики — Сенека, Тразея и другіе — открывавшіе себѣ жилы въ ваннахъ.

Графъ поспѣшилъ послать за фаэтономъ вмѣстѣ съ Моллокомъ, помчался въ Вучичамъ.

— Нехорошо, совсѣмъ нехорошо... — встрѣтил ихъ осунувшійся старый Вучичъ.

— Послать бы за священникомъ? — предложил Моллокъ.

Больной услыхалъ.

— Развѣ я умираю? — тихо спросилъ онъ.

— Нѣтъ, но...

— Въ такомъ случаѣ — оставьте меня въ покоѣ

— Многіе чувствуютъ себя легче, исполнив христіанскія обязанности.

Алексѣй Леонидовичъ долго молчалъ. Потом сказалъ:

— Нѣтъ. Ей все равно — кто вѣритъ в крестъ или полумѣсяцъ, цѣлуетъ туфлю папы ил руку цареградскаго патріарха, ходитъ въ костел или въ церковь, въ мечеть или въ синагогу... Мн это не поможетъ. Не хочу.

— Бредитъ, — шепнулъ Моллокъ.

Старый Вучичъ согласно кивнулъ глазами, но графъ Гичовскій переглянулся съ Зоицей, и она, страшно блѣдная, вышла изъ комнаты, пошатнувшись въ дверяхъ...

Моллокъ приподнялъ одѣяло и жестомъ пригласилъ графа Валерія взглянуть на постель больного. Гичовскій едва стерпѣлъ, чтобы не ахнуть громко: на совершенно розовой простынѣ безсильно лежали исхудалыя ноги Дебрянскаго, покрытыя ярко красными пятнами крови, неустанно выступавшими изъ тѣла, подобно росѣ...

— Это уже четвертую простыню мы мѣняемъ! — тихо сказалъ Вучичъ, съ глазами, полными слезъ. Зоица возвратилась и стояла на колѣняхъ у кровати умирающаго жениха, безсильно припавъ головою къ желѣзной перекладинѣ...

— Все это ничего, — лепеталъ Алексѣй Леонидовичъ, — но вотъ зачѣмъ... она... она...

— Кто? — спрашивалъ, склонясь къ больному Гичовскій.

— Она... Анна...

— Вы видите? — хмуро спрашивалъ Гичовскій.

— Нѣтъ; я чувствую въ воздухѣ... Мнѣ душно отъ нея ... Развѣ вы не слышите запаха трупа?... Гичовскій! Не позволяйте ей! Зачѣмъ — она? Петровъ... Петровъ... гдѣ ты? Вѣдь ты мнѣ обѣщалъ...

— Плохо дѣло, — безнадежно отнесся графъ къ Моллоку. — Хоть бы поддержать его настолько, чтобы умеръ то не въ безуміи.

— Я выписалъ мускусъ и послалъ своего ассистента за кислородомъ... Если въ домѣ есть шампанское, будемъ поить его шампанскимъ... Необходимо спасти дѣятельность сердца...

Зоица бросилась къ жениху, — онъ отвелъ руки и въ то же время, безнадежно глядя въ п странство, твердилъ:

— Петровъ!... Петровъ!... Петровъ!... нѣтъ, а она здѣсь... Развѣ вы не слышите зап трупа?...

— Неудивительно, если мы его и почувствуемъ, сказалъ Моллокъ Гичовскому. — Нагнитесь къ не понюхайте его дыханіе: конечно, — онъ уже с шитъ внутри себя какой-то гангренозный процессъ

Простыню подъ больнымъ опять перемѣнили. пившись шампанскаго, Дебрянскій задремалъ. П часа спустя, Моллокъ снова заглянулъ подъ одѣ и подошелъ къ Вучичу съ нѣсколько болѣе св лымъ лицомъ.

— Какъ будто, наконецъ, хорошій признакъ, сказалъ онъ, — хотя я ни капли не надѣюсь ни за что не ручаюсь... Простыни чисты. Кро вое выпотѣніе остановилось. Можетъ быть, укрѣп ющія средства подѣйствуютъ, и онъ еще выдержи чудомъ какимъ-нибудь эту страшную слабость Богатый, сильный организмъ. Другой на его мѣ давно былъ бы покойникъ.

Дебрянскій заснулъ. Моллокъ потребовалъ, ч бы отъ больного удалились всѣ, оставивъ при не лишь одного человѣка сидѣлкою и стражемъ. П вую очередь взялъ на себя Гичовскій. Моллокъ, всякій случай, оставилъ въ домѣ своего ассисте и уѣхалъ. Когда онъ сходилъ съ крыльца виллы своему экипажу, навстрѣчу ему, вверхъ по крыль быстро поднималась дама, одѣтая въ черное, мале каго роста, съ наклоненною головою подъ траурны вуалемъ. Моллокъ вѣжливо дотронулся до сво цилиндра; но дама не обратила на его поклонъ

какого вниманія и прошла своей дорогой. Ея невѣжливость удивила доктора, но еще больше походка: она шла странными, шаткими, точно у нея были ватныя ноги, и увѣренными въ то же время, будто механическими, шагами; точно она не видѣла, гдѣ и куда шагаетъ, не чувствовала, какъ шагаетъ, но не могла бы ошибиться ни однимъ шагомъ, ни короче, ни шире, какъ живая машина, заведенная на опредѣленное движеніе съ разсчитаннымъ разстояніемъ и ритмомъ.

— Любопытный образецъ ataxial locomotoris, — подумалъ врачъ.

Выѣхавъ на марину, онъ спросилъ своего кучера:

— Спиро, не знаете ли вы, кто была эта незнакомая дама, которую мы встрѣтили, отъѣзжая отъ Вучичей?

— Я не замѣтилъ никакой дамы, господинъ.

— Ну, вотъ, — я раскланялся съ нею на крыльцѣ... Въ черномъ, подъ вуалемъ?

— Ахъ, въ черномъ? Тогда это, навѣрное, монахиня изъ монастыря св. Константина. Онѣ, какъ вороны, летятъ къ постели каждаго трудно больного...

— На нее нельзя не обратить вниманія. Она идетъ — будто у нея согнуты колѣни и колесики вмѣсто ступни.

— Присѣдаетъ? Ага! Въ такомъ случаѣ, это сестра Августа изъ евангелической общины. Она волочитъ ногу и вѣчно жалуется на ревматизмъ...

Гичовскій, по уговору съ Вучичами, долженъ былъ дежурить у постели Дебрянскаго два часа. Потомъ его смѣняла Зоица.

Мѣрное шлепанье морского прибоя незамѣтно баюкало Гичовскаго: онъ усталъ, гоняясь за Лалою по горамъ, гораздо больше, чѣмъ думалъ сначала.

Онъ долго боролся со сномъ и все-таки не одолѣ
его шатнуло раза два на стулѣ... передъ глаз
поплыла розовая мгла... мысли запрыгали въ голо
не теряя еще связи съ дѣйствительностью, но ут
тивъ всякую послѣдовательность... всплыло д
три далекихъ воспоминанія, — настолько неожил
ныхъ, что Гичовскій очень удивился, откуда
взялись, — потому что онъ думалъ, что еще бо
ствуетъ, а на самомъ дѣлѣ уже давно дремалъ...

Изъ дремотнаго тумана вышелъ и сѣлъ пер
Гичовскимъ незнакомый человѣкъ странной и печа
ной наружности: желтое комковатое лицо его б
угрюмо, глаза — двѣ блестящія коричневыя точки
смотрѣли пристально и тревожно... Онъ кач
головою и жалобно лепеталъ. Гичовскій не слыш
звуковъ голоса, и, тѣмъ не менѣе, разбиралъ сло

— Я предупреждалъ... я говорилъ... ахъ, к
дурно! какъ дурно!

И графу Валерію было почему-то и досадно
страшно слушать, хотя онъ не понималъ, о ч
лепечетъ незнакомый господинъ, когда и кого
предупреждалъ, что дурно.

— Какой тяжелый и проклятый сонъ! — дум
Гичовскій, придя, наконецъ, къ убѣжденію, что
спитъ, а сонъ между тѣмъ бормоталъ:

— Я предупреждалъ, я что могъ... а мног
я не могу... тѣнь противъ явленій...

— Ага! — съ удовольствіемъ соображалъ сон
графъ, — я тебя поймалъ; ты дезертиръ, ты Петро
ты забѣжалъ въ мою голову изъ головы Дебр
скаго...

— Я дезертиръ! Я „Троваторъ"! Vive le dess
Фелисьенъ Давидъ работы Микель Анджело!

И вдругъ онъ вытянулся и закружился дым

иралью, на вершинѣ которой безпорядочно шата-
сь его голова съ испуганными глазами:

— Проснитесь, графъ Манрико! — болталъ онъ, евеля далеко передъ собою въ воздухѣ необычайно иннымъ и тонкимъ языкомъ. — Я сонъ... только нъ... сонъ пустыни... le desert, le dessert... илистимляне близко... Вставай, Давидъ!

Но графъ спалъ и думалъ:

— Вотъ чудакъ дезертиръ... завелъ себѣ винтъ ѣсто тѣла?

— Близко... близко... здѣсь! — взвизгнулъ сонъ, атаясь, точно маятникъ, саженными размахами. Спиль переломилась, лицо неизвѣстнаго, свершившись высоты, очутилось у сапога Гичовскаго и быстро ползло въ сторону глазастою сороконожкою...

— Она здѣсь, она здѣсь... а я — что же?.. eserto sulla terra... я сонъ, только сонъ, — слылось Гичовскому, между тѣмъ какъ сороконожка дленно, лапка по лапкѣ, превращалась въ клубы имчатыхъ паровъ. И все потемнѣло, и не стало льше никакихъ видѣній. Сонъ тяжелымъ свинцомъ грузомъ навалился на грудь графа.

Его разбудилъ неистовый вопль... Оглядѣвшись тными глазами, графъ не сразу сообразилъ, гдѣ съ и зачѣмъ... Видъ постели съ распростертымъ ней больнымъ возвратилъ Гичовскаго въ дѣйзительности.

— Боже мой! — зашепталъ онъ, въ стыдѣ и сущеніи, между тѣмъ какъ его еще шатало сномъ глаза его слипались, и предметы въ зрѣніи его ѣшивались и сливались очертаніями и красками.

— Я проспалъ... Зоица! вы уже здѣсь... извиге, ради Бога... зачѣмъ вы меня не разбудили?

Зоица, въ черномъ платьѣ съ черною косынкою

на головѣ, стояла на колѣняхъ у постели, какъ
веча, опустивъ низко голову свою къ лицу больн
и не шевельнулась, не отозвалась, когда Гичов
ее окликнулъ. А Дебрянскій кричалъ — безъ слов
дикими короткими взвываніями, громовою икот
будто ревомъ ягуара изъ огромной, пещерно пус
груди...

— Это — агонія! послѣдній смертный вопль
какъ молнія озарило графа и стряхнуло съ него
тающее опьяненіе сна. Обойдя Зоицу, онъ сталъ
колѣни съ другой стороны кровати и нагнулся
Алексѣю Леонидовичу: теперь больной только
пѣлъ и вздрагивалъ, глаза его, мутные и ясные
то же время, какъ бутылочное стекло, были ужасн
они смотрѣли и не видѣли... Кровь лила ручьям
онъ тонулъ въ крови.

— Но онъ кончается! Зоица! будьте здѣсь
побѣгу за Моллокомъ! — закричалъ Гичовскій.

Отвѣта не было, а Гичовскій, оглядѣвшись,
далъ, что онъ ошибся: то, что со сна онъ при
за колѣнопреклоненную Зоицу, было тѣнью
вѣшалки съ халатомъ, за которую поставленъ б
ночникъ, чтобы свѣтъ не безпокоилъ больного.
комнатѣ, кромѣ него, никого не было, только
пѣлъ, вздрагивалъ, какъ рыба на пескѣ, и истек
кровью несчастный Дебрянскій. Трупный за
внутренней гангрены невыносимо вырывался те
съ каждымъ его вздохомъ. Графъ взялъ Але
Леонидовича за руку и, съ ужасомъ, увидалъ,
его пальцы оставили на вялой кожѣ больного
вленный зеленоватый слѣдъ.

— Но это именно то, что было у того негра въ
неѣ! — вспомнилъ онъ, — тѣло, умирающее заживо
оно распадется хлопьями, едва онъ испуститъ дух

На крикъ графа Валерія сбѣжались всѣ Вучичи и докторъ. Алексѣй Леонидовичъ никого не узналъ и умеръ на ихъ глазахъ.

Назавтра къ вечеру его похоронили.

XII.

Возвратясь съ похоронъ, — тяжелыхъ и жалкихъ, потому что старый богатырь Вучичъ, не стыдясь, быкомъ ревѣлъ, а Зоица, въ пришибленномъ состояніи полуобморока, была страшнѣе самого покойника, мертво прекраснаго и какъ-то особенно, гордо и грозно, хмураго въ своемъ дорогомъ парчевомъ гробу, — графъ Валерій медленно шелъ съ кладбища домой въ гостиницу, съ твердымъ намѣреніемъ немедленно уложить свои вещи и, съ пернымъ пароходомъ, уплыть, куда глаза глядятъ, отъ этихъ опечаленныхъ мѣстъ, гдѣ судьба бросила его свидѣтелемъ въ такую тяжелую трагедію.

Онъ шелъ вдоль безконечной околицы королевской образцовой фермы — къ громадной дикой маслинѣ, которая, зелено возвышаясь надъ сѣдыми головами культивированныхъ маслинъ, указывала ему поворотъ къ дому. Когда графъ поравнялся съ дикою маслиною, отъ корявого ствола ея отдѣлилась темная фигура, покрытая съ головою краснымъ платкомъ, и тихій голосъ произнесъ:

— Не удивляйтесь... это я...

— Лала?!

— Да... что вы такъ смотрите на меня? Живая Лала, не тѣнь...

Графъ махнулъ рукою.

— А! я столько бредилъ и грезилъ въ эти дни на Корфу, что тѣни вашей удивился бы, кажется.

даже меньше, чѣмъ вамъ самой... Я чувствую себ въ Петроніевыхъ временахъ, когда на дорогѣ легч было встрѣтить бога, чѣмъ порядочнаго человѣка.

— Мнѣ надо говорить съ вами, — тихо сказал Лала, оставляя безъ вниманія его сердитыя насмѣшли рыя слова.

— Къ вашимъ услугамъ, — очень сухо отвѣтил Гичовскій, опускаясь на придорожный столбикъ.

— Вы видѣли сегодня Зоицу, — сказала Лалица послѣ долгаго молчанія, въ трудныхъ усиліяхъ спро сить, такъ что кровавыми пятнами пошло ея лицо. — Какова она?

— Если ваша великая Мать-Обь добивалась не премѣнно убить два невинныя существа, то она мо жетъ быть спокойна: месть ея удовлетворена. Зоиц еще жива, но такъ же хорошо убита вами, какъ похороненный Дебрянскій.

Лала выслушала упрекъ Гичовскаго, не дрогнув ни однимъ мускуломъ безстрастнаго, широкаго, ка меннаго лица — тяжелаго, зловѣщаго лица скиѳско богини на степномъ курганѣ, или архаической жриц тѣхъ вѣковъ, когда боги пили еще человѣческу кровь и на алтаряхъ ихъ сожигались закланны плѣнники.

— Дѣвичьи слезы — роса, — сказала она. — Взой детъ новое солнце и высушитъ росу. Вы не знаете Зоицу, а я знаю давно. Всегда знала, — теперь со всѣмъ узнала...

Горькая улыбка освѣтила ея суровыя черты.

— Я не могу увидаться съ Зоицей. Старик Вучичъ свирѣпствуетъ противъ меня...

— Да, онъ страшно возбужденъ, и я не совѣ тую вамъ, Лала, попадаться ему на глаза. Онъ нра вомъ бѣшенъ и на руку тяжелъ...

Лала отвѣчала съ презрѣніемъ:

— Я нисколько не боюсь его. Что онъ можетъ мнѣ сдѣлать? Я дуну на его руку, и она упадетъ свинцомъ. Я не хочу встрѣчаться съ нимъ изъ страха не за себя, но за него. Онъ хорошій человѣкъ, я его люблю и не хотѣла бы заплатить зломъ за его хлѣбъ-соль и все добро ко мнѣ. Если онъ меня увидитъ, то оскорбитъ, а оскорбить жрицу Оби значитъ написать себѣ смертный приговоръ...

— Для насъ, трехсоставныхъ, — гордо говорила она, — не существуетъ замковъ и запоровъ. Если бы я хотѣла, то послала бы къ Зоицѣ душу мою, и душа моя говорила бы съ нею за меня. Если бы я хотѣла, то послала бы къ Зоицѣ звѣзднаго близнеца моего, и звѣздный близнецъ говорилъ бы за меня. Но Зоица сейчасъ внѣ себя. Если я или нѣчто мое заговоримъ съ нею, она не выслушаетъ, потому что огорчена, зачѣмъ я умертвила ея жениха. Что же? Пускай такъ. Вы знаете, я не отрицаю. Убила.

Вызывающе глядя на Гичовскаго, она смачивала языкомъ пересохшія губы. Гичовскій молчалъ.

— Но ее... ее, хотя она измѣнила мнѣ и столько же достойна казни, какъ тотъ, ея сообщникъ, — ее убить я не могу... Я слишкомъ ее любила и люблю... я вымолила ей пощаду у таинственныхъ силъ Матери-Оби. Пусть она живетъ. И пусть не заботится больше объ истинѣ, которую она должна была познать, но отвергла, о величіи, которое должна была стяжать, но для котораго оказалась слишкомъ ничтожна, о любви и подвигѣ, который должна была свершить во спасеніе всѣхъ людей, но который промѣняла на взгляды и нравы бѣлыхъ дураковъ, живущихъ въ проклятыхъ городахъ, проклятою, не знающею радостныхъ правдъ, жизнью. Пусть забу-

детъ она все, что было между нами. Ей отъ этого не станетъ ни лучше, ни хуже. Мнѣ... Да, ей все равно, каково мнѣ, и, стало быть, что же обо мнѣ говорить? Не стоитъ. Не для нея, но для васъ скажу я только одно: не дешево и тяжко досталось мнѣ выкупить ее отъ мести мертвыхъ боговъ... Смотрите.

Она сдернула красный платокъ съ головы своей, и Гичовскій съ изумленіемъ увидалъ, что волосы ея, еще три дня тому назадъ черные, какъ смоль, стали совершенно сѣды.

— Это — печать горя и ужаса, которыми я наказана за ошибку свою въ Зоицѣ. Цѣлыя столѣтія духъ дѣвственницъ рода Дубовичей повелѣвалъ силами стихій. Теперь, чрезъ меня, онъ порабощенъ имъ, какъ недостойный. Я униженная жрица, разжалованный воинъ, вѣщая, съ которой снято ея достоинство. Отнынѣ я должна повиноваться тѣмъ, кому повелѣвала. Я поклялась, что больше никогда не увижу Зоицу. Силы посылаютъ меня въ долгое и страшное путешествіе, въ далекія, безвѣстныя страны. Я обречена блуждать, пока я не найду другую бѣлую дѣвушку, безъ капли черной крови, — подобную Зоицѣ, но мужественную, достойную и способную осѣниться восторгомъ и увѣнчаться подвигомъ возрожденной Евы... Я найду ее, и тогда вина моя отпустится мнѣ. А Зоицѣ скажите, что она свободна. Пусть выкинетъ память обо мнѣ изъ жизни своей и забудетъ меня, какъ ночной бредъ. Прощайте.

Она встала.

— Зачѣмъ же не освободили вы ее раньше? — горько упрекнулъ Гичовскій, — зачѣмъ надо было умереть Дебрянскому?

Она холодно улыбнулась.

— Зачѣмъ сожигаетъ огонь? Зачѣмъ разложеніе уповъ отравляетъ людей заразою смерти? Зачѣмъ ъ отравленной людьми земли поднимаются ядотые газы? Зачѣмъ тайна дышитъ смертью, и стретться въ тайну значитъ спѣшить въ смерть? Зачѣмъ ловѣкъ отвергъ древо жизни, лишь бы отвѣдать одовъ древа познанія добра и зла? Зачѣмъ Духъ изилъ Матерію и заключилъ ее въ темницу? Замъ міръ такъ оскорбленъ и мраченъ, и царь его — бѣжденный рабъ? Зачѣмъ на главѣ Великаго Змѣя тно отъ пяты, ее поправшей? Зачѣмъ мертвое и ивое стало враждебно и розно? Чтобы соединить ъ, нужно новое твореніе, чтобы было новое твоніе, нуженъ новый богъ-побѣдитель, чтобы былъ вый богъ-побѣдитель, должна возродиться Ева, кова была она, когда ее, не оскверненную человкомъ, обнялъ кольцами добра и зла Великій Змѣй ммаэль...

— Это и не отвѣтъ, и старыя сказки, Лала.

— Думайте, какъ знаете, — мнѣ все равно. ли васъ не убѣдило все происшедшее, то не убѣтъ и никакія чудеса. Васъ мнѣ жаль, графъ, очень ль. Вы нечаянно замѣшались въ тайны Оби и ждовали противъ нея. Я не сержусь на васъ, тому что вы не понимали, что дѣлаете; но прить и вашъ чередъ поплатиться за неосторожность. да, какъ, — не знаю и не могу предсказать. Я движу только тучу, но грома предсказать не гу. Остерегайтесь встрѣчъ съ мертвымъ міромъ: ловитъ васъ. Берегитесь и — до свиданія... хоа бы сказать: прощайте! — потому что свиданіе іе не можетъ быть радостнымъ. А между тѣмъ... васъ очень люблю — вашу безпокойную душу,

вашу пытливую голову, вашъ сильный и холодны
характеръ, ваши неугомонные поиски новизны, зна
нія, истины. Вы нашли многое и дастся вамъ ещ
больше, но — никогда не все. Никогда, — хотя в
могли бы и достойны найти и взять все. Но вы н
ложной дорогѣ, потому что сами положили себ
предѣлъ въ слабыхъ силахъ человѣческаго ума, хо
тите работать только ими и, безъ ключей отъ зна
нія, не пріемлете ключей вдохновенія и вѣры...

— Полно, Лала! — перебилъ графъ. — Мы не пой
мемъ другъ друга. Я убѣжденъ въ вашей искрен
ности, но убѣжденъ и въ томъ, что вы несчастнѣй
шая въ мірѣ женщина, погубившая фантастическо
морокою, обращенною въ хроническое, почти по
стоянное состояніе организма, не только нѣсколь
кихъ другихъ горемычныхъ, но и, прежде всего, са
мое себя. Я, дѣйствительно, человѣкъ пытливый, но
провѣряя всю исторію смерти Дебрянскаго, не виж
въ ней теперь никакого намека на сверхъестествен
ныя тайны, знаніе которыхъ и могущество вы себ
приписываете. Болѣзнь моего друга записана Мол
локомъ и мною съ начала до конца. Ни одинъ мо
ментъ ея не нуждается въ иномъ объясненіи, кром
причинъ совершенно осязательныхъ и физическихъ
Сперва, какъ вы знаете, я думалъ, что Дебрянскі
былъ отравленъ, — раскаиваюсь въ этомъ и извн
няюсь предъ вами. Теперь я полагаю, что къ нам
въ Корфу онъ пріѣхалъ, уже нося въ себѣ злока
чественную лихорадку, при помощи которой разви
лись въ немъ задатки скрытаго безумія. Ему здѣс
подъ вліяніемъ морского климата, стало какъ буд
лучше и легче; обманутый ложнымъ улучшеніем
здоровья, онъ расхрабрился, сталъ небрежничать со
бою, — и, при первой же простудѣ, болѣзнь схва

ила его въ свои когти съ утроенною силою. Ваше антастическое поведеніе и вражда къ нему поіяли на его разстроенное воображеніе, испорченое бреднями оккультистовъ, возбудили суевѣрную одозрительность, которой начало положила еще осковская галлюцинація и тяжкая смерть Петрова. огласитесь, Лала, что о Петровѣ, напримѣръ, вы ь первый разъ слышите? Ну, вотъ то-то! А онъ ыгралъ здѣсь роль и гораздо большую, чѣмъ мертая любовница, которую вы такъ ловко отгадали ашимъ вторымъ зрѣніемъ или вторымъ слухомъ. плелся узелъ гипнотизирующихъ совпаденій. И все го отразилось въ больномъ мозгу новыми галлюциаціями, настолько рѣзкими и выразительными, что ила ихъ отчасти заразила и насъ самихъ, свидѣтеей его страданій... меня, Зоицу, даже Моллокъ мутился было... Вотъ и все.

Лала пожала плечами.

— Думайте, какъ хотите,— повторила она, — я ришла не убѣждать васъ, а проститься съ вами и, ерезъ васъ, съ тѣми, кого я любила до сихъ поръ, ольше, чѣмъ остальныхъ людей міра. До свиданья. удьте счастливы, если сможете. А я — вашъ другъ.

Конецъ 1-й части.

Часть вторая.

ДРЕВО ЖИЗНИ.

Дневникъ графа Валерія Гичовскагэ.

1 мая 1893 года.

Вотъ я и на родинѣ! Хороша моя дорогая Во-ынь! Тишь, гладь и Божья благодать. Сейчасъ бро-лъ по парку... Темь, глушь... дорожки густо за-сли травою... Скитался, какъ въ лѣсу: напро-мъ, цѣлиной, сквозь непроглядную заросль си-ни, жимолости, розовыхъ кустовъ, одичавшихъ въ иповникъ, барбариса, молодого орѣшника. Еле одираешься между ними, унося царапины на лицѣ прорѣхи на платьѣ. Изъ-подъ ногъ скачутъ зай-, надъ головою звенитъ тысячеголосый птичій ръ. Войдешь въ это пѣвучее зеленое царство, — точно отнятъ у остального міра. Ступилъ два а отъ нашего ветхаго палаца, и его уже закрылъ еный лиственный пологъ. Кое-гдѣ въ кустахъ ладаются обломки статуй — безносыя головы. без-іе и безногіе торсы. Гипсъ размокъ и почернѣлъ, моръ обросъ мхами; на плечахъ обезглавленной еры, изъ перегноя прѣлыхъ листьевъ, поднялся рый малютка-дубокъ. Нашъ предокъ магнатъ, ьможный панъ грабя Петшъ Вавжинецъ Ботва овскій, полтораста лѣтъ тому назадъ превратив- здановскія рощи въ паркъ, побѣдилъ было лѣс- глушь. Но потомки зазѣвались — и глушь

вырвалась изъ оковъ. Сперва она возвратила се
все, что люди у нея отняли, исправила по-свое
все, чѣмъ мы ее — по-нашему, украсили, а по
разсужденію, вѣроятно, обезобразили, — и тепе
идетъ войною уже на самый палацъ. Ступени т
расы, подоконники, карнизы, балконы, черепичн
крыша зелены, какъ и самый садъ; на нихъ расту
мхи, травы, молодые древесные побѣги. Въ мое
кабинетѣ нельзя отворить окна — мѣшаютъ вѣт
старой сирени. Отъ нея темно въ комнатѣ. На
будетъ ее срубить, но — прежде пусть отцвѣтет
а теперь она вся, какъ невѣста подъ вѣнцом
въ кистяхъ бѣлыхъ благоуханныхъ звѣздочекъ
вчера вечеромъ на ней пѣлъ соловей...

2 мая.

Дышу... молчу... слушаю деревенскую тишь
самъ себѣ не вѣрю: неужели я, всесвѣтный брод
и авантюристъ, — наконецъ, у пристани? Въ прію
тихомъ, прочномъ и долгомъ, откуда уже труд
убѣжать вдаль, опять на поиски новаго, необыкн
веннаго... Измаяли меня эти долгіе поиски. Я н
чалъ ихъ молодымъ, богатымъ, здоровымъ, а ко
чаю больнымъ, полунищимъ, и — хоть лѣтъ мнѣ
такъ ужъ много — кто же назоветъ меня „еще м
лодымъ человѣкомъ“?

Прежде жажда новыхъ ощущеній увлекала ме
въ Южную Америку, въ Среднюю Азію. Я видѣ
пиръ людоѣдовъ въ Африкѣ и пускалъ буомеран
въ казуара вмѣстѣ съ австралійскими дикарями. Т
перь, если новому и необыкновенному угодно свес
со мною знакомство, пусть оно само сюда пож
луетъ: я не сдѣлаю ни шага ему навстрѣчу, — м
и здѣсь хорошо. Спасибо брату, счастливому в

ѣльцу этихъ мѣстъ (о, гдѣ вы, Гичовъ, Дырянка, айцевицы, Грабово и все прочее родовое и наслѣдвенное, чего я былъ счастливый владѣлецъ?), что у пришла въ голову идея довѣрить мнѣ управлее Здановымъ, — идея довольно неосторожная, надо знаться: въ ней больше любви ко мнѣ, чѣмъ актическаго благоразумія. Я вѣдь никогда ничѣмъ управлялъ — ничѣмъ, не исключая самого себя... ежду тѣмъ, я прослылъ за человѣка съ сильнымъ рактеромъ.

Почему? Вѣроятно, потому что я — изволите видѣть — стрѣлялъ львовъ въ Африкѣ и ходилъ инъ на одинъ, съ ножомъ и рогатиною, на медьдя въ Олонецкой губерніи. Великія заслуги — чего сказать! Какъ часто принимаютъ люди за хактеръ отсутствіе въ натурѣ человѣка способности физическому страху... Еще въ дѣтствѣ, читая у имма сказку объ удальцѣ, который бродилъ по ѣту, напрасно стараясь узнать, что такое страхъ, — думалъ: — Вотъ я тоже такой! Всякая борьба рила меня минутами высокаго наслажденія; я не усилъ никогда ни человѣка, ни звѣря, ни черта. всегда дѣлалъ только то, чего мнѣ хотѣлось, и, го мнѣ хотѣлось, непремѣнно достигалъ. Но я нигда не могъ заставить себя сдѣлать то, что было до сдѣлать, никогда не насиловалъ себя къ отзу отъ того, чего не слѣдовало дѣлать. Развѣ характеръ? Нѣтъ, упрямое прихотничество, не льше. Характеръ — въ повиновеніи долгу. Самъ стаюсь храбростью, да и никто не скажетъ, что трусъ... а, между тѣмъ, семнадцать лѣтъ тому задъ, я заставилъ дядю купить мнѣ рекрутскую итанцію, чтобы избавиться отъ воинской повинсти. Мнѣ пріятно драться съ медвѣдемъ, мнѣ

пріятно стоять на дуэли, подъ пулею бреттера,
почему я безъ страха шелъ на медвѣдя, приним
и самъ дѣлалъ вызовы на поединокъ. „Все,
что гибелью грозитъ, для сердца смертнаго т
неизъяснимы наслажденья, блаженства, можетъ б
залогъ!" Я замѣшался волонтеромъ въ чилійскую
волюцію — и показалъ себя храбрымъ солдат
А отъ воинской повинности все-таки сбѣжалъ
затѣмъ, что тутъ я долженъ былъ стать солдат
не по своей волѣ, но по приказанію закона.
хоть я и не дуракъ, законъ для меня, всю жи
былъ не писанъ. Удралъ отъ солдатчины, ч
сдѣлать не по-людски, а по-своему. Гдѣ же
характеръ?

4 мая

Четвертый день дождь... Отъ скуки разби
библіотеку... Все больше мистическія книги, —
лекція моего прапрадѣда по матери, Никиты
насьевича Ладьина. Довольно общій законъ: мат
по наслѣдственности, передаютъ свои свойства
сыновьямъ, чѣмъ дочерямъ; отцы — наоборотъ.
Гичовскіе, и братъ, и я, почти ничего не уна
довали отъ отца, кромѣ его польскаго проф
шляхетской удали и желѣзнаго здоровья, но ц
комъ восприняли въ свои жилы кровь фантаст
ской русской семьи Ладьиныхъ, переданную
матерью. Лѣтопись ея фамиліи, — старинной,
бовой, съ корнями родословнаго древа гдѣ-то
мракѣ баснословія, еще за Василіемъ Темнымъ
полна чудесъ удивительныхъ. Между моими п
ками, по женской линіи, были странные люди. В
напримѣръ, прадѣдъ Никита Аѳанасьевичъ, въ
библіотекѣ я теперь роюсь. Чудакъ презамѣча

ный! Богачъ-вельможа XVIII вѣка — и вольнодумецъ, и мистикъ: обычное смѣшеніе той эпохи! — онъ всю свою молодость возился съ магами, заклинателями, дружилъ съ Сенъ-Жерменомъ, Месмеромъ, Каліостро, принадлежалъ къ розенкрейцерской ложѣ, искалъ философскаго камня, думалъ дѣлать золото и открыть жизненный элексиръ. Въ самый разгаръ французской революціи, онъ, уже пожилой человѣкъ, очутился зачѣмъ-то въ Парижѣ, былъ принятъ за шпіона роялистовъ, попалъ въ Консьержери и спасся отъ гильотины только чудомъ, освобожденный, вмѣстѣ съ другими узниками, благодаря никѣмъ не чаянному паденію и смерти Робеспьера. Въ тюрьмѣ онъ успѣлъ попасть подъ вліяніе одного созаключенника своего, аббата изъ Вандеи, едва ли не іезуита, который превратилъ его изъ вольномыслящаго деиста въ вѣрующаго католика. Видя въ своемъ чудесномъ избавленіи перстъ Провидѣнія, Никита Аѳанасьевичъ бросилъ свое розенкрейцерство и ударился „искать Бога“: сперва въ католичествѣ, потомъ, — когда аббатъ оказался изряднымъ мошенникомъ и безсовѣстнымъ эксплуататоромъ неофита своего, — въ простонародномъ православномъ мистицизмѣ. Побывалъ въ скитахъ, возился съ людьми старой вѣры, сектантами, хлыстами. Кончилъ же жизнь въ какой-то своей одинокой вѣрѣ, ни съ чьей другой не во враждѣ и не въ союзѣ, отшельникомъ безъ клобука, вдвоемъ — съ глаза на глазъ — съ государыней-пустыней. Моя мать смутно помнила, какъ ее, пятилѣтнюю, няня водила на лѣсной пчельникъ, гдѣ старый-старый и, какъ лунь, бѣлый дѣдъ, въ армякѣ, лаптяхъ и съ мѣднымъ образомъ на груди, угощалъ ее огурцами съ медомъ. И ей говорили, что старецъ этотъ — ея прадѣдъ, бывшій милліонеръ и владѣлецъ мно-

гихъ тысячъ душъ, Никита Аѳанасьевичъ Ладьин
что ему больше ста лѣтъ, что уже сорокъ лѣтъ ка
онъ не выходитъ изъ своего пчельника, живетъ оди
съ пчелами, съ евангеліемъ, съ молитвою, всегда
веригахъ, всегда въ трудѣ. Онъ намного пережи
своего единственнаго сына Ивана Никитича. Это
послѣдній, ученый оріенталистъ и страстный пут
шественникъ, провелъ свою молодость въ скитані
по азіатскимъ землямъ. Ушелъ онъ въ странст
свои, какъ бѣглецъ, отъ знатной, скучной и нел
бимой жены, съ которою связало его, не знавш
отказовъ, сватовство императора Павла. А пото
тайна міра обняла и захватила его и уже не вып
стила изъ своихъ рукъ. Онъ вернулся въ Росс
полуфакиромъ, человѣкомъ не отъ міра сего, — од
ренный способностью ясновидѣнія и рѣдкою магн
тическою силою. Онъ умеръ 22 марта 1832 го
въ одинъ день и часъ съ Гёте, которому былъ прі
телемъ, и, говорятъ, предсказалъ это совпаденіе
день до кончины. Сынъ его, а мой дѣдъ, Димитр
Ивановичъ, пошедшій не въ него, но въ сурову
строго воспитанную и сдержанную умницу-мать, и
рода Апросимовыхъ, человѣкъ съ трезвымъ умо
и положительнымъ характеромъ, имѣлъ, однако, ва
ный психическій изъянъ: онъ страдалъ галлюцин
ціями слуха и зрѣнія. Приписывая свою болѣз
наслѣдственности отъ фантастовъ-предковъ, дѣ
прилагалъ всѣ усилія, чтобы ослабить ея вліяніе
слѣдующія за нимъ поколѣнія. Мы съ братомъ о
не помнимъ своего отца: онъ умеръ, когда мнѣ бы
три, а брату два года, и всецѣло обязаны воспи
ніемъ дѣду Димитрію Ивановичу. Онъ устрани
насъ изъ-подъ вліянія дочери своей, а нашей мате
женщины очень доброй, но суевѣрной, истерическ

ростилъ насъ истыми спартанцами. Я воспитался ъ строгой, разсудочной, положительной школѣ, въ резрѣніи къ супернатурализму, въ привычкѣ считаться только съ осязательными явленіями міра, поорными логикѣ здраваго смысла и трехъ измѣеній. И все-таки материнская кровь взяла свое. И се-таки мы съ братомъ такіе же мученики фанзіи, какъ и прадѣдъ-оріенталистъ и прапрадѣдъ икита Аөанасьевичъ. Я не говорю уже о себѣ. Іое матеріалистическое воспитаніе пригодилось мнѣ ишь къ тому, что, едва я сталъ самостоятельно дуать, я началъ интересоваться исключительно явленіями, оторыя представляются намъ выше матеріи, стараясь одогнать ихъ подъ рамки своего знанія, найти для ихъ ладъ и толкъ въ системѣ положительныхъ укъ. Твердо вѣруя, что на свѣтѣ нѣтъ ничего ерхъестественнаго и все объяснимо логическимъ темъ физики, химіи и математики, что хоть много ы еще и не умѣемъ объяснить, но только не мѣемъ, а не не можемъ, — я, однако, исколесилъ сь земной шаръ, въ жадной погонѣ именно вотъ тѣмъ, чего мы еще объяснить не умѣемъ. Не ромъ же одинъ французскій журналистъ, послѣ erview со мною, заключилъ свою статейку мѣткою разою: „Это Фаустъ, сдѣлавшійся авантюристомъ".

А панъ грабя Винцентъ, мой гордый и холодный лецъ-братъ, гроза московскихъ и петербургскихъ ржевиковъ? Его считаютъ Наполеономъ биржи, ивляются его финансовому генію, тонкости его зсчетовъ, его всезнающей освѣдомленности, преддѣнію и провидѣнію. Между тѣмъ, наединѣ со оюю, онъ самъ не разъ смѣялся надъ своею незаженною репутаціей.

— Вѣрь мнѣ, Валеръ, я освѣдомленъ о пружи-

нахъ, двигающихъ биржу, не болѣе любого изъ зай-
цевъ, толкущихся въ ея подворотняхъ. Быть мо-
жетъ, даже меньше, потому что они своею подво-
ротнею интересуются и усердно ее изучаютъ, а
свои „сферы“ — нѣтъ. Слишкомъ скучны онѣ, чтобы
тратить на нихъ время и трудъ изслѣдованія, — до-
вольно чутья. И никто о нихъ, объ этихъ пружи-
нахъ не освѣдомленъ, если хочешь знать. На моих
глазахъ, мой другъ, министры финансовъ проигры-
вались, потому что ихъ заказы, данные, казалось бы
навѣрняка въ одиннадцать часовъ, дѣлались какимъ-т
чудомъ никуда негодными къ часу дня. Многіе дѣ-
лаютъ видъ, будто они освѣдомлены, и даже сам
тому вѣрятъ, но они лгутъ или обманываютъ себя
Они сочиняютъ предположенія и комбинаціи, а так
какъ на биржѣ могутъ быть лишь двѣ возможности —
паденіе или повышеніе цѣнностей, то, естественно
чьи-нибудь предположенія непремѣнно удаются. Н
да, такъ нѣтъ, не панъ, такъ пропалъ. И тогда тѣ
чьи предположенія принесли выгоду, прославляютс
глупою толпою, какъ финансовые мудрецы, а чь
предположенія провалились, оказываются дурачкамі
въ мнѣніи... дурачковъ же. На самомъ дѣлѣ н
биржѣ не бываетъ ничего, ни умнаго, ни глупаго
есть только „везетъ“ и „не везетъ“. Исключенія —
завѣдомое мошенничество, биржевое шулерство, когд
человѣкъ, зная темный государственный секретъ ил
сочиняя ложную телеграмму, искусственно произво-
дитъ панику и роняетъ вѣрныя цѣнности съ тѣмъ
чтобы, полчаса спустя, когда миражъ жульничеств
разсѣется, продать свой запасъ бумагъ по настояще
или высшей цѣнѣ. Но подобными дѣлами, хотя он
считаются законными, я всегда брезговалъ. Это —
не шляхетская нажива. Я всегда игралъ честно

еня считаютъ биржевымъ мудрецомъ, тогда какъ только биржевой счастливчикъ. Деньги, голубкъ, — океанъ, степь бездорожная. Я играю, помму что вѣрю въ свою звѣзду — и иду, куда меня ечетъ вдохновеніе... да, не смѣйся, пожалуйста, обое денежное вдохновеніе... инстинктъ... чутье лотого запаха... Я фаталистъ, мой другъ, безнажный и неизлѣчимый фаталистъ!..

Въ сущности, Винцентъ такой же авантюристъ, къ и я, только въ другой области... Оттого-то ъ и любитъ меня, хотя мы видимся — много-много, ли разъ въ пять лѣтъ. Я чувствую его симпатію резъ время и пространство. Я былъ въ Японіи, гда, три года тому назадъ, Винцентъ заболѣлъ фтеритомъ. Онъ не телеграфировалъ мнѣ, но я алъ, что онъ боленъ... мнѣ было нехорошо саму, и я догадывался, что мнѣ нехорошо потому, о сейчасъ нехорошо и Винценту.

У него же, въ смыслѣ чутья по отношенію ко ѣ, было въ юности даже телепатическое приклюніе, о которомъ въ свое время говорили и русскій ебусъ", и заграничные спиритическіе журналы. У ня сохранилась вырѣзка изъ „Ребуса", съ описамъ этого страннаго случая, въ видѣ фантастичего разсказа о „Бѣломъ Охотникѣ" и подъ выдунными именами. Николай — это братъ Винцентъ, рновка — Замостье, З. П. Бернова — пани Замойя, а усадьба Николая — тотъ самый Здановъ, гдѣ въ настоящее время нахожусь.

* *
*

Это случилось въ іюльское полнолуніе 1873 года. Я былъ въ гостяхъ у моей сосѣдки по имѣнію, иды Петровны Берновой, праздновавшей въ тотъ

день свое рожденіе. Когда гости собрались про
щаться, уже совсѣмъ свечерѣло. Кто, по настоянi
хозяйки, остался ночевать, кто отправился во-свояс
Къ числу послѣднихъ присоединился и я.

До моей усадьбы считалось отъ Берновки что-т
около трехъ верстъ; дорога шла полемъ и тольк
близъ самаго дома пряталась сажень на сто въ г
стой березнякъ — начало громаднаго казеннаго лѣс
покрывающаго добрую четверть нашего уѣзда. В
нашихъ мѣстахъ не шалили; про волковъ тоже н
было слышно, да лѣтомъ они и неопасны; у мен
въ карманѣ лежалъ револьверъ. Сообразивъ в
это, я отвергъ любезное предложеніе Берновой сна
дить меня экипажемъ и пустился въ путь пѣшком

Ночь была дивная. Луна успѣла высоко взойт
и все еще поднималась по небу. Берновка стоял
на сухомъ холмѣ, но за ея околицей я вступилъ в
полусвѣтъ, полусумракъ густого тумана, слегка п
серебреннаго мѣсяцемъ. Стало довольно свѣжо д
іюля. Впрочемъ, послѣ ужина съ достаточнымъ к
личествомъ выпитаго вина, послѣ толкотни въ душ
ныхъ накуренныхъ комнатахъ, маленькій холодок
былъ даже пріятенъ.

Я человѣкъ образа мыслей прозаическаго и ра
судочнаго, воспитанія матеріалистическаго, характе
положительнаго и желѣзнаго здоровья. Болѣзненна
наслѣдственность отъ матери, женщины весьма фа
тастической, послѣдней представительницы древняг
угрюмаго рода, давшаго Россіи цѣлый рядъ мист
ковъ и религіозныхъ искателей, сказалась во мн
только въ періодъ возмужалости, когда меня ни с
того, ни съ сего стали посѣщать припадки панич
скаго страха. Мнѣ внезапно дѣлалось жутко бы
одному, перейти въ другую комнату, стоять спино

къ двери или къ зеркалу; жутко до того, что я блѣднѣлъ, дрожалъ, обливался холоднымъ потомъ. А между тѣмъ я не зналъ трусости ни предъ какой явной физической опасностью. Ни предъ человѣкомъ, ни предъ звѣремъ, ни предъ труднымъ приключеніемъ. Я пробовалъ бороться противъ страха: если меня пугала темнота, я нарочно шелъ въ потемки; если мнѣ чудился неопредѣленный шорохъ, я изслѣдовалъ комнату, пока не убѣждался, что сробѣлъ... передъ мышами! Но какъ-то разъ, въ сумерки, я грѣлся у камина въ старомъ, темномъ кабинетѣ дѣда моего. Меня посѣтилъ страхъ, — тотъ особый страхъ: „Ты не обернешься назадъ, ни за что не обернешься!“ шепталъ мнѣ голосъ сердца моего. Вѣрный своему репрессивному лѣченію, я обернулся и — дрожь пробѣжала по моему тѣлу. Не подумайте, чтобы мнѣ предсталъ какой-нибудь фантомъ; нѣтъ, я не видѣлъ ничего страшнаго, скажу даже: ничего явственнаго. Но (не знаю, точно ли я выражаюсь) я почуялъ въ темномъ углу кабинета движеніе, или вѣрнѣе: содроганіе чего-то живого, чуждаго мнѣ. Не было никого, а какъ будто кто-то былъ въ томъ мѣстѣ. Я поясню примѣромъ, — его легко могутъ провѣрить своимъ опытомъ всѣ, кому въ удѣлъ достались чуткіе нервы: Въ большомъ темномъ залѣ сидитъ А.; Б. входитъ въ залъ безъ малѣйшаго шороха, ни однимъ звукомъ, доступнымъ человѣческому слуху, не извѣстивъ А. о своемъ приходѣ; тѣмъ не менѣе А., разъ онъ нервно настроенъ, непремѣнно почуетъ хоть на одну секунду Б. и окликнетъ: „кто здѣсь?“ Если увѣрять А., что ему „представилось“, онъ согласится; но попросите его показать мѣсто, гдѣ „представилось“, и А. безошибочно укажетъ сторону, откуда появился

Б. Близкое къ подобной чуткости, только гораз
болѣе волнующее, ощущеніе испыталъ я при оп
санномъ случаѣ.

Съ тѣхъ поръ движеніе стало бичемъ моим
Стоило мнѣ остаться одному, и я уже чувствова
его предъ собой. Въ длинные зимніе вечера я пог
балъ отъ этого неуловимаго мельканія. Даже общ
ство не всегда спасало меня. Я считалъ и счита
свое движеніе болѣзнью, несомнѣнно основанн
на чисто физіологическихъ причинахъ: можетъ быт
виной было временное пораженіе сѣтчатой оболочк
можетъ быть, общее разстройство нервовъ, связа
ное съ процессомъ возмужалости, привело въ безп
рядокъ и зрительный аппаратъ. Что главную ро
въ болѣзни играли глаза, я вывожу вотъ откуд
ни осязаніе, ни слухъ не участвовали въ припадках
я ни одного звука не слыхалъ отъ движенія, я
разу не ощутилъ отъ него вѣянія. Къ семнадца
годамъ это непріятное недомоганіе покинуло ме
совершенно, такъ что въ ту пору, какъ я описыва
свое приключеніе, я о „движеніи" забылъ и д
мать.

Я скоро достигъ лѣса. Здѣсь было такъ туманн
что, не знай я дороги, пришлось бы двигать
впередъ ощупью. Медленная ходьба и однообразн
бѣлизна сырого воздуха странно повліяли на мен
я впалъ въ задумчивость, глубокую и отвлеченну
какъ магнетическое усыпленіе. Когда навстрѣчу м
попался какой-то мужикъ, я могъ еще разглядѣ
его высокую фигуру, видѣлъ, что онъ мнѣ покл
нился, но не помню, отдалъ ли я поклонъ, и пол
жительно помню, что уже не слыхалъ шума его ш
говъ. Долго ли я шелъ, не знаю; во всякомъ сл
чаѣ, больше получаса, т. е. времени, совершен

достаточнаго, чтобы неспѣшнымъ шагомъ добрести отъ Берновки до моего жилища.

Большая сова гукнула надъ самымъ моимъ ухомъ, тяжело поднялась съ сука и проплыла надъ моей головою; мягкій шумъ ея полета заставилъ меня очнуться. Я оглядѣлся: вокругъ былъ лѣсъ, но не тотъ, знакомый мнѣ вдоль и поперекъ, березнякъ. Ноги мои тонули въ росистой травѣ; поблизости не было видно ни проселка, ни даже тропинки. Я забрелъ въ болотистую лощину; невдалекѣ журчалъ ручей. Гигантскія сосны обступали края лощины и, сквозь туманъ, казались еще громаднѣе. Я терялъ голову въ догадкахъ, куда завела меня моя непонятная разсѣянность и какимъ образомъ завела? По многимъ признакамъ мнѣ казалось, что я — въ такъ называемомъ Синдѣевскомъ Яру, хотя я очень желалъ обмануться, потому что Синдѣевскій Яръ скверное мѣсто. Годъ назадъ, тамъ едва не погибъ мой братъ Георгій. Загнавшись туда за раненой лисой, онъ незамѣтно очутился, какъ и я теперь, между двумя извилистыми линіями высокихъ, почти отвѣсныхъ обрывовъ; не трудно въ двухъ — трехъ мѣстахъ скатиться внизъ по мягкой глинѣ, какъ съ ледяной горы, зато не такъ легко взобраться опять наверхъ: глина оползаетъ громадными глыбами и, того гляди, похоронитъ подъ собою. Зеленыя лужайки по дну лощины, при ближайшемъ знакомствѣ, оказываются обманчивымъ покровомъ сплошного топкаго болота; въ Яру нельзя шагу сдѣлать безъ опасности завязть въ зыбучей трясинѣ, какъ и случилось съ Жоржемъ. Обдумавъ свое положеніе, я понялъ, что, даже въ самомъ лучшемъ исходѣ, долженъ провести ночь въ лѣсу, такъ какъ, если бы даже мнѣ удалось выбраться изъ Яра,

я заплутался бы въ чащѣ. На линіи обрыва вид-нѣлось нѣсколько просѣкъ; по какой изъ нихъ я пришелъ, не было ни малѣйшаго представленія въ головѣ моей. Я покорился своей участи и присѣлъ на первый попавшійся пенекъ. Было очень тихо. Только пугачи перекликались гдѣ-то очень далеко и замѣчательно мѣрно: крикнетъ одинъ — пауза, крикнетъ другой — опять такая же пауза — опять крикъ перваго... Жутко было слушать ихъ дикіе вопли — сердце надрывалось.

Едва я принялъ спокойную позу, какъ внезапно ощутилъ близость давно забытаго *движенія*. Я вперилъ глаза въ бѣлую глубь тумана и скоро нашелъ въ немъ какъ бы содрогающуюся точку: *движеніе* распространялось отъ нея, какъ лучи отъ свѣтильни, кругомъ и, чѣмъ ближе къ окружности, тѣмъ слабѣе; весь кругъ представлялся моему воображенію аршина четыре въ діаметрѣ; онъ не перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто, что случалось наблюдать мнѣ раньше, а, напротивъ, устойчиво держался первоначальнаго центра. Сосредоточенное вниманіе къ точкѣ быстро привело меня ко сну — по крайней мѣрѣ, я не помню себя въ теченіе довольно долгаго времени до момента, когда голосъ, далекій, но рѣзкій и ясный, назвалъ меня по имени. Я вскочилъ на ноги.

— Ау! Кто здѣсь живъ человѣкъ? — закричалъ я.

Эхо прокатилось по просѣкамъ и смолкло. Пугачъ раздирающе ухнулъ и стихъ. Отвѣта не было. Минута, другая, третья — наконецъ, съ востока донесся до меня слабый раздѣльный окликъ:

— Ни-ко-лай!

Очевидно, меня хватились дома братъ и дядя и

адумались учредить за мной поиски. Я несказанно брадовался, крикнулъ еще разъ, что было мочи, и ошелъ въ сторону голоса. Мнѣ посчастливилось разу попасть на тропинку — узенькую, глубокую вязкую, вѣроятно, протоптанную къ водопою каанами: ихъ много въ нашемъ уѣздѣ. Крупный звѣрь росился съ моего пути — бѣлыя полосы на спинѣ бличили барсука. Я шагалъ неутомимо. Голосъ по ременамъ звалъ меня и все съ одной и той же стооны. Я громко аукалъ, однако мнѣ не отвѣчали — начитъ, меня не слышали. Сперва я удивился, заѣмъ заключилъ, что попалъ въ акустическій фокусъ, есьма обыкновенный въ лѣсныхъ дебряхъ, если онѣ азбросаны на холмахъ: звукъ съ полной ясностью олетаетъ сверху внизъ и весьма слабо распростраяется снизу вверхъ; иногда бываетъ и наоборотъ.

Кабанья тропа кончилась. Почва стала крѣпче; елкіе голыши шуршали подъ ногой. Скоро я уперся ъ каменистую тропу, протоптанную къ верху обыва.

— Николай! — отчетливо раздалось надо мной. былъ у цѣли! Въ двѣ минуты, не больше, я вскаабкался въ гору. Наверху никого не было. Знаитъ, братъ, не слыхавъ моихъ воплей, рѣшился наравить поиски въ другую часть Яра. Какъ бы то и было, онъ не могъ уйти далеко. Я аукнулъ и истнулъ особымъ манеромъ, хорошо извѣстнымъ оржу. Тогда произошло нѣчто необычайное.

Я стоялъ на границѣ тумана. За мной, въ лощинѣ ыло цѣлое море паровъ; предо мной поднимался согоромъ темный сухой лѣсъ съ широкой прогаиной, залитой луннымъ блескомъ. Оттуда, словно ъ отдушины, тянуло мнѣ въ лицо предразсвѣтнымъ тромъ. Когда я свисткомъ разбудилъ эхо, изъ-за

плечъ моихъ вырвались, отдѣлясь отъ тумана, д
огромныхъ бѣлыхъ клуба и полетѣли, — какъ тепе
я соображаю, противъ вѣтра — прямо въ о
верстіе прогалины. Въ полетѣ они, словно таял
уменьшались въ объемѣ и все ниже, ниже приника
къ землѣ...

— Николай! — дошло ко мнѣ по вѣтру. Я п
спѣшилъ на зовъ и тамъ, гдѣ прогалина кончалас
упираясь въ лиственную стѣну, издали зазрилъ выс
каго человѣка въ бѣломъ кителѣ, съ ружьемъ
плечами, и возлѣ него сеттера, тоже бѣлаго.

— Это ты Жоржъ? я здѣсь! Долго вы ме
искали? — заговорилъ я, но, приблизившись, уб
дился, что обращаю рѣчь къ молодой березкѣ; опт
ческій обманъ показалъ мнѣ бѣлаго человѣка саже
на пятнадцать ближе, чѣмъ стоялъ онъ на само
дѣлѣ, у поворота узкой тропинки, уходившей
глубь лѣса. Я налегъ на ноги и настигъ охотни
на столько, что могъ слышать фырканье его собак
Еще шагъ впередъ, и свѣтлый человѣкъ исчезъ
кустахъ, а, когда опять появился на тропинкѣ,
оказался еще на большемъ разстояніи отъ меня, чѣ
раньше! Я смутился. Мысль о сверхъестественно
явленіи мелькнула въ моемъ умѣ.

— Жоржъ! довольно дурачиться! остановись! —
сказалъ я.

Отвѣта не было. Страхъ зашевелилъ мои в
лосы.

— Жоржъ! — повторилъ я, и голосъ мой др
жалъ и прерывался, — Жоржъ! скажи, что это ты.
Я боюсь...

Отвѣта не было. Мы шли теперь шаговъ
двадцать другъ отъ друга... Я на ходу вынулъ р
вольверъ.

— Стой, Жоржъ! Умоляю тебя — не продолжай шутки... Я не могу больше терпѣть: я выстрѣлю въ тебя... я боюсь, боюсь... Отвѣчай!

Отвѣта не было. Тогда я навелъ револьверъ въ спину охотника. Онъ остановился, повернулся ко мнѣ лицомъ и, какъ мнѣ показалось, съ упрекомъ покачалъ головой. Револьверъ дрогнулъ въ моей рукѣ... Призракъ (я болѣе не сомнѣвался, что вижу призракъ) опять тронулся впередъ; я, весь дрожа, все-таки старался не отставать отъ него. Я не могъ разглядѣть страннаго вожатаго: укрываясь въ тѣни деревъ, онъ и его сеттеръ двумя, чуть свѣтящимися, пятнами скользили на темномъ фонѣ лѣса.

Чаща рѣдѣла: меньше попадалось подъ ноги бурелома, гніющихъ колодъ, вѣтви рѣже хлестали въ лицо. И вотъ — свѣтящіяся пятна вдругъ потухли, исчезли. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній строй вѣкового лѣса остался за мною. Я стоялъ на окопѣ — впереди разстилалась внизъ по пригорку кудрявая опушка; при мерцаніи занимавшейся зорьки, вдали чернѣли крыши моей усадьбы. Призракъ не показывался болѣе...

Красный шаръ солнца выкатился на горизонтѣ, когда я былъ, наконецъ, дома.

Жоржъ спалъ въ своей комнатѣ, завалившись въ постель съ ранняго вечера. Итакъ, меня вывелъ изъ лѣса не онъ.

— Кто же? кто? — мучительно думалъ я и съ тѣмъ вопросомъ уснулъ, побоpенный усталостью. На утро, если бы не синяки отъ ушибовъ, не царапина на лицѣ, не ломота въ разбитыхъ членахъ, меня никто не увѣрилъ бы въ дѣйствительности ночного приключенія. Жоржъ вошелъ ко мнѣ, когда я еще не вставалъ.

— Гдѣ ты вчера пропалъ? — заговорилъ онъ, —

я о тебѣ безпокоился. Даже во снѣ тебя видѣлъ, — цѣни! — и какъ еще скверно видѣлъ: будто т застрялъ въ Синдѣевской трясинѣ, и мы съ Милор кой тебя оттуда выручаемъ...

— Какъ?.. — я поднялся съ подушекъ.

— Съ Милордкой... Забылъ развѣ покойник Эхъ, славный сеттеръ былъ! чутье неподражаемое. Да что съ тобой?! — вскрикнулъ вдругъ Жоржъ бросился ко мнѣ на помощь, — ты, кажется, соб раешься падать въ обморокъ? Эка! Побѣлѣлъ, ка полотно...

5 мая.

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, я, чтобы ознак миться съ средневѣковою демонологіей, прове зиму въ Парижѣ и Римѣ... Въ Ватиканѣ я из чалъ пергаментные фоліанты, прикованные къ по камъ желѣзными цѣпями: старинные суевѣры вооб ражали, что если на эти книги не надѣть кандалов то черти непремѣнно унесутъ ихъ, чтобы лиши людей возможности изучать формулы и знаки, п средствомъ которыхъ Соломонъ, Альбертъ Велик Корнелій Агриппа, Парацельсъ и Фаустъ покоря себѣ нечистую силу. Средство довольно благоразу ное, если не противъ чертей, то противъ люде Не знаю, сильно ли опасаются черти каббалистич скихъ сочиненій, но между людьми, навѣрное, всег найдется множество охотниковъ стащить книгу, ук зывающую имъ дорогу къ дьяволу.

Однако, въ библіотекѣ прадѣда я нашелъ и безъ всякихъ цѣпей, и — ничего, цѣлехоньки. Лю здѣшніе не понимаютъ библіографической цѣнно этихъ рѣдкостей, а черти на Волыни — либо бе грамотны, либо зазѣвались, по хохлацкому ротозѣ

тву, либо стали вольнодумцами и не нуждаются, по ынѣшнему времени, въ магической литературѣ.

Я занимался этою литературою, потому что меня нтересовалъ вопросъ о галлюцинаціяхъ и автогипноизмѣ, взаимодѣйствіемъ которыхъ современная наука бъясняетъ средневѣковую чертовщину. Я перечиалъ томы невозможнаго бреда на невозможной лаыни. Удивительно одуряютъ головы подобнаго рода роизведенія. Въ Парижской библіотекѣ мнѣ разсказывали, что одинъ нѣмецъ, незадолго до меня прившійся за изученіе оккультизма, читалъ-читалъ Malleum maleficarum" Спренглера, да вдругъ — какъ скрикнетъ... отскочилъ отъ стола, дрожитъ весь, ну креститься: ему почудилось, что на столъ къ ему вскочилъ чертъ въ красныхъ сапогахъ на пѣушьихъ ножкахъ и насмѣшливо смотритъ на него лобными глазами.

— Что, молъ, — почитываешь? Желаешь знать, аковъ я изъ себя? А я — вотъ онъ самъ налицо: юбуйся!

Н. С. Лѣсковъ разсказывалъ мнѣ, какъ однажды нъ, такимъ же образомъ, дочитался требника Петра огилы, гдѣ есть молитва для заклинанія злыхъ дувъ, до того, что ему стало мерещиться, будто ѣртъ уже въ сосѣдней комнатѣ, и — вотъ только очитай онъ заклинаніе до конца — нечистый сейсъ же войдетъ къ нему въ кабинетъ in persona, всемъ адскомъ мундирѣ, съ когтями, рогами, хвоомъ, ароматомъ жупела и сѣры... А, вѣдь, образованнѣйшій человѣкъ! Владимиръ Соловьевъ тоже чертей вѣритъ и видитъ ихъ... А, впрочемъ: мъ кумушекъ считать трудиться, не лучше ль на бя, кума, оборотиться? Вспомнимъ ночь на Корфу, гда оберъ-скептикъ, графъ Валерій Гичовскій, не

посмѣлъ взглянуть на морской смерчъ, принявъ его тоже за что-то вродѣ черта, вызваннаго заклинаніями Лалы Дубовичъ. Ахъ, Лала! безумная, дикая Лала! Странно: когда я вспоминаю исторію Дебрянскаго, мнѣ больше всѣхъ, пострадавшихъ въ ней, жаль ея виновницу — эту бѣдную, злую Лалу, полусумасшедшую, полувдохновенную жрицу таинственной Оби... Она, кажется, тоже питала ко мнѣ нѣкоторую симпатію. По крайней мѣрѣ, послѣдній предъ исчезновеніемъ визитъ ея былъ ко мнѣ... она сулила мнѣ какія-то бѣдствія и предостерегала меня отъ нихъ... Гдѣ-то бродитъ она теперь, со своими внезапно сѣдыми волосами, со своимъ таинственнымъ ужомъ, несчастная, запоздавшая на тысячу лѣтъ, сибилла, разбитое сердце, разложившійся умъ? Нашла ли она новую ученицу, за которою пустилась въ поиски, взамѣнъ этой тряпки — впрочемъ, надо сознаться, въ высшей степени красивой и даже поэтичной тряпки, — Зоицы? Сомнѣваюсь, чтобы ей удалось еще разъ порадовать Великаго Змѣя открытіемъ возрожденной Евы, готовой вступить съ нимъ въ законный бракъ! Вѣрнѣе, что уже давно ее самое поглотилъ обожаемый ею, вѣчно льющійся изъ самого себя самъ въ себя, океанъ мертвыхъ, единая, въ смерти не умирающая, тлѣніемъ жизнь продолжающая, великая царица міра, мать настоящаго, прошедшаго и будущаго, — бездна Обь! Я желалъ бы повидать Лалу... Мое неугомонное стремленіе знать и видѣть новое держало меня всегда въ сторонѣ отъ женщинъ. Кто связывается съ бабами, кто имъ подчиняется, всегда останется невѣждою во всякомъ познаніи, кромѣ, можетъ быть, науки о нихъ самихъ. Я никогда не былъ влюбленъ и не понималъ потребности любить. Женщинъ я зналъ много, но онѣ

ставались для меня либо только сестрами, либо олько наложницами. Соединить свою судьбу съ удьбою которой-нибудь изъ нихъ я никогда не ощущалъ ни желанія, ни возможности. Съ Лалою ыло пріятно, въ ней не надо было чувствовать енщину, зато чувствовался хорошій товарищъ. Въ ей сидитъ тотъ же демонъ фантастическаго аван-оризма, что тревожитъ и носитъ по свѣту меня. еперь Лала — преждевременная старуха, дикарка, огибшая въ ревнивомъ чаду суевѣрій, безпощадныхъ убійственныхъ. Жаль, что я поздно ее встрѣтилъ. ѣтъ десять, двѣнадцать тому назадъ, ее можно ыло бы еще перевоспитать. А если бы этакой вотъ алѣ дать образованіе и выбить ее съ дороги суе-ѣрія на тропу живыхъ и практическихъ изысканій, — о бы только могли мы сдѣлать, съ нашею-то двой-ою энергіей!

Если бы я подозрѣвалъ въ библіотекѣ прадѣда кія сокровища, то въ Ватиканъ не за чѣмъ было бы утешествовать. Половина книгъ съѣдена мышами, и оставшейся половины довольно, чтобы, про-авъ ее любителю или Публичной библіотекѣ, вы-упить Гичовъ или Лайцевицы... Но я самъ люби-ль — и онѣ останутся при мнѣ. Все больше ла-инь. Славянскія рукописи обратились въ соръ. иера попалась мнѣ среди бумажнаго тлѣна одна ѣлѣвшая страница-полууставъ...

„Имаши ли зрѣти сродника твоего, подружника ибо знакомита, иже отшедъ отъ здѣ, тлѣніемъ рсти, изъ нея же сотворенъ бысть, той подобенъ ратися, изыдый о полунощи, первымъ кочетомъ зглашающимъ, сяди на празѣ цментажовомъ, и срод-ка, его же зрѣти волишь, вяще содержи въ па-ти твоей токмо его единаго, развѣ всякія прочія

мысли. Очей повруцанія опасъ паментуй, зракъ ж
имѣй вознесенъ къ Стожару, отъ Возчика къ звѣзд
рекомой Глафиръ, тоя же изъ седьми нарочито я
костна, отъ ковша на рукоять гвоздное пронжен
указуетъ; морганія же скораго и дыханія наипа
стерегись елико возможешь, понеже працѣ вредъ
неспорь велія. Поколику вся реченная исполниш
желанный тобою придетъ къ тебѣ и сядетъ и б
детъ съ тобою, аки бы и въ живомъ естест
сущій ..."

Должно быть, писано въ концѣ семнадцатаг
либо въ началѣ восемнадцатаго вѣка: языкъ пут
ный — ни русскій, ни славянскій, и полонизмы у
встрѣчаются... Надо полагать, сочиненіе какого-н
будь чудачка, воспитаннаго въ Греко-Латинской Ак
деміи братьевъ Лихудовъ.

6 мая.

Наконецъ, любопытная находка — латинскій
quarto, въ телячьей кожѣ, анонимный, печатанъ
Кельнѣ, годъ изданія вырванъ... по печати и з
ставкамъ не старѣе первой половины XVII столѣт
Названіе: „Natura Nutrix, aut Curiosa de Stellis, v
bis, herbis, lapidibus eorumque effectis et actionibus
Авторъ неизвѣстенъ... Мнѣ еще не попадался
руки этотъ „физіологъ", какъ звались подобныя с
чиненія въ средніе вѣка.

Читается трудно... варварская схоластическая л
тынь... И чушь страшная... Но меня занимае
авторъ, а не книга. То-то былъ фанатикъ! Хоть
одно слово сомнѣнія въ своихъ знаніяхъ, недовѣр
къ своимъ чудесамъ. У него нѣтъ гипотезъ —
аксіомы. Рубитъ прямо и повелительно: Misce, f
divide! Произнеси такія-то и такія-то заклинанія,

тово: совершится такое-то чудо, такой-то и такой-чортъ покажется тебѣ въ рѣшетѣ.

Курьеза ради, я продѣлалъ одинъ изъ рецептовъ, оизнесъ завѣтную формулу — однако, дьяволъ in rsona не соблаговолилъ ко мнѣ пожаловать. Впромъ, можетъ быть, ему помѣшали: какъ разъ въ у минуту, ко мнѣ постучался мой старый Якубъ, обы доложить, что пріѣхалъ ко мнѣ съ визитомъ шъ уѣздный врачъ. Зовутъ его Коронатомъ Стаславовичемъ Паклевецкимъ. Онъ изъ смоленскихъ орянъ. Веселый человѣкъ.

— Знаете, — говоритъ, — насъ, смоляковъ, дразгъ: кость-то шляхетная, да собачьимъ мясомъ росла... Это русскіе. А поляки говорятъ про насъ угое: пулъ пса, пулъ козы — недовярокъ Божій...

Образованный, живой, довольно остроумный. юхо Гаргантюа, губы младенца. Но мнѣ онъ всеки не понравился. Что-то ужъ очень много развязсти... Думается мнѣ, что Паклевецкій совсѣмъ не кой душа-человѣкъ и рубаха-парень, какимъ хогъ казаться. Черненькіе глаза его щурятся въ поянную улыбку, но взглядъ остается холоднымъ и рожкимъ... Точно докторъ всегда за тобою слѣтъ, а самого его — нѣтъ, дудки! врасплохъ не ймаешь! А есть на душѣ у него что-то скверное, чистое... есть! Впрочемъ, если только у него обще есть душа, а не паръ, какъ у кота Васьки. А интересенъ. Хотя бы уже тѣмъ, что превосвно знаетъ всѣхъ родственниковъ моихъ съ отвской стороны, съ которыми я очень мало знагъ, такъ какъ не очень-то простили они отцу жеьбу на русской и то, что не сумѣлъ сохранить ъ въ католичествѣ. Кого лѣчилъ, съ кѣмъ другъ. Отецъ, въ его воспоминаніяхъ, мало любопы-

тенъ: обыкновенный молодчина шляхтичъ, захудаль
уѣздный аристократъ, гоноровый гербовикъ, смоло
бравый армейскій офицеръ въ хорошемъ кавалері
скомъ полку, потомъ отличный сельскій хозяин
Поймалъ себѣ богатую жену-московку, при помощ
которой не только возвратилъ себѣ старинныя ко
фискованныя богатства польскихъ графовъ Гичо
скихъ, но еще и значительно ихъ пріумножил
Рано умеръ, потому что сильно расшибся на охо
съ борзыми, — упалъ въ ровъ вмѣстѣ съ взбѣси
шейся лошадью: шляхетскій гоноръ не позволи
выброситься изъ сѣдла. Совсѣмъ молодымъ врачом
только что съ университетской скамьи, Паклевецк
провожалъ за границу, какъ ординаторъ, психичес
больную тетку мою, графиню Ядвигу Гичовску
несчастнѣйшую истеричку, страдавшую маніей пр
слѣдованія и эротоманіей въ формахъ демоническа
бреда. Разсказалъ мнѣ о ней много любопытнаго
обѣщалъ привезти либо прислать ея записки, кот
рыя она вела въ лѣчебницѣ, незадолго до смер
въ свѣтлые промежутки своего недуга.

10 мая.

Солнце выглянуло... Тепло, свѣтъ и ароматъ.
Я пробылъ цѣлый день въ паркѣ... Ушелъ тольк
съ закатомъ солнца.

Проходя домой, вижу вдали, между двумя куста
жимолости, розовое пятно. Подхожу ближе, — пят
оказывается дамою — и даже очень красивою. На
полагать, страстная любительница природы: устав
лась на закатъ и не сморгнетъ; а глаза огромны
прекрасные, голубые; волосы, какъ золото. Я п
клонился. Дама оглядѣла меня съ изумленіемъ, о
дала поклонъ и, сконфузясь, скрылась за деревья

акъ быстро, что я не успѣлъ ни слова ей сказать, и послѣдовать за нею. Только раза два мелькнуло ъ кустахъ розовое платье... Очаровательное соданіе! Я даже радъ, что не удалось познакомиться. ъ этой нѣмой мимолетной встрѣчѣ было что-то оэтическое.

Съ „Natura Nutrix“, наконецъ, развязался. Любоытною показалась мнѣ только слѣдующая легенда: Въ странѣ дикихъ монголовъ, гдѣ берутъ свое нaало пять рѣкъ, изливающихся въ Индѣйское море, астетъ папоротникъ, называемый Огненный Цвѣтъ, обываемый туземцами съ великими трудностями, поому что гнѣздится онъ въ глубинѣ дикихъ ущелій, ежду снѣжными горами, на неприступныхъ топяхъ трясинахъ. Но туземцы не боятся ни трудностей, и лишеній, презираютъ опасность самой жизни воей, лишь бы достать кустъ Огненнаго Цвѣта; ладѣющій же такимъ сокровищемъ не уступитъ его и даже если предложить золота въ десять разъ ротивъ его вѣса. Цвѣтъ этотъ имѣетъ великую и удесную силу. Кто владѣетъ имъ, видитъ, какъ бы квозь хрустальную стѣну, все золото въ жилахъ и озсыпяхъ подъ землею. Подобно тому, какъ водоосли пронизываютъ собою воду и устилаютъ дна орскія, такъ золотыя волокна тянутся и распластыются сквозь землю. Мѣсторожденія же золота уть въ то же время и мѣсторожденія жизни. Ибо го иное есть золото, какъ не стволъ, корни, сучья, истья, цвѣты и плоды древа жизни, которое Богъ редвѣчно возрастилъ для человѣковъ въ раю? Но— ослѣ того, какъ Адамъ и Ева, забывъ завѣтъ поушанія Создателю своему, вкусили плодовъ наущеія змѣинаго отъ древа познанія добра и зла, и вступила въ міръ, по грѣху ихъ, наказующая смерть,

древо жизни погрузилось въ глубину земли и, смѣ-
шавшись съ элементами, распалось и переродилось
въ золотыя руды и самородки. Такимъ образомъ
Огненный Цвѣтъ, указуя владѣльцу своему глубо-
чайшія золотыя мѣсторожденія, открываетъ ему н
только возможность обогатиться больше всѣхъ зем
ныхъ владыкъ, но и найти великую тайну побѣд
надъ смертью. Владѣя Огненнымъ Цвѣтомъ, легк
достать изъ земли жизненныя волокна, и тогда че
ловѣку тому не страшны угрозы смерти: онъ бу
детъ живъ, пока самъ не пожелаетъ избавиться от
тягостей земного бытія. Онъ можетъ воскрешат
мертвыхъ, соединять въ существа тѣлесные атомы
элементы, разсѣянные въ воздушныхъ пространствахъ
вызывать чувство и голосъ въ бездушныхъ предме
тахъ. Но достать Огненный Цвѣтъ удается едва л
одному человѣку въ столѣтіе; ибо, не считая есте
ственныхъ препятствій къ его добыванію и крайне
рѣдкости самого растенія, оно охраняется неусыпно
ревностью злыхъ духовъ, всегда враждебныхъ чело
вѣку и закрывающихъ для него двери благополучія
Такъ какъ злые духи сами не могутъ, по божествен
ному милосердію, касаться Огненнаго Цвѣта — ра
зящаго ихъ, какъ молніей, если онъ не былъ ещ
въ рукахъ человѣческихъ, — то, когда искатель под
ступаетъ къ таинственному растенію, бѣсовская сил
окружаетъ его со всѣхъ сторонъ и, допустивъ че
ловѣка сорвать цвѣтокъ, затѣмъ стращаетъ его зрѣ
лищемъ всякихъ чудовищъ, пока человѣкъ отъ ужас
не умретъ или не выронитъ драгоцѣннаго цвѣтк
пламенѣющаго въ рукѣ его".

Похоже на наши славянскія повѣрья. Не удиви
тельно: легенда идетъ съ Тибета, а вся славянска
мистика — родомъ оттуда. Да. Это Жаръ-Цвѣт

или Свѣти-Цвѣтъ русскихъ сказокъ, Перуновъ цвѣтъ хорватовъ, Солнечникъ хорутанъ. „Что цвѣтетъ безъ цвѣту? Папороть". Когда Жаръ-Цвѣтъ цвѣтетъ, то ночь бываетъ яснѣе дня и море колыхается. Съ громомъ раскрывается почка папоротника и распускается золотымъ цвѣткомъ или краснымъ, кровавымъ пламенемъ, но въ тотъ же мигъ увядаетъ, листочки его осыпаются и бываютъ расхватаны нечистыми духами. Въ старинныхъ травникахъ цвѣтокъ папоротника описывается почти въ тѣхъ же чертахъ и почти съ тѣми же свойствами:

„Въ то время приходитъ множество демоновъ и великіе страхи творятъ, что уму человѣческому непостижимо. Цвѣтъ папороти, когда отцвѣтетъ, осыпется на то, что постлано, и ты тотъ цвѣтъ смети перышкомъ въ одно мѣсто бережно и залѣпи воскомъ (отъ свѣчи, горѣвшей у запрестольнаго образа Богородицы); тотъ цвѣтъ завсегда цѣлъ будетъ. А если не залѣпишь, то нечистые унесутъ у тебя; для того людямъ не даютъ его взять, что онъ очень имъ противенъ и всю ихъ силу разрушаетъ. Если кто его возьметъ, то никакой дьяволъ, и ворожея, и грѣшникъ укрыться не можетъ, и дьявольская сила вся ему будетъ видна и знатна, и ни съ какой своей пакостію отъ него не укроется... Тотъ цвѣтъ носи на лбу: узнаешь и увидишь, гдѣ какая поклажа (кладъ) лежитъ, и какъ что положено и сколь глубоко, и можешь взять безъ всякаго вреда и остановки — для того, что ты уже демоновъ увидишь; и съ нимъ тебя жестоко бояться станутъ, и когда ты куда ни поѣдешь, если нечистые тутъ на мѣстѣ есть, то они отходить съ того мѣста станутъ, и можешь всякія поклажи съ тѣмъ цвѣтомъ получить — не заперто! Все узнаешь, что гдѣ есть или лежитъ,

или дѣлается, и какъ, куда и въ коемъ мѣст
просто сказать — все будешь знать, хотя и
чужіе города и иныя государства дороги и прописк
Тотъ цвѣтъ положи въ ротъ за щеку и поди, ку
хошь: никто тебя не увидитъ; что хошь — дѣлай.
Тотъ же цвѣтъ носить на головѣ — все видѣть
знать станешь, и вельми счастливъ будешь и д
стоинъ всякому начальству, во всякой чести будеш
А сія трава самая наисильнѣйшая надъ кладами
царь надъ цвѣтами, трава-папороть!“

Старинные стихійные миѳологи школы братье
Гриммовъ думали, что Жаръ-Цвѣтъ — не что ино
какъ молнія, вырастающая, подобно краснымъ цв
тамъ, на деревѣ-тучѣ. Но они давно провалились
забыты, эти стихійные миѳологи... Requiescant in pac

Взглядъ на золото, какъ на перегной, что ли, дре
жизни, впервые встрѣчаю въ такой опредѣленн
формѣ. Но о животворной силѣ золотыхъ мѣстор
жденій мнѣ случалось читывать и догадываться
смутнымъ намекамъ алхимическихъ сочиненій. Въ о
номъ романѣ Бульвера я встрѣтилъ такую же иде
А мистическіе романы Бульвера заслуживаютъ вн
манія: онъ хорошо изучалъ исторію фантастически
ученій, которыя описывалъ, да и, когда сочиня
„Занони“ и „Странную Исторію“, преданія розе
крейцерства, незадолго передъ тѣмъ разложившагос
еще были у многихъ въ памяти.

* * *

Спрашивалъ Якуба о розовой незнакомкѣ.

Недоумѣваетъ:

— Мабуть, якась сусідска пани, бо блыжче нема.

Я пошутилъ:

— Ужъ не русалка ли это была?

Онъ очень спокойно возразилъ:

— Нѣтъ, теперь у насъ русалокъ нѣтъ.

— А прежде были?

— Эге!

— Отчего же онѣ перевелись?

— А отъ пана грабего Ксавера Тадеуша, дѣдушки вашего.

— Какъ же онъ ихъ повывелъ?

— Извѣстно какъ: сталъ ловить, а которыхъ поймаетъ — пороть.

— Русалокъ-то?

— Эге!

— Да ты врешь, Якубъ: какъ же можно русалку выпороть? Она — духъ!

— Эге! Не знали вы, пане грабя, дѣдушки вашего. Онъ засѣдателей поролъ, не то что русалокъ. Попадись ему подъ сердитую руку самъ лысый дідько, онъ и тому сумѣлъ бы всыпать... Онъ — что дѣлалъ? Возьметъ святой воды съ девяти костеловъ и сваритъ на ней кисель, — сейчасъ всѣ вѣдьмы, сколько ни есть въ околодкѣ, начнутъ къ намъ въ усадьбу проситься и того киселя промышлять, потому что онъ для нихъ — большая сила. А графъ велитъ хлопцамъ примѣчать, кто изъ бабъ къ киселю лапу-то тянетъ, и, которая баба провинится, ту и деретъ... Прежде наша сторона была самая колдовская, а — послѣ графа ни-ни...

Я люблю Якуба. Красивый остатокъ старой Волыни — замковой, шляхетной, рыцарской и рабской, полу-казацкой, полу-холопской. Онъ словоохотливъ и, когда дернешь его за струнку воспоминаній, разсказываетъ прелюбопытныя казацкія сказки. Одну изъ нихъ я сегодня записалъ.

* *
*

А что, пане, бывали вы на Подолѣ? а знаете в
нашъ Браиловъ? Нѣтъ? Эге! такъ вы, може, и пр
каплицу нашу не слыхали, и про Пана Езуса Хр
стуса въ той каплицѣ?...

Дивный-предивный стоитъ онъ въ каплицѣ, —
нѣтъ такого человѣка, кто поглядѣлъ бы Ему
лицо, и не заскребли бы кошки на сердцѣ. Я чел
вѣкъ не молодого вѣку: сивый волосъ въ усу
плѣшь на головѣ отъ уха до уха. Но и то гла
свербятъ слезою, когда вижу Его, великаго Пана, ка
понуро и горестно стоитъ Онъ со скрученными р
ками, въ терновомъ вѣнцѣ... а ликъ-то, ликъ! Ч
было въ мірѣ горя и муки, — все-то личико Е
пріяло... Смотритъ на тебя Господь эмалевы
очами и точно говоритъ: видишь, какое горе терпл
Я за тебя, человѣче? а ты Мнѣ чѣмъ воздаешь за Мо
тоску? Загляни-ка въ свою душу, ужаснись свои
грѣховъ, да и пади на землю крестомъ, кай
и плачь!...

Добрый художникъ сработалъ ту статую, что
ней почилъ Духъ Божій! А волосы, пане, на той ст
туѣ не изъ сырца, либо изъ пеньки, какъ то бывае
въ другихъ каплицахъ, — нѣтъ: и на видъ, и
ощупь — человѣчій волосъ... И може, т
панъ, не изъ тѣхъ, что чудамъ вѣрятъ, — но вѣ
или не вѣрь, а растутъ тѣ волосы изъ года въ год
уже стали длинные, какъ женская коса, а все р
стутъ... и какъ дойдутъ они до пола — ни-вѣс
что случится; кто говоритъ, что будетъ свѣтопрест
вленіе, кто, будто наша Жечь Посполита встанетъ и
гроба и снова глянетъ на міръ грозными очами.
Разскажу тебѣ, вашмосць, какъ нашъ Христусъ пр
былъ въ Браиловъ.

Давно то было, еще при стародавнихъ круля

польскихъ: може, еще за Яна Собесскаго, а, може, и того дальше... Ты меня, панъ, извини: я старикъ темный, многимъ наукамъ не учился... что люди говорятъ, съ того и моя рѣчь, а не изъ книжекъ... Коли ты человѣкъ ученый, такъ знаешь, что нашъ Браиловъ не одинъ стоитъ на свѣтѣ, а есть еще гдѣ-то въ Турещинѣ другой Браиловъ, что поганцы пятой давятъ...

Гулялъ нашъ браиловскій панъ, гулялъ вольный гетманъ Потоцкій съ удалой дружиной по Днѣстру, Дунаю и Черному морю, билъ поганскіе корабли, шарпалъ по поганскимъ берегамъ, села поганскія дымомъ пожаровъ пускалъ по вѣтру. Много славы на землѣ досталъ Потоцкій: самъ султанъ въ Стамбулѣ боялся его, какъ ночной мары! А того больше досталъ заслуги на небѣ, потому что сколько душъ христіанскихъ вызволилъ онъ изъ мусульманской неволи, со сколькихъ людей поснималъ тяжкіе кайданы, одинъ Богъ милосердный сосчитаетъ; у насъ же грѣшныхъ и цыфирю не хватитъ. Воюетъ Потоцкій Турещину, колотитъ освященнымъ въ Ченстоховѣ карабелемъ по турскимъ тюрбанамъ, темницы ломаетъ, кайданы разбиваетъ... Только въ одну ночь спитъ онъ на коврахъ въ своей легковесельной чайкѣ и слышитъ во снѣ голосъ:

— Гой ты, гетмане, гетмане! Много ты, добрый рыцарь, поработалъ для Бога, а самой большой работы не исполнилъ; много ты невольниковъ выручилъ изъ турской обиды, а самый дорогой и лучшій невольникъ еще въ темницѣ... Какъ вызволишь ты его, — такъ всѣ тебѣ грѣхи простятся: и къ папежу въ Римъ не надо ѣхать за отпущеніемъ.

Потоцкій чуетъ, что сонъ не спроста, что говоритъ съ нимъ ангелъ Божій, и отвѣчаетъ:

— Аньелку! а гдѣ же тотъ невольникъ? Лиш бы знать, а сабли не жалко...

— Ступай, — говоритъ ангелъ, — до браилов скаго паши...

— Эге! — возражаетъ Потоцкій, — я вижу, ты аньелку, не знаешь, что тотъ паша обѣщалъ за мо голову двадцать тысячъ червонцевъ? не знаеш видно, и того, что со мной дружина малая, а в Браиловѣ сто тысячъ турковъ кромѣ янычаровъ? видалъ ли ты, какіе въ Браиловѣ муры да валы на нихъ пушки да гарматы?.. Я свой лобъ не в полѣ нашелъ, чтобы подставлять его на вѣрну смерть...

— Волка бояться — въ лѣсъ не ходить! — го воритъ ангелъ, — а что я тебѣ говорилъ, то вѣрн Сдѣлай, какъ совѣтую: хорошо твоей душѣ будет

Проснулся Потоцкій — задумался. И охота ем Господу Богу угодить, и знаетъ онъ, что не така Браиловъ крѣпость, чтобы ее осилить... Да и турк за мурами храбры, чертовы дѣти, не хуже нашег брата!..

Думаетъ гетманъ, крѣпко думаетъ. Видитъ эт вѣрный его гермекъ Длугошъ и спрашиваетъ:

— Для чего ты, васьпанъ, ходишь такой замы сленый?

— Молчи, Длугошъ! — не съ твоимъ разумом разобрать мое замысленье.

— Вонъ оно что, мосьпане! — говоритъ Длу гошъ, — не такъ ты поговаривалъ, когда крымскі ханъ держалъ тебя, малолѣтка, аманатомъ въ Бахчи сараѣ, какъ птицу въ золотой клѣткѣ, а я глупым своимъ разумомъ промышлялъ, какъ тебя вызволит изъ неволи... Нехъ бендзе такъ! былъ Длугошъ в умныхъ, зачѣмъ ему не побывать въ дурняхъ...

Стыдно стало Потоцкому, подѣлился онъ съ Длугошемъ своей думой, а Длугошъ сейчасъ и придумалъ:

— Или, вашмосць, мало у насъ червонцевъ? Гдѣ сила не возьметъ, тамъ золото одолѣетъ. Скидай лыцарскій доспѣхъ, надѣвай жидовскій кафтанъ... идемъ въ Браиловъ торговать райю!

Долго ли, коротко ли, пришли богатыри въ Браиловъ. Водитъ ихъ паша по тюрьмамъ и застѣнкамъ, за мужчину беретъ по алтыну, за марушку — полушку, и такая уйма полоненнаго народа была въ томъ Браиловѣ, что, хоть и не велика цѣна, а у Потоцкаго уже и денегъ не стало хватать... А тѣмъ часомъ ангелъ опять явился ему въ ночи.

— Ну, — спрашиваетъ Потоцкій, — вотъ сдѣлалъ я по-твоему! Доволенъ?

— Ничего ты не сдѣлалъ, — говоритъ ангелъ.

— Отто добре! Да гдѣ же онъ кроется, твой христіанскій невольникъ? Въ городѣ теперь всѣ тюрьмы настежь, потому что сидѣть въ нихъ некому... я всѣхъ колодниковъ выкупилъ...

— А заглядывалъ ты въ подвалъ подъ домомъ паши?

— Нѣтъ, не заглядывалъ... да кому тамъ быть? подвалъ сто лѣтъ какъ замурованъ...

— Хорошій ты, пане ксенже, воинъ и христіанинъ добрый, а много лишняго разговаривать любишь. Ты своимъ человѣческимъ разумомъ не разсуждай, а слушайся, и если велю тебѣ заглянуть въ подвалъ, то и загляни...

Пошелъ на другой день Потоцкій къ пашѣ, просить отомкнуть подвалъ. Выслушалъ его паша, бороду гладитъ:

— Отомкнуть можно. Отчего не отомкнуть?

за деньги все можно. Только что ты тамъ, жид искать будешь?..

— Что найду, то и куплю, эффенди! не бойс за цѣной не постою.

Засмѣялся паша:

— Видалъ я дураковъ, а такихъ, какъ ты, жид не видывалъ! Золота ты истратилъ много, полон набралъ великій, все тебѣ мало! Ты, должно быт того и не знаешь, что не провести тебѣ своего п лона и на сто верстъ, а будешь ты уже и голы и нищій, и благодари еще своего Бога, ежели сам не попадешь въ кайданы. Ты слыхалъ ли, что бр дитъ по Дунаю такой пройдисвѣтъ и урванъ П тоцкій?.. Охочъ онъ грабить и вѣшать вашего брата.

— Эге! а ты, эффенди, видно, и не знаешь, ч вотъ уже мѣсяцъ, какъ Потоцкій кормитъ своим вельможнымъ тѣломъ морскую рыбу? Смѣлъ больш сталъ. Мало было ему разбивать мѣстечки да г родки по Дунаю: поплылъ разорять Анатолійскій б регъ. Да не повезло ему: встрѣтилъ на морѣ в ликую силу. Три дня билъ его дружину изъ п шекъ требизондскій паша, разметалъ по синему м рю легкія чайки, а княжескую ладью перешиб ядромъ пополамъ и — всѣмъ, кто, на горе свое, с дѣлъ въ ней, и памяти не осталось.

Обрадовался паша. Невдомекъ ему, что л цари его дурачатъ. Повѣрилъ, хоть и подивилс что не пригнали къ нему съ такой важной вѣсты гонцовъ изъ Стамбула. Ну, да ужъ жиды тако народъ, что всякую новость знаютъ за сутки пр жде, чѣмъ случиться самому дѣлу. Мовша разск жетъ Ицкѣ, Ицка Срулю, — глядь, гонецъ-то по еще ѣдетъ да доѣдетъ, а жидовская молва обогна его на тысячу верстъ.

— Спасибо, жиды! утѣшили вы меня. Нѣтъ амъ ни въ чемъ отказа. Я пойду съ муллами блаодарить Аллаха за смерть Потоцкаго: такъ ему и адо было потонуть, собакѣ! А вы откройте подалъ и ройтесь въ немъ по всей своей доброй олѣ.

Спустились въ подвалъ лыцари. Темно, сыро; ога скользитъ по плѣсени; селитра на стѣнахъ; со водовъ каплетъ, жабы шлепаютъ по плитамъ толтыми брюхами!.. Гдѣ здѣсь живому человѣку быть? I недѣли не протянулъ бы, отдалъ бы Богу душу. Іожалъ плечами Потоцкій.

— Знать, то не ангелъ Божій говоритъ со мной о снѣ, а вводитъ въ соблазнъ хитрое привидѣніе. йда до дому, Длугошъ, покуда цѣлы, да не надуался паша, что мы съ тобою за птицы.

И уже повернулъ было къ двери, а старый герекъ хвать его за полу.

— Стой, пане ксенже! а то что за чудо свѣитъ въ углу?

Взглянулъ Потоцкій, такъ и обомлѣлъ! На ноахъ не выстоялъ, повалился ничкомъ на полъ темицы. А за паномъ повалился и Длугошъ. Леатъ и глазъ поднять не смѣютъ. А свѣтъ разгоается все ярче и ярче, точно солнце взошло въ эдвалъ... И шелъ тотъ свѣтъ отъ святой статуи ристовой, что, брошенная отъ невѣрныхъ въ подлъ, многіе годы лежала, никому невѣдомо, въ сору въ паутинѣ.

Подхватили богатыри статую на плечи, вынесли ъ подвальныхъ потемокъ подъ ясное небо. И молся, и радовался Потоцкій:

— Такъ вотъ какому невольнику пришлось поужить своей лыцарской удачей. Великою милостью

взыскалъ Ты меня, Боже, что поручилъ мнѣ тако святое дѣло!

Увидалъ паша, какое диво нашли богатыри в подвалѣ, — нахмурился.

— Оно, конечно, говоритъ, — христіанскій Бог мнѣ не надобенъ: у меня Мухамедъ. И то правда говоритъ, — что лучше его вамъ, жидамъ, отдат чѣмъ собакамъ-гяурамъ: они Его еще въ церков поставятъ, молиться Ему будутъ... Однако — вдруг въ Немъ есть какое-нибудь чародѣйство?

— Вспомни, эффенди, — убѣждаетъ его Потоц кій, — ты намъ далъ свое свѣтлое, великое слово все, что мы найдемъ въ подвалѣ, наше.

— Что слово? Слово мое. Хочу — даю его хочу—назадъ беру. Ну, такъ и быть — берите исту канъ. Только не даромъ.

— За деньгами не стоимъ. Заплатимъ, что хо чешь.

— Хочу я не много, однако и не мало. Скольк вытянетъ истуканъ на вѣсахъ, столько отсыпьте мн червонцевъ — золотникъ въ золотникъ, ни одним червонцемъ меньше.

Вытаращилъ глаза Потоцкій: никакъ паша вово одурѣлъ отъ жадности? Не денегъ ему жаль, а не гдѣ ему взять золота. Что было, пашѣ же за райн отдалъ. Что теперь дѣлать? Переглянулся съ Дл гошемъ, — тотъ тоже сталъ втупикъ, переми нается съ ноги на ногу, а совѣта не подаетъ...

— Нѣтъ, эффенди, это не подойдетъ... — на чалъ было Потоцкій, но въ то же мгновеніе его об вѣяло тихимъ вѣтромъ, и въ томъ вѣяніи онъ услы шалъ знакомый голосъ:

— Соглашайся!

Махнулъ рукой богатырь.

— Э! была не была! Ставь вѣсы, эффенди. ...оть, не въ обиду тебѣ сказать, и жаденъ ты, какъ ...лкъ, степной сиромаха, а дѣлать нечего: плачу — ...ое счастье! Жаль золота, да жаль и упустить изъ ...укъ дорогую находку. Семь шкуръ сдеру я за ...е съ богатыхъ гяуровъ нашей земли.

Поставили статую на вѣсы: тяга страшная — пол...ая чашка такъ и припала къ землѣ.

Ухмыляется паша:

— Ну, жиды, раскошеливайтесь!

А незримый ангелъ шепчетъ Потоцкому:

— Не робѣй. Вынь изъ кармана первую мо...ету, какая попадется въ руку, и брось въ пустую ...шку.

Потоцкій вынулъ червонецъ, положилъ — и ...шка съ червонцемъ опустилась и стала въ уровень ... другой, на которой стояла статуя. Ошалѣлъ ...ша, видя такое чудо; а пока онъ бороду гладилъ ... призывалъ на помощь Мухаммеда, Потоцкій и ...лугошъ подхватили статую и были таковы со всею ...купленною райей.

— Разживайся, молъ, эффенди, съ нашего чер...нца, да не поминай лихомъ.

И покрыла ихъ, по волѣ Божіей, темная туча, и ...ла подъ своимъ крыломъ до самаго Дуная, гдѣ ...дали удальцовъ ихъ быстрыя чайки.

Опамятовался паша, созвалъ къ себѣ мудрыхъ ...ллъ и улемовъ.

— Гадайте, муллы, по корану: что за диво та...е приключилось? Унесли у меня жиды христіан...каго Бога, а въ уплату оставили всего одинъ чер...нецъ.

Гадали муллы по корану и выгадали:

— Глупый ты, глупый паша! Лучше бы тебѣ,

глупому, и на свѣтъ не родиться. Не жиды у тебя торговали райю, не Мордко съ Ицкомъ, не Шулемъ съ Лейбой унесли христіанскаго Бога, а великій вольный гетманъ Никола Потоцкій со своимъ вѣрнымъ гермекомъ Длугошемъ. И еще мы тебѣ скажемъ: тою только статуей и держался нашъ Браиловъ. И если отдалъ ты ее въ руки христіанамъ, такъ ужъ заодно отдалъ бы имъ и ключи городскіе.

Зарыдалъ паша:

— Пропала теперь моя голова! Будьте милостивы, муллы, помолчите мало времени о нашей пропажѣ! Вырву я ее изъ гяурскихъ рукъ, и будетъ все по-старому. А не то дойдетъ слухъ въ Стамбулъ до султана, и пришлетъ онъ мнѣ шнурокъ на мою бѣлую шею.

Рябитъ попутный вѣтеръ Черное море, несутъ пузатые паруса ладью Потоцкаго на Днѣстръ къ лиману, и родная земля уже недалеко. Статуя Господня стоитъ на кормѣ, добрый путь уготовляетъ. Смотритъ Длугошъ въ сѣдую морскую даль, и тамъ, гдѣ небо сходится съ водою, мерещатся ему вражьи паруса.

— Неладно, пане ксенже! спѣшитъ за нами браиловскій паша сильною погоней, на трехъ фрегатахъ. Навались на весла, панове! утекай, покуда еще не видятъ насъ басурманы!

Куда тамъ! И часу не прошло, какъ засвистали надъ чайками ядра съ турецкихъ фрегатовъ. Только — что ни выпалятъ — мимо да мимо. Всѣ ядра черезъ чайки переноситъ. Бухаютъ въ море, — водяные столбы летятъ брызгами выше мачтъ съ цвѣтными вымпелами.

Сталъ паша кричать на пушкарей:

Сегодня утромъ вся прислуга помираетъ со смѣха, ѣшаясь надъ казачкомъ, который отворялъ для ия ночью ставни. Онъ увѣряетъ, что, пробѣгая кomъ, видѣлъ чертей.

— Какіе-жъ они, Тимошъ, изъ себя?

— А якъ панъ и пани, въ панской одеждѣ, только лица черны и муруги... Какъ молнія блесіа, мнѣ ихъ и освѣтило... Стоятъ надъ травою ъ этакъ отъ земли — и смотрятъ на палацъ во глаза... А потомъ — кругомъ — кругомъ, рутились вихремъ и пропали въ саду.

Мальчишку, конечно, смутили тѣни кустовъ, — е диво, какъ, при блескѣ молніи, дикія очертанія гольныя пятна ихъ померещились Тимошу только двухъ чертей: ихъ хватило бы на цѣлый шаъ...

19 мая.

Паклевецкій рѣшительно не можетъ равнодушно ѣть мало-мальски порядочной вещи: сейчасъ наіаетъ клянчить: подари да подари... То просилъ ать ему „Natura Nutrix", теперь влюбился въ опанныя вчера ручки... А еще говорятъ, безсреенникъ: не беретъ денегъ съ больныхъ, кромѣ саъ богатыхъ пановъ... Странно, что, несмотря безкорыстіе, его не любятъ въ народѣ. Я разариваль съ хлопами. Говорятъ:

— Панъ Паклевецкій — докторъ — что грѣха на у брать, — какихъ и въ Кіевѣ нѣтъ: захочетъ, — тваго изъ домовины подниметъ. Только у него орошій глазъ и тяжелая рука. И всѣмъ, кого лѣчилъ, потомъ не повезло; у Охрима Мокроа хата сгорѣла, у Панька дочка байструка родила, кого злодѣй камору обчистилъ, у кого корова

пала, али коней свели... И бѣсъ его знаетъ, ка-
кой онъ вѣры: не ходитъ ни въ костелъ, ни въ цер-
ковь, ни въ жидовскую школу...

Я пересказалъ этотъ разговоръ Паклевецко-
Онъ хохочетъ по обыкновенію.

— Ишь, хамы! Подмѣтили-таки мои неуда-
Въ самомъ дѣлѣ, меня преслѣдуетъ какой-то з-
рокъ: со всѣми моими больными приключаются
мые непріятные сюрпризы и скандалы...

— Пока я еще не испытываю на себѣ ваш-
вреднаго вліянія, — пошутилъ я, — и со мн-
ничего сюрпризнаго не случилось...

— Да вѣдь вы у меня еще и не лѣчились.
впрочемъ... ба-ба-ба!

Паклевецкій лукаво подмигнулъ.

— Какъ же ничего не случилось? А развѣ
еще не влюблены въ панну Ольгусю?

Вотъ тебѣ разъ! О, провинція, всевидящая, в-
знающая, вездѣсущая! а — главное — всесплет-
чающая!

— Разумѣется, нѣтъ... Да откуда вы зна-
что мы знакомы?

— Слухомъ земля полнится... Я даже зн-
что панъ ксендзъ Августъ удостоился получить о-
васъ въ подарокъ какую-то старую рукопись и
перь по цѣлымъ днямъ ломаетъ надъ нею свою м-
рую лысую голову...

— А помните, докторъ, какъ мы съ вами те-
лись въ догадкахъ о розовой дамѣ, которую
встрѣтилъ?

— Какъ же, какъ же... И, конечно, оказало-
что это была панна Ольгуся?

— Въ томъ то и дѣло, что нѣтъ. Я встрѣт-
ее опять...

Докторъ выслушалъ меня съ притворною разсѣянностью: я очень хорошо замѣтилъ, какъ серьезно заинтересовали его мои слова.

— Таинства Удольфскаго замка, сударь вы мой! — сказалъ онъ.

— Ужъ именно таинства! — засмѣялся я, — вонъ мой Тимошъ клянется даже, будто третьяго дня, во время грозы, у насъ по парку гуляли черти...

— Гм... смотрите: не воры ли?

— Воровать-то въ здановскомъ палацѣ нечего: всѣ цѣнности повывезены... а до книгъ, картинъ, статуй въ нашей округѣ нѣтъ охотниковъ.

— Не скажите: я, напримѣръ, съ наслажденіемъ стянулъ бы у васъ эти ручки...

Вотъ привязался-то!

А — кстати отмѣтимъ, благо къ слову пришлось: вѣдь ксендзъ-то Августъ — въ самомъ дѣлѣ, молодецъ, не даромъ хвастался своимъ мастерствомъ по тайнописи! Разобралъ-таки кусочекъ рукописи, — она оказалась французскою, — сегодня прислалъ мнѣ переводъ... Дикое что-то: „цвѣлъ 23 іюня 1823... цвѣлъ 23 іюня 1830... оба раза не могъ воспользоваться... глупо... страшно... больше не увижу... знаю, что скоро смерть — не дождусь... а могъ бы... сынъ не вѣритъ... быть можетъ, кто-нибудь изъ потомк...“ — дальше тайнопись ведется, вѣроятно, на какомъ-нибудь языкѣ восточнаго происхожденія: подставляя по найденному ключу французскія буквы, ксендзъ получалъ лишь неуклюжія слова почти изъ однѣхъ согласныхъ... И только на одной страницѣ, съ краю, четко записанъ рядъ цифръ: 1823, 1830, 1837, 1844, 1851, 1858, 1865, 1872, 1879, 1886, 1893, 1900... Послѣдовательная разница между цифрами — 7... По всей вѣроятности, прадѣдъ

предсказываетъ какое-нибудь событіе, должное повториться каждыя семь лѣтъ... „Цвѣлъ 23 іюня 1823 года"... Кто цвѣлъ? Кактусы, помнится, бываютъ семилѣтніе...

Почти всю ночь не спалъ: читалъ записки тетки Ядвиги... Какое несчастное существо! Вплетаю этотъ любопытный документъ въ дневникъ мой, чтобы не потерялся, какъ другія лѣтописи рода нашего, съѣденныя мышами и плѣсенью въ сырыхъ кладовкахъ...

* * *

Постойте, дайте припомнить... Я вамъ все разскажу, все безъ утайки, — только не торопите меня, дайте хорошенько припомнить, какъ это началось...

Простите, если мои слова покажутся вамъ странными и дикими. Съ меня нельзя много требовать; вы, вѣдь, знаете: мои родные объявили меня сумасшедшею и лѣчатъ меня, лѣчатъ... безъ конца лечатъ! Возили меня и къ Кожевникову въ Москву, и къ Шарко въ Парижъ, пользовали лѣкарствами, пользовали душами, инъекціями, гипнотизмомъ... чѣмъ только не пользовали! Наконецъ, всѣмъ надоѣло возиться со мной, и вотъ посадили меня сюда — въ эту скучную больницу, гдѣ вы меня теперь видите. Здѣсь ничего себѣ, довольно удобно; только зачѣмъ эти рѣшетки въ окнахъ? За границею лучше. Тамъ — no restreint. А у насъ — тюрьма. Зачѣмъ? Я не убѣгу; мнѣ все равно, гдѣ жить: здѣсь ли, на свободѣ ли, я всюду одинаково несчастна, а, между тѣмъ, видъ этихъ безполезныхъ рѣшетокъ такъ мучитъ меня, дразнитъ, угнетаетъ...

Можетъ быть, мои родные правы, и я въ самомъ дѣлѣ безумная, — я не спорю. Мнѣ даже хотѣлось бы, чтобы они были правы: то, что я переживаю, слишкомъ тяжко... Я была бы счастлива сознавать, что моя жизнь — не дѣйствительность, а сплошная галлюцинація, вседневный бредъ, непрерывный рядъ воплощеній нелѣпой идеи, призраковъ больного воображенія. Но, къ несчастью, память моя тверда, и я мыслю связно и отчетливо. Меня испытывали въ губернскомъ правленіи; чиновники задавали мнѣ формальные вопросы, и я отвѣчала имъ здраво, какъ слѣдуетъ. Только когда губернскій предводитель спросилъ меня: помню ли я, какъ меня зовутъ? — мнѣ стало смѣшно. Я подумала: ему ужасно хочется, чтобы я отвѣтила какой-нибудь глупостью, хоть въ чемъ-нибудь проявила свое безуміе, — и, на смѣхъ старику, я сказала: меня зовутъ Маріей Стюартъ.

Разумѣется, я не Марія Стюартъ, а просто Ядвига Гичовская, младшая дочь графа Станислава Гичовскаго. Лѣта свои я затрудняюсь сказать. Видите ли: когда со мной началось это, мнѣ было шестнадцать лѣтъ, но съ тѣхъ поръ дни и ночи летятъ такимъ порывистымъ безпорядочнымъ вихремъ... я совсѣмъ потеряла въ нихъ счетъ. Иногда мнѣ кажется, будто мое безуміе продолжается цѣлую вѣчность, иногда — что оно началось вчера.

Мой отецъ извѣстный человѣкъ на Литвѣ. Близъ Ковна у насъ есть имѣніе — богатое, хоть и запущенное. Мы ѣздимъ туда на лѣто и проводимъ два мѣсяца въ ветхой башнѣ, гдѣ родились, жили и умирали наши дѣды и прадѣды. Хлопы зовутъ нашу башню замкомъ, и точно: она — послѣдній оста-

токъ роскошнаго зданія, построеннаго въ XVI вѣкѣ знаменитымъ нашимъ предкомъ, литовскимъ коронным гетманомъ. Оно простояло два вѣка; пожаръ и пороховой взрывъ въ погребахъ разрушили его въ началѣ XIX столѣтія почти до основанія.

Гетманъ умѣлъ выбрать мѣсто для своего замка — у подножія высокой лѣсистой горы, въ крутомъ колѣнѣ свѣтлой рѣчки. Вдоль по берегу, вправо и влѣво, видны остатки древняго городища, низкія кирпичныя стѣны съ сохранившимися кое-гдѣ бойницами... Онѣ сплошь обросли мохомъ, а изъ иныхъ щелей и разсѣлинъ поднялись красивыя молодыя березы и елки. Я, сестра моя Франя и наша гувернантка пани Эмилія любили бродить между развалинами. Онѣ поднимаются отъ берега высоко по горѣ и завершаются на ея вершинѣ тремя черными толстыми стѣнами: на одной и теперь еще можно разглядѣть сквозь грязь и копоть остатокъ фрески — ангела съ мечомъ. Влизи стѣнъ валяется много могильныхъ плитъ съ латинскими надписями. На нѣкоторыхъ видны изсѣченные кресты, на другихъ короны и митры, а на иныхъ даже грубыя рельефныя изображенія людей въ церковномъ облаченіи. Когда-то здѣсь стоялъ бернардинскій монастырь, зависимый отъ нашего рода, покровительствуемый нами. Онъ упраздненъ въ прошломъ вѣкѣ. Во время второго повстанья руины служили пріютомъ для небольшой банды: поэтому русскія пушки помогли времени въ разрушительной работѣ надъ осиротѣлымъ зданіемъ и сразу его покончили.

Какъ вы уже слышали, мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ. Я была очень хороша собою — не то, что теперь. Давно ли, кажется, мой отецъ, когда бывалъ въ духѣ, клалъ на мою русую голову свои бѣ-

ыя руки и декламировалъ съ важностью знаменитые тихи нашего безсмертнаго поэта:

...Nad wszystkich ziem branki, milsze Laszki kochanki,
Wesolutkie jak młode koteczki,
Lice bielsze od mleka, z czarną rzesą powieka,
Oczy błyszczą sie jak dwie gwiazdeczki [1].

А какъ-то на-дняхъ я посмотрѣлась въ зеркало: ли это? Костлявое, зеленое, словно обглоданное, ицо; подъ глазами и на вискахъ провалы, челюсти ыдались; уши стали большія и блѣдныя. Какъ я адка!

Онъ довелъ меня до этого. Онъ — странное, епонятное существо, ни человѣкъ, ни демонъ, ни вѣрь, ни призракъ... онъ, ежедневно налагающій а меня свою тяжелую руку; онъ, въ чьей губи-ельной власти моя душа и тѣло; онъ, кого я днемъ оюсь и ненавижу, а ночью люблю всею доступной юему существу страстью; онъ, неумолимо ведущій еня къ скорой ранней смерти... Ахъ! да что мнѣ олѣзнь, безуміе, смерть! Никакой ужасъ видимаго іра не испугаетъ меня. Все, что люди зовутъ не-частьемъ, кажется мнѣ и слабымъ, и ничтожнымъ, огда я сравню съ тайнами моей жизни... А все-аки порою я со стыдомъ увѣряюсь, что тайны эти ороги мнѣ, какъ сама я, и лучше мнѣ съ жизнью азстаться, — только бы не съ ними! Индусу мило огибать подъ тяжелыми колесами гордой повозки ожественнаго Яггернаута: моя безпощадная судьба атитъ на меня грохочущую колесницу смерти, упра-ляемую Имъ, и у меня нѣтъ ни силы, ни воли

[1] Нѣтъ на свѣтѣ царицы краше польской дѣвицы:
Весела, что котенокъ у печки,
И, какъ роза, румяна, а бѣла, что сметана,
Очи свѣтятся, будто двѣ свѣчки.
(Пушкинъ и Мицкевичъ, „Три Будрыса".)

посторониться, и я съ сладострастнымъ трепетом жду момента, когда пройдутъ по мнѣ губительны колеса.

Зачѣмъ бишь я разсказывала про старое бер нардинское кладбище? Да!.. вѣдь, именно тамъ то я и встрѣтила его впервые, тамъ й началось это. А какъ? Постойте... тутъ у меня темно въ па мяти...

Зачѣмъ я взошла на гору, чего тамъ искала,—право не припомню, да это и не важно: такъ, нечаянно безъ цѣли взошла. Наступалъ закатъ; большое, ба гровое солнце ползло внизъ надъ западными хол мами; подъ его лучами развалины нарумянили свои морщины и позолотили облѣпившій ихъ сѣдой мохъ. Я стояла между двумя молодыми тополями и думала напрасно я отбилась на прогулкѣ отъ Франи и гу вернантки; пани Эмилія будетъ на меня сердиться и мнѣ надо поскорѣе ихъ найти. Тутъ я замѣтила что я не одна на горѣ; на разбитой плитѣ у запад ной стѣны разрушеннаго костела сидѣлъ человѣкъ.

Онъ удивилъ меня: кругомъ, на нѣсколько де сятковъ верстъ я знала всѣхъ, кто носилъ панско платье, — а эту длинную худощавую фигуру, одѣ тую въ старомодный черный сюртукъ, съ долгим полами, я никогда не встрѣчала; лицо незнакомц было затемнено надвинутой на брови шляпой — тоже устарѣлой моды — какъ узкій высокій ци линдръ. Онъ сидѣлъ, далеко вытянувъ передъ со бой худыя ноги въ дорожныхъ сапогахъ съ отво ротами; его руки, какъ плети, — висѣли, безсильн опущенныя на плиту. Въ позѣ незнакомца был нѣчто неустойчивое, непрочное, что непріятно дѣй ствовало на глазъ, но чѣмъ именно, — объяснит не умѣю. Я рѣшила, что это какой-нибудь ту

истъ, — они иногда заглядываютъ въ наши края, — изъ любопытства стала слѣдить за нимъ. Онъ не амѣчалъ меня — по крайней мѣрѣ, нѣсколько миутъ онъ ни однимъ движеніемъ не проявилъ принаковъ жизни. Солнце зашло. Когда красный шаръ астаялъ на границѣ неба и земли, незнакомецъ жилъ. Онъ пошевелился, потянулся, какъ только то пробудившійся человѣкъ, глубоко вздохнулъ и отѣлъ подняться съ мѣста, но не смогъ и снова опутился на плиту. Тогда онъ опять вздохнулъ и, першись на камень руками, откинулся на спину, отомъ наклонилъ туловище обратно къ колѣнямъ, ачнулся вправо, качнулся влѣво — словно хотѣлъ азмять затекшіе отъ долгаго неподвижнаго сидѣнія лены и дѣлалъ гимнастику. Эти упражненія выхоили у незнакомца такъ легко, точно онъ совсѣмъ е имѣлъ костей. Качался онъ долго, и чѣмъ далѣе, ѣмъ быстрѣе. Неутомимость и чудовищная гибость незнакомца сперва изумляли меня, потомъ тали смѣшить... Мнѣ захотѣлось разглядѣть чуака поближе. Я сдѣлала нѣсколько шаговъ и теерь стала уже прямо противъ него, но онъ всеаки не обратилъ на меня вниманія. Когда же я боку заглянула въ лицо его, то смѣхъ мой застылъ: лаза незнакомца были закрыты, а на желтомъ, неюлодомъ уже, но безбородомъ и безусомъ лицѣ ежало выраженіе человѣка, спящаго крѣпкимъ, о мучительнымъ сномъ, полнымъ тяжелыхъ грезъ и идѣній, — сномъ, отъ котораго хочется всей дуюю, но нѣтъ силъ пробудиться. Контрастъ соннаго ица съ подвижностью туловища незнакомца былъ траненъ и жутокъ. Страхъ обуялъ меня; я вскрикула.

Въ то же мгновеніе незнакомецъ пересталъ ка-

чаться, какъ будто остановленный невидимой рукой. Щеки его задрожали, глаза медленно открылись и вонзили въ мое лицо внимательный, острый взглядъ. Они были почти круглые, свѣтло-каряго, чуть не желтаго цвѣта, какъ у совы или кошки, и горѣли тѣмъ же хищнымъ и хитрымъ огнемъ. Подъ взглядомъ ихъ я будто вросла въ землю — ноги меня не слушались и не хотѣли бѣжать, хотя страхъ, внезапно внушенный мнѣ пробужденіемъ страннаго созданія, громко требовалъ: бѣги! Безсознательно я уставила свои глаза прямо въ глаза незнакомца, и тотчасъ же мнѣ почудилось, будто своимъ непріятнымъ взоромъ онъ проникъ мнѣ глубоко въ душу, читаетъ въ ней, какъ по книгѣ, и по праву властенъ надъ нею. Между тѣмъ, проклятые глаза расширились, округлились еще больше, сдѣлались яркими, какъ свѣчи... въ нихъ явилось что-то манящее, зовущее и повелительное; я инстинктивно чувствовала, какъ опасно мнѣ подчиняться этому зову, какъ необходимо напрячь всѣ силы души, чтобъ отразить его вліяніе, и не находила силъ: сознаніе возмущалось, а воля была — какъ скованная, не слушалась сознанія.

Незнакомецъ медленно простеръ ко мнѣ руки и трижды потрясъ ими въ воздухѣ, — и я, противъ воли, сдѣлала то же. Затѣмъ онъ сталъ приближаться ко мнѣ, и съ каждымъ его шагомъ я тоже дѣлала шагъ навстрѣчу ему, такъ же, какъ онъ, съ вытянутыми предъ собою руками, подражая каждому его движенію. Страхъ мой, по мѣрѣ приближенія страннаго существа, замиралъ, переходя въ чувство новаго для меня — и мучительнаго, и сладкаго безпокойства, томившаго и счастьемъ, и тоскою. Мы шли, пока не встрѣтились лицомъ къ лицу, грудь

груди. Руки незнакомца опустились мнѣ на плечи, ова моя упала ему на грудь — мнѣ показалось, кровь въ моихъ жилахъ превратилась въ кипяъ и понеслась въ тѣлѣ разъяреннымъ горячимъ окомъ, чтобы вырваться на волю, либо задушить ія. То былъ непостижимый приливъ невѣдомой асти, и если я любила кого-либо больше себя, ьше свѣта и жизни, такъ именно этого незнааго человѣка въ эти таинственныя минуты сластнаго безумія.

Я очнулась въ своей комнатѣ, окруженная хлоами родныхъ. За часъ предъ тѣмъ меня нашли оротъ нашего дома, безъ чувствъ.

Тотъ, въ чью жизнь непрошенно-негаданно врытся чудесное начало, всегда бываетъ подавленъ и етенъ; бытъ его рѣзко и грубо выбивается изъ ла своего наплывомъ совсѣмъ новыхъ чувствъ, ъ, ощущеній и настроеній. Показанъ вамъ уго-ъ чужого міра, и столько непривычныхъ впечатій ворвалось изъ этого уголка въ умъ и душу, , за пестротою и роскошнымъ разнообразіемъ , не осталось ни охоты къ сѣрой обыденной дѣйительности, ни надобности въ ней. Вы видѣли ъ, убившій для васъ правду жизни, охвачены гре, сдѣлавшейся для васъ большею потребностью, ъ ѣсть, пить, спать; вамъ показано призрачное ущее, и стремленіе къ нему давитъ въ вашемъ цѣ всѣ желанія и страсти настоящаго, память шлаго. Въ неопредѣленности тоскливыхъ стреній, вы будете безотчетно рваться къ чему-то, а чему, — сами не знаете, но невѣдѣніе цѣли не новитъ васъ, а еще больше подстрекнетъ, разчитъ и, въ упорной погонѣ за мечтой, мало-поу оторветъ отъ жизни. Существованіе человѣка,

ступившаго одной ногой за порогъ естественн
превращается въ сплошной экстазъ, въ безум
смѣсь хандры и паѳоса, восторговъ и отупѣні
Все становится презрѣннымъ и излишнимъ, нуж
остается только, овладѣвшая воображеніемъ, тайн

Такъ было со мною. Моя веселость проп
моя жизнь погасла. Молча, запершись въ са
себѣ, влачила я свое существованіе послѣ вечера
горѣ, твердо вѣруя, что предо мною прошло су
ство иного міра... во снѣ или наяву? — что
за дѣло?.. Повторяю: въ часы мучительныхъ
думій, мои желанія такъ часто мѣнялись, такъ ч
отъ проклятій Ему я переходила къ сладкимъ
тамъ о Немъ; и мнѣ то хотѣлось, чтобъ Онъ
существовалъ, былъ лишь причудливымъ призрак
лихорадочнаго сна, то я жаждала видѣть Его, к
дѣйствительное, способное являться очамъ жи
человѣка, умѣющее любить, могущее быть лю
мымъ. Когда приближался вечеръ, я дѣлалась
не своя. Мнѣ надо было бороться съ собою, к
съ лютымъ врагомъ, чтобы не покориться таинст
ному могучему зову, доносившемуся ко мнѣ отк
то издалека и манившему меня... я знала куда
гору, къ западной стѣнѣ. Но я не шла. У м
еще была кое-какая воля, и оставалось сознанія
столько, чтобы чувствовать въ роковомъ зовѣ нѣ
чуждое человѣку, волшебное и преступное. Въ
кіе часы я забивалась въ какой-нибудь уединен
уголокъ и, со страшно бьющимся сердцемъ, тря
всѣмъ тѣломъ, стуча зубами, какъ въ лихора
читала молитвы и ждала, — авось отлягутъ, от
нутъ отъ души смутныя грезы мои.

Я не пошла навстрѣчу къ Нему, — тогда О
пришелъ за мною. Въ одну ночь я проснулась, к

го отъ электрическаго удара, и первымъ, что я дала, были два знакомые мнѣ, огненные кошачьи за. Лица Его не было видно; глаза казались занными прямо въ стѣну и долго смотрѣли на я, не мерцая и не мигая. Я даже не успѣла угаться: такъ быстро охватило меня уже испыное оцѣпенѣніе... Тогда Онъ отдѣлился отъ ны, словно прошелъ сквозь нее, наклонился надо ю, и я снова впала въ тотъ сладкій обморокъ, охватилъ меня на горѣ.

Мнѣ снились переливы торжественной музыки, ожіе на громовые аккорды исполинскихъ арфъ, екликавшихся въ необозримыхъ пространствахъ. ки поднимали и уносили меня вверхъ, какъ крылья. гомъ все было голубое, и въ безбрежной лаи колыхались предо мною не то птицы, не то елы — созданія съ громадными бѣлыми крыльями, вижныя и легкія, какъ пушинки при вѣтрѣ. Зоые метеоры сыпались вокругъ меня. Сверху, поая и отвѣчая арфамъ, гудѣлъ серебряный звонъ — купалась въ морѣ красокъ и звуковъ. То было осягаемое, неземное блаженство — спокойное, лое, свѣтлое — и я подумала: „какъ хорошо мнѣ, акъ я счастлива!“ И — какъ только подумала — -то больно укололо меня въ сердце... Я вскрика, свѣтлый міръ покрылся черной тьмой, будто немъ сразу потушили солнце, и я очнулась.

Заря глядѣла ко мнѣ въ окно. Я была одна.

Съ тѣхъ поръ каждую ночь я видѣла Его, и дую ночь уносили меня куда-то далеко отъ земли о объятья, и каждую ночь пробуждалась я одио отъ остраго удара въ сердце. Дико и мрачно водила я свои дни, выжидая ночи. Вялая, скуч, молчаливая, я возбудила опасенія отца. Док-

тора нашли у меня малокровіе, начали поить же
зомъ, мышьякомъ, какими-то водами.

Мнѣ стало жаль моей молодой жизни, и я
тѣла спасти себя. Однажды я преодолѣла влі
моего врага: не поддалась его оцѣпеняющимъ
замъ...

— Сжалься, — простонала я, — кто бы ты
былъ, сжалься и не губи меня... Твои ласки с
гаютъ меня. Я счастлива ими, но онѣ убійствен
Ты взялъ всю кровь изъ сердца. Взгляни, как
жалка и слаба. Пощади меня — я скоро умру.

И въ отвѣтъ я услыхала впервые его голос
шумъ, похожій на шелестъ сухихъ листьевъ, в
тенныхъ осеннимъ вихремъ:

— Не бойся умереть. Ты моя и соединена
мною. Ты не умрешь, какъ я, и будешь жить, к
я. Ты поддержала мою жизнь цѣною своей жи
а потомъ ты, какъ я, пойдешь къ другому жив
существу и сама будешь жить его жизнью. К
я, узнаешь ты холодные, безстрастные дни поко
ничтожества; какъ мнѣ, улыбнутся тебѣ, полные
слажденія и безумныхъ восторговъ, вечера. Зол
луна будетъ тебѣ солнцемъ, и синяя ночь —
лымъ днемъ... Люби меня и не бойся умереть!

И въ первый разъ я почувствовала на своихъ
бахъ Его холодныя губы, и въ этомъ долгомъ
цѣлуѣ Онъ выпилъ мою душу.

Больше мнѣ нечего разсказать вамъ, потому
на другой же день, отецъ, поговоривъ со мной,
слезами вышелъ отъ меня... а я поняла, что м
считаютъ сумасшедшею. Меня увезли изъ за
стали развлекать, показали мнѣ Европу... Напра
ни путешествіе, ни лѣкарства, ни молитвы мнѣ
помогутъ!.. Никто не въ силахъ прогнать Его,

инственнаго, неуловимаго, никѣмъ кромѣ меня невидимаго. И я погибну его жертвой, и неземной страхъ охватываетъ меня, когда я припоминаю его темныя слова: „Ты будешь жить моею жизнью“... Что значитъ это? кто онъ?.. У меня нѣтъ силъ спросить у него прямого отвѣта; глаза Его такъ жестоки, злобны и мстительны, когда хоть мысль о томъ мелькнетъ въ моемъ запуганномъ умѣ...

Прощайте, однако. Солнце садится: Онъ приходитъ ко мнѣ всегда, какъ только погасаетъ послѣдній лучъ на куполѣ вонъ той большой церкви, и сердится, если застаетъ меня не одну. Уходите, пожалѣйте меня. Я уже чувствую дыханіе вѣтра, предшествующаго его приближенію, и привычная дрожь пробѣжала по моимъ членамъ. Сейчасъ вонъ тамъ въ углу засвѣтятся его ненавистные глаза... Уходите! время!..

Вотъ онъ... идетъ... идетъ... идетъ...

* * *

24 мая.

Приходится не то хвастаться, не то каяться и разбираться въ угрызеніяхъ совѣсти. Поѣхалъ къ Лапоциньскимъ на три часа, а прогостилъ три дня. Панна Ольгуся — моя. Мы не объяснялись въ любви, не назначали другъ другу свиданій, но вышло какъ-то, что оба очутились, за полночь, въ вишневомъ саду ксендза Августа, и — не успѣлъ я спросить:

— Отчего вы не спите такъ поздно, панна Ольгуся? —

Какъ она уже трепетала въ моихъ объятіяхъ, пряча на моемъ плечѣ свое жаркое лицо, задыхаясь и лепеча безсвязныя жалобы...

Мы разошлись, когда востокъ уже загорѣлся зарею. На разставаньѣ, Ольгуся вдругъ вздрогнула въ моихъ объятіяхъ и тревожно прислушалась.

— Это что?

Въ воздухѣ дрожалъ долгій стонущій звукъ... Должно быть, выпь кричала или тритоны разстонались въ болотѣ...

Возвратясь въ свою комнату, я, пока не заснулъ, все время слышалъ этотъ протяжный стонъ, и моей, не совсѣмъ-то чистой, послѣ неожиданнаго свиданія, совѣсти чудился въ немъ чей-то таинственный упрекъ:

— Зачѣмъ? Зачѣмъ?

— Отвяжись! — со злобою думалъ я, — что присталъ? Чѣмъ я виноватъ? Я не ухаживалъ за нею, не заманивалъ ее... сама — безъ оглядки — бросилась мнѣ на шею!

Спалъ я, какъ убитый, — и поутру едва вспомнилъ, со сна, чего мы натворили вчера. Какъ водится, пришелъ въ сквернѣйшее настроеніе духа и вышелъ къ утреннему кофе злой-презлой — полный страха, что сейчасъ встрѣчу заплаканное лицо, красные глаза, полные сентиментальной укоризны, услышу плаксивый голосъ, вздохи, жалобные намеки, — весь арсеналъ женскаго оружія на такой случай... Ничуть не бывало: панна Ольгуся улыбалась мнѣ всѣми ямочками своего розоваго лица, щебетала, какъ жаворонокъ, и ея синіе глаза были полны такого веселаго счастья, что у меня сразу камень съ сердца долой, и даже завидно ей стало.

Ксендзъ Августъ былъ въ костелѣ. Мы оставались одни все утро.

— Послушайте, Ольгуся, — сказалъ я, — вы знаете, что я не могу на васъ жениться?

Она очень покраснѣла и — мы сидѣли рядомъ — прижалась ко мнѣ.

— Я и не разсчитываю... Я просто люблю васъ.

— Надолго?

— Пока вы будете меня любить.

— А потомъ?

— Не знаю...

Она засмѣялась, глядя мнѣ въ глаза.

— Я никогда не знаю, что сдѣлаю съ собою. ы думаете, я знала вчера, что приду ночью въ адъ? Богъ вѣсть, какъ это случилось... Въ меня ногда вселяется какое-то безуміе, я теряю голову живу иногда, сама себя не чувствуя... И дѣаю тогда не то, что надо, но только то, чего я очу...

— А я всю жизнь такъ прожилъ, Ольгуся!

Въ глазахъ ея мелькнулъ огонекъ, она взяла мое ицо въ обѣ ладони, мягкія и душистыя, и прибли-ила къ своему:

— Ты меня не жалѣй, — сердечно сказала на, — пропаду, такъ пропаду... Должно быть, въ амомъ дѣлѣ, ужъ такая судьба наша, Дубеничекъ, опадать отъ васъ, графовъ Гичовскихъ... По-нишь, мы говорили съ тобою про Зосю Здановку?

— Еще бы не помнить!

— Ну, такъ ты — мой графъ Петшъ, а я — оя Зося!.. Кстати, говорятъ, будто я очень по-ожа на нее.

— Откуда же знать это? Послѣ Зоси не оста-сь портрета. Знаменитая статуя ея — если только ществовала она, въ самомъ дѣлѣ, если она не рашеніе народной легенды..

— Конечно, существовала! — перебила меня льгуся.

— Скажите, какая увѣренность! Почемъ ты
знаешь?

— Потому, что я знала человѣка, который ви
дѣлъ и статую, и какъ ее разбили.

— Олечка! ты мнѣ сказки разсказываешь.

— Да нѣтъ же! Хоть дядю спроси!.. Видиш
ли, лѣтъ пять тому назадъ, у насъ на фольварк
умеръ закрыстьянъ Алоизій...

— Неужели только пять лѣтъ тому назадъ?
помню его отлично: когда я былъ совсѣмъ мал
чишкою, ему считали уже много за сто лѣтъ.

— Дядя говоритъ, что ему было вѣрныхъ ст
пятьдесятъ, если не больше... Когда дядя былъ с
всѣмъ молодой, Алоизію еще не измѣняла память,
онъ разсказывалъ дядѣ о гайдамакахъ, точно эт
вчера было. Желѣзнякъ, въ Умани, посадилъ ег
отца на колъ. Я застала Алоизія уже совсѣмъ жи
вымъ трупомъ... высохъ, какъ мумія... въ чем
только душа держалась! Онъ всегда лежалъ на со
нышкѣ, покрытый рогожею, и спалъ... Однажд
иду мимо, — онъ смотритъ на меня своими мерт
выми глазами — страшно такъ ихъ вытаращилъ! —
точно я за чудовище ему показалась! И вдругъ за
суетился, силится встать...

„Лежите, лежите, Алоизій, — говорю я ему, —
не безпокойте себя, вы человѣкъ старый, а мы с
вами свои люди... обойдемся безъ церемоній!..
Онъ киваетъ головою, бормочетъ что-то... Вече
ромъ присылаетъ парубка за дядею: „Напутствуйт
меня, ваша велебность, я сегодня умру...“ — „С
чего ты взялъ, Алоизій?“ — „Я сегодня видѣлъ пр
видѣніе... Зося Здановка приходила за мною..
какъ живая... говорила со мною...“ — „Что ж
она тебѣ сказала?“ — „Да ничего такого страш

наго: лежите — говоритъ — лежите, Алоизій! — только и всего... А все-таки я помру, потому, что за кѣмъ приходитъ покойникъ, тому и самому за нимъ идти. А я уже разсказывала дядѣ, какъ видѣла Алоизія. Дядя разсмѣялся: „Ахъ ты, старый, выдумалъ тоже! Какая же это Зося Здановка? Это моя племянница, панна Ольгуся Дубеничъ, — сейчасъ я покажу тебѣ ее". И велѣлъ меня позвать. Алоизій, пока глядѣлъ на меня, только крестился: такъ я казалась ему чудна. Говорилъ, что я похожа на Зосю, какъ двѣ капли воды — голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ...

Въ такомъ случаѣ, романическое увлеченіе моего предка понятно для меня больше, чѣмъ когда-нибудь. Ну, что же? будемъ играть въ графа Петша и Зосю Здановку!.. Не знаю только — почему, пока Ольгуся вела свой разсказъ, у меня страшно ныло сердце какимъ-то суевѣрнымъ, недобрымъ предчувствіемъ, и въ ушахъ снова болѣзненно зазвенѣло вчерашнее:

— Зачѣмъ? Зачѣмъ?

25 мая.

Ругался и неистовствовалъ, какъ татаринъ. Уѣзжая къ Лапоцинськимъ, я заперъ свой кабинетъ, но ключъ забылъ въ замочной скважинѣ. Я заперъ — потому что спѣшилъ и не успѣлъ убрать своихъ бумагъ, разбросанныхъ на письменномъ столѣ. Разумѣется, кто-то, безъ меня, похозяйничалъ въ кабинетѣ. Я очень хорошо помню, что ручки статуи лежали врозь, на двухъ концахъ стола, одна — на рукописи „Законы сновидѣній", которую я пишу уже пятнадцатый годъ, все желаю затмить старика Мори, да что-то не затмевается! — другая на связкѣ моихъ печатныхъ трудовъ... Между тѣмъ, сейчасъ

обѣ ручки лежатъ вмѣстѣ, одна на другой, точно сомкнувшись въ умоляющемъ жестѣ на печатной связкѣ, и связка перевернута. Прежде на верху была моя брошюрка „Спиритизмъ и дегенерація“, теперь — хвостъ нѣмецкой статьи изъ „Психологическихъ Анналовъ“: полемика съ покойнымъ Бутлеровымъ... Ненавижу, когда роются въ моихъ бумагахъ, хотя и не имѣю никакихъ секретовъ. Прислуга клянется и божится, что она ни при чемъ! будто бы даже не входила въ кабинетъ. Врутъ, конечно. А не врутъ — тѣмъ хуже. Ужъ лучше пусть безграмотные лакеи копаются въ моей литературѣ, чѣмъ дѣлать ее достояніемъ провинціальнаго любопытства. Спрашиваю Якуба, кто былъ безъ меня. Говоритъ, будто, кромѣ пана Паклевецкаго, никто не заѣзжалъ. Ужъ не онъ ли постарался? Отъ этого и не то станется! Я увѣренъ: имѣй онъ малѣйшую возможность, — мало, что перечиталъ бы всѣ бумаги на столѣ, но заглянулъ бы и въ ящики, и ключикъ бы подобралъ, и замочекъ бы сломалъ... Но Якубъ увѣряетъ, будто онъ, узнавъ, что меня нѣтъ дома, выпилъ, не раздѣваясь, въ столовой рюмку водки, закусилъ пирожкомъ и уѣхалъ...

25 мая.

Бесѣдовали съ Паклевецкимъ о покойной теткѣ Ядвигѣ.

— Двѣсти лѣтъ тому назадъ ее сожгли бы на кострѣ, какъ колдунью, посѣщаемую инкубомъ, — сказалъ я.

— Положимъ, — возразилъ онъ, — таинственный „Онъ“, въ запискѣ графини Ядвиги, является не столько инкубомъ, сколько вампиромъ.

— Ого? — удивился я, — вотъ какія тонкости вы различать умѣете?

Въ глазахъ его мелькнула насмѣшливая искорка.

— Что же тутъ тонкаго? Скорѣе это съ вашей стороны — какъ пневматолога и оккультиста великаго — было слишкомъ толсто смѣшать живого демона съ обыкновеннымъ человѣческимъ мертвецомъ.

— Вы правы. Во всякомъ случаѣ, бредъ не совсѣмъ обыкновенный.

— И съ этимъ не согласенъ. Въ образованной средѣ привилегированныхъ сословій, пожалуй, да. Но въ простонародьи — изъ десяти вдовъ, по крайней мѣрѣ, одна искренно вѣритъ, что къ ней по ночамъ ходитъ съ того свѣта покойный мужъ, никѣмъ, кромѣ нея, незримый, а для нея — какъ живой, плотью и кровью. Деревенскіе ловеласы, къ слову сказать, иногда преподло этимъ суевѣріемъ пользуются. Еще недавно въ вашемъ же бывшемъ Гичовѣ одного такого живого покойника поймали au flagrant delit и потомъ водили по селу въ хомутѣ, обмазаннаго дегтемъ, вываляннаго въ пуху и мякинѣ... и ужъ били же! Кто чѣмъ, лишь бы не до смерти и безъ увѣчья. Особенно бабы старались: и коромыслами-то, и скалками, и ведрами... Такъ теперь и зовутъ этого парня злополучнаго: „Бабій Мертвякъ". Надо полагать, съ тѣмъ прозвищемъ и помретъ и потомству своему его, вмѣсто фамиліи, оставитъ... Поѣзжайте бѣлорусскимъ Полѣсьемъ: много ли вы найдете деревень, безъ одержимой бабы, къ которой дескать летаетъ огненный змѣй? А въ одномъ глухомъ сибирскомъ поселкѣ я однажды наткнулся...

— А вы и въ Сибири бывали?

— Гдѣ я не былъ!.. Наткнулся на цѣлую эпидемію въ такомъ же родѣ — только уже наоборотъ:

между мужчинами, страдавшими отъ нападеній п
койницы, въ которой какими-то таинственными суд
бами не умерли земныя страсти. Убили парни
пьяной дракѣ старуху одну, деревенскую прост
тутку... Двоихъ въ острогъ увезли, а остальнымъ
одному за другимъ — стало мерещиться: чуть ноч
покойница лѣзетъ на полати или на печь, ложит
подъ бокъ и любви требуетъ... Кончилось та
дѣло тѣмъ, что все — какъ слѣдуетъ и чинъ ч
номъ: міромъ выкопали тетку Арину изъ могил
осиновымъ коломъ угостили и на кострѣ огнемъ
пепелъ сожгли... Ну, не понравилось, переста
ходить. Да-съ! Присутствовалъ, такъ сказать, п
самомъ зарожденіи миѳа... Кто ее знаетъ? Може
быть, лѣтъ черезъ триста эта тетка Арина въ сиби
скомъ фольклорѣ окажется героинею и вырастутъ и
ея памяти сказки, пѣсни, баллады, какъ у нѣмце
о Ленорѣ, которую мертвый женихъ похитилъ, ли
какъ господинъ тайный совѣтникъ Гёте о „Корин
ской Невѣстѣ“ сочинилъ...

Когда онъ упомянулъ о „Коринѳской Невѣстѣ
это совпаденіе съ недавними приключеніями, пер
житыми мною на островѣ Корфу, поразило мен
и я чуть было не разсказалъ Паклевецкому о том
какъ умеръ Дебрянскій — жертва вампирическ
галлюцинаціи, которою онъ — совсѣмъ, какъ пар
въ сибирскомъ случаѣ Паклевецкаго — заразился о
несчастнаго своего пріятеля Петрова. Но меня ост
новилъ взглядъ доктора — внимательный и ждущ
точно, — странно показалось мнѣ, — онъ былъ ув
ренъ, что я вотъ именно это и начну сейчасъ е
разсказывать. Со стыдомъ долженъ признаться, ч
я смутился и, проглотивъ готовый разсказъ, огран
чился достаточно безцвѣтнымъ замѣчаніемъ, ч

иолъ, въ концѣ концовъ, вы, докторъ, совершенно правы: безуміе вампиризма разлито въ человѣчествѣ, какъ первобытный инстинктъ, и пятится и гаснетъ только подъ напоромъ нашей, все растущей, все новыя и новыя силы обрѣтающей, цивилизаціи. Онъ возразилъ мнѣ не безъ насмѣшки и какъ будто съ разочарованіемъ:

— То-то вотъ и есть, что не совсѣмъ... Тетушка ваша на пяти языкахъ говорила и, въ свѣтлые свои промежутки, преумная была и преобразованная особа. А вотъ недавно въ „Lancet“ читалъ я отчетъ нѣкотораго доктора Моллока о болѣзни одного русскаго, котораго онъ пользовалъ на островѣ Корфу...

Моллокъ! Такимъ образомъ, смутившее меня всевѣдѣніе Паклевецкаго сразу объяснилось. Мнѣ стало очень стыдно и досадно на себя за минутную слабость.

— Ага! Это напечатано? — сказалъ я. — Я знаю Моллока и случай, о которомъ онъ говоритъ. Паціентъ Моллока былъ мой другъ.

— Вотъ видите, — торжествуя, захихикалъ Паклевецкій, — вы все со мной хитрите и осторожничаете, а, между тѣмъ, докторъ Моллокъ въ отчетѣ своемъ даже ссылку на васъ дѣлаетъ, правда, только съ иниціалами, но достаточно прозрачную, чтобы узнать васъ по примѣтамъ...

— Я не зналъ, что исторія Дебрянскаго получила огласку, и не считалъ себя въ правѣ говорить о ней.

— А меня она интересовала уже задолго до вашего пріѣзда. Откровенно сказать, я и записочки-то тетеньки вашей привезъ вамъ въ спеціальномъ расчетѣ, не толкнутъ ли онѣ васъ, по аналогіи, разговориться

и посвятить меня въ подробности вашихъ корфіот-
скихъ приключеній.

— Выходитъ, докторъ, что не я „все“ съ вам
хитрю и осторожничаю, какъ вы только что упрек-
нули меня, а, напротивъ, вы со мною хитрите
обходцы строите... Разъ исторія оглашена, почем
вы не спросили меня о ней прямо?

Паклевецкій виновато ухмыльнулся.

— Видите ли, есть вопросы любопытства, кото-
рые неловко предлагать человѣку, когда питаешь к
нему чувство столь глубокаго уваженія, какъ я —
къ вашему сіятельству...

— Оставьте мое сіятельство въ покоѣ, а — ка-
кимъ щекотливымъ вопросомъ вы опасались оскор-
бить меня въ данномъ случаѣ, признаюсь, я не со-
всѣмъ понимаю?

— Можно говорить?

— Пожалуйста.

— Слово гонору, что не обидитесь?

— Даю слово.

— Ну, хорошо... только, чуръ! слово дано.
J'ai reçu le droit de l'insolence... Такъ вотъ: когд
вы были свидѣтелемъ и участникомъ всѣхъ этих
безумій и таинствъ, столпившихся вокругъ семь
Вучичей, не приходило вамъ въ голову подозрѣні
что ваша собственная нервная система пошатнулас
подъ ихъ вліяніемъ, и мысль ваша работала тогд
не слишкомъ-то нормально, и волевое движеніе сби-
лось нѣсколько съ панталыка и пошло по кривой?

Я былъ изумленъ. Такъ, что даже не разсер-
дился на его, въ самомъ дѣлѣ, нахальство.

— Неужели Моллокъ, излагая казусъ Дебрян-
скаго, представилъ роль мою въ такомъ видѣ, чт
вы могли вынести подобное заключеніе?

— О, нѣтъ!.. — заторопился онъ, — какъ можно!.. Меня только заинтересовала въ болѣзни вашего покойнаго друга сторона открытой преемственности. Я, знаете ли, списался о немъ съ врачами, которые ранѣе пользовали его въ Москвѣ и услали поправляться на Корфу. Вѣдь, удивительное дѣло оказывается, знаете ли: вашъ Дебрянскій заразился галлюцинаціей этой Ѳеклы или Анны, — какъ бишь ее тамъ звали? — отъ пріятеля своего, нѣкоего присяжнаго повѣреннаго Петрова, буквально и точно, въ инфекціонномъ порядкѣ, какъ другіе тифъ или дифтеритъ схватываютъ...

— Въ доказательство, что эта инфекція обошла меня, и существовалъ я подъ нею въ полномъ здравомъ умѣ и твердой памяти, мнѣ остается предложить вамъ испытаніе: я разскажу вамъ все, что было съ Дебрянскимъ, въ сопровожденіи своихъ комментаріевъ, какъ и что я въ этой трагикомедіи понимаю.

Мы проговорили до поздняго вечера. Паклевецкій слушалъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ. Надо отдать ему справедливость: когда онъ серьезенъ и не строитъ шута, лицо его озаряется замѣчательно умнымъ, но... все-таки, нѣтъ, не могу я этой антипатіи внутренней перешагнуть: недобрымъ выраженіемъ. Изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ моей повѣсти, наибольше заняла его Лала.

— Вотъ кого, въ особенности-то, запереть слѣдовало бы! — произнесъ онъ, когда я кончилъ, — Лалицу эту вашу колдовскую!

— Въ особенности? — подчеркнулъ я.

— Въ особенности, — невозмутимо повторилъ онъ. — Первую.

— Ахъ, значитъ, усматриваете кандидатовъ и на послѣдующія очереди?

— Да, помилуйте: развѣ вы не видите? не чувствуете? Эта Лала — настоящій очагъ эпидемическаго психоза. Галлюцинаціи и иллюзіи навожденій гнѣздятся въ ней, какъ микробы и бациллы... Она дышитъ заразою нервныхъ разстройствъ и потрясеній. Въ какую здоровую среду ни бросьте подобную больную, она найдетъ достаточное число субъектовъ, которые отразятъ ея вліяніе прямымъ или обратнымъ подражаніемъ... Сами же говорите, что чуть было не поколебались — насчетъ смерча-то...

Онъ захохоталъ своимъ непріятнымъ рѣжущимъ смѣхомъ.

— Все-таки, докторъ, — спросилъ я, — вы, въ награду за повѣсть, признайтесь, что̀ именно, въ исторіи ли этой, въ поведеніи ли моемъ, заставило васъ сомнѣваться въ моей психической нормальности, то есть, говоря низкимъ слогомъ, считать меня — маленько рехнувшись?

Онъ пожалъ плечами.

— Рѣшительно ничего... Кромѣ того развѣ, что, переживая подобную сверхъестественную передрягу, свидѣтелю ея маленько рехнуться, пожалуй, даже болѣе нормально, чѣмъ сохранить нервную систему въ полной цѣлости и мысль въ совершенномъ здоровьи... А у васъ же еще наслѣдственность обремененная... это вы лучше меня знаете, что же отъ васъ скрывать?

— Въ этомъ отношеніи, докторъ, я твердо уповаю на дѣдушку Дмитрія Ивановича...

— И совершенно напрасно! — перебилъ Паклевецкій съ какимъ-то новымъ, злымъ воодушевле

ніемъ. — Вашъ дѣдушка и воспитатель, Дмитрій Ивановичъ Ладьинъ, дѣйствительно, выставлялъ себя позитивистомъ въ наукѣ, матеріалистомъ въ философіи, строгимъ логикомъ въ жизни и педагогіи, но знаете ли вы, что онъ, тайкомъ, былъ беллетристъ, сочинялъ повѣсти, разсказы, стихи и печаталъ ихъ подъ псевдонимами, которые тщательно скрывалъ даже отъ самыхъ близкихъ друзей и родныхъ своихъ?

— Да, я слыхалъ это не разъ, но никогда не читалъ ни одного изъ его произведеній...

Паклевецкій усмѣхнулся.

— Вы найдете ихъ нѣсколько въ журналахъ конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ. Мой отецъ служилъ вашему дѣду агентомъ по сношеніямъ его съ редакціями. Я зналъ отъ отца нѣсколько псевдонимовъ Дмитрія Ивановича, но всѣ позабылъ. Помню только одинъ: Софьинъ. Такъ подписывался онъ въ память жены, которую страстно любилъ и потерялъ совсѣмъ молодою. Найдите какую-нибудь повѣстушку за этой подписью, прочитайте и — тогда судите сами, великъ ли коррективъ къ фантастической наслѣдственности представляетъ собою вашъ, будто бы матеріалистъ, дѣдъ...

Слова Паклевецкаго показались мнѣ любопытными: я никогда не подозрѣвалъ за суровымъ дѣдомъ Дмитріемъ подобной слабости и, по отъѣздѣ доктора, я долго ползалъ вдоль полокъ съ „Московскимъ Телеграфомъ“, „Московскимъ Наблюдателемъ“, „Современникомъ“, „Библіотекою для чтенія“ и читалъ оглавленія запыленныхъ томовъ, покуда не встрѣтилъ въ одномъ изъ нихъ, между стихами Бернета и полемическою статьею Николая Полевого, заглавія:

Сонъ въ Крещенскую ночь. Фантазі Д. Ил. Софьина.

Вырѣзываю эти странички изъ ветхой, разсы пающейся желтыми листами, сотлѣвшей книги. Д станутъ и онѣ фамильнымъ документомъ въ днев никѣ моемъ!

* * *

„Мертвые только днемъ мертв а ночи имъ принадлежатъ, и эт луна, поднимающаяся по небу, — их солнце“ *Альфонсъ Карръ.*

Васильевъ былъ одинъ въ мрачномъ кабинет своего стариннаго деревенскаго дома. За окнам царила бурная зимняя ночь; снѣжная вьюга визжала ревѣла, выла; оголенныя вѣтви садовыхъ сиреней акацій царапались въ запертыя ставни. Казалось будто огромная стая полузамерзшихъ, озлобленных псовъ ломилась въ домъ, просясь къ теплу и свѣту Васильевъ не слышалъ бури. Онъ сидѣлъ перед каминомъ въ глубокомъ дѣдовскомъ креслѣ, непо движно глядѣлъ на медленно угасающее пламя думалъ. Печальны и зловѣщи были его мысли. В настоящую бурную ночь минуло ровно два года с тѣхъ поръ, какъ Васильевъ впервые переступил порогъ этого дома, своего отцовскаго наслѣдія Тогда онъ не былъ еще осунувшимся облысѣлым полустарикомъ, съ преждевременной сѣдиной н вискахъ и съ огромными впалыми глазами на худом желтомъ лицѣ, какимъ видѣлъ онъ себя теперь в каминномъ зеркалѣ. Онъ вошелъ въ свой домъ с гордо поднятой головой, здоровый, веселый, полны свѣтлыхъ надеждъ и, главное, рука въ руку съ пре лестною молодой женою.

Жизнь много и тяжело трепала Васильева. трастный, непостоянный характеръ, пытливый умъ непреодолимая жажда крупной дѣятельности и ильныхъ ощущеній долго мыкали его по свѣту, росая изъ одной страны въ другую, отъ предпріяя къ предпріятію, сводя его съ тысячами новыхъ ицъ, обостряя его наблюдательность безчисленными итейскими встрѣчами и совпаденіями. Въ порывиомъ вихрѣ своей жизни Васильевъ видѣлъ больше а и глупости, чѣмъ добра и ума, и съ лѣтами, одъ давленіемъ опыта, по мѣрѣ того, какъ охладался его пылкій темпераментъ, умъ переполнялся е бо̀льшимъ и бо̀льшимъ недовѣріемъ къ людямъ. ъ тридцати годамъ Васильевъ — обнищалый, разярованный и разбитый на всѣхъ своихъ путяхъ, езъ любви къ кому бы то ни было, безъ уважея къ обществу и его законамъ, не зная самъ, ѣритъ ли онъ хоть во что-нибудь, — влачилъ алкое существованіе и не разъ мысль о самобійствѣ проплывала грозною волной въ его рюмомъ умѣ. Но тайное предчувствіе говорило асильеву, что подъ охладѣвающимъ пепломъ его ши еще теплится какой-то огонекъ, способный ожиданнымъ счастливымъ случаемъ разгорѣться яркое пламя и тепло освѣтить конецъ его бытія. огонекъ точно вспыхнулъ: Васильевъ полюбилъ чь небогатаго петербургскаго чиновника Лидію ександровну Лѣнцову, красивую, кроткую и умную вушку, и скоро женился на ней. Бракъ принесъ астье Васильеву: отецъ его, раньше чуть не проинавшій сына за его скитальческій бытъ, помился съ нимъ, когда онъ остепенился. Послѣ ской смерти отца, Васильевъ, какъ его наслѣдникъ, ова сталъ состоятельнымъ человѣкомъ. Молодые

перебхали въ свою п—скую деревню. Для Васильев обновленнаго и воскресшаго духомъ, настали д яснаго счастья; онъ любилъ свою жену безумн страстью и дорожилъ ея взаимностью, какъ утопа щій дорожитъ соломинкой, за которую хватаетс женщина, воскресившая Васильева своей любовь стала для него всѣмъ — его богомъ, его міром Къ ней неслись его молитвы; ея желанія были е закономъ, кромѣ нея онъ ничѣмъ не интересовал Васильевъ никогда ни къ кому не ревновалъ жен въ его глазахъ Лидія была непогрѣшима; онъ бы счастливъ тѣмъ, что душа его оказалась способн на такую дѣтскую безусловную вѣру.

Лидія Александровна — маленькая блѣдная бло динка, въ ореолѣ золотыхъ кудрей вокругъ блѣ наго личика, съ внимательными, покорными глазами принимала любовь мужа тихо, словно стыдясь п клоненія, какое она вызывала въ сильномъ, умно и богатомъ опытомъ мужчинѣ. Она никогда ниче не требовала отъ Васильева лично для себя, мужъ умѣлъ угадывать и исполнять ея самыя завѣтн едва задуманныя желанія. Послѣ трехъ мѣсяце счастливой жизни Лидія Александровна простудила и умерла. Съ тѣхъ поръ послѣдній лучъ свѣта г гасъ въ душѣ Васильева. Онъ заперся въ свое деревенскомъ домѣ, гдѣ отпѣли, откуда вынесли фамильный склепъ тѣло Лидіи. Настоящее для н болѣе не существовало, въ будущее онъ не вѣри и умъ его жилъ лишь прошлымъ — воспоминані все той же золотой, синеглазой головки съ млад чески кроткимъ вдумчивымъ взглядомъ и блѣдны холодными губками, на которыхъ всегда какъ бу застывали его страстные поцѣлуи. Васильеву г зилась эта головка всегда, вездѣ, и — любя ее ме

ую, какъ живую — онъ засыпалъ съ надеждой ви-
ѣть ее во снѣ, просыпался, чтобы мечтательно вспо-
инать ее. Прислуга, сосѣди, знакомые — всѣ были
вѣрены, что со смертью жены Васильевъ тронулся
ъ умѣ; къ нему никто не ѣздилъ; онъ тоже ни къ
ому.

Уголья въ каминѣ догорали, бросая красный зло-
ѣщій отблескъ на стѣны, мебель и на утонувшую
ъ креслахъ фигуру хозяина. Утомивъ глаза чер-
онным блескомъ огня, Васильевъ опять поднялъ
хъ на каминное зеркало и увидѣлъ въ немъ, кромѣ
ебя, отраженіе странной фигуры. Фигура была
антастична и необычайна, но Васильевъ не испу-
ался, даже не вздрогнулъ — онъ привыкъ къ ней.
Около восьми мѣсяцевъ тому назадъ, онъ впервые
видалъ ее въ этотъ же самый часъ, на этомъ же
амомъ мѣстѣ, и съ тѣхъ поръ находилъ ее здѣсь
жедневно объ эту пору. Отъ стоявшаго насупро-
ивъ камина шкафа, набитаго мистической библіотекой
ассона — дѣда Васильева, отдѣлялось что-то въ
одѣ сѣраго облака; потомъ въ облакѣ прояснялся
акъ будто чей-то обликъ, освѣщенный умнымъ, при-
тальнымъ и недобрымъ взглядомъ. Если бы заста-
или Васильева описать свою постоянную галлюци-
ацію, онъ затруднился бы — это была какая-то
ыблющаяся, неясная стихійная тѣнь съ слабымъ на-
экомъ на лицо; она была сѣрая; въ ней чудилось
ѣчто сильное, красивое и злое, — вотъ все, что
огъ бы сказать Васильевъ. Иногда обличье видѣ-
я выяснялось рѣзче, иногда оно рисовалось блѣд-
ымъ, едва замѣтнымъ пятномъ на черномъ фонѣ
кафа, и рѣзьба послѣдняго явственно просвѣчи-
ла сквозь фантастическій туманъ. Дважды Ва-
льевъ подмѣтилъ въ призракѣ странное движеніе,

похожее на улыбку: это — когда онъ явился въ первый разъ и заставилъ Васильева невольно содрогнуться отъ неожиданности и испуга; во второй разъ, когда, при возобновленіи видѣнія Васильевъ, взявъ ученую книгу знаменитаго психіатра, посвященную вопросу о галлюцинаціяхъ, старался найти въ ней объясненіе своему призраку. Теперь Васильевъ настолько свыкся съ его присутствіемъ, что уже не старался даже понять его; когда призракъ— спокойный, сильный и молчаливый — выросталъ за его спиной, Васильевъ часто даже не сразу замѣчалъ его появленіе, погруженный въ свое тихое унылое горе.

Въ эту ночь Васильеву снова и опредѣленнѣе прежняго почудилось движеніе въ призракѣ: по облаку бѣгала глубокая рябь, какъ по водѣ отъ сильнаго вѣтра, и смутный образъ то ярко выступалъ изъ-подъ своей стихійной оболочки, то снова тускнѣлъ подъ нею.

— С...л...у...ш...а...й! — низко, медленно, тягуче и глухо раздалось въ тиши кабинета,—словно кто-то заговорилъ далеко, за двумя-тремя стѣнами, но все-таки явственно и внятно. Васильевъ вздрогнулъ отъ изумленія и съ невольнымъ испугомъ посмотрѣлъ на свое привидѣніе: въ первый разъ онъ слышалъ отъ этого непонятнаго существа голосъ и слово.

— Не бойся! — продолжала звучать странная рѣчь. Васильеву казалось, что къ каждой согласной въ устахъ призрака прибавлялся тупой самостоятельный звукъ въ родѣ свистящаго придыханія или того хриплаго шипѣнія, какимъ начинаютъ свой бой старинные часы. — Не бойся!

— Кто ты? — спросилъ Васильевъ, смѣло под

нимаясь съ кресла навстрѣчу видѣнію. Облако заволновалось и, за секунду предъ тѣмъ ярко опредѣлившіяся, черты призрака снова покрылись мглою.

— Не знаю! — донесся къ Васильеву отвѣтъ-какъ будто еще больше издалека, чѣмъ первыя слова.

— Зачѣмъ ты здѣсь?

— Ты мнѣ близокъ, и мнѣ жаль тебя.

— Я давно вижу тебя. Я считалъ тебя за ложную мечту воображенія, и даже теперь, когда ты говоришь со мной, я не увѣренъ, не брежу ли я... Зачѣмъ молчалъ ты раньше?

— Я наблюдалъ за тобой и читалъ въ твоей душѣ.

— Быть можетъ, ты злой духъ?

Призракъ безпокойно заволновался. Двѣ яркія точки въ туманѣ — ихъ Васильевъ принималъ за глаза своего видѣнія—засверкали острымъ блескомъ.

— Я сказалъ тебѣ, что не знаю, кто я. Не все ли мнѣ равно? Да и тебѣ тоже? Я пролетаю міръ, не вѣдая, откуда я взялся и давно ли я живу. Не знаю даже, точно ли я живу. Иногда мнѣ кажется, что я — не существо, а чей-то сонъ, чья-то мечта... Я люблю тебя именно за то, что твои мысли находятъ во мнѣ отголосокъ въ то самое мгновеніе, какъ онѣ зарождаются въ твоей головѣ. Быть можетъ, я самъ не что иное, какъ твоя безумная, печальная, острая, злая дума, отдѣлившаяся отъ тебя и представшая тебѣ полувоплощенною.

— Мудрено... не понимаю...

— Я не умѣю сказать яснѣе.

— Чего ты хочешь?

— Помочь тебѣ. Ты мнѣ близокъ. Мнѣ жаль тебя.

— Почему?

— Потому что ты долженъ умереть, а боишься. Скажи мнѣ свою лучшую мечту, и я объясню тебѣ, какъ ее осуществить. Ты молчишь?... Тогда я самъ скажу, чего ты хочешь. Ты жаждешь смерти, какъ соединенія съ своей женой, и не рѣшаешься на самоубійство потому лишь, что люди — глупѣе тебя, но сильнѣе тебя—обучили тебя думать, будто жизнь твоя не принадлежитъ тебѣ, будто обратить волю свою къ уничтоженію себя — грѣхъ, отлучающій преступнаго отъ праведныхъ. Боишься попасть въ адъ, когда Лидія будетъ въ раю. Боишься разлучиться съ нею въ будущей жизни...

Васильеву послышалось что-то похожее на ѣдкій холодный смѣхъ.

— Ты смѣешься надъ будущей жизнью?!

— Нѣтъ! Это ты смѣешься. Говорю тебѣ, что я ничто, я — лишь отраженіе твоего ума, я — тотъ инстинктъ, котораго лишился человѣкъ, когда пересталъ быть животнымъ. Я смѣюсь, если ты смѣешься; плачу, если ты плачешь; хочу, чего ты хочешь... Вотъ теперь ты думаешь: если это видѣніе, стоящее предъ моими глазами, сверхъестественно, пусть оно скажетъ мнѣ: увижусь ли я хоть въ вѣчности съ Лидіей?.. Странные умные люди! Какъ многому ненужному вы выучились и какъ много необходимаго забыли! Животное, лишенное слова, видитъ духовный міръ такъ же, какъ міръ тѣлесный. Слышишь ли ты далекій вой своего пса? Онъ предвѣщаетъ покойника... Кто имъ будетъ? Быть можетъ, и ты. Сибирскій шаманъ, въ пророческомъ изступленіи, говоритъ со своими предками, какъ съ живыми людьми, даетъ имъ вопросы и получаетъ отвѣты; а ты, одаренный развитымъ наукою умомъ, не въ силахъ по-

чь себѣ въ самомъ страстномъ своемъ стремле-
!

— Смерть не возвращаетъ своихъ жертвъ! — глухо
язалъ Васильевъ.

Призракъ засмѣялся.

— Развѣ есть смерть въ природѣ? И ты, умный
ловѣкъ, рѣшаешься произнести это слово въ при-
сутствіи такого существа, какъ я?

— Чему же ты смѣешься? Стоя на порогѣ
нца, смотрѣть дальше, за него, не смѣшно.

— Конецъ — человѣческій миѳъ. Конца въ мірѣ
бываетъ. Ты видишь предъ собою безконечное
тревожишься боязнью конца?

— Ты безсмертенъ?

— Больше: я не понимаю смерти. Во мнѣ нѣтъ
идеи. Она — покой, а я въ вѣчномъ движеніи;
е отрицаю.

— Смерти нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Значитъ, будущая жизнь...

— Ея тоже нѣтъ.

— Такъ что же есть?

— Есть вѣчное перемѣщеніе стихій, вѣчное дви-
ніе атомовъ. Вглядись въ меня: мой облачный
ровъ дрожитъ, зыблется, волнуется переливами,
овъ принимать сотни разнообразныхъ формъ и
сокъ. Я могу быть всѣмъ, что можетъ предста-
ь себѣ твое воображеніе. Но мой часъ не при-
ъ, и покуда я лишь таинственное Ничто. Когда-
удь мировыя частицы, составляющія меня, силой
его сцѣпленія переработаются изъ Ничто въ
что и заставятъ меня сдѣлаться существомъ тѣ-
наго міра, какъ ты теперь, но ненадолго, какъ
олгъ здѣсь и ты. Исполнивъ срокъ того, что

вы, люди, такъ узко принимаете за жизнь, я сно
распадусь на безчисленныя частицы. Ихъ милліар
милліардовъ носятся въ міровомъ пространствѣ,
онѣ не умираютъ, не теряются, не измѣняются. Час
себя я передамъ, быть можетъ, вонъ той сирен
что стучится теперь въ твое окно; часть разольет
водою въ ближнемъ ручьѣ или съ парами подниме
къ облакамъ, чтобы дождемъ упасть снова на земл
часть я подарю ядру формирующейся кометы; час
запоетъ птичкой въ небѣ; часть станетъ зародыше
во чревѣ матери... И опять воплощусь. И опя
распадусь. Такъ все и будетъ: сегодня распаден
завтра воплощеніе. Я вѣченъ, какъ вѣчна приро
и обмѣнъ ея вещества. А ты говоришь о какой-
смерти. Не бойся ея. Этотъ узелъ только туго р
вязывается, но нитка — все та же. Смерть —
ужасъ. Жизнь — не радость. Всюду и всегда од
и то же: перемѣщеніе частицъ, ничего кромѣ пе
лива атомовъ.

— Значитъ, и я буду жить, какъ ты? и Ли
не... умерла? — трепеща отъ робкаго предчувств
вскричалъ Васильевъ.

— Разумѣется, и, если ты хочешь, ты може
видѣть ее.

— Какъ? Научи меня, и я буду благословл
тебя.

— Слушай. Все въ мірѣ состоитъ изъ вещес
и формы. Ваша видимая смерть въ томъ и состои
что въ уничтожающемся существѣ распадается св
началъ, и они начинаютъ жить отдѣльно. Но влече
ихъ другъ къ другу остается неизмѣннымъ, и,
извѣстныхъ условіяхъ, на нѣсколько мгновеній, мож
вызвать ихъ новое случайное сліяніе, доступное
ловѣческому взору. Смотри сюда!

Васильевъ, слѣдуя указанію призрака, обратилъ лаза на дѣдовскій книжный шкафъ и, къ своему дивленію, легко проникъ взоромъ въ его внутренность. На верхней полкѣ лежала старинная полууставая рукопись.

— Прочти! — сказалъ призракъ.

Васильевъ началъ читать. Это было причудливое истическое сочиненіе прошлаго вѣка. Когда Ванльевъ прерывалъ чтеніе, призракъ рѣзко говорилъ му:

— Дальше!

— „... А если хочешь видѣть умершаго сродника, руга или знакомаго, — съ волненіемъ разбиралъ полутертую рукопись Васильевъ, — пойди въ родитель-кую субботу, въ Троицынъ день, либо подъ Креенье, о полуночи, одинъ къ своей приходской эркви и сядь на паперти; молчи и думай о томъ, эго ты желаешь видѣть. Не оборачивайся, а смоэи впередъ предъ собою, поднявъ глаза на Больую Медвѣдицу. Моргай не сильно и дыханье заэрживай. Если все сказанное выполнишь, желанай тобою придетъ къ тебѣ и сядетъ рядомъ съ тоэю, и будетъ съ тобою, какъ при жизни...“

— И это не ложь? — вскричалъ Васильевъ.

— Нѣтъ!

— Я увижу... тѣнь Лидіи?

— Тѣней нѣтъ. Ты увидишь самое Лидію.

— Призракъ! — радостно заговорилъ Васильевъ, юстирая руки къ видѣнію, — призракъ! За одну ːсятую долю блаженства, какое ты сулишь мнѣ, я дамъ тебѣ все, что ты хочешь, — жизнь, душу...

— Мнѣ ничего не надо отъ тебя. Вспомни: я звалъ себя твоею мыслью. Мы врозь, но мы нездѣльны, и, выполняя свои желанія, ты, самъ

того не сознавая, удовлетворяешь мои. Итакъ, иде
ли ты?

— Иду!

— Желаю тебѣ счастья! Прощай!..

Сѣрое облако потускнѣло и слилось со шкафо
Призракъ исчезъ.

* * *

Прошло уже нѣсколько минутъ съ тѣхъ по
какъ Васильевъ, перепрыгнувъ церковную огра
утопая по колѣно въ снѣгу, спотыкаясь о занес
ные вьюгой скромные памятники деревенскаго кл
бища, пробрался къ паперти и сѣлъ на ея с
пеньки. Вьюга улеглась, мѣсяцъ плылъ между
нимыми вѣтромъ, разорванными тучами, и ихъ т
причудливо скользили по бѣлой подъ снѣгомъ зем
Гдѣ-то далеко вылъ волкъ, и деревенскія собаки
зывались ему сердитымъ озабоченнымъ лаемъ.
сильеву было не до волковъ и не до собакъ. С
спѣшилъ выполнить всѣ указанія рукописи. Больш
Медвѣдица стояла невысоко надъ горизонтомъ;
сильевъ впился въ нее пристальнымъ утомленны
взоромъ, — и блестящее созвѣздіе скоро слилось
него въ одну громадную, сверкающую, какъ алма
звѣзду; она все росла и росла, словно приближал
къ землѣ, и становилась все ярче и великолѣпн
Еще мгновеніе, и цѣлое море свѣта окружило
сильева... Онъ сталъ терять сознаніе...

Легкій вѣтеръ, пробѣгая по кладбищу, сдувалъ
могилъ сухой снѣгъ и серебряными, при лунн
свѣтѣ, вихрями поднималъ его на воздухъ. Од
изъ вихрей клубкомъ подкатился къ паперти и о
палъ ее ледяной мелкой пылью... Васильевъ очну
у ногъ его сидѣла маленькая худенькая женщина

мѣсяцъ ярко освѣщалъ ея золотые волосы и глубокіе глаза — она сжимала его руку своими крошечными ручками и говорила ему:

— Милый мой!

— Лидія! — вскричалъ Васильевъ, но теплая ручка легла на его уста.

— Тише! тише! — услыхалъ онъ ласковый шопотъ, — пусть молчаливо будетъ наше счастье! Слово гонитъ меня, я таю отъ звука. Цѣлуй, ласкай меня, но молчи... молчи!

И онъ почувствовалъ на своемъ лицѣ жаркое дыханіе, и нѣжные, тихіе, какъ въ прежніе, счастливые дни, поцѣлуи легли на его губы, глаза и щеки. Голова Васильева помутилась. Онъ молча сжималъ въ объятіяхъ Лидію и не помнилъ ни времени, ни мѣста, — ничего на свѣтѣ, кромѣ своего блаженства.

— Теперь говори! теперь все опасное минуло, теперь можно все говорить! Посмотри, какъ все измѣнилось вокругъ насъ!.. — звенѣлъ надъ его ухомъ серебряный лепетъ.

Васильевъ оглянулся, — и, точно, вокругъ все измѣнилось. Не было ни церкви, ни могилъ, ни снѣга — изъ всей, только что представлявшейся ему, дѣйствительности оставалась одна Лидія. Высокія сосны шумѣли; жаркій душный день парилъ лучами іюльскаго солнца; пахло хвоей и земляникой; подъ ногами, какъ коверъ, разстилался высокій зеленый пышный мохъ; красноголовый дятелъ гдѣ-то долбилъ носомъ сосновый стволъ, щеголъ заливался...

— Лидія! гдѣ мы? что со мной? — съ восторженнымъ волненіемъ спросилъ Васильевъ.

— Ты не узналъ? — ласково упрекнула Лидія.

— Постой... здѣсь, да именно здѣсь я сказалъ,

что люблю тебя, и ты дала мнѣ свое слово... Мы въ родныхъ мѣстахъ, мѣстахъ нашего перваго счастья!..

— И оно продолжится вѣчно, вѣчно! — отвѣтила Лидія, обвивая мужа руками.

— Здѣсь направо, — продолжалъ Васильевъ, оглядываясь, — шла тропинка къ твоей дачѣ. Мы тогда, рука въ руку, поднялись по ней и на полпути встрѣтили твоего отца и признались ему въ нашей любви... Гдѣ же теперь эта тропинка?

— Вотъ она!

И, слѣдя за рукою Лидіи, Васильевъ увидалъ тропинку, какъ разъ подъ своими ногами, но въ странномъ измѣнившемся видѣ; прямая, широкая и свѣтлая, какъ серебро, она поднималась почти отвѣсно, высоко-высоко, и чѣмъ выше, тѣмъ ослѣпительнѣе было ея сіяніе.

— Хочешь, пойдемъ по ней опять, какъ тогда? — прошептала Лидія, склоняя головку на плечо мужа.

— Пойдемъ! — твердо и рѣшительно отвѣтилъ Васильевъ.

* * *

Утромъ нашли его замерзшимъ на кладбищенской паперти. Лицо трупа было обращено къ небу; блаженная улыбка застыла на спокойныхъ чертахъ.

* * *

Да, Паклевецкій правъ: изумилъ меня дѣдушка Дмитрій Ивановичъ. Всю жизнь предъ людьми ходилъ, какъ въ панцырѣ ледяномъ. Даже мы близкіе, всѣмъ ему обязанные, имъ любимые, его любившіе, считали его изряднымъ таки сухаремъ. А, между тѣмъ, наединѣ съ самимъ собою, запершись въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, у письменнаго стола, онъ ока-

зывается плаксивѣйшимъ вдовцомъ, сантименталистомъ чистѣйшей воды и суевѣрно ищетъ медiума для общенiя съ мертвою женою, Твардовскаго, который показалъ бы ему его золотоволосую Лидiю, какъ королю Сигизмунду — Барбару Радзивиллъ. Потому что — ясное же дѣло: здѣсь автобiографiи не меньше, чѣмъ въ запискахъ тетки Ядвиги. Изучалъ Фейербаха, клялся Дарвиномъ, а требуетъ помощи отъ оккультической литературы. Теперь я знаю, почему сохранился и кому принадлежалъ полууставный листокъ семнадцатаго вѣка, съ совѣтомъ, какъ гипнотизировать себя Большою Медвѣдицею навстрѣчу съ любимымъ мертвецомъ: некромантическiй рецептъ таинственнаго существа въ повѣсти дѣдушки Дмитрiя Ивановича — почти дословный, переводъ! И „Natura Nutrix“ была дѣдушкѣ небезызвѣстна. Атомистическая философiя повѣсти — оттуда. Авторъ „Naturae Nutricis“ яркiй атомистъ. Особенно — въ главѣ о стихiйныхъ духахъ. Я читалъ ее намедни съ глубокимъ интересомъ современности. Эти стихiйные духи для среднихъ вѣковъ были совершенно точною замѣною нынѣшнихъ микроорганизмовъ: все физическое добро и зло — отъ нихъ, князей воздушныхъ. Вообще, видѣнiе дѣдушки — отчаянный плагiаторъ. Его „какой конецъ? конца въ мiрѣ не бываетъ“ — литературное воровство у старика Мефистофеля...

Vorbei! ein dummes Wort.
Warum vorbei?
Vorbei und reines Nichts —
Vollkommnes Einerlei!

27 мая.

Я не хорошо засыпаю въ послѣднее время — тяжело, смутно. Что-то душитъ за горло, подкаты-

ваетъ истерическимъ клубкомъ къ сердцу. Въ ушахъ сквозь сонъ, чуть-чуть и уныло звенитъ, какъ далекій стонъ молодыхъ лягушекъ, пока не убаюкаетъ меня... Я уже сплю, уже сны вижу, а все-таки чувствую, будто кто-то рѣетъ надо мною, дышитъ на меня и все звенитъ: — Зачѣмъ? зачѣмъ? зачѣмъ?

Не могу сказать, чтобы это ощущеніе чужого дыханія на кожѣ доставляло мнѣ удовольствіе; оно похоже на эпилептическую ауру... Но мнѣ уже тридцать семь лѣтъ. Падучая болѣзнь въ эти годы не проявляется — развѣ у алкоголиковъ. Такъ ни я, никто другой изъ нашей семьи никогда пьяницами не были... Посовѣтовался съ Паклевецкимъ. Онъ насказалъ мнѣ страстей. Спрашиваетъ:

— У васъ не бывало зрительныхъ галлюцинацій?

— Нѣтъ... обманы зрѣнія, иллюзорныя явленія, конечно, случались...

— И галлюцинаціи будутъ.

— Вотъ такъ обрадовали! На какихъ же основаніяхъ вы пророчите мнѣ этакую прелесть?

— На самыхъ простыхъ: вы слегка меланхоликъ, нервное разстройство пошло у васъ по периферіи, чувствительность всюду повышена, слѣдовательно, передачи мозговыхъ отправленій совершаются неправильно. То, что называется — психическая дистэзія. Ну-съ, при всѣхъ этихъ условіяхъ, да еще при вашемъ фантастическомъ настроеніи, къ переходу отъ иллюзорныхъ явленій до галлюцинацій очень недолго.

— Откуда вы взяли, что у меня фантастическое настроеніе? Напротивъ!

— А вы все разную чушь читаете, да разныя дива видите.

— Никакихъ дивъ я не видалъ... Богъ съ вами! А что до дѣдовскихъ книгъ, то, полагаю, научны...

интересъ къ нимъ не имѣетъ ничего общаго съ суевѣріемъ. Эта дрожь въ воздухѣ, этотъ стонущій звукъ, это дыханіе за моими плечами тревожатъ меня исключительно, какъ физическое явленіе — доказательство моего недомоганія. Я знаю очень хорошо, что все это происходитъ во мнѣ самомъ, а вовсе не внѣ меня. Я, панъ Коронатъ, бывалъ въ такихъ фантастическихъ передѣлкахъ, что если ужъ тогда не сдѣлался фантастомъ, то теперь и подавно не сдѣлаюсь. Нѣтъ, голубчикъ, лѣкарствица для тѣла вы мнѣ пропишите, пожалуй, а души не касайтесь: по этой части я самъ себѣ докторъ.

Глаза Паклевецкаго блеснули.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! — сказалъ онъ, потирая ладони, и принялся убѣждать, чтобы я не оставался одинъ, — „самъ съ собою" — какъ можно больше развлекался и бывалъ въ обществѣ...

— Покорнѣйше благодарю за совѣтъ! Но гдѣ я въ нашей глуши найду общество?

Онъ ухмыльнулся, подмигивая.

— А хоть бы у Лапоциньскихъ?.. Кстати, какъ здоровье вашей панны Ольгуси?

— Знаете, докторъ, — строго замѣтилъ я, — деревенская свобода допускаетъ много лишняго въ рѣчахъ, однако, и ей бываютъ границы.

Онъ залился своимъ обычнымъ неискреннимъ хохотомъ, хохотомъ безъ смѣха, при холодныхъ и серьезныхъ глазахъ:

— Ну, не буду, не буду! — слово гонору, въ послѣдній разъ! Однако...

Онъ пристально посмотрѣлъ на меня.

— При первомъ нашемъ разговорѣ о паннѣ Ольгусѣ вы не разсердились, а теперь вотъ какъ вспыхнули... Э-ге-ге-ге!

И онъ ударилъ себя ладонью по лбу: „Ахъ, молъ, я, телятина!“

Не уйми я его, онъ распространялся бы до безконечности. Скалить зубы, кажется, онъ еще большій мастеръ, чѣмъ лѣчить. А относительно обмана зрѣнія онъ правъ: глаза мои работаютъ неправильно. Сегодня, напримѣръ, когда онъ подошелъ къ моему письменному столу и оперся на него своими толстыми кривыми пальцами, я ясно видѣлъ, что мраморныя ручки затрепетали, какъ живыя, быстрою и сильною дрожью, точно отъ испуга...

— Видите, какъ онѣ ко мнѣ привязаны... Уже одно приближеніе человѣка, который хотѣлъ ихъ у меня отнять, заставляетъ ихъ дрожать.

Когда докторъ отшучивался, я понялъ, что напрасно сказалъ ему эти слова: тонъ его былъ непріятенъ... онъ, кажется, складываетъ всякую шутку въ сердцѣ своемъ, какъ колкость и злѣйшую обиду, и не мало уже накопилъ злости противъ меня.

1 іюня.

Давно ничего не записывалъ... Ольгуся меня совсѣмъ завертѣла. То — кататься верхомъ, то пикники, то гулянья, то Лавоцинькіе у меня, то я у нихъ. Вчера прилетѣла ко мнѣ верхомъ — одна, уже подъ вечеръ... Чтобы проводить Ольгусю до дома я велѣлъ осѣдлать „Карабеля“. Возвращаюсь съ крыльца въ столовую, — Ольгуся сидитъ блѣдная, въ глазахъ испугъ, а сама хохочетъ.

— Что съ тобою?

— Представь... вотъ глупость-то!.. перепугалась сейчасъ до полусмерти... вотъ даже не могу успокоиться, такъ бьется сердце...

— Да чего же, чего?

— Я хотѣла поправить шляпу, прошла въ гостиную... Тамъ уже сумеречно... И вдругъ вижу, будто мнѣ навстрѣчу идетъ женщина... Приглядываюсь: эта женщина, — я же сама... я какъ взвизгну, да бѣжать въ столовую... и только здѣсь, при свѣтѣ, сообразила, что у тебя тамъ трюмо во всю стѣну, и, стало быть, я струсила собственнаго своего отраженія!

Ольгусѣ тоже очень нравятся „ручки", я подарю ихъ ей въ день рожденія. Только надо обломанныя мѣста обдѣлать въ металлъ... Любопытно, что руки Ольгуси похожи на „ручки" какъ двѣ капли воды, развѣ — немного пухлѣе. А то даже окраска кожи напоминаетъ палевый мягкій мраморъ моей находки.

2 іюня.

Вотъ уже нѣсколько дней я живу подъ гнетомъ страннаго безпокойства, которое охватываетъ человѣка, когда кто-нибудь сосредоточенно и страстно о немъ думаетъ. Въ это я вѣрю, потому что много разъ испытывалъ на себѣ. Магнетическіе токи между людьми — сила, ждущая своего Вольта, Гальвани, Гельмгольца, чтобы выяснить законы ея такъ же логически просто, какъ теперь выяснены законы электричества. Телепсихозъ ничуть не болѣе невѣроятенъ, чѣмъ телеграфъ и телефонъ; а вотъ, говорятъ, теперь уже и телефоноскопъ изобрѣтенъ какимъ-то не то чехомъ, не то галичаниномъ. Способность къ нравственному общенію человѣка съ человѣкомъ на разстояніи свойственна, въ большей или меньшей степени, всѣмъ намъ: сейчасъ она — стихійная и, какъ все стихійное, проявляется лишь пассивно и случайно. Надо, чтобы изъ смутной, ин-

стинктивной она сдѣлалась опредѣленною, произвольною... и для такого превращенія и требуются Гельмгольцы и Гальвани. Любопытно, однако, — кто же это мучится — и гдѣ — участіемъ ко мнѣ и мучитъ меня вмѣстѣ съ собою?

Я послалъ телеграмму брату: нѣтъ, ничего... онъ здоровъ... и, занятый своими аферами, не сокрушался обо мнѣ больше, чѣмъ обыкновенно. Странно!..

Я много разъ замѣчалъ, что, когда долго и напрасно ломаешь голову надъ труднымъ вопросомъ, пытаясь разрѣшить его въ умѣ, и это не удается, — стоитъ написать этотъ вопросъ на бумагѣ, чтобы онъ сталъ болѣе легкимъ, и память подсказала быстрый отвѣтъ...

Сейчасъ — пока я писалъ эти строки — въ умѣ моемъ громко зазвучало искомое мною имя.

— Лала! Лала — и никто кромѣ нея.

Я тѣмъ больше увѣренъ въ этомъ, что у меня и мысли о ней не было еще за минуту передъ тѣмъ, какъ меня точно осѣнило ея именемъ.

Это Лала... Недавно она привидѣлась мнѣ во снѣ... грозила... предостерегала... Положимъ, что „когда же складны сны бываютъ?“ — однако, магнетическое вліяніе передается сонному человѣку сильнѣе, чѣмъ бодрствующему, и, если я теперь наяву чувствую на себѣ вліяніе моей далекой пріятельницы, то и сонъ мой, быть можетъ, былъ не спроста... Лала думаетъ обо мнѣ. Зачѣмъ? Почему ея „геній“ такъ долго не сообщался съ моимъ „геніемъ“ — и вдругъ вспомнилъ, стучится, заговорилъ? Ужъ не умираетъ ли она? Не умерла ли? Всѣ подобные телепатическіе зовы, явленія, пробужденія памяти, обыкновенно, сколько наблюдалось до сихъ поръ, бывали неразлучными спутниками и результатами

юслѣднихъ напряженій жизненной энергіи, флюидовъ, бостренныхъ и усиленныхъ въ предсмертной агоніи ли въ великой, жизни угрожающей, опасности.

Якубъ клянется, что въ мое отсутствіе въ кабинетѣ происходятъ странныя вещи: что-то двигается, шуршитъ бумагами; вчера онъ слышалъ изъ-за запертой двери три слабыхъ аккорда, взятыхъ на старинной гитарѣ, что виситъ на стѣнѣ — какъ украшеніе — ради своей рѣдкостной инкрустаціи. Мыши, конечно, — если только Якубу не приснилось. Самъ старикъ увѣренъ, что это шалости кого-либо изъ челяди, и грозитъ:

— Нехай поймаю бісовыхъ хлопцевъ! Якъ начну перты та мяты, будутъ воны мене поминаты!

5 іюня.

Пью cali bromatum, обтираюсь холодною водою, толку мало... Паклевецкій правъ: мои иллюзорныя ощущенія начинаютъ переходить въ галлюцинаціи. Сегодня утромъ я работалъ фейерверкъ для дня рожденія Ольгуси — пань ксендзъ Лапоцинській собирается справлять праздникъ на весь повѣтъ, — вдругъ, въ уголкѣ серебрянаго подноса, что лежалъ у меня на столѣ, заваленный всякою пиротехническою дрянью, я увидалъ, что сзади меня стоитъ, тихонько подкравшись, сама Ольгуся и смотритъ, черезъ плечо, на мою алхимію... Я, очень изумленный ея появленіемъ въ такую раннюю пору, оборачиваюсь съ вопросомъ:

— Откуда ты? Какими судьбами?

Но, вмѣсто Ольгуси, вижу лишь мутное розовое пятно, которое медленно расплывается кружками, какъ бываетъ, когда долго смотришь на солнце и потомъ переведешь глаза на темный предметъ...

Ольгуся тоже недомогаетъ сегодня. Всю ночь — жалуется — мучилъ ее тяжелый кошмаръ: мраморныя ручки, лежащія на моемъ письменномъ столѣ схватили, будто бы, ее за горло и душили, пока она готовая задохнуться, не вскрикнула и не проснулась — на полу, свалившись съ кровати. Сновидѣніе было такъ живо, что, даже открывъ уже глаза она видѣла еще передъ собою мельканіе мраморныхъ пальцевъ и слышала тихій голосъ:

— Отдай, отдай! Не смѣй брать мое!

Когда я сказалъ Ольгусѣ, что собирался подарить ей ручки, она даже перекрестилась:

— Чтобы я, послѣ такого сна, взяла ихъ къ себѣ въ комнату? Сохрани Боже! Да я ни одной ночи не усну спокойно...

Говорю ей:

— Это оттого, что ты много простокваши ѣшь на ночь.

— Что же мнѣ, изъ-за твоихъ ручекъ, отъ простокваши отказаться? Да когда я ее люблю!

Разсказалъ ей анекдотъ о Сведенборгѣ, какъ послѣ плотнаго ужина, узрѣлъ онъ комнату, полную свѣта, а въ ней человѣка въ сіяніи, который вопіялъ къ нему:

„Не ѣшь столь много!“

Но у женщинъ на все есть свои увертки. Говоритъ:

— А, можетъ быть, твой Сведенборгъ не простоквашей объѣлся?

И то резонъ.

Шумъ въ ушахъ продолжается. Только вмѣсто „зачѣмъ? зачѣмъ?“ — я теперь слышу другое:

— Жаръ-Цвѣтъ... Жаръ-Цвѣтъ... Жаръ-Цвѣтъ...

Это еще откуда?

6 іюня.

„... Qu'elle est belle! quelle douce prière luit dans
es yeux bleus qui me regardent á travers la brume
ıystique! Puissais-je ne pas remplir sa prière muette?
'uissent les forces et le savoir me manquer pour bri-
er sa prison de marbre? Non, je jure sur les roses...
стерто)... ntes à tes joues, fantôme chèri... (стерто)...
fleur fatale... (стерто)... à la vie, interrom...
стерто)... nellement".

„... Какъ она прекрасна! Съ какою нѣжною моль-
ою глядятъ на меня, сквозь мистическій туманъ, ея
иніе глаза! Неужели я не исполню ея нѣмой мольбы?
еужели у меня не хватитъ силъ и знанія разбить
мраморную темницу? Нѣтъ, клянусь розами...
а ланитахъ твоихъ, милый призракъ... роковой
вѣтокъ... къ жизни,—interrompue?—прерванной..."
что значитъ... nellement? Actuellement? cruellement?
ѣроятно, „interrompue cruellement — прерванной
естоко".

Этотъ странный отрывокъ, дешифрированный изъ
нижки Ивана Никитича Ладьина, доставилъ мнѣ се-
одня ксендзъ Лапоциньскій.

О чемъ говоритъ онъ? Почему меня взволновали
мныя, испорченныя, безумныя строки? Что за
ризракъ съ розами на щекахъ? Какой роковой
вѣтокъ? Какая мраморная темница? Чья жизнь
рервана жестоко?

Отчего — пока я, запершись въ кабинетѣ, чи-
лъ записку ксендза, мнѣ казалось, что я не одинъ
этой огромной комнатѣ, что кто-то, незримый,
ижется и трепещетъ въ ея — какъ будто сгущен-
мъ — воздухѣ? Передъ глазами точно сѣтка ко-
блется — сѣтка изъ mouches volantes... И этотъ

постоянный стонущій звонъ, молящій и вопросител-
ный, что гонится за мною съ той весенней ночи под
вишнями... откуда онъ?

8 іюня.

Одно изъ двухъ: либо я схожу съ ума, либо
наконецъ, дѣйствительно, охваченъ тѣмъ необыкно-
веннымъ міромъ сверхчувственнаго, доступа въ кото-
рый скептически, но страстно искалъ я всю жизн
свою и — потому что не находилъ его — думал
что его нѣтъ вовсе. Первое, конечно, правдоподоб-
нѣе, но... съ другой стороны...

Мой пульсъ, какъ твой, играетъ въ стройномъ тактѣ;
Его мелодія здорова, какъ въ твоемъ.

Мы встрѣтились, — мы, то есть я и розовая н
знакомка, — снова, среди яснаго полдня, въ вишн
вомъ садикѣ Лапоциньскаго. Ольгуся сидѣла рядом
со мною, смѣялась, поила меня кофе и намазыва
для меня на хлѣбъ янтарное масло, о которомъ о
такъ смѣшно говоритъ по-польски:

— To władstne!

Ксендзъ, поодаль, полулежалъ на скамьѣ, выт
нувъ свои старыя ноги, съ записною книжкою мое
прадѣдушки въ рукахъ: вчерашняя удача пришп
рила неугомоннаго шарадомана опять приняться
расшифровку ея, — и онъ безъ конца пробуе
надъ нею то одинъ ключъ, то другой. И въ это врем
когда, наклонясь къ уху Ольгуси, я шепталъ ей вс
возможныя нѣжныя глупости и смѣшилъ ее до упаду,
въ эту-то минуту изъ глубины вишневника выплы
розовое пятно, и предо мною встала другая Ол
гуся — такая же прекрасная, какъ сидѣвшая рядо
со мною, но лицо ея было худо и печально, а гла

смотрѣли прямо въ лицо мнѣ съ тоскою, упрекомъ, непонятною, но мучительною мольбою.

О, какое счастье, что я не трусъ и не фантастъ!

— Вотъ оно! начинается! — молніей мелькнуло въ моемъ умѣ, — обѣщанная Паклевецкимъ галлюцинація!

Я не вскрикнулъ, даже не измѣнился въ лицѣ. А она, вторая Ольгуся, оперлась на нашъ столъ своими нѣжными палевыми ручками. Я сразу узналъ ихъ: онѣ — тѣ самыя, что нашелъ я въ размытомъ курганѣ...

По спокойнымъ лицамъ панны Ольгуси — той живой Ольгуси — и ксендза Августа я видѣлъ, что они ничего не видятъ... А „она" все стояла и смотрѣла, пронизывая меня своимъ трогательнымъ взоромъ, чаруя и покоряя. И я поддался силѣ галлюцинаціи, — она была такъ жива, настолько наглядна, что я безсознательно, невольно, смотрѣлъ на это порожденіе оптическаго обмана, на этотъ „пузырь земли", какъ на реальное существо...

Тогда губы ея дрогнули, и воздухъ тоскливо зазвучалъ тѣмъ самымъ жалобнымъ стономъ, что неотвязно мучитъ меня по ночамъ.

— Кто вы? О чемъ вы просите? — невольно сорвалось съ моихъ губъ, — и въ тотъ же моментъ она пропала, растаяла въ воздухѣ... А живая Ольгуся расхохоталась.

— Я рѣшительно ни о чемъ не прошу васъ, графъ! Что съ вами? О комъ вы замечтались? Вы бредите наяву...

Я промолчалъ о своей галлюцинаціи. Ольгуся суевѣрна. А видѣть чей-либо двойникъ — есть повѣрье — нехорошо: къ смерти — тому, кого видятъ. А что... если не галлюцинація? Если...

Правъ Паклевецкій, тысячу разъ правъ: надо вытрясти изъ головы фантастическій вздоръ! Чортъ знаетъ, что лѣзетъ въ мысли... Я становлюсь суевѣренъ, какъ деревенская баба!

9 іюня.

Вчерашнее видѣніе не даетъ мнѣ покоя.

Возвратясь отъ Лапоциньскихъ, я долго сидѣлъ передъ своимъ письменнымъ столомъ, разсматривая таинственныя ручки... Я взвѣсилъ ихъ на ладони и былъ пораженъ, какъ онѣ легки сравнительно съ матеріаломъ, изъ котораго сдѣланы. И мнѣ чудилось, что онѣ становятся все легче и легче, дрожатъ и трепещутъ, и холодный мраморъ нагрѣвается въ моихъ горячихъ рукахъ... Не надо иллюзій! не поддамся новой галлюцинаціи!.. Призову на помощь весь свой скептицизмъ, буду анализировать трезво, холодно и спокойно...

Но анализъ-то получается неутѣшительный!

Что я видѣлъ?

Я видѣлъ прекрасный призракъ съ розами на щекахъ, съ синими глазами, полными грустной мольбы,— тотъ самый призракъ, что описалъ, подъ шифромъ, прадѣдъ Иванъ Никитичъ. Что же? Внушилъ онъ мнѣ эту галлюцинацію — изъ-за гроба, шестьдесятъ одинъ годъ спустя послѣ смерти, своею мистической болтовнею? Или, въ самомъ дѣлѣ, у насъ въ домѣ есть свое родовое привидѣніе, какъ бѣлая дама у Гогенцоллерновъ? и — за неимѣніемъ другого богатства — оно именно и перешло мнѣ въ наслѣдство. Такъ или иначе, но мы сошлись съ прадѣдомъ или на одной и той же галлюцинаціи, или на одномъ и томъ же призракѣ.

Допустимъ невозможное, т. е. призракъ. Если

призракъ, то — чей? Онъ — двойникъ Ольгуси. Закрыстьянъ Алоизій свидѣтельствовалъ, умирая, что Ольгуся — живое воплощеніе Зоси Здановки. Прадѣдъ говоритъ что-то о vie interrompue cruellement...

Смерть Зоси Здановки была насильственная. La prison de marbre... не намекъ ли это на статую и монументъ Зоси, уничтоженные, быть можетъ, еще на памяти дѣда, наслѣдниками графа Петра? Эти ручки, такъ похожія на руки Ольгуси...'

Какой же я простакъ? Какъ было не догадаться сразу, что случай далъ мнѣ открыть забытую могилу Зоси Здановки и обломки ея знаменитой статуи — той самой таинственной статуи, что, если вѣрить бреднямъ хлоповъ, стонала, плакала и бродила по ночамъ, какъ будто приняла въ себя часть жизни безвременно погибшей красавицы?

Бредни? Бредни? Однако — я не зналъ, по крайней мѣрѣ не помнилъ объ этихъ бредняхъ, когда встрѣтилъ розовую незнакомку — какъ разъ тамъ, гдѣ онѣ заставляли бродить мертвую Зосю, какъ разъ тамъ, гдѣ оказалась потомъ ея могила.

Странный розовый призракъ мелькнулъ мнѣ именно у кургана, откуда майскій ливень добылъ для меня этотъ странный розоватый мраморъ, такъ необычайно легкій, прозрачный и будто мягкій въ рукѣ.

Эти ручки — ручки Зоси Здановки, полтораста лѣтъ спящей въ землѣ. Я сжимаю ихъ и думаю о ней. Зачѣмъ приходила она къ прадѣду — такая же, какъ ходитъ теперь ко мнѣ, съ тѣмъ же выраженіемъ въ лицѣ, съ тою же мукою въ глазахъ?

Что долженъ онъ сдѣлать для нея? Чего не умѣлъ сдѣлать, чтобы успокоить ея страждущую тѣнь? „Briser la prison de marbre...“ разрушить

темницу или освободить изъ темницы?.. Fantôme chéri... Fleur fatale... при чемъ тутъ fleur fatale? Она ли — роковой цвѣтокъ, по поэтической метафорѣ прадѣда, или... Ба! А первый отрывокъ, дешифрированный ксендзомъ Августомъ? „Цвѣлъ 23 іюня 1823... цвѣлъ 23 іюня 1830... не могъ воспользоваться... глупо... страшно“... Не объ этомъ ли роковомъ цвѣткѣ идетъ теперь рѣчь? Что, если возстановить испорченный текстъ хотя бы въ такой формѣ:

„Je jure sur les roses, fleurissantes à tes joues, fantôme chéri, que je me procurerai de la fleur fatale et je te rendrai à la vie, interrompue si cruellement“.

Клятва безумная, но развѣ не безумно все, что совершается теперь вокругъ меня?

„Цвѣлъ 23 іюня 1823... 1830...“ и черезъ семилѣтній промежутокъ намѣченъ цвѣсти періодически до конца столѣтія. Текущій 1893-й годъ въ томъ числѣ. Такимъ образомъ, всего двѣ недѣли отдѣляютъ меня отъ тайны de la fleur fatale...

„Можетъ быть, кому-нибудь изъ потомковъ удастся, что не удалось мнѣ“ — пишетъ прадѣдушка, точно завѣщая мнѣ, своему преемнику по мистической жаждѣ, непонятную, но непремѣнную миссію. Ахъ, Иванъ Никитичъ! Богъ тебѣ судья, заморочилъ ты мою голову!

* * *

Вотъ уже вторая недѣля, что я стою одною ногою въ мірѣ дѣйствительности, другою — гдѣ-то за границею возможнаго... и за границу эту тянетъ меня, тянетъ ступить другою ногою. Я заперся дома, нигдѣ не бываю, никого не принимаю. Ольгуся пишетъ мнѣ письма, полныя упрековъ... Пускай! Не до нея...

* * *

Нѣтъ больше сомнѣній!

Я знаю теперь, кого я видѣлъ въ саду, кто заянулъ ко мнѣ черезъ плечо, когда я мастерилъ ейерверкъ для Ольгуси, кого встрѣтила Ольгуся ь гостиной, когда была у меня, — это Зося Здаовка.

Пишу это имя твердою рукою, потому что если аже я помѣшанъ, то помѣшанъ на ней. Ея имя — неподвижная идея, около которой вращаются мои ысли.

Вчера вечеромъ — когда меня, одинокаго, вновь кружилъ тотъ странный, густой, какъ будто полый незримой, но вѣской и тягучей матеріи воздухъ, го сталъ въ послѣднее время неизмѣннымъ спутниомъ моихъ размышленій, — я вдругъ, непостижимымъ экстазомъ, почувствовалъ, что какой-то могуй приливъ небывалыхъ силъ словно выхватилъ меня зъ земной среды и возвысилъ меня надъ нею таинвенною, сверхчеловѣческою властью. Взоръ мой алъ на мраморныя ручки Зоси... Я машинально однялъ ихъ со стола, крѣпко сжимая мраморъ, въ езсознательномъ восторгѣ.

Я чувствовалъ, что она, когда-то воплощенная ъ этомъ камнѣ, — здѣсь, возлѣ меня, что — стоитъ озвать ее, и она придетъ.

И я позвалъ ее...

Тогда отъ ручекъ пошли какъ будто лучи — ѣдные, бѣлесовато-палевые... воздухъ пропитался мъ мутнымъ броженіемъ, тою эѳирною зыбью, оторыя до сихъ поръ я считалъ обманомъ своего льного зрѣнія... Казалось, предо мною происхола какая-то полузримая борьба: что-то рвалось ко нѣ и что-то другое не пускало... Я понялъ, что лженъ напречь всѣ силы своей воли — и я позвалъ

Зосю: теперь я уже не сомнѣвался, что это Зося! — еще... и еще...

И она явилась...

А! теперь я понимаю прадѣда!

Она такъ несчастна! Когда я слышу ея стонъ, лицо ея искажается такимъ тяжелымъ и долгимъ страданіемъ, что сердце мое разрывается на части, что я, внѣ себя, готовъ хоть въ адъ — лишь бы понять и прекратить ея горе... лишь бы возвратить ей счастье и покой, о которыхъ она рыдаетъ.

Зависитъ ли это отъ меня? О, да, иначе — зачѣмъ бы именно мнѣ являлась она? Зачѣмъ я, а не любой изъ мужчинъ, любая изъ женщинъ околотка стали жертвами ея грустнаго присутствія? Зависитъ. Я читаю это въ ея голубыхъ, отемненныхъ слезами глазахъ. Она ищетъ въ правнукѣ — чего не сумѣлъ дать ей прадѣдъ.

Такъ выскажись же, чего ты ждешь? чего тебѣ надо? Не мучь и себя, и меня... Или не можешь? Не вольна? Тѣнь, достигшая матеріализаціи, но лишенная слова? Астральное тѣло, не осязаемое и беззвучное? Но безстрастное ли?

Вчера, когда она явилась, я задумался объ ея удивительномъ сходствѣ съ Ольгусею, и вдругъ — не узналъ ея: такъ гнѣвно вспыхнули ея глаза... Что значитъ этотъ гнѣвъ? Чѣмъ мѣшаетъ ей Ольгуся? Любитъ она меня, что ли, ревнуетъ? Да развѣ „тамъ“ есть любовь и ревность? А почему нѣтъ? Если вмѣстѣ съ тѣломъ не умираютъ другія человѣческія страданія, почему должны умереть эти?

Чтобы разбить „фантастическое настроеніе“, какъ выражается Паклевецкій, я схватилъ первую, попавшуюся подъ руку, книгу изъ библіотеки и сталъ чи-

тать, гдѣ открылась страница. Оказалось, Лермонтовъ. А что попалось, — не угодно ли?!

Коснется ль чуждое дыханье
Твоихъ ланитъ,
Моя душа, въ нѣмомъ страданьи,
Вся задрожитъ.
Случится ль, шепчешь, засыпая,
Ты о другомъ,
Твои слова текутъ, пылая,
По мнѣ огнемъ.
Ты не должна любить другого,
Нѣтъ, не должна:
Ты мертвецу святыней слова
Обречена.

Словно загадалъ!.. Нечего сказать, — утѣшительно!

* * *

Статуя... Мраморъ... Мраморъ не ходитъ, мраморъ не движется... Да. Но легенда о Пигмаліонѣ стара, какъ міръ, и ровесница скульптурѣ. Мраморная Діана, на палецъ которой молодой римскій патрицій надѣлъ кольцо свое, почла себя невѣстою и не допустила жениха своего быть мужемъ другой... Въ средневѣковомъ монастырѣ статуя Мадонны ожила, чтобы спасти грѣшную игуменью, увлеченную любовью въ бѣгство изъ обители... Каменный Гость...

Сказки, легенды, преданія, выдумки поэтовъ... Но когда „это"... я не знаю, что̀ „это"... стояло предо мною — нѣмое, живое, прекрасное — въ плачѣ и въ движеніи? И вѣтеръ вилъ золото кудрей, и рука опиралась на столъ, и ножки ступали по ковру...

Альбертъ Великій сдѣлалъ когда-то автоматъ прекрасной женщины. Когда статуя заговорила, Ѳома Аквинскій, въ ужасѣ, принялъ ее за дьявола и раз-

билъ палкою. Вошелъ Альбертъ, увидалъ и воскликнулъ, отчаянный:

— Ѳома! Ѳома! что ты сдѣлалъ? Ты разбилъ тридцать лѣтъ моей работы — тридцать лѣтъ жизни моей уничтожилъ ты, Ѳома!

Онъ умеръ съ горя по своей прекрасной движущейся статуѣ...

Я долженъ понять, долженъ догадаться, чего хочетъ отъ меня эта странная мертвая красавица, которая каждый день ходитъ ко мнѣ въ гости съ того свѣта, точно изъ сосѣдняго имѣнія, о чемъ молитъ меня ея скорбный, плачущій взоръ?..

Она нѣма... все еще нѣма... если губы ея шевелятся, въ ушахъ моихъ, какъ и въ первый день, когда я сознательно вызвалъ ее, раздаются лишь два слова:

— Жаръ-Цвѣтъ... Жаръ-Цвѣтъ...

И я попрежнему не знаю, она ли это говоритъ, или то звукъ не отъ нея самой, но воздухъ вокругъ нея плачетъ и стонетъ?

Жаръ-Цвѣтъ... Какое красивое слово Жаръ-Цвѣтъ... Какъ жизнь... Столько тепла и красокъ..

17 іюня.

Дикій и страшный день!

Она чуть-чуть было не заговорила...

Но прежде чѣмъ съ губъ ея вырвался хоть одинъ звукъ, вдругъ лицо ея исказилось ужасомъ и отвращеніемъ, она потемнѣла, какъ земля, опрокинулась на спину, переломилась, какъ молодая березка, и расплылась сѣрыми хлопьями, какъ дымъ въ сырой осенній день. А я услыхалъ другой голосъ — противный и уже, несомнѣнно, человѣческій:

— Здравствуйте, графъ... Что это за манипуляціи вы здѣсь продѣлывали?

На порогѣ кабинета стоялъ Паклевецкій.

— Какъ вы взошли? Кто васъ пустилъ? — крикнулъ я, будучи не въ силахъ сдержать свое бѣшенство.

— Ого, какъ строго! — насмѣшливо сказалъ онъ, спокойно располагаясь въ креслахъ. — Взошелъ черезъ дверь — вольно же вамъ не запираться на ключъ, когда заняты. А пустилъ меня къ вамъ Якубъ. Да вы не гнѣвайтесь: я — гость не до такой степени не кстати, какъ вы думаете.

— Сомнѣваюсь, — грубо крикнулъ я ему.

— Сомнѣніе есть мать познанія, — возразилъ онъ и вдругъ подошелъ ко мнѣ близко, близко...

— Такъ какъ же, графъ? — зашепталъ онъ, наклоняясь къ моему уху и пронизывая меня своими лукавыми черными глазами. — Такъ какъ же? Все Зося? А? Все Зося?

Если бы потолокъ обрушился на меня, я былъ бы меньше удивленъ и испуганъ. Я съ ужасомъ смотрѣлъ на Паклевецкаго и едва узнавалъ его: такъ было сурово и злобно его внезапно измѣнившееся, страшное, исхудалое лицо...

— Я не понимаю васъ, — пролепеталъ я, стараясь отвернуться.

— Ну, что притворяться, ваше сіятельство? — холодно сказалъ Паклевецкій. — Будетъ намъ играть въ темную, откроемъ карты... Рыбакъ рыбака видитъ издалека!

— Кто вы такой?

— Какъ вамъ извѣстно, — уѣздный врачъ Паклевецкій.

— Откуда же вы знаете?..

— А вотъ, представьте себѣ: знаю. А какимъ образомъ — не все ли равно вамъ?

— Вы подслушали меня или прочитали мои записки.

— Ну, вотъ! Зачѣмъ не предположить возможности, болѣе благородной и лестной для моего самолюбія? Зачѣмъ не предположить, что я — вашъ собратъ по занятіямъ тайными науками и, съ гордостью могу сказать, собратъ старшій — хотя и менѣе васъ откровенный, потому что ушелъ въ нихъ гораздо дальше васъ и могу вамъ объяснить тайны, о какихъ не смѣетъ даже грезить ваша мудрость.

Онъ важно взглянулъ на меня.

— Въ томъ числѣ и тайну Зоси... Вы напрасно ломали голову надъ хитрою механикою этого ларчика, открывается онъ очень просто. И вы же сами открыли его, но, по свойственному вамъ легкомыслію, позабыли, что открыли, и теперь ломитесь въ дверь, не замѣчая, что она отворена настежь...

— Объяснитесь... я не понимаю...

— Очень просто. Съ помощью вашего друга, лысаго ксендза Августа, вы разобрались въ заглавной книжкѣ Ивана Никитича Ладьина и, отдаю вамъ справедливость, очень искусно комбинировали разобранное. Когда вы добрались до идеи о Зосѣ, я вамъ апплодировалъ изъ моего прекраснаго далека, — даю вамъ честное слово.

Я молчалъ, совершенно раздавленный его властными словами: онъ зналъ все, видѣлъ и слышалъ все...

— Но вы немного забывчивы, — продолжалъ онъ. — Васъ сбилъ съ толку la fleur fatale... Какъ же было не припомнить той странички изъ „Natura Nutrix“, которую вы даже выписали въ свой дневникъ?

— Объ Огненномъ Цвѣтѣ?

— Ну, да. О таинственномъ тибетскомъ папо-

ротникѣ, открывающемъ человѣку тайну жизни. Именно онъ-то и есть la fleur fatale, котораго искалъ вашъ прадѣдушка, за которымъ ходила къ нему Зося, а теперь ходитъ къ вамъ...

— Но какое же отношеніе...

— Между Зосею и Огненнымъ Цвѣтомъ? Такое, что Зосю рано со свѣта сжили, Зося жить хочетъ, въ землю ей не охота, — съ непріятною улыбкою возразилъ онъ, — а Огненный Цвѣтъ — въ вашихъ рукахъ — можетъ вернуть ее къ жизни.

— Такъ ли, Зося? — спросилъ онъ вдругъ, насмѣшливо глядя въ уголъ кабинета.

И я весь затрепеталъ, когда хорошо знакомый голосъ — тотъ самый, что такъ много дней уже звенѣлъ въ ушахъ моихъ плакучею жалобою — отозвался тягучимъ, точно противъ воли, стономъ:

— Та... а... акъ!..

— Вы слышали! — самодовольно засмѣялся Паклевецкій, сдѣлавъ рукою размашистый жестъ шарлатана, удачно показавшаго новый фокусъ.

— А теперь, любезный графъ, когда я, кажется, достаточно кредитовалъ себя въ вашихъ глазахъ, какъ представитель практическаго оккультизма, позвольте немножко пуститься въ теорію... Что есть жизнь, графъ? Наука отвѣчаетъ намъ: жизнь есть сцѣпленіе частицъ космическихъ въ органическое тѣло, смерть — распаденіе этихъ частицъ. Кто владѣетъ Огненнымъ Цвѣтомъ, властенъ, по своему желанію, поддерживать тѣлесныя частицы въ постоянномъ сцѣпленіи, вызывать такое сцѣпленіе, когда ему угодно, — то есть жить и позволять жить другимъ, пока не надоѣстъ,—то есть вызывать къ жизни мертвыхъ въ той плоти, какъ ходили они нѣкогда по той землѣ,—то есть воскрешать и воскресать.

— Почему это? Какою силою?

Паклевецкій пожалъ плечами.

— Почему разбросанныя опилки желѣза прилипаютъ кистью къ куску магнита? Почему семь планетъ держатся въ равновѣсіи, притяженіемъ солнечнаго шара? Развѣ мыслимо задавать подобные вопросы? Вы признаете вѣдь магнетическія явленія въ животномъ мірѣ?

— Да.

— Вы знаете, что есть на земномъ шарѣ точки, есть въ природѣ условія, при которыхъ магнетическія явленія бываютъ особенно ярки и выразительны?

— Да.

— Ну-съ, такъ мѣсто, гдѣ растетъ Огненный Цвѣтъ, — именно такое мѣсто, и условія его цвѣтенія — наиболѣе благопріятное условіе для проявленія животнаго, то-есть атомистическаго, магнетизма. Вотъ и все.

— Но почему?

— А почему въ какой-нибудь смиреннѣйшей Курской губерніи вдругъ ни съ того, ни съ сего, дуритъ магнитная стрѣлка? Почему искони держится морская легенда, будто полюсы земли — колоссальныя скалы сильнѣйшаго магнита, притягивающія къ себѣ всѣ желѣзныя части кораблей, а потому и на вѣки-вѣчные недоступныя для мореплавателей? Огненный Цвѣтъ тянетъ къ себѣ рѣющіе въ міровомъ пространствѣ жизненные атомы, какъ магнитъ — желѣзныя опилки. Воля мастера, что сдѣлать изъ желѣзныхъ опилокъ. Воля магика, что вылѣпить изъ попадающихъ въ его распоряженіе атомовъ. Больше я ничего не могу вамъ сказать. Будь я шарлатанъ и сказочникъ, я бы могъ вамъ сообщить

что Огненный Цвѣтъ есть не иное что, какъ выродившіеся отпрыски древа жизни, ушедшаго въ землю, когда Адамъ и Ева внесли грѣхомъ своимъ смерть въ міръ... и тому подобныя средневѣковыя бредни.

— Да, — принужденъ былъ подтвердить я, — именно это утверждаетъ и „Natura Naturix."

— Вотъ видите. Это вамъ — лишнее доказательство моихъ знаній. Вамъ извѣстно, что я не читалъ этой книги и видѣлъ ее лишь изъ вашихъ рукъ.

— Если только, въ отсутствіе мое, не побывали въ моемъ кабинетѣ, — возразилъ я грубо и безцеремонно.

Онъ хладнокровно возразилъ:

— Почему же въ отсутствіе? Ваше присутствіе меня нисколько не стѣсняетъ. Если бы я хотѣлъ проникать въ ваши секреты... угодно вамъ — я прочту вамъ отъ слова до слова письмо отъ панны Ольгуси, которое вы только что получили и нераспечатаннымъ бросили въ ящикъ письменнаго стола? Дерево и стѣны двойному зрѣнію не помѣха...

Я, пораженный, разбитый, отступилъ. А онъ говорилъ, будто ни въ чемъ не бывало:

— Древо жизни, такъ древо жизни. Мнѣ все равно. Пускай. Но я жрецъ науки, а потому откровенно говорю вамъ: не знаю. Въ лабораторіи природы всегда остаются уголки, куда нашего брата, ни съ какимъ, даже Соломоновымъ, ключемъ въ рукахъ, все-таки не пускаютъ. Силу и законъ Огненнаго Цвѣта я вамъ объяснилъ: довольствуйтесь этимъ для практики, безъ теоретическихъ вопросовъ.

— Но почему я долженъ вамъ вѣрить? Мало ли какихъ волшебныхъ исторій и обобщеній изъ нихъ можетъ насоздать фантастически настроенный умъ! А, кажется, докторъ, — вы, который еще такъ

недавно упрекали меня въ фантастическомъ настроеніи ума, много опередили меня въ этомъ направленіи. Конечно, если только все ваше поведеніе сейчасъ не мистификація, если вы не морочите меня.

— Нѣтъ, я васъ не морочу. Да я и не требую, чтобы вы мнѣ вѣрили на слово. Провѣрьте своимъ опытомъ, посмотрите своими глазами, осязайте своими руками, — тогда и повѣрите!..

— Ну, это мудрено, — сердито усмѣхнулся я, — ѣхать въ Тибетъ мнѣ далеко и не по средствамъ.

— Да и не надо. Зачѣмъ въ Тибетъ? Послѣ теоріи, позвольте немножко исторіи. Вы можете наблюдать тайну Огненнаго Цвѣта, не выходя изъ Здановскаго парка.

— Какъ? Вы бредите, докторъ!

— Ничуть. Слушайте меня внимательно. Вашъ прадѣдъ Иванъ Никитичъ Ладьинъ былъ человѣкъ весьма крутой воли и весьма пылкаго воображенія. Онъ былъ пожалованъ Здановскимъ маенткомъ, когда память Зоси Здановки была еще совершенно свѣжа въ околоткѣ. Заинтересованный разсказами объ ея красотѣ и несчастной судьбѣ, о таинственномъ остаткѣ жизни, который сохраняла ея статуя, прежде чѣмъ уничтожили ее графы Гичовскіе, онъ влюбился въ память Зоси со всею пылкостью, свойственной этому фантастическому суровому мистику... Влюбился, какъ Фаустъ въ Елену. Онъ былъ человѣкомъ большихъ познаній и рѣдкой магнетической силы. Властью науки, переданной ему азіатскими мудрецами, онъ вызвалъ къ жизни внѣшнюю форму покойной Зоси, далъ ей способность являться людямъ, но — лишь на короткія мгновенія, какъ видите ее теперь и вы. Онъ не былъ въ состояніи

ни сдѣлать ея призракъ постояннымъ явленіемъ, ни одухотворить его: для этого ему нуженъ былъ Огненный Цвѣтъ. Онъ отправился въ Тибетъ. Опоздавъ къ цвѣтенію Огненнаго Цвѣта на мѣстѣ, онъ выкопалъ нѣсколько кустовъ драгоцѣннаго папоротника и съ величайшими предосторожностями перевезъ ихъ въ Россію, надѣясь, черезъ семилѣтній срокъ, овладѣть цвѣтомъ безъ новыхъ трудовъ и испытаній.

Странная улыбка заиграла на губахъ Паклевецкаго.

— Всю жизнь холилъ онъ это драгоцѣнное растеніе. Онъ имѣлъ счастье дважды въ семилѣтніе сроки наблюдать цвѣтеніе папоротника, но не сумѣлъ воспользоваться его чудесными свойствами и умеръ, не дождавшись третьяго расцвѣта. По смерти его, Здановъ запустѣлъ, оранжерея разрушилась, а Огненный Цвѣтъ, по невѣжеству садовниковъ, былъ выброшенъ въ паркъ, какъ простой и никуда негодный папоротникъ Но такъ какъ Огненный Цвѣтъ — неумирающее растеніе жизни, то онъ не пропалъ и... въ полночь съ 23 на 24 іюня, какъ это было разсчитано вашимъ прадѣдомъ и недавно вамъ открыто ксендзомъ Августомъ, Огненный Цвѣтъ загорится въ вашемъ Здановскомъ саду.

— Не можетъ быть.

— Если вы захотите видѣть, если вы послушаетесь Зоси Здановки, то сами убѣдитесь, что можетъ. Qui ne risque, ne gagne rien — авось, вамъ повезетъ больше, чѣмъ Ивану Ладьину. Подумайте: одно движеніе, одна минута могутъ сдѣлать васъ самымъ богатымъ, самымъ могучимъ человѣкомъ на земномъ шарѣ! Ни одинъ мудрецъ, ни одинъ властитель въ мірѣ не въ силахъ дать людямъ хоть крошечную долю счастья, которое вы получите: способность раз-

давать щедрою рукою восторги неисчерпаемыхъ богатствъ и неумирающаго бытія!

— Почему же прадѣдъ-то не воспользовался Огненнымъ Цвѣтомъ?

— Потому что между нимъ и цвѣткомъ становились могучія силы, столько же дорожащія Огненнымъ Цвѣтомъ и столько же ищущія обладанія имъ, какъ и человѣкъ...

— Господинъ докторъ, вы, кажется, серьезно желаете заставить меня повѣрить въ существованіе чертей и кикиморъ?

Дикая насмѣшка исказила черты Паклевецкаго.

— Графъ! За чѣмъ пойдешь, то и найдешь.

— То есть?

— Кто однажды увязъ въ тайныя науки, тотъ — съ какой бы стороны ни вошелъ въ нихъ — долженъ кончить вѣрою въ нечистую силу и непремѣнно придетъ къ ней.

— Я вожусь съ оккультизмомъ двѣнадцать лѣтъ и ни разу на пути моихъ изслѣдованій не встрѣтился съ надобностью въ вашей нечистой силѣ.

Паклевецкій состроилъ шутовскую гримасу:

— Да, но зато, быть можетъ, нечистая-то сила, за этотъ срокъ, получила въ васъ большую надобность. Чертъ не самолюбивъ. Если гора не идетъ къ Магомету, то Магометъ идетъ къ горѣ. Вы не пришли къ нечистой силѣ, такъ она пришла къ вамъ.

— Что вы хотите сказать этимъ?

— Какъ что? Вспомните Лалу и смерть Дебрянскаго. Посмѣете ли вы сейчасъ приписывать это мщеніе великихъ темныхъ силъ естественнымъ причинамъ? Послѣ того, какъ сами вы свидѣтель и очевидецъ, что существуетъ власть, поднимающая мерт-

выхъ изъ земли?.. Если вы вѣрите въ кроткую Зосю, то должны вѣрить и въ грозную Анну. Мечтаете о страдающемъ ангелѣ, признавайте и вампира.

Я молчалъ, подавленный. Онъ, торжествующій, продолжалъ:

— Силы эти встрѣтятъ и васъ, когда вы пойдете искать Огненный Цвѣтъ, и предупреждаю васъ: безъ моего участія съ вами случится то же самое, что съ вашимъ прадѣдомъ: вы утонете въ океанѣ дикихъ, чудовищныхъ галлюцинацій, физическій страхъ подавитъ вашу волю, и вы, ошеломленный, испуганный, бросите цвѣтокъ на жертву силамъ, которыя станутъ оспаривать его у васъ.

— Вы требуете доли въ моемъ будущемъ открытіи?

— Да, но доли скромной: удовлетворенія моего научнаго любопытства — и только. Видите ли, я имѣлъ бы право быть болѣе требовательнымъ, но не могу. Если я не покажу вамъ, гдѣ растетъ Огненный Цвѣтъ, вамъ, все равно, покажутъ его другія силы. Такимъ образомъ, я, какъ первый заговорившій съ вами откровенно объ Огненномъ Цвѣтѣ, просилъ бы у васъ лишь двухъ милостей: одна — чтобы въ поискахъ Огненнаго Цвѣта вы довѣрились одному мнѣ и никому, никому другому... другая — чтобы вы позволили мнѣ, первому, и — немедленно послѣ того, какъ Огненный Цвѣтъ очутится въ вашихъ рукахъ, — произвести съ нимъ нѣсколько опытовъ...

— Почему вы лично не ищете Огненнаго Цвѣта? — спросилъ я по нѣкоторомъ размышленіи. — Почему вы, зная, гдѣ это сокровище, и имѣя возможность овладѣть имъ нераздѣльно, уступаете его

мнѣ? Признаюсь, ваше великодушіе для меня мало понятно... Я бы не подѣлился.

Паклевецкій нахмурился.

— И я бы не подѣлился, если бы былъ въ силахъ взять его одинъ. Потому что — я больше васъ знаю, но не имѣю ни той духовной силы, ни той воли, какія требуются для этого дѣла. Вы прославленный храбрецъ, натура властная, выработанная многими поколѣніями повелителей. Ваша нервная сила выросла, ваши магнетическіе флюиды развиваются на почвѣ вѣковой наслѣдственности. Вы, сами того не подозрѣвая, природный магъ-аристократъ, а я — жалкая обывательщина, мѣщанскій оккультистъ-любитель, да, откровенно вамъ признаюсь, и трусоватъ. Словомъ, я себя провѣрилъ — и подвигъ мнѣ не силамъ. Вамъ, и только вамъ, можно докончить дѣло, начатое вашимъ прадѣдомъ... Согласны вы принять меня участникомъ?

— Извольте...

— Честное слово?

— Хорошо, пожалуй, хоть и честное слово. Къ научнымъ изслѣдованіямъ я не ревнивъ, а если вы, повторяю, не мистифицируете меня, и, дѣйствительно, Огненный Цвѣтъ обладаетъ такими удивительными золотоискательными качествами, то и къ богатству ревновать нечего: достанетъ на обоихъ!

— Клянусь вамъ: со временъ царя Хирама человѣкъ не имѣлъ въ рукахъ своихъ столько богатствъ, сколько получите вы!

* * *

Когда Паклевецкій оставилъ меня, я зарылся въ свои книги и возстановилъ въ памяти все, что когда-либо читалъ или слышалъ о Жаръ-Цвѣтѣ. Все тѣ

же угрозы, что по-латыни твердитъ мнѣ „Natura Nutrix“ и внушалъ сейчасъ Паклевецкій:

— Нечистая сила всячески мѣшаетъ человѣку достать чудесный цвѣтокъ; около папоротника въ ночь, когда онъ долженъ цвѣсти, лежатъ змѣи и разныя чудовища и жадно сторожатъ минуту его расцвѣта. На смѣльчака, который рѣшается овладѣть этимъ цвѣткомъ, нечистая сила наводитъ непробудный сонъ или силится оковать его страхомъ; едва сорветъ онъ цвѣтокъ, какъ вдругъ земля заколеблется подъ его ногами, раздадутся удары грома, заблистаетъ молнія, завоютъ вѣтры, послышатся неистовые крики, стрѣльба, дьявольскій хохотъ и звуки хлыстовъ, которыми нечистые хлопаютъ по землѣ; человѣка обдастъ адскимъ пламенемъ и удушливымъ сѣрнымъ запахомъ; передъ нимъ явятся звѣроподобныя чудища съ высунутыми огненными языками, острые концы которыхъ пронизываютъ до самаго сердца. Пока не добудешь цвѣта папоротника — Боже избави выступить изъ круговой черты или оглядываться по сторонамъ: какъ повернешь голову, такъ она и останется навѣки, а выступишь изъ круга, черти разорвутъ на части. Сорвавши цвѣтокъ, надо сжать его въ рукѣ крѣпко-накрѣпко и бѣжать домой безъ оглядки; если оглянешься — весь трудъ пропалъ: цвѣтокъ исчезнетъ.

Ну, если не больше того, — не весьма же изобрѣтательна въ страхахъ и ужасахъ нечистая сила!.. Среди дикарей я живалъ и въ кунсткамерахъ бывалъ. Землетрясенія испытывалъ, на Этнѣ, въ моментъ изверженія, былъ, на бизоновъ охотился, на мустангахъ среди воющихъ индѣйцевъ скакалъ. Страшными рожами и кошачьей музыкой меня не напугаешь. Выдержу.

23 іюня.

Сегодня ночью я буду обладать великою тайною жизни ... если только тайна эта существуетъ, если только мы оба, и я, и Паклевецкій, не сумасшедшіе, странно пораженные одновременно однимъ и тѣмъ же бредомъ. Или, — еще вѣроятнѣе, — если онъ не шарлатанъ, не дурачитъ меня, какъ средневѣковый мистагогъ простака-неофита. Но я не позволю издѣваться надъ собою. Если я замѣчу хоть тѣнь мистификаціи, я его убью... Я сказалъ ему это. Онъ только разсмѣялся. Значитъ, не боится, увѣренъ въ правдѣ своего знанія. Не о двухъ же онъ головахъ, чтобы шутить со мною! Кто я и каковъ я, ему слишкомъ хорошо извѣстно.

Меня смущаетъ одно. Вотъ уже три дня, какъ мы условились съ нимъ о поискахъ Огненнаго Цвѣта, и съ тѣхъ поръ я, кромѣ Якуба и Паклевецкаго, не вижу никого — ни живыхъ, ни мертвыхъ. Онъ точно ограду вокругъ меня поставилъ. Я окруженъ его атмосферою, какъ недавно былъ окруженъ атмосферою Зоси.

Я чувствую, что я весь подъ его вліяніемъ; что я никогда уже не остаюсь одинъ; что онъ всегда слѣдитъ за мною издалека — черезъ разстояніе, сквозь двери запертыя, сквозь каменныя стѣны, — постоянно стережетъ меня напряженною и властною мыслью, точно боится, что я обману его, убѣгу, струшу, поссорюсь съ нимъ... Это первое внушеніе, съ которымъ я не въ силахъ бороться.

Я потерялъ власть надъ духомъ Зоси. Я звалъ ее вчера, и она не пришла. Только гдѣ-то далеко-далеко раздался не то вздохъ, не то звонъ лопнувшей гитарной струны... скорбный... тяжелый...

Она здѣсь, но не смѣетъ показаться, точно запуганная. Отчего?.. Я чувствую въ ней рѣзкую антипатію къ Паклевецкому, это онъ причиною, что она удаляется отъ меня. Откуда эта антипатія? Вѣдь, безъ него я не зналъ бы, какъ помочь ей. Почему же она такъ печальна теперь, когда ея освобожденіе близко и непремѣнно? Почему она такъ страшно перемѣнилась въ лицѣ и исчезла, какъ дымъ, когда Паклевецкій засталъ ее въ моемъ кабинетѣ? Онъ принесъ мнѣ секретъ, какъ превратить ее изъ блуждающаго призрака въ матеріальное существо... онъ — ея благодѣтель, а, между тѣмъ, вмѣсто благодарности, сколько ужаса и отвращенія высказалъ ея умирающій взглядъ!..

Не напрасно ли я далъ ему свое слово? Не скрывается ли за помощью, имъ предложенной, какой-нибудь коварный умыселъ? Не можетъ быть! Если бы онъ затѣвалъ что-нибудь противъ меня, какая выгода показывать мнѣ цвѣтокъ жизни? Паклевецкій бываетъ у меня каждый день... По его рецепту, я тренирую себя къ поискамъ чудеснаго серіею рядомъ магическихъ обрядовъ, постомъ, заклинаніями. Когда что-нибудь кажется мнѣ черезчуръ глупымъ, онъ неизмѣнно повторяетъ мнѣ одну и ту же фразу:

— Вспомните Фауста въ кухнѣ вѣдьмы. Что дѣлать! Вы декламируете вздоръ, но безъ вздора этого нельзя! Должно быть, стихійные духи любятъ видѣть людей дураками и въ глупыхъ положеніяхъ.

Вѣжливъ онъ со мною, какъ никогда, до изысканности, услужливъ до лакейства. А я, какъ нарочно, „въ нервахъ“ и то-и-дѣло говорю ему непріятныя вещи. Онъ пропускаетъ ихъ мимо ушей съ такою кроткою покорностью, что мнѣ даже со-

вѣстно становится, но я положительно не въ силахъ владѣть собою.

Присутствіе этого человѣка для меня ядъ. Поскорѣе бы развязаться съ нимъ и затѣмъ указать ему порогъ, чтобъ не встрѣчаться болѣе никогда въ жизни!

24 іюня.

Еще нѣсколько минутъ, и я, быть можетъ, буду сумасшедшимъ... Мозгъ мой горитъ, — я собираю послѣднее мужество, послѣднія мысли, послѣднее присутствіе духа, чтобы набросать эти строки... кто найдетъ... пусть вѣритъ, или не вѣритъ, какъ хочетъ... мнѣ все равно!.. Признанія ли мистика, признанія ли сумасшедшаго, — для невѣра немного разницы!

Да! Онъ существуетъ! Я видѣлъ его, этотъ Огненный Цвѣтъ... онъ былъ въ моей рукѣ... и я не удержалъ его... не сумѣлъ, не смогъ удержать!

Мы съ этимъ... съ тѣмъ, кто назывался Паклевецкимъ, чье имя теперь я не въ силахъ произнести безъ трепета, проникли въ паркъ, къ тому самому размытому кургану.

Когда на кустѣ бураго папоротника, какъ пламя, сверкнула золотая звѣздочка Огненнаго Цвѣта, я хотѣлъ протянуть къ ней руку, но всѣ члены моего тѣла стали какъ свинцовые, ноги не хотѣли оторваться отъ земли, руки повисли, какъ плети.

— Что же вы? — слышалъ я гнѣвный шепотъ надъ моимъ ухомъ. — Рвите же! Рвите, пока не поздно. Вѣдь, онъ и пяти секундъ не цвѣтетъ: сейчасъ осыплются листики, вы прозѣваете свое счастье!

Я сдѣлалъ надъ собою страшное усиліе, но таинственныя путы продолжали вязать меня по рукамъ и

ногамъ! Мнѣ чудился чей-то мрачный смѣхъ, какія-то безобразныя рожи кивали мнѣ изъ сумрака. Я не боялся ихъ, — я только сознавалъ, что это онѣ враждебнымъ магнетизмомъ своихъ глазъ парализуютъ мою волю, и что мнѣ не одолѣть ихъ вліянія — оно сильнѣе человѣка.

Тогда Паклевецкій, топнувъ ногою, съ яростью пробормоталъ нѣсколько словъ, и рожи исчезли: по ту сторону цвѣтка, озаренная его отблескомъ, — выросла Зося... Ея взглядъ, испуганный и ждущій, оживилъ меня... „Спаси! Дай мнѣ жизнь! Не бойся никого и ничего! Ты господинъ этой минуты!" — прочелъ я въ ея страдальческой улыбкѣ. Я забылъ страшныя рожи, забылъ Паклевецкаго, недавняя свинцовая тяжесть свалилась съ моихъ плечъ. Я схватилъ цвѣтокъ, земля затряслась подъ моими ногами, и я почувствовалъ вдругъ, какъ нѣкая непостижимая сверхъестественная сила льется въ меня, и я расту, расту, и нѣтъ уже могучѣе меня никого на свѣтѣ!.. Я видѣлъ свѣтло, какъ днемъ, въ глубокую полночь. Земля и всѣ предметы на ней стали прозрачными, какъ хрусталь. Зося радостно протягивала ко мнѣ руки. Зося звала. Я шагнулъ къ ней... Паклевецкій схватилъ меня за руку:

— Стойте! — повелительно сказалъ онъ. — Прежде всего, исполните условіе: вы дали слово уступить мнѣ первый опытъ надъ Огненнымъ Цвѣтомъ.

— Да, ваша правда, — сказалъ я, и готовъ былъ уже передать ему цвѣтокъ, когда взглянулъ нечаянно на Зосю: мгновеніе тому назадъ радостный, взоръ ея былъ снова полонъ ужасомъ и отчаяніемъ. Казалось, она предостерегала меня. Я пристально посмотрѣлъ въ глаза Паклевецкаго и прочелъ въ нихъ

тревожное и злобное ожиданіе, — взглядъ хитраго коршуна, готоваго ринуться на добычу. Онъ вдругъ сталъ мнѣ ясенъ...

— Я не дамъ вамъ цвѣтка, — сказалъ я, отступая отъ него.

— Что это значитъ? Вы съ ума сошли?—глухо отозвался онъ, слѣдуя за мною.

— Я не дамъ цвѣтка, пока вы не объясните мнѣ, зачѣмъ онъ вамъ и кто вы такой, — продолжалъ я.

Онъ все бормоталъ:

— Это безчестно!.. Развѣ такъ держатъ честное слово? — и тянулся къ цвѣтку.

Я спокойно отстранилъ его лѣвою рукою, а правою высоко поднялъ цвѣтокъ надъ головою, такъ что пламенный отблескъ его упалъ на злобное лицо доктора.

— Я понялъ васъ, — сказалъ я. — Я не знаю, кто вы именно, но вы причастны къ той злой силѣ, что оспариваетъ у человѣка власть надъ Огненнымъ Цвѣтомъ, власть надъ жизнью и смертью. Вы знали, что меня нельзя запугать никакими страхами, и потому рѣшились вырвать у меня цвѣтокъ обманомъ... Вы помогали мнѣ, чтобы предать меня и отнять у меня мою добычу!..

Онъ съ хриплымъ крикомъ ярости бросился на меня.

— Цвѣтокъ! цвѣтокъ! Отдай цвѣтокъ! — рычалъ онъ, — вотъ уже сорокъ девять лѣтъ, какъ я стерегу этотъ цвѣтокъ и не уступлю его тебѣ, мальчишкѣ...

— Прочь, гадина!

Онъ лѣзъ на меня со свирѣпымъ лицомъ, въ немъ не было уже ничего человѣческаго. Но я не

боялся. Я чувствовалъ себя сильнѣе этого безобраз-
наго существа, охватившаго меня своими цѣпкими
лапами... Онъ уже обезсилѣвалъ... Я напрягся,
чтобы послѣднимъ усиліемъ свалить его на землю...
И вдругъ, въ одно мгновеніе ока, онъ сдѣлался
въ моихъ рукахъ тонкимъ и высокимъ, какъ шестъ.
И — когда, не встрѣчая сопротивленія въ его тѣлѣ,
я споткнулся и, едва удержавшись на ногахъ, въ
изумленіи неожиданности глянулъ вверхъ — вмѣсто
знакомаго лица моего врага на меня съ шипѣніемъ
оскалились три змѣиныя головы съ янтарными гла-
зами...

Я позабылъ о цвѣткѣ, дрожащемъ въ моихъ паль-
цахъ, — и думалъ только о самозащитѣ. Я схва-
тилъ чудовище за его длинную шею, и въ это время
золотая звѣздочка мелькнула передъ моими глазами:
это упалъ на землю Огненный Цвѣтъ и разсыпался
кучею золотыхъ лепестковъ, вновь поколебавъ землю
точно вулканическимъ ударомъ.

И въ тотъ же мигъ все пропало: и чудовище,
и звѣздочка, и Зося... Паркъ былъ теменъ и пустъ...
Бурый папоротникъ уныло качался подъ ночнымъ
вѣтромъ... Мнѣ чудились далекіе стоны и грубый
язвительный хохотъ... Я понялъ, что все потеряно:
я не выдержалъ испытанія. И вотъ — возвратясь, я
сижу теперь одинъ со своими мыслями и спѣшу за-
нести ихъ на бумагу, потому что стыдъ, гнѣвъ сво-
дятъ меня съ ума. И, кромѣ стыда и гнѣва, еще
сомнѣніе: не сномъ ли сплошнымъ, не рядомъ ли
галлюцинацій была въ послѣдніе дни моя жизнь. Я
написалъ, что тороплюсь записать прежде, чѣмъ сойду
съ ума... а, можетъ быть, я уже сошелъ давно?
Но такъ или иначе, было или не было все, что я,
казалось мнѣ, пережилъ, — я переживалъ это на-

столько ярко, что яркостью этою заслонилась вс
моя прежняя жизнь... И черезъ семь лѣтъ... через
семь лѣтъ... онъ, таинственный Огненный Цвѣть
опять засіяетъ въ Здановскомъ паркѣ своими радуж
ными красками, подобный падучей звѣздѣ, скатив
шейся въ темную ночь... О, если я только не умру
если только безуміе не прикуетъ меня къ одинокоі
кельѣ, мы еще поборемся!.. И уже въ другой раз
я не останусь побѣжденнымъ!.. Прости меня, Зося
Прости и жди! — не отчаявайся: будетъ и на нашеі
улицѣ праздникъ!.. И вѣрь мнѣ: онъ недалекъ, не
далекъ, недалекъ...

Его сіятельству
Викентію Павловичу Гичовскому.
Въ Москву.

27 іюля Anno Domini 1893
Заборье.

Ваше сіятельство! Спѣшу увѣдомить васъ, чт
болѣзнь брата вашего, всѣми нами обожаемаго граф
Валерія, приняла въ послѣднее время вполнѣ благо
пріятное теченіе. Воспаленіе мозговыхъ оболочекъ
которое разрѣшилось уже извѣстнымъ вамъ острым
припадкомъ помѣшательства, прошло безслѣдно, бла
годаря могучей натурѣ его сіятельства графа Валері
и искусству вызванныхъ нами изъ Кіева врачей. В
настоящее время графъ еще очень слабъ, но раз
суждаетъ уже совершенно разумно. Болѣзнь сво
онъ объясняетъ тѣмъ, что, — уже заранѣе пред
расположенный къ ней нервнымъ переутомленіемъ
въ результатѣ безпокойной жизни своей, полно
безплодными трудами и приключеніями, — поддалс
опасному обаянію мистическихъ сочиненій и нѣкото

ыхъ, увлеченныхъ ими, людей. Какъ „никто безнаказанно не гуляетъ подъ пальмами“, такъ не проходитъ никому даромъ странствіе въ дремучіе лѣса айныхъ наукъ, воспрещенныхъ не только Божественною волею, но и здравымъ смысломъ человѣескимъ. Придя къ убѣжденію въ болѣзненности воихъ недавнихъ мечтаній, графъ Валерій на-дняхъ сердно просилъ меня передать нашему уважаемому ѣздному врачу, пану Коронату Паклевецкому, вамъ ебезызвѣстному, свое искреннѣйшее извиненіе въ омъ, что долгое время былъ несправедливъ къ этому очтенному и мудрому человѣку и, въ анормальной одозрительности своей, даже почиталъ его, прости осподи, за діавола, врага душъ человѣческихъ, поему и совершилъ на жизнь его уже извѣстное амъ прискорбное покушеніе въ здановскомъ паркѣ, ъ ночь съ 23 на 24 іюня. Къ прискорбію моему, олю графа я исполнить не могу, такъ какъ на той е самой недѣлѣ, какъ заболѣлъ графъ Валерій, и два оправившись отъ нанесенныхъ ему послѣднимъ, ъ припадкѣ, побоевъ, Паклевецкій уѣхалъ изъ наего повѣта по дѣламъ своимъ въ городъ Астраань, и, гдѣ сейчасъ находится, неизвѣстно. Но слышно, то въ наши края онъ, ко всеобщему большому соалѣнію, не возвратится, прислалъ прошеніе объ тставкѣ, и на его мѣсто уже назначаютъ къ намъ ругого врача. Смѣю васъ увѣрить, что панъ Паевецкій не сохранилъ противъ графа Валерія никого зла и даже очень горевалъ, что дѣла, отзыющія его, не позволяютъ ему лично наблюдать за ѣченіемъ нашего дорогого больного. По его мнѣю, болѣзнь графа началась уже очень давно. Въ ослѣднее же время передъ рѣшительнымъ припадомъ, какъ полагаетъ панъ Паклевецкій, графъ Ва-

лерій, сохраняя наружность нормальнаго человѣк на самомъ дѣлѣ былъ совершенно невмѣняемъ, и жилъ и чувствовалъ себя не въ дѣйствительном мірѣ, но въ искаженномъ иллюзіями и галлюцин ціями, которыя создавалъ, обуянный назрѣвающим недугомъ, мозгъ. Графъ видѣлъ и слышалъ уже то, что проходило предъ нимъ въ дѣйствительност и что ему говорили, а только что хотѣлъ и позв лялъ видѣть и слышать больной мозгъ, совершенн закрывшійся для прямыхъ внѣшнихъ впечатлѣній принимавшій ихъ лишь въ дикихъ извращеніях Всѣ его видѣнія и звуки рождались въ немъ самом изъ воспоминаній и старыхъ впечатлѣній и пріобр тали надъ нимъ власть и силу страшной повел тельности. Такъ то, въ ложныхъ представленіях графа, панъ Паклевецкій сталъ, съ нами будь крес ная сила, чертомъ, а мою племянницу, панну Ол гусю Дубеничъ, графъ началъ, въ одинъ печальн день, совершенно серьезно принимать за Зосю Зд новку, извѣстную вамъ, конечно, героиню фамильн легенды вашего, графовъ Гичовскихъ, дома. Хуж всего, что всѣ мы долго не умѣли разсмотрѣть в странностяхъ графа серьезнаго заболѣванія, предп лагали просто, что онъ шутитъ и играетъ фантаст ческую роль забавы ради, и потакали ему въ е настроеніяхъ. Панъ Паклевецкій, несмотря на т что пострадалъ въ схваткѣ съ графомъ, считае очень счастливымъ случаемъ, что, въ моментъ рѣш тельнаго припадка, былъ съ графомъ именно он уже болѣе или менѣе приготовленный къ возможн сти катастрофы предварительнымъ наблюденіемъ, не какой-либо ничего не ожидавшій и не подозр вавшій человѣкъ, хотя бы я, напримѣръ, которы въ ошеломленіи предъ внезапнымъ безуміемъ граф

е успѣлъ бы и защититься. Вѣдь бѣшеная вспышка рафа началась внезапно и всего лишь съ того, что анъ Паклевецкій, гуляя съ нимъ ночью въ здановкомъ паркѣ, замѣтилъ, какъ онъ срываетъ и нюаетъ бѣлые цвѣты, и позволилъ себѣ предостеечь его:

— А вотъ этого, графъ, кажется, не слѣдовало ы дѣлать. Дайте-ка мнѣ сюда взглянуть, какіе у асъ цвѣты. Едва ли это не белладонна, дурманъ...

Едва докторъ произнесъ эти слова, какъ графъ абросился на него съ бѣшенымъ крикомъ и сталъ аносить ему жестокіе удары. Онъ навѣрное задуиилъ бы доктора, если бы Паклевецкій, на мгновеніе ырвавшись изъ его рукъ, не догадался скрыться въ емный ровъ, гдѣ и просидѣлъ до тѣхъ поръ, пока езумный, потерявъ его, не убѣжалъ, съ плачемъ и оплями, голося о какихъ-то змѣяхъ, огненномъ вѣтѣ, дьяволахъ, Зосѣ-Здановкѣ, назадъ, въ плацъ... Несчастный докторъ, сильно избитый и шеломленный паденіемъ, пролежалъ болѣе часа, удучи не въ силахъ выбраться изъ балки и призыая крикомъ себѣ на помощь. Лишь съ разсвѣтомъ далось ему выползти, добраться до палаца и оповѣстить стараго Якуба о всемъ, что произошло. огда люди бросились въ кабинетъ и нашли графа алерія на полу, лежащимъ безъ чувствъ, рядомъ съ невникомъ, который вамъ препровожденъ ранѣе. е могу не прибавить съ гордостью о пользѣ, присенной графу, въ болѣзни его, уходомъ и забоми племянницы моей панны Ольги Дубеничъ, нахоившейся неотлучно при одрѣ страданій его сіятельва. Графъ просилъ меня разрѣшить Ольгусѣ соровождать его, въ качествѣ сестры милосердія, въ едстоящемъ ему путешествіи на итальянскія купа-

нія. Если вы, ваше сіятельство, не усмотрите въ этомъ ничего неугоднаго или предосудительнаго, то и я, съ своей стороны, почту долгомъ исполнить желаніе больного, горячо поддерживаемое и племянницею моей, къ графу Валерію искренно привязанною...

За симъ, ожидая милостивыхъ распоряженій вашихъ, поручаю себя благосклонности вашего сіятельства и, любя васъ во Христѣ, пребываю смиреннымъ молитвенникомъ вашимъ и вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою

нижайшій Августъ Лапоциньскій, викарій здановскій и заборскій.

1895.

Конецъ.

рУИ

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Zhar-tsviet; fantasticheskJii r
891.7342 A514Z
D903567962